

Впервые на русском языке

СТИВЕН ХАНТЕР

ВТОРОЙ
САЛАДИН

ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЦРУ

Стивен Хантер

Второй Саладин

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159742

Стивен Хантер. *Второй Саладин*: Эксмо, Домино; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23845-3

Оригинал: Stephen Hunter, "The Second Saladin"

Перевод:

И. Тетерина

Аннотация

1982 год. Группа наркокурьеров при незаконном переходе границы между Мексикой и США расстреливает пограничный патруль. Сотрудники американских спецслужб обнаруживают на месте трагедии гильзы от «скорпиона», пистолета-пулемета, использовавшегося курдами во время секретной операции ЦРУ на севере Ирана по уничтожению курдских повстанцев. Тогда бесследно исчезли несколько секретных агентов, и вот теперь, ровно семь лет спустя, расследование инцидента на американско-мексиканской границе выводит на след одного из них. Тем временем в ЦРУ поступает информация, что на территорию США проник известный курдский террорист и целью его визита является месть бывшему госсекретарю США.

Содержание

Признательность	6
Глава 1	8
Глава 2	31
Глава 3	50
Глава 4	69
Глава 5	90
Глава 6	93
Глава 7	107
Глава 8	116
Глава 9	145
Глава 10	152
Глава 11	163
Глава 12	168
Глава 13	179
Глава 14	193
Глава 15	206
Глава 16	227
Глава 17	233
Глава 18	239
Глава 19	245
Глава 20	261
Глава 21	286
Глава 22	302

Глава 23	310
Глава 24	320
Глава 25	324
Глава 26	332
Глава 27	347
Глава 28	354
Глава 29	363
Глава 30	374
Глава 31	388
Глава 32	394
Глава 33	400
Глава 34	409
Глава 35	414
Глава 36	425
Глава 37	434
Глава 38	442
Глава 39	449
Глава 40	470
Глава 41	473
Глава 42	477
Глава 43	499
Глава 44	507
Глава 45	515
Глава 46	528
Глава 47	539
Глава 48	545

Глава 49	555
Глава 50	565
Глава 51	575
Глава 52	579
Глава 53	586
Глава 54	603
Глава 55	628
Глава 56	655
Глава 57	661

Стивен Хантер

Второй Саладин

Признательность

Автор хотел бы поблагодарить огромное множество друзей за помощь в подготовке рукописи. Майкл Хилл и Джо-зеф Фанцоне-младший щедро делились со мной своим временем и интересными идеями. Равно как и Чарлз Хазард, Джек Доусон, Уэйн Хенкель, Ричард Хейджман, Тимоти Хантер, Вирджиния Хантер, Том и Бонни Хэслер, Аллен Пикок, Ник Йенгич, Лен Миллер и Дэвид Петцель. Советы редактора, Марии Гурначелли, оказались, как всегда, неоценимыми, как и советы моего агента, Виктории Гуд Прайор. Моя жена, Люси, которой я и посвящаю эту книгу, взвалила на себя всю рутину и тем самым дала мне возможность писать каждый вечер; уже за одно это она заслуживает медали, не говоря уж о том, что ей причитается за то, что она меня терпит. Не забыть бы поблагодарить и трех друзей по писательской конференции «Брэд лоаф»: Энн Истман, Пейдж Эдвардс и Стива Кори, которые нянчились со мной на протяжении всех чтений.

И наконец, отдельное спасибо Маргарет Кан, Ханним, – автору «Детей джинна», одной из немногих американцев, ко-

торые встречались с курдами на их условиях, – за прочтение и замечания к рукописи.

Мы – самоотверженные борцы,
Народные герои,
Львы смутных времен.
Мы пожертвуем всем, что имеем,
Даже собственными жизнями,
Для освобождения Курдистана.
Наша месть обрушится
На головы виновных,
Тех, кто пытался
Уничтожить курдский народ.
Пусть это станет уроком
Бесчисленным поколениям,
Что будут жить после нас.

Гимн курдских повстанцев

Неужто в старых добрых Штатах
И впрямь еще остались ковбои?

Лэйси Дж. Далтон

Глава 1

Рейнолдо Рамирес, человек по меркам своего времени и окружения довольно преуспевающий, полагал, что разучился удивляться. Его широко расставленные темные глаза невозмутимо взирали на мир с невозмутимого смуглого лица – лица ацтека, индейца, крестьянина, бандита, ибо он являл собой все это сразу, – и ничто в его внушительной фигуре не выдавало ни способности изумляться, ни, если уж на то пошло, безрассудства, ни сострадания. Чего только не повидал он на своем веку: ему доводилось убивать в поножовщине и в кулачном бою, дважды получать пулю, четырежды – удар ножом. Трижды он был женат и нажил одиннадцать детей, из которых к настоящему времени в живых осталось семеро. Отсидел в трех тюрьмах шесть лет в общей сложности и в свои сорок четыре года твердо стоял на ногах и без опаски смотрел в будущее, как и подобало владельцу «Эль паласьо», бара и борделя на улице Буэнос-Айрес в мексиканском городке Ногалес у самой границы с Аризонай.

И все же, бог свидетель, Рейнолдо Рамирес был изумлен.

Он сидел в «Эль паласьо» в обществе своего компаньона, вечно улыбающегося Оскара Месы, за неизменным первым столиком в сторонке от бара, и его одолевало ощущение, что привычный миропорядок трещит по всем швам. Однако он не подавал виду и все так же продолжал разглядывать чело-

века, стоящего перед ним.

Он был похож на типичного американца. Мускулистый. Загорелый. Горбоносый. В светлых голубых джинсах. За темными очками нельзя было уловить выражение его глаз, но чувствовалось, что он явно начинает терять терпение.

Впрочем... Было в нем нечто такое, что отличало его от обычных бесцеремонных, назойливых, говорливых и портящих воздух гринго – достоинство, которое Рамирес ценил в мире превыше всего, ибо с таким трудом взрастил в себе собственное.

– А почему бы вам просто не сделать два шага по улице и не пройти через пропускной пункт? – осведомился по-английски Оскар Меса.

Вести подобные переговоры входило в его обязанности.

– Это же проще простого. По десять тысяч раз на дню делается. Раз – и вы за границей. В распрекрасной Америке. Зачем докучать нам противозаконными предложениями?

Оскар с улыбкой обернулся к Рамиресу.

– А почему бы вам просто не ответить на мой вопрос? – спросил американец. Или якобы-американец.

Он был высок, волосы – светлые, выгоревшие на ярком солнце, да и глаза, подумалось Рамиресу, хоть и скрыты за темными очками, судя по цвету кожи, должны быть голубыми.

Соломенные волосы и голубые глаза – ну чем не американец?

– Оно опасное, – заметил Оскар, – это путешествие, которое вы предлагаете. Это будет стоить денег.

– У меня есть деньги.

– Так вы – человек богатый? Гм. Интересно, с чего бы богатому человеку...

– Ближе к делу.

Оскорбленный в лучших чувствах, Оскар отшатнулся. Он просто поддерживал разговор. Оскар всегда пытался поддерживать разговор.

– Ну ладно. Три сотни долларов, наличными. Кредитные карты не принимаем.

Довольный собственной шуткой, Оскар с улыбкой посмотрел на Рейнолдо.

– Две сейчас. Еще сотню завтра утром, когда уже будете в Лос-Эстадосе, целый и невредимый.

– Мальчишка сказал, что это обойдется в сотню.

– Мальчишки врут, – парировал Оскар Меса. – Это закон. Когда я был мальчишкой, я тоже врал. Все время, во всем.

Он снова рассмеялся.

– Забудьте, что наговорил вам этот мальчишка.

На лице якобы-американца не дрогнул ни один мускул.

– По-моему, вы недовольны, – заметил Оскар Меса. – Мы хотим, чтобы вы были довольны. Присаживайтесь. Оглянитесь, пропустите стаканчик, развлекитесь с девочками – у нас тут есть хорошенькие и не слишком дорогие, хотя вы утверждаете, что богаты. Обдумайте все как следует. Вам на-

до научиться расслабляться. Мы хотим, чтобы вы были довольны. Мы что-нибудь придумаем.

Лицо незнакомца за стеклами очков оставалось бесстрастным.

– Мне нужны гарантии.

– Жизнь слишком коротка, чтобы раздавать гарантии, – пожал плечами Оскар. – Может, нам поднять цену до четырехсот? До пятисот, тысячи? Мне начинает надоедать эта говорильня. Я не могу гарантировать то, над чем не властен, а я не властен над судьбой.

– Гарантии, – повторил незнакомец.

– Я сказал, никаких гарантий. Вы что, плохо слышите, мистер?

Рамирес наконец подал голос.

– Один раз из двадцати непременно попадешься, мистер. Такова статистика. Можно тридцать восемь раз проскочить, а потом два раза подряд загореться. А можно два раза подряд попасться, а потом тридцать восемь раз пронесет. Но один из двадцати... Тут я бессилен. Сам Господь Бог тут бессилен. Это закон.

– Мотайте себе на ус, мистер, – кивнул Оскар. – Это железный закон.

– Уберите отсюда этого недоумка, – приказал незнакомец Рамиресу. – Он вызывает у меня желание сделать ему больно.

– Вот я вам сейчас покажу «больно», мистер, – взвился

Оскар. – Пришью, пикнуть не успеешь.

– Нет, – вмешался Рамирес. – Уйди, Оскар. Принеси мне еще рома.

Оскар поспешил прочь.

– Он не слишком умен, – признал Рамирес. – Зато полезен в определенных вещах. Говорите, что у вас за дело.

– Вы ездите особым путем. Есть особый путь, который вы знаете. Высоко в горах. Отсюда к западу. По дороге, которая ведет к старому руднику – его забросили и больше не используют. Я не ошибся?

Этот якобы-американец говорил на почти английском языке. Вполне сносно, но не совсем чисто. Даже Рамиресу нет-нет да и резала слух случайная корявая фраза.

Рамирес ответил ему холодным взглядом.

– Вы ездите этим маршрутом, – продолжал между тем незнакомец. – Раз, бывает – два в год, в зависимости от... В зависимости от чего? В зависимости от луны, которой быть не должно. И в зависимости от наркотиков, которые вы переправляете через границу от семьи Хуэрра в Мехико и доставляете определенным американским группировкам. За каждую такую поездку вы получаете пятьсот американских долларов. А в последний раз вы получили от Хуэрра еще кое-какую сумму сверху, за то, что все прошло гладко. И еще я слышал, что священникам в вашей церкви не перепадает от вас ни доллара, потому что вы жадный человек.

Рамирес уставился на незнакомца. Он знал, что когда-ни-

будь этот миг придет. Появится человек, знающий достаточно, чтобы погубить его или закабалить навеки. Это могло означать лишь одно: он перестал быть нужным Хуэрра и они продали его. Или же полиция наконец...

– Прошлый раз был шестнадцатого января, – сказал незнакомец. – А следующий будет сегодня ночью, лунная она окажется или безлунная. И это железный закон.

Рамирес перевел дух.

– Кто вас послал?

– Никто меня не посылал.

– Откуда вы все это узнали?

– У меня есть друзья.

– Влиятельные люди?

– Весьма влиятельные. Весьма осведомленные в определенных областях.

– Надо было подойти ко мне и все объяснить. Вы – особый человек. Теперь я вижу.

Незнакомец ничего не ответил.

– Однако вам стоило бы поостеречься. Как бы кто-нибудь не пустил пулю вам в голову.

– О, такое возможно. Только как бы потом этого кого-нибудь не выследили и не пустили пулю в голову ему самому.

Рамирес попытался собраться с мыслями. Пришелец не заказывал выпивку, речь его не была бессвязной, он не походил на сумасшедшего. Он оставался совершенно хладнокровен и прекрасно владел собой. Таких людей Рамирес уважал.

Этого не так-то легко обмануть. Он не наделает ошибок. Он сам кого угодно заставит ошибок наделать.

– Ладно, – решился Рамирес. – Но вам это будет стоить дороже. Плата за расстояние, за повышенный риск, за угрозу моему бизнесу. Это нелегко – не то что нелегалов в Лос-Эстадос переправлять. Хотите гарантий – придется за них заплатить. Или обращайтесь куда-нибудь в другое место, к человеку, который перережет вам глотку в пустыне.

– Мне глотку никто не перережет. Сколько?

– Тысячу. Половину сейчас, половину потом.

– Да вы, ко всему прочему, еще и хапуга.

– Я деловой человек. Давайте, черт вас дери, раскошеливайтесь или проваливайте. Я сыт разговорами.

– Так и быть.

Незнакомец отсчитал купюры и протянул их Рамиресу.

– Встречаемся в одиннадцать. Там за канавой небольшая лавчонка, называется «Ла Аргентина». Будете ждать за ней на заднем дворе, где грузовики. Подъедет фургон. Завтра будете в Аризоне. Расплатитесь с человеком в Америке, а не то он сдаст вас пограничному патрулю.

Незнакомец кивнул.

– Если ничего не случится, – уточнил он.

– Ничего не случится. Я сам поведу этот чертов грузовик.

Незнакомец снова кивнул, потом развернулся и вышел.

Вернулся Оскар.

– Американская свинья, – сказал он. – Своими руками бы

прирезал.

Рамирес был бы не прочь взглянуть, как Меса пытается прирезать незнакомца. Но вслух ничего не сказал. Он утер лоб платком, от которого исходил аромат хурмы, сделал глоток рома из стакана, принесенного Оскаром, и огляделся по сторонам.

– Ты видел? – спросил он. – Даже шлюхи к нему не подошли.

Но теперь он хотя бы знал почему и полагал, что предстоящей ночью этот человек повезет с собой столько кокаина, что хватит всей Америке.

* * *

Высокий человек сидел на корточках во дворе за крошечной лавчонкой под названием «Ла Аргентина». Из канавы за «Эль паласьо» густо и тошнотворно разило уборной. Откуда-то доносился надрывный гитарный перебор, который так любят мексиканцы. В лужицах света вдоль мощенной булыжником улицы, взбиравшейся по холму, кучковались оборванные местные мужчины. Прошло еще несколько минут; во двор забрела шлюха с подвыпившим клиентом и устроилась неподалеку. Парочка принялась торговаться на английском и ломаном испанском. Последовавшее за этим совкупление продлилось едва ли несколько секунд.

Человек бесстрастно слушал. Двоица в бледном свете ме-

сяца возилась у стены лавки. Мимолетный вскрик – и все было кончено. Затем последовала новая перебранка. Наконец согласие было достигнуто. Женщина развернулась и презрительно зашагала прочь.

– Шлюха! – выплюнул ей вслед мужчина, как будто только что об этом догадался. Потом потащился следом.

Во двор въехал фургон, дважды помигал фарами.

– Эй! Ты где? – позвал толстый мексиканец.

Человек молча ждал.

– Черт тебя дери. Длинный! Гринго! Ты где?

Он вышел из своего укрытия.

– Здесь я.

– Матерь божья, я чуть с ума не сошел. В следующий раз не подкрадывайся так бесшумно.

– Не тяни время.

– Полезай назад. Там еще ребята. Бедняги, желающие поработать на дядю Сэма.

– Другие ребята?

– Просто не трогай их. Они тебя не знают и знать не хотят.

Человек покачал головой.

– Ехать два часа, – продолжал Рамирес. – Дольше, потому что не обычным маршрутом. Дороги плохие, ехать в гору. Но все будет в лучшем виде. Только не шуми.

Высокий сплюнул и полез в кузов фургона.

– Никакой полиции, – предостерег он.

Грузовичок катил по темным извилистым дорогам западных предместий Ногалеса. Постепенно между лачугами начали появляться просветы, потом строения стали попадаться все реже и реже, и фургон выехал из города в каменистую, поросшую чахлым кустарником пустыню. Дорога медленно пошла в гору и вскоре превратилась в проселок, ухабистый и разбитый.

Рамирес не раз уже наблюдал эту метаморфозу, и она давно не вызывала у него интереса. Мысли его были заняты тем человеком в кузове. При нем действительно оказался рюкзак, нечто вроде тюка. Там поместилось бы двадцать фунтов кокаина. Двадцать фунтов? Почти на миллион долларов. Рамирес сунул руку за пазуху и нащупал вороненую рукоять пистолета. «Кольт питон магнум», калибр 357, его любимый.

Мать божья, это же так просто.

– Поворачиваем? – спросил Оскар Меса.

– Нет.

– Прямо?

– Да.

– Рейнолдо, я...

– Прямо.

– Так мы уедем в горы. Я...

– Прямо, я сказал.

Рамирес протянул руку и включил радио. Он крутил ручку настройки, пока не поймал Тусонскую радиостанцию. Он оставил ее и задумался о Тусоне, невыразительном новом городе на равнине, со всех сторон окруженной горами. О городе денег, полном толстосумов-американцев, блондинок и плавательных бассейнов.

Так просто.

В ушах негромко звучала американская музыка. Шум в кабине стоял оглушительный. Рамирес надвинул свою ковбойскую шляпу на самый лоб, на глаза, прижался затылком к спинке сиденья, вытянул ноги и закинул одну на другую. Он грыз зубочистку и воображал себя доном, обладателем роскошного поместья на возвышенности в окрестностях Мехико, как у дона Хосе Хуэрра. Ему грезились светловолосые женщины и лошади.

Откуда все-таки он столько знает? И на кого работает?

Вот ведь в чем загвоздка. В трех-четыре предложениях этот незнакомец обрисовал самый тщательно оберегаемый секрет Рамиреса. Если ему известно о связи Рамиреса с семьей Хуэрра и о горной дороге в Америку, значит...

– Рейнолдо, я все вижу. Ты боишься этого гринго. Одно слово – и я прикончу его. Тебе не о чем беспокоиться.

– Крути баранку, тупица, – оборвал его Рамирес.

Оскар сегодня изрядно действовал ему на нервы. Пять лет назад, когда Рамирес его нашел, тот был таксистом и поставлял девочек американским студентам в Тусоне; теперь этот

недоумок возомнил себя его правой рукой. Рамирес сплюнул в окно.

– Фары. И не гони так.

– Да, Рейнолдо.

Фары погасли.

– Подфарники-то оставь, идиот.

Оскар немедленно включил слабые оранжевые огоньки.

Фургон покатил по ухабам дальше, и Рамирес достал пластинку жевательной резинки. Вскоре они выбрались на перевал. Далеко внизу виднелись два грузовичка: американский, маленький и хорошенький, и его собрат, более крупный и менее аккуратный, неуклюже переваливающиеся через холмы. Огонь их фар был виден на много миль окрест. Рамирес был не из тех, кому нравится любоваться видами; сейчас он смотрел совсем в другую сторону.

– Вот она, – внезапно сказал он. – Мать божья, чуть не проглядел. Стар я стал для этого ремесла.

Оскар ударил по тормозам, и на один головокружительный миг фургон занесло на гравии. Рамирес метнул недобрый взгляд на идиота Оскара, который побелевшими пальцами сражался с рулем. Но грузовик не подвел. Рамирес вылез, чертыхаясь и кутаясь в куртку. Ну и холодрыга на этой верхотуре. У тех, что в кузове, нет пальто, они, должно быть, дрожат и жалуются на холод. А гринго?

Изо рта шел пар. Руками в перчатках Рамирес нашарил в кустах что-то туго натянутое, дернул и открыл грубые воро-

та, небрежно замаскированные ветками. За ними обнаружилась узкая дорожка, ведущая в сторону от главного проселка.

– Готово, – бросил он.

Фургон бочком протиснулся в ворота. Его повело и начало заносить. Оскар отключил сцепление, и автомобиль накренился, начал скользить под горку, окруженный тучей пыли; казалось, он вот-вот упадет. Но в конце концов машина очутилась на еще более узкой дороге и остановилась. Рамирес захлопнул ворота и спустился по склону вниз.

Фургон вновь продолжил свое головокружительное путешествие в темноте. Рамирес высовывался из кабины и следил за дорогой. Работенка была нелегкая. Дважды болван Оскар едва не погубил их всех, и лишь крик Рамиреса «Нет! Нет! Матерь божья!» заставлял его затормозить в считанных дюймах от края пропасти. Это были игры для ребят помоложе, и сердце у Рамиреса гулко бухало. Однажды он даже сам вышел и зашагал впереди, остро чувствуя вздымающиеся вокруг темные пики, звезды, обжигаяще холодный ночной воздух и полумесяц, от вида которого ему становилось не по себе. Никогда еще он не видел этих мест в белесом лунном свете. Рейнолдо перекрестился и дал обет поставить свечу Деве Марии.

– Глуши мотор, – приказал он наконец.

Он выбрался из кабины и двинулся к дверям фургона.

Если он вообще собирается действовать, момент настал.

Мексиканец вытащил пистолет и открыл двери. В ноздри

ударил запах сбившихся в кучу тел.

– Идемте, ребятки. Ничто больше не стоит на вашем пути к американским денежкам, – пошутил он по-испански и отступил, глядя, как люди проворно выскакивают из фургона.

Они выбрались по одному – пятеро юнцов и мужчина постарше, дрожа на пронизывающем ветру. Рамирес ждал, не зная, как ему быть.

Он немного попятился и прошептал:

– Эй, гринго, выходи. Мы ждем. Тут не жарко.

Из фургона не доносилось ни звука.

– Эй? Ты что там, вывалился? Да что с этим hombre¹ такое, а?

Он заглянул в фургон, присмотрелся, пытаясь различить...

Удар повалил его наземь. Не успел он подняться, как незнакомец набросился на него. Лезвие ножа заохлодило кожу.

– Patron, patron! – завопил Оскар и бросился к ним с дробовиком.

Из пальцев Рамиреса вырвали пистолет, незнакомец поднялся и отступил.

– Эй, – позвал Рейнолдо. – Без глупостей. Пушка для твоей же безопасности. От federates.²

– Что мне делать, patron? – спросил Оскар.

¹ Парень (исп.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. перев.)

² Федералы (исп.).

– Скажи ему, чтобы он бросил дробовик, – велел незнакомец.

– Брось его, – крикнул Рамирес.

Ружье упало на землю.

– А теперь поднимайся, – приказал мужчина.

Рейнолдо поднялся на ноги, тряхнул головой, по которой был нанесен удар чем-то тяжелым, металлическим.

– Я просто проверял, не вытряхнуло ли тебя на ухабе, – сказал он. – У тебя в руках пушка. Не делай резких движений.

Высокий зашвырнул пистолет в кусты. Рамирес отметил, что он приземлился неподалеку от кактуса-сагуаро, похожего на распятие. Ничего, по пути обратно можно подобрать.

– Все нормально? – спросил он. – Больше никаких пушек.

Мир.

– Идем, – бросил мужчина.

Рейнолдо зашагал вперед, протиснулся сквозь группку стоявших. Дождаться, что будет делать высокий, он не стал. Он еще немного прошел по дорожке, остальные гуськом потянулись за ним. Луна заливала пейзаж неярким мертвенным светом. Рамирес обернулся и заговорил по-испански, быстро и деловито.

– А теперь повтори для меня, – потребовал высокий. – Я не говорю по-вашему.

– Я просто объяснил им, что делать дальше. Сейчас двести метров вниз по склону. Там будет плоское место, переправи-

тесь через ручей, потом между деревьями. Дальше овражек и последнее поле. Понятно? Без подвоха. Истинная правда. Просто прогулка при луне. На той стороне будут ждать мои *compadres*.³ И ты у дядюшки Сэма.

– Делай дело, – велел мужчина.

Рамирес повел их вниз по склону, кляня себя за глупость и стараясь не слишком оплакивать упущенное состояние. А *hombre*-то оказался не дурак!

Почва была каменистая и предательская, покрытая кактусами, опунциями и прочей злокозненной низкорослой растительностью, которая так и норовила зацепиться и оцарапать. Луна струила свой призрачный свет, невесомый, как пыль. Рамирес провел языком по пересохшим губам. Редко-редко между кустарниками попадались деревца, корявые карликовые дубки, а он все вел свою неуклюжую группку, пока последние деревья не остались позади. Они вышли к ручью, сейчас пересохшему, перепрыгнули через русло и в конце концов собрались на краю залитого лунным светом луга.

– Подождите тут, *michachos*,⁴ – велел он.

За его спиной слышалось их тяжелое дыхание.

Рамирес поспешил вперед. Там была обещанная гарантия: прихотливая шутка природы, вымоина в песчанике, углублявшаяся до тех пор, пока не просели верхние слои почвы и

³ Друзья (исп.).

⁴ Ребята (исп.).

не образовалась впадина, внезапная, неожиданная, не отмеченная ни на одной карте ложбина в самом сердце непроходимых во всех прочих местах гор. Сюда вела лишь эта заброшенная дорога, к этому месту, где мог пройти человек, где не было возведено ни одной изгороди, где не ступала еще нога ни одного пограничника. Рамирес обнаружил его в шестьдесят третьем и с тех пор переправлял через него наркокурьеров – три-четыре раза в год, в безлунные ночи, и ни разу еще не попался.

Но никогда прежде он не делал этого при луне. Он взглянул на белесый серпик над головой – холодный, равнодушный.

И перекрестился.

Потом взгляделся в даль. Лицо овевал прохладный ветерок.

Он вытащил из кармана куртки сигнальный фонарь.

Там, на той стороне, если они сдержали слово, его сигнала ждут двое американцев.

Пресвятая мать, пусть они окажутся там. Пусть они окажутся знающими свое дело, исполнительными гринго, которые чтят договоренности.

Рамирес дважды мигнул фонарем.

Давайте же, черти бы вас драли. У вас было полно времени подготовиться. И деньги обещаны немалые.

Истекла минута.

Ну же!

Две вспышки в ответ.

Рамирес поспешил обратно.

– Готово, – сообщил он. – Осталось еще полкилометра. Там вы расплатитесь – так, amigos? Оттуда вас окольными тропами отведут в Ариваку. К восходу солнца вы уже будете в американском Ногалесе.

– Благодарение Святой Деве, – пробормотал кто-то.

– Спешите, черт бы вас побрал. Там ждать не станут. И ты тоже, гринго.

Они гуськом прошагали мимо него, porteamericano последним, с рюкзаком на плече.

Прощай, странный человек. Надеюсь, я никогда больше тебя не увижу.

Они осторожно пробирались по залитой лунным светом ложбине. Вскоре Рамирес потерял их из виду, несмотря на луну. У них все получилось, получилось без труда, а потом вдруг ударил луч прожектора и пронзительный голос рявкнул из громкоговорителя:

– Manos arriba! Manos arriba! Руки вверх, руки вверх, сукины дети!

* * *

Они замерли. Рамирес наблюдал.

«Мать-перемать, старая шлюха», – пронеслось у него в голове.

– Ни с места, amigos! – загрохотал голос откуда-то сверху. – Давайте, руки вверх! Вверх, говорят! Manos arriba!

Пойманные застыли с поднятыми руками, словно пригвожденные лучом прожектора.

«Пора уносить ноги, – подумал Рамирес. – Господи Иисусе!»

«Беги, ради бога, беги!» – приказывал он себе.

И оставался смотреть, как замороженный.

В круге света показался американский офицер в темно-зеленой пограничной форме и в кепке-бейсболке, с ружьем в руке.

– Лицом вниз! Вниз, черт бы вас побрал. Descendente pronto!

Люди на освещенном пятачке принялись в панике переглядываться. Один, совсем молоденький паренек, обернулся к Рамиресу. Гринго стоял прямо.

– Вниз, вниз, я сказал! – гаркнул пограничник.

Они опустили на колени. Офицер подошел сзади и носком ботинка толкнул одного на песок. Остальные повалились сами.

– Джимми, свяжись еще раз с вертолетом.

– Они уже летят, – слышался голос откуда-то из темноты.

Фортуна. Слепая фортуна – истинный закон мироздания. Рамирес клял свою мать за то, что родила его, и себя самого за то, что забыл о Святой Деве. Он дал обет, что изменится,

торопливо перекрестился и сплюнул в пыль.

Это явно была не облава, его не предали. Иначе здесь их сейчас были бы сотни, с мегафонами и пулеметами. И *federales* с его стороны границы. Ему уже доводилось такое видеть, там, внизу, а однажды даже пришлось полночи бежать с пулей в боку. А здесь были всего два безмозглых гринго на грузовике. Им повезло, а Рамиресу – нет, и чужаку с миллионом долларов в рюкзаке тоже. Судьба, шлюха, как и его мать, беззубая разносчица триппера с ленточками в салых волосах, насмеялась над ним, плюнула ему в лицо.

Пограничник обошел лежащих и встал перед ними с ружьем в руках, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

– Свяжись с ним еще раз, Джимми.

– Я только что с ним говорил. Он уже летит.

Они собирались дождаться вертолета с подкреплением, прежде чем обыскать пленников и заковать их в наручники.

«Если Длинный собирается что-то делать, лучше ему не медлить», – подумалось Рамиресу.

Если бы у него был «питон», он мог бы выстрелить в проектор или даже в патрульного. Но это гнилое дело – стрелять в *porteamericanos*. Они все сумасшедшие, потом тебя из-под земли достанут. Не говоря уж о том, что их разделяло две сотни ярдов – немало для пистолета, даже для кольца.

Рамирес снова присмотрелся. Долговязый человек распластался по каменистой земле. От пальцев до рюкзака – считанные дюймы.

Гринго, делай же что-нибудь, и немедленно. Они упрячут тебя за решетку лет на сто, если поймают.

Рамирес нервно потер губы.

Издали донесся рев двигателей, низкий и ритмичный, он нарастал с каждой минутой.

– Это они, – крикнул тот, что был в грузовике.

– Ладно, – отозвался пограничник с ружьем, отступил на шаг назад и сделал пол-оборота в сторону.

Все произошло молниеносно. Патрульный повернул голову на звук. Долговязый словно бы удлинился еще, и в руках у него в мгновение ока возникла небольшая пушка с тупым стволом; из дула вырвался огонь – пограничник упал.

«Пулемет! Маленький пулемет!» – понял Рамирес, изумляясь такому сокровищу.

Остальные бросились из пятачка света врассыпную. Торопливо грянул выстрел, пуля фонтанчиком взмела пыль у ног Длинного. Тот вскочил, держа оружие двумя руками, тщательно прицелился и застрочил по машине на гребне горы. Рамирес услышал звон бьющегося стекла и лязг металла, вспарываемого пулями. Прожектор погас. Длинный припал на одно колено и проворно сменил магазин. Потом поднялся, выпустил новую очередь, и грузовик полыхнул маслянистым рыжим пламенем, расцветившим и накалившим ночь.

Рамиреса обдало пылью и жаром от взрыва, и он заморгал. Перед глазами от яркой вспышки плавали лиловые круги. Он проморгался, чтобы изгнать их, и снова стал смотреть на

завораживающее зрелище перед ним. Плавающий грузовик освещал ложбину.

Длинный подобрался к упавшему пограничнику. Рамирес в изумлении смотрел, как он склонился над человеком, которого только что убил и, похоже, закрыл ему глаза. Потом одной рукой перекатил распостертое тело на бок и повернул его лицом к Ногалесу. А затем подхватил свой рюкзак и скрылся в темноте.

Стрекот вертолета стал оглушительным. С земли вздымались тучи пыли, и Рамирес начал различать темные очертания с помаргивающими огоньками. Из иллюминатора прорезался луч прожектора, заиграл на камнях.

Рамирес отступил. Он понимал, что не пройдет и часа, как здесь будут *federales*, вызванные на подмогу пограничниками. Он понимал, что появятся еще американцы, и еще, и еще. Он понимал, что лучше уносить ноги, пока не поздно. Только бы американцы не нашли его *compadres*-гринго, которых, без сомнения, спугнул приближающийся патруль. Если их поймают и заставят говорить, они сдадут Рамиреса с потрохами...

Он перекрестился.

«Пресвятая Дева, я лгал и мошенничал, крал и убивал, только спаси своего грешного сына».

Торопливо спускаясь по склону в лунном свете, он горячо молился. Впереди показался фургон, и он понял, что выпущается. Он даже задержался у кактуса, чтобы подобрать пи-

столет.

– Что случилось? – спросил Оскар. – Матерь божья, я уж подумал, что началась война.

– Матерь божья, она и началась, – сказал Рамирес, думая о высоком мужчине, потому что внезапно ему открылась истина: он видел воина.

Глава 2

Озадаченный представшим его глазам зрелищем, Билл Спейт остановил свой «шевроле» у обочины. Должно быть, он запутался в нумерации – часть этих домишек в западных пригородах Чикаго отстояла так далеко от дороги, что цифр было не разглядеть. Он открыл портфель и принялся рыться в бумагах.

«Ну давай же, давай, старый дурак», – подстегнул он себя и тут наконец заметил табличку с адресом. Все верно – Олд-Элм-роуд, 1104. Может, он не там свернул с шоссе и угодил в другой городок? Да нет, он был внимателен, очень внимателен и видел знак на выезде. Он приехал куда надо.

Но церковь? Сколько Спейт ни напрягал память, ему не удавалось выудить из нее ни одного эпизода, в котором Пол Чарди был бы хоть как-то связан с религией. Может, у Чарди поехала крыша – эти отчаянные головы все немножко ненормальные – и он ударился в религию? Еще в одну. Ведь отдел спецопераций – та же религия. И все же Спейт не мог вообразить себе ширококостного, мускулистого Чарди с его крутым нравом и уникальными талантами, облаченным в рясу священника и выслушивающим откровения прыщавых подростков в темной кабинке исповедальни.

Тем не менее, он взглянул на церковь – нечто в современном духе, смахивающее скорее на стеклянную коробку

с крышей, нежели на нормальное здание. В ярко-голубом весеннем небе чернел тонкий крест. Если бы не он, строение можно было бы принять за какой-нибудь новый конгресс-центр. Выцветшие глаза Спейта уперлись прямо в вывеску: «Церковь и школа Пресвятой Девы Марии». Буквы белые и монументальные, высечены на черной плите. И надпись ниже: «Научись прощать самого себя». Этот совет заставил Спейта поморщиться. Неужели? Неужели Пол...

Впрочем, если это школа... Представить Чарди в окружении детей, а не монашек и священников, вполне возможно. От матери этот атлет унаследовал какой-то юношеский задор, пленяющий детские сердца. Зато от отца и его венгерских предков Чарди достались замкнутость, угрюмость и подверженность быстрой смене настроения.

В эту минуту из-за церкви на заасфальтированную площадку высыпали ребятишки, целый класс. И откуда у них столько энергии? Глядя на них, Спейт мгновенно ощутил свой возраст. Обстановочка вокруг была та еще, а одинокий старикан с бородой и в плаще – очевидно, приставленный приглядывать за этой оравой – так кротко стоял в сторонке, что Спейт испугался за него.

Дело шло к полудню. Предстоящее задание вызывало нехорошие предчувствия: Спейт не был уверен, что справится. Он тяжело вздохнул, въехал на стоянку, с трудом нашел место, помеченное знаком «Для посетителей» и поплелся к строениям вдалеке. Увесистый портфель оттягивал руку.

Ему предстояло миновать площадку, где ребятишки перекидывались мячиками и, как обезьянки, висели на турниках. Поскольку собственные дети Билла ходили оборванцами, ему приятно было видеть здешних мальчиков при «бабочках», а девочек в аккуратных плиссированных юбочках. Однако вынужденная строгость в одежде ничуть не укрощала маленьких дикарей. Они как ни в чем не бывало дрались, толкались и орали друг на друга, так что однажды воспитателю даже пришлось вмешаться и разнимать потасовку. Дети. Спейт покачал головой, но мысли его были далеко.

Его беспокоил Чарди. Не каждый день вламываешься в жизнь человека после семилетнего – или уже восьмилетнего? – перерыва как ни в чем не бывало. И потом, тогда, во время расследования, Билл не слишком удружил Чарди. Он просто сказал правду, которая была совсем не на руку Чарди. Может статься, Пол затаил на него злобу. О крутом нраве Чарди ходили легенды: однажды он залепил затрещину начальнику базы.

Билл остановился посреди площадки. Его замутило. Надо было принять что-нибудь от желудка. Церковь нависала над ним, дети окружали кольцом. Ему вдруг захотелось в туалет. Возможно, если он найдет где-нибудь поблизости сортир и присядет, у него будет время взять себя в руки.

С другой стороны, может, лучше покончить с этим делом. И чем быстрее, тем лучше, раз уж он зашел настолько далеко.

Билл сунул руку в карман, вытащил флакончик с ополас-

квивателем, набрал полный рот мятной жидкости. Ее прохладная свежесть ободрила его, заглушила кислый вкус, стоявший в горле.

«Я справлюсь».

Он обернулся – баскетбольный мяч ударил его по колену и отскочил, орава малолетних сопляков с воплями пронеслась вдогонку.

– Прошу прощения, – окликнул он старого недотепу, который склонился над двумя хлюпающими сорванцами. – Есть тут у вас где-нибудь канцелярия? Как мне туда пройти?

– Тебе в самом деле нужна канцелярия, Билл? – осведомился Пол Чарди, разгибаясь.

* * *

Во всем был виноват плащ, скрадывавший размеры. И борода – на удивление седая, – до неузнаваемости изменившая мрачное лицо полуирландца, смягчившая воинственный подбородок. И волосы, отросшие настолько, что их можно было заправить за уши; раньше Пол всегда стригся коротко, под ежик, как и сам Билл. И еще площадка, кишащая детьми, яркое солнце, скачущие, свистящие над головой мячи, гам, церковь. Все было совершенно иное. В последний раз Билл видел Пола на оружейном складе на границе. На Чарди были мешковатые штаны цвета хаки, украшенный шитьем мундир, черно-белый тюрбан и темные очки. Грудь

крест-накрест пересекали патронные ленты, а сам он загорел почти дочерна. При нем был автомат Калашникова, за спиной – два снаряженных гранатомета, и еще связка советских гранат «Ф-1» на поясе.

– Я... я тебя не узнал, Пол. С бородой ты совсем другой человек.

– Старина Билл, с ума сойти. Я видел, как ты вылезал из машины. Что, вас до сих пор заставляют брать напрокат дешевенькие «шевроле»? Как жизнь? – Он взял руку Билла и пожал ее. – Хорошо выглядишь.

– Не криви душой, Пол. Я выгляжу, как старик, да я и есть старик. Да и у тебя самого седина пробивается.

– Это все детки. У меня под началом сотня. Это из-за них я состарился раньше времени.

Он рассмеялся и хлопнул Билла по спине.

– Пол, нам пришлось попотеть, чтобы тебя найти.

– Еще бы. Так и было задумано.

– Ну ладно. Тут всплыло одно старое дельце. Есть минутка?

Чарди взглянул на часы. «Ролекс» с большим циферблатом. Он до сих пор их носил. В отделе спецопераций у всех были такие.

– У меня сейчас самая запарка. В этих заведениях дерут три шкуры. Я примерно в пять освобождаюсь. Твое дело может подождать?

– Ну-у...

Ждать было нельзя. Возьми его в оборот, наставляли Спейта. Не дай ему возможности все обдумать, растравить свои обиды. Бери быка за рога.

«Я знаю, – с горечью ответил тогда Билл. – Я тоже в этой игре не новичок, вы не забыли?»

И мысленно добавил: «Ублюдки».

– В общем, – начал Спейт, чувствуя, что его обошли на первом же ходу, – дело в том, что...

Но Чарди уже сорвался с места – былого проворства он не утратил – и с криком «Э, э, Махони, Махони!» бросился к двум вопящим, размахивающим кулаками мальчишкам и растащил их в разные стороны. Он с силой потряхнул того, что побольше, и серьезным, суровым голосом начал ему выговаривать. Спейту представилось, как Чарди разговаривает в таком тоне с ним.

Пол вернулся.

– Этот маленький стервец возомнил себя крутым. Ему нравится бить, – объяснил он. – У него папаша легавый.

– Пол, я и вообразить не мог, что ты станешь вести такую жизнь, – решил потянуть время Билл.

– В приходских школах, – сказал Чарди, в упор глядя на него своими темными глазами, – не требуют педагогического образования. Достаточно просто быть готовым пахать, как вол, за гроши. Старая спортивная закалка очень помогает. А ты, Билл? Все еще играешь в ковбоев?

– Меня перевели в другой отдел. В центральную справоч-

ную службу.

– В ссылку.

– Самое то для безобидного старого гриба, вроде меня.

– Ты еще им покажешь, Билл.

– Пол, я все думаю о расследовании Мелмена. Ты не держишь на меня зла? Я ведь просто рассказал им о том, что видел.

– Не бери в голову. Все это глупости.

Билл провел языком по губам.

– Спасибо, Пол.

– Ты за этим приехал?

– Ну, дело в том...

Но Чарди снова стремительно нырнул в толпу ребятишек. Спейт стоял столбом и наблюдал за тем, как он урегулирует очередной кризис. Эти детишки что, только и умеют, что драться? Впрочем, взрослые ведь ничем не лучше.

Наконец Чарди вернулся.

– С ними только успевай поворачиваться, – заметил Пол.

– Да уж.

– Ну, Билл?

Вот, значит, как все будет. На площадке, посреди оравы детей, и без возможности присесть и обсудить все, как цивилизованные люди. Чарди играл с ним, Спейт видел это. Положение было безнадежное, при таком-то галдеже, когда их дергали каждую минуту. Это провал. Его охватило предчувствие поражения.

Надо было послать кого-нибудь помоложе, скажут в Лэнгли. Скажут прямо ему в лицо. Там теперь умеют быть жестокими.

– Вот, – Билл шатнулся вперед.

Он вытащил из кармана и протянул Чарди свое сокровище, вещь, из-за которой они там в Лэнгли стояли на ушах. Чарди неохотно ее взял.

Он смотрел на нее, перекатывая на ладони.

– Гильза от чешского пистолета-пулемета, калибр семь целых шестьдесят пять сотых миллиметра. Таких, должно быть, с десятков миллионов по всему миру болтается.

– Взгляни на царапину от зацепа выбрасывателя на закраине гильзы, – сказал Билл.

– Это гильза от «скорпиона». Я еще в состоянии опознать гильзу от «скорпиона». «Скорпы» в ходу во всем мире. Африканские генералы до них сами не свои.

– Позволь мне досказать.

Чарди взглянул на него. Билл никогда не понимал, что делается у Пола в душе. Темные глаза прищурились, губы, скрытые под бородой, плотно сжались.

– Валяй.

– Конкретно эта гильза из тайника с оружием, который ребята из сто семьдесят третьей воздушно-десантной бригады вскрыли во время поисково-карательной операции в июле шестьдесят седьмого. Вьетконговцы устроили в окрест-

ностях Куинена⁵ крупный оружейный склад. В основном автоматы Калашникова и реактивные противотанковые гранатометы. Чуток минометов, чуток легкой артиллерии. Ничего из ряда вон выходящего. И «скорпион». В шестьдесят седьмом во Вьетнаме это была большая редкость, чешское оружие появилось там уже много позже. Однако на складе оказался один-единственный новехонький «скорпион», еще в смазке, и три с половиной тысячи патронов калибра семьдесят пять.

– Хочешь сказать, это один из тех трех с половиной тысяч?

– Угу, – едва ли не с гордостью ответил Билл Спейт. – Заводское клеймо позволяет однозначно это определить. Видишь, здесь, на донце гильзы? Маркировка «VZ-шестьдесят один». Это клеймо оружейного завода в Брно, а вся партия патронов была выпущена в январе шестьдесят шестого. Он из той же партии, что мы нашли во Вьетнаме. Не может быть, чтобы это было совпадение. Знаешь, что произошло с теми боеприпасами?

Чарди промолчал.

– Разумеется, знаешь, – продолжал Билл. – В семьдесят третьем этот «скорпион» вместе с двумя с половиной тысячами патронов отправились в Курдистан. В ходе операции, которую мы называли «Саладин-два», курдская кампания. Моя операция, и твоя тоже. В конце уж точно твоя. Вме-

⁵ Куинен – город-порт в южной части Вьетнама.

сте со всем остальным оружием, «Калашниковыми» и РПГ. Там было достаточно, чтобы устроить небольшую войну. Мы ее и устроили.

Билл знал об оружии все. Его специальностью было тыловое обеспечение и тайное пополнение запасов, и он организовывал доставку оружия в зоны партизанских действий по всему земному шару, когда служил в отделе спецопераций. Ему и самому не раз доводилось побывать в переплетах.

Чарди кивнул, словно в память о небольшой войне и переплетах, в которых они побывали.

– Помнишь, ты отдал этот «скорпион» одному человеку?

– Я отдал его Улу Бегу, – ответил Чарди. – Где ты его взял?

Спейт рассказал ему о гибели двух офицеров пограничного патруля.

– Это одна из сорока гильз, найденных на месте происшествия. Он расстрелял два магазина. На телах тех офицеров живого места не осталось. Ты же знаешь, на что способен «скорпион».

«Скорпионом» назывался пистолет-пулемет чешского производства, принятый на вооружение в 1961 году. Со сложенным проволочным прикладом он составлял десять дюймов в длину, весил три с половиной фунта и делал восемьсот сорок выстрелов в минуту в автоматическом режиме. Он входил в число немногочисленных настоящих пистолетов-пулеметов, не такой громоздкий, как автомат, и куда более смертоносный, нежели автоматический пистолет.

– Билл, это всего-навсего одна гильза. Ты принимаешь желаемое за действительное. Делаешь какие-то безумные построения на основе сущей ерунды. Гильза, заводское клеймо, царапина на металле.

– Есть еще кое-что, Пол.

Билл заглянул в портфель, порылся в отчетах научно-технического директората, авиабилетах, картах и извлек наконец фотографию лежащего тела. Чарди взглянул.

– В какую сторону лицом он лежал? – спросил он.

– На восток. В отчете говорится, что тело передвинули. Они решили, что убийца искал деньги или еще что-нибудь. Но бумажник не тронули. Они ничего не понимают. Но ты-то понимаешь, верно?

– Разумеется, – отозвался Чарди. – Он не собирался убивать этого беднягу. Он этого не хотел. Он сожалел об этом. И потому попытался помочь душе убитого попасть в рай. Он развернул тело на восток, лицом к Мекке, как принято хоронить мертвых у курдов.

– Ты не раз это видел, Пол.

– Надо думать. Здесь какой-то курд. Может, даже Улу Бег собственной персоной.

– Да, Пол. Мы ведь так и не получили никакого подтверждения его гибели, когда «Саладин-два» закончился провалом. И если это кто-то из курдов, то это он. А тебе известно, каких воззрений курды придерживаются о мести.

Прозвенел звонок.

Билл взглянул на Чарди. Вот он, решающий миг; разве не должен Чарди как-то отреагировать? Человек, которого он обучил и рядом с которым бок о бок жил и сражался в Курдистане семь лет тому назад.

Дети начали сбиваться в буйную ораву перед стальными двустворчатыми дверями. Показались монахини. Там и сям вспыхивали мелкие потасовки.

– Мистер Чарди! – позвала монахиня от двери.

– Пол, это...

– Я знаю, что это такое, Билл, – отрезал Чарди. – Черт бы тебя побрал, Билл, зачем ты снова разворошил все это старье?

Он развернулся и исчез за дверьми вместе с ребятами.

* * *

Биллу не оставалось ничего иного, кроме как ждать. Он отыскал бар, захудалое тихое местечко в следующем по шоссе городке, и коротал время, потягивая ром с кока-колой за столиком рядом с автоматом для игры в пинбол. В зале никого не было. Он выкурил полпачки сигарет. Перед ним аккуратно шеренгой выстроились стаканы. Под конец их было пять.

Он должен согласиться, думал Спейт. Он все обдумает и поймет, что это дело касается его точно в той же степени, что и всех остальных. Улу Бег был недочетом операции Чарди.

Неважно, что Чарди турнули из управления, неважно, что он столько лет скрывался под видом школьного учителя. Он должен согласиться, убеждал себя Билл.

Это его наследие. Все эти годы он исповедовал какие-то убеждения. Он был одним из героев, одним из ковбоев, а в ковбоях главное то, что они никогда не говорят «нет». Для ковбоев не существует опасности. Они психи, утверждал кое-кто, они животные. Многие штабные их на дух не переносят. Однако когда в ковбое возникала нужда, он был тут как тут, он бросался в бой. Он жил ради того, чтобы бросаться в бой; в конце концов, разве не ради этого в первую очередь он становился ковбоем?

Билл пытался убедить самого себя. Он взглянул на свои «Сейко» и с трудом сообразил, сколько времени. Он перебрал с выпивкой и сам это понимал.

– Вам плохо? – склонилась над ним официантка.

– Нет-нет, все нормально.

– Лучше бы вам расплатиться, – заметила она.

– Свет еще не слыхивал более справедливых слов, – усмехнулся он снисходительно.

Автомобилей на дороге ощутимо прибавилось, и Спейт добрался до церкви только к четверти шестого. Машину он снова оставил на гостевой стоянке, пересек безлюдную площадку и вошел в школу.

Он заморгал, привыкая к сумраку. Стены темного коридора украшали детские рисунки. Спейту они показались неле-

пыми, все эти коровы, сараи и самолетики, у которых оба крыла торчали с одной стороны фюзеляжа. Да и от распятий ему было не по себе – от бесконечных сцен страдания на этих нежных бледно-зеленых стенах. Навстречу ему попалась монахиня, и он преувеличенно улыбнулся, опасаясь, как бы она не учуяла запах перегара или не заподозрила, что он пьян, по нетвердой походке. Но она лишь улыбнулась в ответ – на удивление молоденькая девушка. Потом он наткнулся на группку мальчишек, худеньких и взмысленных, в спортивных костюмах – они направлялись в раздевалку. Мальчики казались совсем маленькими, с крошечными косточками и заморенными личиками, как у малолетних рабочих с диккенсовской фабрики ваксы. Впрочем, один из них был побольше. Чернокожий мальчик, вероятно, заводила.

– Мистер Чарди далеко, сынок? – спросил его Спейт.

– Он там, – мальчик махнул рукой дальше по коридору.

Послали его, как выяснилось, в старый спортивный зал, залитый восковым желтым светом тусклых ламп, низко свисавших в своих проволочных клетках с балок потолка.

Это здание, должно быть, построили лет за двадцать до того, как отгрохать элегантный современный собор. Один конец помещения представлял собой зрительный зал со сценой для любительских представлений – здесь, должно быть, разыгрывали дрянные постановки.

Спейт увидел Чарди в сером спортивном костюме и высоких кедах. На груди у него расплывалось раздвоенное влаж-

ное пятно, ни дать ни взять уши Микки-Мауса, голову обхватывала яркая повязка, как у индейского воина. Одной рукой он раз за разом методично отправлял мяч в баскетбольную корзину с двадцати – двадцати пяти футов. Пару раз он принимался бить хорошо надутым кожаным мячом об пол так, что гулкий стук разносился в воздухе, потом подхватывал мяч и как будто взвешивал его. Затем плавно прокатывал от пальцев до плеча, замирал и взвивался в воздух. Кожаный шар описывал безукоризненную дугу и со свистом летел сквозь кольцо. Впрочем, иногда он все же пролетал мимо, и тогда бородач лениво трусил за ним вдогонку и одной рукой подхватывал не успевший коснуться пола снаряд. Потом разворачивался, замахивался, делал новый бросок и, надо сказать, выглядел при этом довольно неплохо для человека – и впрямь! – под сорок. За те десять минут, что Билл молча наблюдал за ним с порога, он ни разу не промахнулся два раза кряду.

Наконец Спейт подал голос:

– Ты до сих пор звезда.

Чарди не оглянулся. Он сделал еще один бросок и только потом ответил:

– Да, есть еще порох в пороховницах.

О его фантастической сноровке с мячом ходили легенды. Во время двух своих американских операций – совершенно катастрофических во всех прочих отношениях – он под орех разделал спортивную лигу Лэнгли, в которой играла на удив-

ление сильная баскетбольная команда; Чарди тогда установил рекорды, которые, насколько Биллу было известно, не были побиты и по сей день. В своем захудалом колледже, который платил Полу стипендию, он был чем-то вроде звезды национального масштаба и решил попробовать играть в профессиональной команде.

Он забил в прыжке еще один мяч, и на этом, похоже, игра ему прискучила. Мяч покатился по полу в темный угол. Чарди взял полотенце и подошел к Биллу.

– Что ж, старина Билл, вижу, я тебя не переупрямил.

– Ты действительно этого хотел, Пол?

Чарди лишь улыбнулся в ответ.

– Думаю, я им понадобился, – проговорил он наконец. –

Наверное, я снова в цене.

К чему отрицать очевидное, подумалось Спейту.

– Понадобился. В цене.

Чарди обдумал его слова.

– Кто проводит операцию? Мелмен?

– Мелмен теперь большая шишка. Ты не знал? Он заместитель директора по оперативной работе. В один прекрасный день он станет его директором, возможно даже директором Центральной разведки,⁶ если не решит уйти из конторы.

При мысли о Сэме Мелмене на обложке «Тайм» и «Нью-

⁶ Центральная разведка – координационный орган, в который входят представители всех разведывательных ведомств США. Должность главы Центральной разведки занимает директор ЦРУ.

суик», где до него красовались Хелмс, Колби и Тернер,⁷ Чарди фыркнул.

– Эту кампанию курирует даже не оперативный директорат, Пол. Ее курирует административный директорат, их управление безопасности. Так что...

– Что еще за оперативный директорат? – перебил его Чарди.

Он действительно долго был не у дел, осознал Спейт.

– Прости. Я так понимаю, ты был в горах, когда они провели реорганизацию. Я и сам узнал уже потом. Директорат планирования теперь называется оперативным директоратом.

– Прямо как в каком-нибудь фильме про Вторую мировую.

– Пол, забудь про оперативный директорат. Забудь о былых днях, о былых людях. Забудь всю эту чушь. Забудь о Мелмене. Он просто делал свою работу. Он будет далеко от тебя. Подумай о том, что Улу Бег в Америке.

– Все данные об Улу Беге есть в отчетах, в архиве. В отчетах по расследованию Мелмена. Скажи им, пусть поднимут все дела.

– Уже, Пол. Пол, ты знаешь Улу Бега, ты сам готовил его. Ты сражался бок о бок с ним, ты знаешь его сыновей. Ты был ему вместо брата. Ты...

⁷ Ричард Хелмс, Уильям Колби и Стэнсфилд Тернер занимали пост директора ЦРУ с 1966-го по 1973-й, с 1973-го по 1976-й и с 1976-го по 1981 г. соответственно.

Однако разговор об Улу Беге, похоже, был Чарди неприятен. Он отвел взгляд, и Спейт понял, что ему придется разыграть свою последнюю карту, которая была ему не по душе и дурно пахивала. Но ему в мельчайших подробностях разъяснили, насколько это важно, насколько невозможен провал.

– Пол...

Билл замялся, ощущая острую жалость. Чарди не заслуживал удара, который он собирался нанести.

– Пол, нам придется привлечь к этой операции и Джоанну Халл.

– Ничем не могу помочь, – отрезал Чарди. – При всем своем желании. Послушай, мне нужно принять душ.

– Пол, наверное, лучше мне объясниться начистоту.

Ох, надо было ему проглотить еще несколько коктейлей.

– Пол, им плевать на все, этим ребятам из управления безопасности. На все, кроме результатов. Они намерены установить за Джоанной какое-то наблюдение – и хотят, чтобы этим занялся именно ты, потому что считают, что Улу Бег появится у нее. Она едва ли не единственная, к кому он может пойти. Но не согласишься ты, они найдут другого согласного, поверь мне.

Чарди посмотрел на него с омерзением.

– Что, все зашло настолько далеко?

– Они очень боятся Улу Бега. И не побрезгуют никакими средствами.

– Надо думать, – буркнул Чарди, и Спейт понял, что одер-

жал маленькую победу.

Глава 3

Он предполагал, что за ним будут охотиться, но это не имело значения и не особенно страшило его. За ним уже кто только не охотился – иракская армия и полиция, арабы, иранцы, даже курды. Теперь вот американцы.

Но что они могут? Он ведь в горах. Улу Бег чувствовал себя здесь почти как дома, все вокруг было ему знакомо. Он родился и вырос в горах и сражался тоже в горах, а эти горы хотя во многом и отличались от его родных, столь же во многом их повторяли.

Они назывались Сьерритас и тянулись от границы к северу на двадцать или тридцать километров, прежде чем превратиться в суровую пустынную равнину по пути к американскому городу Тусону.

Это были обширные предгорья, поросшие невысокими дубами и зловредными колючками, пробивающимися сквозь каменистую почву, до тех пор, пока на высоте пяти тысяч футов все это резко не превращалось в камень, пик, скалистую вершину, голую, бесплодную и неприступную. Пословица утверждала, что каждая гора – крепость, и здесь, на высоте, он чувствовал себя в безопасности, словно за крепостной стеной.

Пускай приходят. Свое мастерство он постигал в сотне переделок и еще в сотне оттачивал, в горах он даст сто оч-

ков вперед кому угодно. Впрочем, сомнительно, чтобы американцы попытались взять его. Ему говорили, они превыше всего ставят свои удовольствия, а не отвагу. И все же вдруг против него пошлют Джарди?

Курд помедлил на краю скалы, глядя на возвышающиеся вокруг пики, тускло-коричневые на ярком солнце. Повсюду, куда ни взгляни, царили покой и безмолвие, один лишь ветер овеивал его лицо.

А вдруг свыше предначертано, что против него пошлют Джарди? Вдруг такова воля Всевышнего?

Кто знает, какова воля Всевышнего? Что толку об этом беспокоиться? И все же, все же...

Однако здесь, в глуши горных вершин, помимо безопасности, он получал еще кое-что. Свободу. Свободу думать как курд, двигаться как курд, свободу быть курдом. Здесь его не угнетала необходимость носить чужую маску, что давалось ему труднее всего.

«Ты должен стать одним из них, – напутствовали его. – Но это будет несложно. Американцы заняты исключительно самими собой. Они не видят дальше своего носа. Но разумеется, тебе придется немного изменить свои привычки. Согласен?»

«Да, – отвечал он. – Научите меня. Я пойду на любые жертвы, заплачу какую угодно цену. Моя жизнь – прах. Она лишь орудие моего возмездия».

«Превосходно, – похвалили его. – Твоя ненависть чиста и

ничем не замутнена, ее необходимо подпитывать. Она даст тебе силы преодолеть многочисленные тяготы. Некоторых приходится учить ненавидеть. Ты получил это чувство в дар. Ты святой. Ты ведешь священную войну».

«Никакая это не святость, – ощетинился он, и от его горящего взгляда им стало явно не по себе. – Не кощунствуйте. Мне придется принять на себя бесчестье. Но это не имеет значения».

Он медленно пробирался по горам на север, наслаждаясь путешествием. Ночью он пересек грунтовую дорогу в низине. Кемпинги, места, куда американцы приезжали развлекаться, он обходил стороной. Небо было пронзительно, до боли, синим, и с него било сверкающее, почти белое солнце. В вышине плыли редкие полупрозрачные облака. С вершины виднелись лишь горы. Одна гряда сменяла другую. Повсюду лежала пыль, которую подхватывал и носил ветер, а местами попадались даже островки снега, чешуйчатого и ноздреватого, сминавшегося под его американскими ботинками. В полумраке горы представляли во всем своем величии. Тени и мягкий воздух окрашивали их в кеск-ошин, неуловимый синевато-зеленый оттенок, милый курдскому сердцу, потому что он напоминал о весне и о свободе странствовать по перевалам, передвигаться по земле, принадлежащей им на протяжении двух тысячелетий. По Курдистану.

Как-то он заметил машину и шархнулся назад, охвачен-

ный мгновенным ужасом. Машина ползла по гравиевой дороге, похожая на неуклюжего зверя. Страх возник от того, как она двигалась: неспешно, но при этом решительно. Он весь подобрался, и его охватило чувство обнаженности – обнаженности жертвы.

Машина выбралась на ровный участок. Это оказался едва ли не автобус, кричаще-яркая, дорогая штука. Сзади к нему крепились велосипеды, на крыше громоздилось туристическое снаряжение. Очевидно, фургон предназначался для вывоза на отдых богатых, избалованных американцев, дабы они могли пребывать на природе со всеми удобствами, не страдая от отсутствия душа и горячей воды.

Он наблюдал, как машина ползет вниз, у него под ногами, поднимая за собой клубы пыли, нелепо поблескивая, горя яркими красками в солнечном свете. Это немыслимое американское изобретение выглядело почти комично. Подобная вещь не могла появиться ни в одной другой стране, кроме Америки. При виде такого идиотизма ему хотелось улыбнуться.

Америка!

Страна безмозглых толстосумов!

И все же он продолжал тяжело дышать, даже когда машина скрылась из виду. Почему? Что страшного в этой колымаге? Скоро ты окажешься среди них, если все пройдет удачно. Так-то ты собираешься себя вести: впадать в столбняк от ужаса при виде всего иноземного?

У тебя никогда ничего не получится.

А должно.

Но в его душе поселился ужас. Почему?

Из-за перестрелки на границе? Теперь на него устроят грандиозную облаву? И его миссия окажется под угрозой? Все это угнетало, но далеко не так сильно, как убийство двух человек.

Вот что омрачало его путешествие – дурное начало. Черт бы побрал этого жирного мексиканца! Ему говорили, что тот знает лучшую дорогу, самую безопасную. Что эта свинья переведет его через границу.

Что теперь будет с мексиканцем? Не хотел бы он оказаться на месте этого толстяка, потому что жизнь его теперь ничего не стоит.

Смерть, опять смерть и снова смерть. Порочный круг. На каждом шагу, ведущем из прошлого в будущее, смерть.

Двое полицейских, погибших потому, что оказались не в том месте. Мексиканец, которому предстоит погибнуть. И он сам, в конечном итоге, в завершение всего...

«Если тебя поймают, ты пропал. Тебя никогда не отпустят. Тебя будут использовать и использовать. Ты это понимаешь?»

«Да».

«В плену ты не просто не сможешь больше служить на благо своего дела, ты нанесешь ему непоправимый урон. Ты погубишь его. Ты понимаешь?»

«Да».

«Тогда клянись. Мы будем помогать тебе и поддерживать тебя, но ты должен дать клятву. Что тебя не возьмут живым. Клянешься?»

«Kurdistan ya paman», – поклялся он. Курдистан или смерть.

* * *

Он бродил по горам неделю, потому что там можно было не опасаться преследования. Питался запасенными мексиканскими лепешками, орехами жожоба и мескитовыми бобами, как ему велели. Однако рельеф становился все более и более плоским, пока на восьмое утро от гор не осталось ничего, кроме далекого кряжа, коричневеющего на горизонте. Чтобы добраться до него, нужно пересечь расстилающуюся впереди равнину, над которой дрожало дымчатое знойное марево. Это была пустынная долина, ведущая в Тусон. В темноте такой переход слишком опасен.

«Бойся пустыни, – предостерегали его. – Если тебе придется преодолевать пустыню, это будет большое невезение».

Но за этой пустыней лежал Тусон, а оттуда автобусы уходили в Америку, на северо-запад, где его судьба была *ser nivisht*, предначертана свыше.

Он пустился в путь спозаранку. И очутился в море игл и колючек, так и норовящих ужалить. Оно тоже было красиво

своеобразной безжалостной красотой, олицетворением всего самого смертоносного. На каждом подъеме или плавном спуске, с каждой осыпающейся каменистой тропки и гладкой прогалины, с каждого скалистого взгорья открывался новый вид. Однако самым сильным впечатлением этого долгого дня стала не опасность и не красота, но нечто совершенно иное. Безмолвие.

В горах никогда не бывает тихо: там всегда дует ветер и постоянно что-то встречается на пути. Здесь, на этой ослепительной равнине, не было слышно ни звука. Ни ветерка, ни шума – ничего, кроме его собственных шагов по пыли и голым камням.

Воды здесь тоже не было, а жара стояла убийственная. Он мог думать только о воде. Но упрямо шел и шел вперед. Во множестве миль впереди высился последний бастион гор, а за ними должен лежать Тусон.

Курд спешил вперед, задыхаясь от пыли. Над ним высился кактус сагуаро, экзотический и манящий. И еще сотня прочих усеянных колючками чудищ, часть которых, словно в насмешку над грозными шипами, была покрыта нежными соцветиями. Восковые листочки хлестали его ботинки. Он рвался вперед, один-одинешенек на бескрайней холмистой равнине. Он понимал, что должен завершить свой путь до темноты, иначе замерзнет здесь ночью, а на следующий день снова выйдет солнце и изжарит его.

«Один день, если все-таки придется переходить через пу-

стыню. У тебя будет всего один день. Больше твое тело не выдержит».

Ему рассказывали о нелегалах-мексиканцах, которых заводили в пустыню и бросали там на произвол судьбы нечистоплотные контрабандисты, и как они погибали в страшных муках всего лишь через несколько часов в самую жаркую пору дня.

Улу Бег пробивался вперед, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Рубаху он снял и обмотал вокруг головы на манер тюрбана – это принесло небольшое облегчение, – а сам остался в одной майке. Но с каждым подъемом он молился, чтобы горы оказались чуть ближе, и каждый подъем приносил ему разочарование.

Kurdistan ya paman.

Рюкзак налился неподъемной тяжестью, но курд упорно цеплялся за него.

Он пробивался вперед.

Вскоре после полудня над самым горизонтом показался вертолет.

Вечно вертолеты, подумал он, всегда вертолеты.

Он проворно юркнул в расселину, порезав запястье об острые, словно нож, листья какого-то немислимого растения. Брызнула кровь. Он прислушивался к стрекоту пропеллеров, взбивавших воздух, словно какую-то вязкую жижу, и к своему участившемуся пульсу.

Стрекот стал громче, курд вжался в узкую щель. Сунул

руку в рюкзак и нашарил «скорпион».

Но стрекот затих.

Он выбрался наружу и окунулся все в то же ослепительное застывшее моря песка и колючей растительности. Голова болела, порезанное запястье саднило. Повсюду, куда ни помотри, было одно и то же: волнистый песок, кактусы, жесткий кустарник под бескрайним небом да палящее солнце. И горы вдали. Улу Бег поднялся и пошел вперед, навстречу смерти.

К середине дня он чувствовал себя, как пьяный. Один раз упал и даже сам не понял как, очнулся уже на четвереньках у подножия склона. Поднялся, но колени подогнулись, и он снова плюхнулся на землю. И опять поднялся, медленно, тяжело дыша, постоял, переводя дух, упершись руками в колени. Ему показалось, что он заметил тот фургон, дурацкий автобус, надвигающийся на него, битком набитый светловолосями американцами, сытыми и богатыми, а впереди катили на велосипедах их детишки.

Он сморгнул – и наваждение рассеялось.

Или нет? В память ему намертво врезалось воспоминание о той неповоротливой огромной махине. Его настороженность, его нелепость – и вместе с тем целеустремленность – вот что ему запомнилось.

Он вновь вызвал в памяти эту картину.

Много дней подряд они двигались через горы к ущелью Равандуз и расставили засаду, тщательно и хитроумно.

Джарди был тогда с ними. Нет, Джарди был одним из них.

Их было в общей сложности тридцать, считая родного сына Улу Бега, Апо, – мальчик упросил взять его с собой. У них были новенькие автоматы Калашникова, привезенные Джарди, реактивные гранаты, которыми он научил их пользоваться, и легкий пулемет. А еще у Джарди был динамит, который он заложил под дорогой.

В узкой теснине в предгорьях они подловили иракский конвой, солдат одиннадцатой механизированной бригады, которые не далее как неделю назад стерли с лица земли курдскую деревушку и перебили всех ее жителей. Джарди подорвал головной грузовик, все они разом открыли огонь, и полсекунды спустя дорога была намертво заблокирована подбитыми, пылающими автомобилями, по большей части грузовыми.

– Продолжайте огонь! – заорал Джарди, когда первый угар прошел, стрельба утихла.

– Но...

– Продолжайте огонь!

Джарди был отчаянный мужик, неистовый в бою, одержимый. У курдов бытовало выражение – войнолюбивый. Он стоял позади, темные глаза метали молнии, он бешено жестикулировал, выкрикивал что-то, взывал к ним на языке, который понимал один только Улу Бег, и, тем не менее, заражал всех силой своего духа. Стоял, потом принимался метаться туда-сюда перед строем, рыча, как собака, в сбив-

шемся набок турбане, из-под которого торчали его короткие американские волосы, и совершенно не замечал пуль – гибнущий конвой пытался отстреливаться.

В некотором роде он был курдом больше, чем любой из них, воплощенный Саладин, способный вдохновить их на героические деяния одной лишь своей свирепой одержимостью. Он любил уничтожать своих врагов.

– Стреляйте. Продолжайте по ним стрелять! – кричал он.

Улу Бег выпускал обойму за обоймой по горящим грузовикам и скорчившимся или мечущимся фигуркам и смотрел, как курдские пули решают конвой. Они крошили стекло, вспарывали брезент кузовов, пробивали шины. Время от времени слышался негромкий хлопок, и в воздух взметались клубы пламени, знаменуя взрыв очередного бензобака. Скоро стрельба со стороны грузовиков утихла.

– Прекратить, – гаркнул Джарди.

Курдские автоматы умолкли.

– Давай уводить их отсюда, – крикнул Джарди Улу Бегу.

– Но, Джарди, – откликнулся Улу Бег, – там же оружие и трофеи.

– Нет времени, – отрезал Джарди. – Погляди на эту разведмашину.

Он ткнул в перевернутую русскую бронемашину во главе конвоя.

– Видишь антенны? Через несколько минут здесь будут самолеты.

И в этом тоже был весь Джарди: в разгар боя, под пулями, он хладнокровно отмечал, какие из машин снабжены рациями – и оценивал, какова их дальность и как скоро на сцене появятся «Миги».

Улу Бег поднялся.

– Отходим, – прокричал он.

Но было уже слишком поздно. В конце строя три человека выскочили из укрытия и бросились к подбитым бронемашинам, ликующе потрясая автоматами.

– Нет, – скомандовал Улу Бег. – Стойте...

Однако из строя вырвались еще двое, а остальные обернулись к нему и застыли в нерешительности.

– Назад! – рявкнул он.

– Придется их бросить, – сказал Джарди. – Истребители будут здесь через считанные секунды.

Но одним из нарушителей был Камран Бег, его двоюродный брат, который охранял маленького Апо.

Улу Бег увидел, как его родной сын выскочил из канавы и рванул вниз по склону.

– Что за дьявол? – начал Джарди. – Какого рожна ты...

– Я ничего не сделал. Я...

И тут они увидели танк. Русский «Т-54», огромный, как дракон. Он въезжал в теснину. Никогда прежде танки не забирались так высоко. Улу Бег смотрел, как бронированная махина ползет вперед на своих гусеницах, как приходит в движение орудийная башня. Он двигался неловко, даже

нерешительно, несмотря на всю свою мощь.

– Ложись! – завопил Джарди за миг до того, как танк открыл огонь.

Снаряд накрыл первую тройку бегущих. Они исчезли в пламени. Другие бросились по склону вверх. Их скосила очередь из башенного пулемета.

Маленький мальчик неподвижно лежал в пыли.

Улу Бег рванулся к нему, но что-то прижало его к земле.

– Нет, – услышал он шепот над самым ухом.

Джарди выскочил из канавы и бросился вниз по склону. Автомат он бросил, и в руках у него был только реактивный гранатомет. Он несся, как безумный, не думая ни петлять, ни пригибаться. Несся прямо на танк.

Башня развернулась к нему. Землю вспахала пулеметная очередь, и Улу Бег уже видел, как пули впиваются в Джарди, но тот каким-то образом увернулся в туче пыли и рухнул навзничь.

Танк натужно пополз по склону к ним.

Курд понял, что им конец. Им не подняться обратно, танк расстреляет их. Танк. Откуда он взялся?

Он попытался собраться с мыслями. Но мог думать лишь о сыне, чье мертвое тело лежало на склоне, об отважном американце, распластанном на земле, о своих людях, своих сородичах, которые тоже полягут на этом склоне.

Но Джарди поднялся. Он не был ранен. Он поднялся, с ног до головы в пыли, и застыл, вызывающе поставив одну ногу

на камень. Налетевший ветер развеивал его куртку. Снизу им было слышно, как Джарди сыплет ругательствами в полный голос, почти – сумасшедший! – смеясь.

Орудийная башня снова крутанулась в его сторону. Но Улу Бег уже видел, что теперь Джарди достаточно близко и пушке ни за что не достать его. В тот самый миг, когда дуло повернулось, Джарди выстрелил из гранатомета с одной руки, как из пистолета.

Полыхнуло пламя, граната понеслась, брызгая огнем на лету, и ударила в корпус танка, в плоское место под башней.

Бронированная машина загорелась. Она попятилась, из люка и двигателей начало вырываться пламя. Легкий ветерок разносил дым.

Джарди отбросил пустой гранатомет и быстро подбежал к мальчику. Он подхватил ребенка и вскарабкался по склону к ним, но на лице его не было улыбки.

– Давайте, надо выбираться отсюда, – сказал он. – Давайте.

Он обернулся и закричал:

– Шевелитесь, черт побери, шевелитесь, парни!

Мальчик плакал.

Улу Бег плакал.

– Ты вернул моему сыну жизнь.

– Давайте, быстрее, – подгонял их Джарди.

Они поднялись в горы и были уже по ту сторону кряжа, когда появились первые «Миги».

Улу Бег улыбнулся воспоминанию о том дне.

Впереди высились горы.

* * *

Он добрался до них в сумерках. Под конец, перейдя одну дорогу, он увидел за ней другую, вившуюся по склону горы, но не стал к ней подходить. Там шли машины. В сгущающейся темноте он вскарабкался по остывшим скалам. Откуда-то капала вода. Он отыскал лужицу, а там и родник. От души напился и уселся на землю. Потом съел кусок черствой лепешки и снова напился. Он сидел в прохладной тени, но мог выглянуть и увидеть пустыню, все такую же белую, плоскую и опасную.

Он продолжил подъем. С вершины открывался вид на Тусон. Город был возведен на песке, в котловине, и со всех сторон окружен горами. В центре виднелось несколько высотных зданий, но большей частью это были хлипкие новостройки. Никакого сравнения с Багдадом, невообразимо древним городом на великой реке.

«Такова воля Всевышнего, – подумал он, – и я добрался».

Он вспомнил о Джарди, о танке, о своем сыне и о том, зачем он в Америке, и заплакал.

Он проснулся на рассвете. Открыл рюкзак, сдвинул пистолет в сторону и отыскал запасную рубашку, белую, на кнопках. Натянул ее.

Его хорошо подготовили. И серьезно предостерегли.

«Такого, как в Америке, ты не видел нигде. Женщины там разгуливают с полуголым задом и грудью. Еда и огни повсюду, повсюду. Машины, столько машин, что даже и не представить. И все спешат. Все американцы вечно спешат. Но в них нет страсти. В любом турке есть страсть. У турок, мексиканцев и арабов страсти кипят. Но американцы куда хуже, они ничего не чувствуют. Они двигаются, как будто во сне. Им плевать на своих детей и женщин. Они говорят только о себе».

«Все это ослепит тебя. Жди этого. Мы никак не можем подготовить тебя к потрясению. Даже маленький американский городок – спектакль. Большой же – словно фестиваль всех людей земли. Но помни: гротеском Америку не удивить. Никто ничего не заметит, не скажет, не обратит на тебя никакого внимания. Никто не станет спрашивать у тебя документы, если ты будешь осторожен. Тебе не понадобятся ни пропуска, ни удостоверения. Лицо – вот твой паспорт. Ты сможешь пройти куда угодно».

Улу Бег прокручивал в голове этот разговор, когда на рас-

свете спускался с последней горы на дорогу. Он шел быстро. Ему предстояло преодолеть всего несколько извилистых миль. Мимо проносились машины, не обращая на него никакого внимания. Вскоре на каждом шагу стали попадаться дома, маленькие коробочки из шлакоблоков посреди песка и кустарников. У каждого дома стояли машины, возле некоторых суетились отъезжающие на работу люди.

Улу Бег шагал по улице. Он задержался прочитать надпись на дорожном знаке. Она гласила: «Автомагистраль». Он поравнялся с группой людей, толпившихся на углу. Подошел автобус, пассажиры забрались внутрь. Он прошел еще несколько кварталов и снова увидел ту же самую картину. На третьем углу он сам сел в автобус.

– Эй, пятьдесят центов, – сердито окликнул его водитель.

Улу Бег пошарил по карманам. Его предупреждали об этом. Пятьдесят центов – это две монеты по четвертаку. Он нашел мелочь, бросил ее в коробочку, устроился на свободном сиденье и поехал по шоссе к центру города.

Неподалеку от автовокзала он сошел и принялся приглядывать отель.

«Всегда останавливайся неподалеку от автовокзалов. В небольших местечках, с грязными комнатами, недорогих. Но в отелях, только в отелях. В мотеле обязательно поинтересуются, где твой автомобиль. Придется объяснять, что у тебя его нет. Начнутся расспросы, как да почему. Они решат, что ты псих. В Америке человек без автомобиля – дикость.

Автомобиль есть у каждого».

В обшарпанной части города, напротив мексиканского театра, он нашел гостиницу, как нельзя лучше отвечающую его требованиям. Она называлась «Конгресс» и располагалась между железнодорожным и автобусным вокзалами. Отель представлял собой четырехэтажное здание с книжным магазином, парикмахерской и лавкой, торгующей ювелирными украшениями.

Он вошел в сумрачный вестибюль, выкрашенный коричневой краской.

Тучная дама подняла на него глаза, когда он подошел к стойке регистрации.

– Да?

– Комнату. Сколько?

– Десять сорок, дорогуша. С телевизором и ванной.

– Да, хорошо.

– Подпишите вот здесь.

Он быстро подписал.

– На день? На два? На неделю? Мне нужно записать.

У нее было припудренное спокойное лицо.

– Дня на два-три. Не знаю точно.

– А, и вот еще что, золотце. Вы позабыли указать, откуда вы. Вот здесь, на бланке.

– Ах да, – спохватился Бег.

Он знал, что напишет. Ему вспомнился единственный американец, которого он знал. Джарди. Где вырос Джарди?

«Чикаго», – вывел он.

– О, Чикаго. Чудесный город. – Она улыбнулась. – А теперь я должна получить с вас деньги, золотце.

Он протянул ей двадцатку и забрал сдачу.

– Поднимайтесь наверх. Вон по той лестнице. Потом по коридору. Ваш номер выходит во двор, там очень тихо.

Он поднялся по лестнице, прошел по темному коридору и отыскал свою комнату. Запер дверь. Вытащил из рюкзака «скорпион», положил его перед собой на кровать и стал ждать полицию.

Никто не пришел.

«У тебя все получилось», – подумал он.

Kurdistan ya naman.

Глава 4

Тревитт нервничал. Во-первых, в помещении собралось слишком много важных персон одновременно. Особых людей, избранных, в том числе и живых легенд, которые заправляли всем в конторе. Во-вторых, оборудование. Тревитт не был человеком техническим. Ему трудно ладить с вещами. Не проще ли было бы привлечь к делу какого-нибудь технического гения и поручить эту часть работы ему? Ну конечно, в обычных обстоятельствах. А сейчас обстоятельства были чрезвычайные. Поэтому придется управляться с оборудованием самому.

– Ничего, освоишься, – сказал ему Йост Вер Стиг.

И потом еще слайды. Ради них все и затевалось, они должны были идти в правильном порядке, а Тревитт всего несколько минут назад принес самый последний из фотолаборатории – удастся он или нет, все это время оставалось под вопросом – и не был уверен, что он вставлен в магазин диапроектора правильно. Он мог зарядить его задом наперед, что вызвало бы смех на менее серьезном совещании, но на глазах у такой кучи важного народу ему не хотелось ударить в грязь лицом. А также видеть, как Майлз Ланахан посмеивается в своем углу и списывает с его счета очко, занося его себе в плюс.

– Тревитт, мы готовы? – слышался голос Йоста.

– Так точно, думаю, да, – ответил он, и его слова раскати-сто загремели по всей комнате: его же подключили к микрофону, а он и забыл.

Он наклонился, включил проектор, и на стене загорелся пустой белый прямоугольник. Пока все хорошо. Если он еще найдет... ага, вот он, стервец – переключатель на шнуре, подсоединенном к проектору. Ну вот, теперь, если оно сработает так, как написано в инструкции, все будет...

Он нажал на кнопку, и раздался щелчок, как будто взвели курок пистолета.

На экране появилось лицо. Нежное лицо совсем зеленого юнца, не старше восемнадцати, – глаза, ошалевшие от радости, короткий ежик взмокших от пота волос и тощие руки, торчащие из рукавов майки.

– Чарди в возрасте восемнадцати лет, – пояснил Тревитт. – Его школа только что победила в классе «Б» чемпионата Чикагской католической лиги. Дата – двенадцатое марта тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Фотография взята из вышедшей на следующий день «Чикаго трибьюн». Это крупный план, за кадром остался кубок – жутко аляповатая посуда. В общем, Чарди заработал... у меня где-то тут записано...

– Двадцать одно очко, – подал голос Майлз Ланахан. – Включая штрафной после истечения игрового времени, который принес «Сент-Питу» победу с перевесом в одно очко.

– Спасибо, Майлз, – сказал Тревитт, а про себя подумал:

«Ах ты ублюдок».

– В общем, – продолжал он, – как видите, он был героем еще в юности.

Герои были пунктиком Тревитта. Его слабостью, его всепоглощающей страстью. Когда он шел по улицам, разглядывая в витринах свое сугубо мирное отражение, то втайне мысленно примерял на себя экзотическую форму и снаряжение: лесной камуфляж, измазанный в грязи и помятый, широкополые шляпы, кривые ножи. И оружие, при помощи которого прошедшие огонь и воду профессионалы делали свою работу: винтовки «М-16», автоматы Калашникова – извечные противники в сотнях тысяч перестрелок шестидесятых и семидесятых. Или шведский пистолет-пулемет «М-45» – излюбленная игрушка головорезов из ЦРУ во Вьетнаме. А также маленькие, компактные «Мак-10» и «Мак-11», еще одни модные фавориты.

– Настоящее его имя Дьердь, – продолжал Тревитт, – оно венгерского происхождения. Его отец был врачом, эмигрировал в Штаты в тридцатых. Мать – ирландка. Тихая женщина, до сих пор живет в квартире в Роджерс-Парк.⁸ Папаша у него был немного чокнутый. Пил по-черному, поэтому лишился частной практики и кончил врачом на сталелитейном заводе. После выхода на пенсию отправился в дом престарелых, где и умер. Однако при всем том он был ярким антикоммунистом и ревностным католиком. Он забивал сы-

⁸ Роджерс-Парк – район Чикаго.

нишке голову всякой чепухой о красных. И хотел вырастить из него настоящего мужчину, истязал по-всякому, чтобы закалить. Он...

– Джим, давай к сути, – послышался из темноты строгий голос Йоста.

– Да-да, простите.

Тревитт был убежден в том, что ему послышалось хихиканье Ланахана.

Еще два быстрых щелчка: Чарди – гордость спортивной команды колледжа, Чарди, обритый наголо, в форме морпеха-новобранца.

– Учебный лагерь офицеров морской пехоты после выпуска из колледжа, – возвестил Тревитт.

Он слышал о Чарди уже не впервые. В отделе истории, куда его совсем недавно распределили, он редактировал мемуары выходящих в отставку офицеров, которые получали от управления плату за то, что на лишний год оставались в Лэнгли и занимались писательством. Во-первых, чтобы их возможная тяга к литературной деятельности воплощалась в жизнь не бесконтрольно, и, во-вторых, чтобы собрать историю методов и средств ведения тайных войн. В этих отчетах то и дело всплывали грани и составные части личности Чарди. Воспоминания о нем красной нитью проходили и сквозь десяток других источников, порой под вымышленным именем. Он был в своем роде местной знаменитостью.

– А здесь он, – объявил Тревитт, щелкнув кнопкой, – сре-

ди нунгов.⁹

Чарди попал в контору в шестьдесят третьем – шестьдесят четвертом, в самом начале Вьетнамской войны. Он служил в морской пехоте, где какое-то время был взводным, потом – командиром роты, а под конец остался на сверхсрочную службу и стал офицером разведки – координировал действия южновьетнамских рейнджеров, а время от времени и сам участвовал в разведывательных вылазках по окрестностям демилитаризованной зоны. Но один бонза из управления по имени Френчи Шорт уговорил его перейти в контору, которой в то время отчаянно требовались обладающие опытом боевых действий в джунглях военные.

Теперь на стене был любимый слайд Тревитта – любимый потому, что картина на нем была несомненно героическая: двое, Пол и Френчи, среди китайских наемников, которых они тренировали в глуши, вдали от законов и цивилизации ходить в молниеносные атаки с последующим стремительным отходом.

– У него были две продолжительные командировки к нунгам, – сообщил Тревитт мужчинам в тихой комнатке в Лэнгли, штат Виргиния, – в промежутке между которыми он обучался в нашей спецшколе в Панаме.

Они были сняты вместе. Чарди, похудее и помоложе, с побледневшим от ярости, обветренным ирландским лицом, и более старший по возрасту Френчи, коренастый, стрижен-

⁹ Нунги – одна из народностей Вьетнама.

ный под ежик, плотный, но не толстый. Его богатырское сложение наводило на мысль скорее о мощи, чем о неповоротливости. Оба были в пятнистых камуфляжных комбинезонах нештатного образца, так называемых «тиграх», и без шляп. Пол сжимал автомат Калашникова, изо рта у него нахально торчала сигарета, Френчи был вооружен пистолетом-пулеметом и улыбкой. Их окружали малютки китайцы в таких же камуфляжных костюмах – множество хмурых раскосых лиц, в своей бесстрастной суровости казавшихся почти индейскими. Маленькие жилистые человечки с карабинами, гранатами, парой-тройкой «томпсонов» и громоздкой автоматической винтовкой Браунинга – это было еще до того, как во Вьетнаме появились новенькие черные пластиковые «М-16». От этой картины веяло девятнадцатым веком: два белых небожителя, окруженные желтолицыми головорезами. И все же эти белые люди в чем-то неуловимом сами походили на азиатов, в них чувствовалось что-то первобытное, что-то дикарское.

– Боже, это же старина Френчи Шорт, – произнес кто-то; Тревитт решил, что это Сэм Мелмен. – Тот еще был фрукт, правда? Господи, я до сих пор помню, как он прижучил Че в Боливии. Он еще всю Корейскую прошел. И был в составе тех, кого мы забросили в залив Свиней – высадился одним из первых и эвакуировался одним из последних.¹⁰

¹⁰ Имеется в виду неудачная попытка свержения режима Фиделя Кастро, имевшая место 4 апреля 1961 года в бухте Кочинос на южном берегу острова Куба,

– Да, Френчи был бесподобен, – согласился еще кто-то; Тревитт узнал голос Йоста Вер Стига. – Я и не подозревал, что они с Полом старые друзья.

– Это Френчи привел Пола в чувство после того, как тот задал взбучку Саю Брашеру, – добавил третий голос.

– Это был звездный час Пола в управлении, – сказал кто-то.

Сэм?

Все засмеялись.

Это точно, подумал Тревитт. Несмотря на всю свою отвагу и закалку, Чарди был на удивление тонкокожий и совершенно терялся перед педантами и бюрократическими снайперами того сорта, что слетались в разведслужбы, как мухи на мед. Оба его домашних периода, рутинные административные перерывы, которые полагалось время от времени делать всем кадровым офицерам, обернулись катастрофой. А в Гонконге Чарди сошелся с Саем Брашером в схватке, которую до сих пор именовали шестисекундной войной. Это произошло в семьдесят первом, во время возвращения Чарди от нунгов из своей второй изнурительной и долгой командировки.

Брашер любил рекомендоваться гарвардцем сорок девятого года выпуска. Он был высокомерным индюком, одержимым страстью поучать всех и каждого. Никто его терпеть не

когда под прикрытием авиации и кораблей США на берег высадились бригада наемников, завербованных, подготовленных и укомплектованных ЦРУ.

мог, однако у него имелись обширнейшие связи (ну как же, он ведь происходил из семьи тех самых Брашеров!), благодаря которым он и дослужился до начальника отделения в Гонконге. За первые три секунды этой самой войны с Чарди он получил перелом носа и лишился двух зубов, в следующие три схлопотал несколько ударов, итогом которых стали два сломанных ребра.

– Меня до сих пор беспокоит этот парень, Йост, – обратился кто-то к Стигу. – Видит бог, я не переваривал Сая Брашера. Но младшие чины не должны раздавать оплеухи начальникам отделений, даже если эти начальники круглые идиоты. И если нам приходится полагаться на такого человека, как Пол Чарди, значит, положение у нас отчаянное.

– Так оно и есть, – ответил Йост. – Тревитт?

Тот послушно нажал на кнопку, и на экране появился портрет Джозефа Данцига.

– Снимок сделан в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. В том же году, – пояснил Тревитт, – когда проводилась операция «Саладин-два».

* * *

Знаменитое лицо Данцига царствовало в комнате. Можно было бы вообще его не показывать, честное слово, подумал Тревитт, им ведь всем прекрасно известно, как он выглядит, и все отлично помнят, каким было управление при Данциге.

Оно было его вотчиной, продолжением его «я», оно существовало лишь для того, чтобы служить его воле. А он платил за эту собачью верность, за это рабское подчинение презрением и насмешкой.

Все собравшиеся в этой комнате испытали на себе его влияние, работали в его тени или под его началом, пытались угадывать его желания. Джозеф Данциг, профессор Гарвардского университета и член консультативного комитета Рокфеллера по иностранным делам, состоял госсекретарем при одном президенте. В своем роде он был почти так же знаменит, как и другой ученый и внешнеполитический деятель, Генри Киссинджер, его сокурсник по Гарварду и во многих отношениях соперник и ровня. Они даже начинали одинаково: Киссинджер родился в еврейской семье в Германии, Данциг, чью непроизносимую фамилию заменил названием его родного города безвестный чиновник американской иммиграционной службы, – в семье евреев в Польше.

Но «Саладин II» и Данциг связаны в некотором смысле так же тесно, понял вдруг Тревитт, как «Саладин II» и Чарди. Без Данцига не было бы и «Саладина II». Операция была подготовлена по его указке, спроектирована по его расчетам, начата по его прихоти и свернута по его воле.

– Большинство из вас в курсе о «Саладине-два», – сказал Йост Вер Стиг, который вел совещание. – Те, кто не в курсе, в самом скором времени о нем узнают. Все, что происходит сейчас, уходит корнями в то, что происходило тогда. Кризи-

сом, который мы имеем, мы обязаны этому вот прославленному деятелю.

«Прославленный деятель». Это была нетипичная попытка сосрить в устах Йоста: обыкновенно чувство юмора у него отсутствовало как таковое. Возможно, он просто нервничает, ведь в его задачу входит помешать курду совершить то, что внушило такой страх людям в этой комнате. А напуганы они будь здоров, за исключением Майлза, который не боится ни бога, ни черта.

Йост начал кратко излагать то, что уже было известно Тревитту. Целью «Саладина II» было давление. Нажим, призванный немножко подправить ситуацию в одну сторону там и в другую сторону сям, хитроумное нагромождение пружинок, рычажков и приспособлений, чтобы дергать за хвост Советский Союз. При разработке плана в расчет абсолютно не принималась – и это тоже было фирменной чертой Данцига – его стоимость в человеческих жизнях.

Операции «Саладин II» положила начало жалоба покойного шаха Ирана: в разговоре с одним американским президентом тот посетовал на трудности с беспокойным арабским соседом, радикальным просоветским режимом Ахмеда Хасана аль-Бакра в Ираке. Нельзя ли, поинтересовался шах, каким-нибудь образом подействовать на воинственных иракцев с их новенькими танками «Т-54», ракетами класса «земля – воздух», докучливой русской пехотой и военными советниками?

По спорным территориям на севере Ирака и Ирана была рассредоточена народность, называемая курдами, которые мечтали о мифическом царстве Курдистан. Курды, пылкий индоевропейский народ, гордый и независимый, были потомками грозных мидийцев древности и, по некоторым утверждениям, несли в себе гены легионеров Александра. Поэтому, возможно, среди них было столько светловолосых и веснушчатых людей с голубыми глазами и вздернутыми носами – этакий островок северной белокурости в море смуглых детей Средиземноморья. Курды были вынуждены подлаживаться под всех, кто их завоевывал. Циники, они не ждали от мира ничего хорошего; одна из их безрадостных пословиц гласила: «У курда нет друзей». На фоне appetитов сверхдержав их стремления казались ничтожными: они лишь желали иметь свои школы, свой язык, свою литературу – и чтобы весь внешний мир оставил их в покое. Они хотели иметь свою землю, свою родную страну, которую собирались назвать Курдистаном.

Шах недолюбливал курдов, но придумал, как их можно использовать. Этот народ обладал бурной историей восстаний против... да почти против всех. В свое время они с равным пылом сражались с турками, персами и иракцами.

Решением всех проблем стала, выражаясь профессиональным языком, секретная акция. Проще говоря, небольшая война. Она была предложена государственным секретарем Соединенных Штатов Джозефом Данцигом и осуществ-

лена по его особому требованию оперативным директором Центрального разведывательного управления.

Тревитт щелкнул кнопкой.

Новая фотография была расплывчатой, снятой с полным презрением к эстетике. В человеке, запечатленном на ней, было что-то жертвенное. Трагизм его чертам придавала раскидистая поросль кустистых усов на совсем еще юном лице. На тощей шее выпирал кадык. Маленькие глазки смотрели живо и пронизательно. Человек выглядел спокойным, несмотря на испуг от неожиданной вспышки.

– Мы полагаем, – начал Тревитт, – что это Улу Бег. Завтра Чарди сможет подтвердить или опровергнуть это. В любом случае, в одном из ранних донесений Чарди по «Саладину-два» он упоминал, что кто-то сказал ему, будто курд учился в американском университете в Бейруте. Английский он, очевидно, выучил в американской школе под Киркуком – она там была неплохая. Такую возможность он, вероятно, получил благодаря стипендии агентства по международному развитию.¹¹ В те дни АМР обучало половину Ближнего Востока.

– А финансируем АМР, разумеется, мы, так что в конечном итоге это мы обучили его английскому, – заметил Йост.

– Мы считаем, что это фотография Улу Бега в возрасте

¹¹ Агентство США по международному развитию (АМР США) – агентство при правительстве США, целью которого является проведение правительственных программ по социально-экономическому развитию и оказанию гуманитарной помощи в различных странах мира.

девятнадцать лет, во время учебы в американском университете в Бейруте. Это фото досталось нам с большим трудом – оно взято из картотеки ливанской полиции. Он был арестован в конце первого года членства в Курдском литературном кружке – это название можно смело заменить на «революционную организацию». Снимок сделан ливанскими полицейскими по требованию иракских чиновников. От ливанцев он без труда ускользнул, и никому больше не удавалось взять его до «Саладина-два».

Лицо внимательно смотрело на них со стены.

Тревитт силился разгадать его. В нем не было почти ничего ближневосточного. Просто лицо пылкого юнца, застывшее в резком свете полицейской вспышки. Наверное, ему было страшно, когда его снимали, он не знал, что происходит, что его ждет. Вид у него немного затравленный и бешеный одновременно. Очень широкие скулы – они придают лицу почти азиатский вид. И нос как клинок, даже анфас, здоровенный костлявый клюв.

– Ключевым документом начиная с этого момента, – сказал Йост, – будет отчет АФТАСТ 243352-В/«Саладин II». Настоятельно рекомендую тем из вас, кто еще не видел его, ознакомиться с ним в архиве. Те, кто имеет допуск соответствующего уровня, могут также запросить этот документ через свои компьютерные терминалы.

– Знакомый номер, – с легким смешком произнес хорошо поставленный жизнерадостный голос.

Тревитт узнал Сэма Мелмена – это он, будучи начальником финансово-планового отдела оперативного директора, составил АФТАСТ 243352-В по безрадостным результатам «Саладина II». Знавшие о существовании этого документа между собой называли его «Отчет Мелмена».

Теперь Сэм занимал должность заместителя директора ЦРУ по оперативной работе. Те, кто поддержал смех Сэма, были его нынешние подчиненные, элита управления.

Тревитт видел «Отчет Мелмена»: несколько красных (чтобы предотвратить фотокопирование) машинописных листов дурного качества, собрание отрывочных записей, скупое свидетельство неудачного чрезвычайного происшествия.

– Ты ведь не собираешься зачитать нам его целиком? – поинтересовался кто-то из темноты. – Согласен, положение критическое, но не до такой же степени!

Сэм хохотал громче всех.

– Нет, – успокоил вопрошавшего Йост. – Но мы подумали, что у вас должна быть возможность узнать все обстоятельства.

Этот документ не давал Тревитту покоя, он преследовал его. Чарди вел себя перед Мелменом крайне странно. Тревитт перечитывал отчет снова и снова, пытаясь разгадать его секреты, постичь тайный смысл, скрытый между строк. Бедняга Чарди. Мелмен отчитал его, как мальчишку. Чарди почти ничего не мог сказать в свою защиту и, вызванный да-

вать показания под присягой, мямлил что-то невнятно и виновато, как будто был не в себе или резко поглупел... или играл в какую-то более сложную игру.

Он с легкостью признал все свои нарушения, все ошибки, все просчеты, все недальновидные действия.

Тревитт помнил стенограмму почти наизусть:

Мелмен: Вы действительно вторглись на территорию Курдистана и вели боевые операции? В нарушение всех приказаний, установок, всех писаных и неписаных правил управления. Вы действительно вели боевые операции под личиной курда?

Чарди: Э-э. Да. Наверное.

Мелмен: Мистер Чарди, один источник сообщает даже, что вы были замечены на месте засады, в глубине Ирака, в окрестностях Равандуза.

Чарди: Да. В тот день я подбил танк. Просто мокрого места от него не...

Мелмен: Мистер Чарди. Когда вы строили из себя ковбоя, вам ни разу не приходило в голову, какому оскорблению, какому унижению вы тем самым подвергаете свою страну, в какое неловкое положение поставит ее факт поимки одного из ее тайных агентов на территории финансируемого Советами государства в компании вооруженных повстанцев?

Чарди: Да. Я просто думал, что меня не поймают.
(Смеется.)

– Тревитт! Тревитт!

– Э-э. Да, сэр.

Опять его поймали за витанием в облаках.

– Следующий слайд.

– О. Простите.

Он нажал кнопку, и курд исчез.

Кто-то присвистнул.

– Да уж, хороша, правда? – заметил Йост.

– На разбирательстве Чарди отказался о ней говорить, – сказал Мелмен. – Заявил, что это его личное дело и нас оно не касается.

Фотография Джоанны была сделана совсем недавно. Лицо решительное, честное и немного дерзкое. Нос чуточку крупноват, подбородок излишне волевой, рот слишком прямой. Светлые волосы спутаны, но она этого не замечает. Вся какая-то угловатая. Глаза затемнены большими круглыми очками в роговой оправе, на лоб упал завиток. Вид слегка раздраженный, как будто она куда-то опаздывала или просто была не в духе.

А ведь она красивая, понял Тревитт, только это необычная, суровая красота, непривычное сочетание неправильностей, которые сошлись в этом лице неожиданным и притягательным образом.

– Этот снимок один из ребят из технического отдела сделал на прошлой неделе в Бостоне, где она преподает в альма-матер мистера Мелмена, – сказал Йост.

– Когда я учился в Гарварде, преподаватели так не выглядели.

Снова Сэм.

– Мисс Халл каким-то образом оказалась в Курдистане. Каким именно, нам неизвестно. По возвращении она отказалась разговаривать с чиновниками из Государственного департамента. Но она – ключ ко всему делу. У Чарди был с ней роман, там, в горах.

Слово «роман», донесшееся до Тревитта из темноты, в которой Йост казался лишь смутным силуэтом, звучало из его уст как-то странно: обычно Йост не любил пускаться в рассуждения относительно определенной области человеческого поведения, включая любовные и сексуальные отношения. Он был приверженец фактов и цифр. И все же он произнес это слово, как будто выдавил из себя.

– Вот увидите, Чарди до сих пор ее любит, – прозвенел резкий голос Майлза Ланахана. – Он такой.

Женщина со стены взирала на них с ледяной надменностью. На ней был свитер с воротником-хомутом и твидовая, спортивного стиля куртка. Снимок, очевидно, сделали с расстояния в полмили через какой-нибудь хитрый объектив: вся перспектива казалась непропорционально сжатой, а увитый вековыми плетями плюща старинный дом с башен-

ками, башнями, парапетами и десятками фронтонов у нее за спиной, наоборот, разросся до угрожающих размеров.

– Чарди не получал задания пробраться на территорию Курдистана. Эта женщина не имела права там находиться. И тем не менее, они оба там оказались, в самом его сердце, вместе с Улу Бегом. Они были там до конца. В каком-то смысле они и были концом.

Йост еще сдержанно излагает события, подумалось Тревитту. Прозаическая правда заключалась в том, что где-то в марте 1975 года шах Ирана по настоянию и при поддержке Джозефа Данцига подписал секретный пакт с Ахмедом Хасаном аль-Бакром. Курдская революция, шедшая полным ходом, стала разменной монетой. Данциг отдал приказ, ЦРУ повиновалось.

Курдам перекрыли кран, обеспечение прекратили; их изгнали из Ирана.

Чарди, Бега и дамочку Халл застукали по другую сторону границы.

Чарди захватили силы безопасности Ирака. Халл, Бег и его люди бежали под натиском армии Ирака. Куда? Да никуда. Тревитт знал, что Йост не станет упоминать об этом, что даже великий Сэм Мелмен не станет упоминать об этом.

Но одно место из показаний Чарди вновь и вновь не давало Тревитту покоя.

Чарди: А как же курды?

Мелмен: Мне очень жаль. Курды в сфере этого

расследования не входят.

Окончательные подробности были весьма зыбкими, Тревитт знал это. Никто и никогда их не проверял, о них не были написаны книги, их не раскапывали журналисты. Существовал лишь отчет Мелмена, а его трактовка была весьма поверхностной. Сам Джозеф Данциг пока никак его не прокомментировал. В первом томе своих мемуаров, озаглавленных «По заданию Белого дома», он пообещал попозже затронуть курдский вопрос, но второй том пока так и не увидел свет, и кое-кто утверждал, что может никогда его и не увидеть. Слишком хорошие деньги Данциг зарабатывал ораторскими выступлениями.

Впрочем, участь, постигшая трех главных персонажей, была известна. Взятого в плен Чарди переправили в Багдад, где его допрашивал офицер КГБ по фамилии Спешнев. Тревитту было известно, что его поведение под нажимом стало предметом споров. Одни утверждали, что он держался как герой, другие заявляли, что он постыдно раскололся. Обсудить этот вопрос с Мелменом Тревитту не хотелось.

После шестимесячного пребывания в московской тюрьме его вернули в США.

Джоанна Халл непостижимым образом объявилась в Резайе¹² в апреле 1975-го и вернулась в Соединенные Штаты, к своей жизни в Гарварде. С тех самых пор она жила тихо и мирно. Если, конечно, не считать того, что трижды пыталась

¹² Резайе (Урмия) – город на северо-западе Ирана, близ озера Резайе.

покончить с собой.

Улу Бег, по сведениям из одного источника, был в конце концов взят в плен иракскими силами безопасности в мае 1975 года, и в последний раз его видели в багдадской тюрьме.

Судьба его людей – его племени, его рода, его сыновей – осталась неизвестной.

– Свет, – велел Йост.

Тревитт на секунду замешкался, потом нащупал выключатель и щелкнул им.

Комнату залил яркий свет, и люди принялись моргать и потягиваться после долгого сидения в темноте.

Йост поднялся.

– Вот вкратце и все, – подытожил он. – Я хотел, чтобы вы были в курсе. Чарди прибывает завтра.

– Господи, вы притащили его сюда?

– Нет, не в управление. Мы ведем эту операцию из проверенного офиса в Росслине, на берегу Потомака, напротив Джорджтауна.

– Йост, надеюсь, вы сможете удерживать этого Чарди в узде. Временами он по-настоящему бешеный.

– По-моему, вы не понимаете, – вмешался Майлз Ланахан.

Он улыбнулся, обнажив нечищенные зубы. Этот тщедушный юнец уже успел заработать себе репутацию своим безжалостным умом. Он был начисто лишен сантиментов, чепу-

ха в духе «старых ковбоев» его не трогала. Начинал он компьютерным аналитиком в «яме», как на жаргоне управления именовали видеодисплейный терминальный комплекс в подвале главного здания в Лэнгли, и за рекордно короткий срок в два года сумел выбраться оттуда. Все остальные его немного побаивались, особенно Тревитт.

– Ладно, Майлз, – осадил его Йост. – Хватит.

«Получил, приятель», – порадовался Тревитт.

Но Майлз все же оставил последнее слово за собой.

– План в том, – заявил он, – чтобы его не удерживать.

Глава 5

Чарди порой казалось, что он не сошел с ума лишь благодаря баскетболу.

Под конец «Саладина II», в подвале, когда ему приходилось хуже всего, он думал не о Джоанне, не о курдах, не о родине и не о своем задании – все это больше не поддерживало его. Он думал о баскетболе. Он взвивался в воздух и в прыжке посылал воображаемые мячи со всех точек огромной площадки в корзину. Они взмывали, падали и – о чудо! – ни разу даже не задели металлическое кольцо. Игра все больше и больше завладевала его воображением, вторгалась в самые темные закоулки сознания, изгоняла оттуда паутину, заглушала гаденькие ростки сомнения. Уже потом она стала для него чем-то большим. В нее он вкладывал всю свою энергию, весь жар души, все свое разочарование и неудовлетворенность, все свое возмущение – свою ненависть. Игра была верна ему, как ни один человек или организация на свете. Она полностью поглощала Чарди.

И сейчас, накануне самого важного дня в его жизни, игра не подвела. В последнее время удары его утратили свою меткость, ноги были тяжелыми и непослушными, пальцы – неловкими. Но все это осталось в прошлом: сегодня вечером он не мог промахнуться. Он бил снаружи, изнутри, но обычно с лицевой линии, в кольцо, лишенное щита, и пото-

му не имел права даже на крохотную ошибку; и мяч, вращаясь, подлетал под потолок и падал точно в корзину. Это была всего лишь игра дворовой лиги, большей частью состоявшей из тех, кто когда-то занимался баскетболом в колледже, как он сам, и чернокожих ребяташек, которым колледж не светил. Проходила она в полутемном обшарпанном зальчике, пропахшем потом и лаком, с темной паутиной ржавых железных балок на потолке.

Но для Чарди сейчас, кроме этой баскетбольной площадки, не существовало ничего – ни внешнего мира, ни Спейтов с Мелменами и Улу Бегами. Здесь царила абсолютная объективность: ты бьешь – мяч летит или в корзину, или мимо. Здесь не было ни апелляций, ни политики, ни замысловатой интерпретации результатов. Либо попал, либо нет.

Под конец даже наглые черные парни передавали ему пасы – только ради того, чтобы посмотреть, как мяч полетит в кольцо.

– Чувак, ну ты крут, – крикнул один.

– Давай забей! – завопил другой.

Чарди хотелось, чтобы игра не кончалась никогда, но она все же завершилась. Команда, за которую он играл, представлявшая какого-то производителя хирургических инструментов, в пух и прах разгромила соперников, представлявших укладчика линолеума. Разрыв составлял двадцать восемь очков и мог бы быть еще больше. Прозвучал свисток, и игроки остановились. Одни шлепали его по заду, другие хлопали по

спине, третьи жали руку.

– Сегодня ты звезда, – сказал кто-то.

– Я ведь не мог промахнуться, верно?

– Ни за что, приятель, ни за что.

Чарди бросил последний взгляд на площадку – там разогревались две следующие команды, игравшие за сеть бензоколонок и сеть магазинов мороженого. Чарди не имел к ним никакого отношения, но ему не хотелось уходить. Под ноги прикатился мяч. Чарди поднял его и почувствовал, как кожаный шар упруго пружинит под пальцами. Он взглянул на корзину и прикинул, что до нее около пятидесяти футов.

«Бей», – подумал он.

Но тут к нему вприпрыжку подбежал черный игрок, и Чарди без единого слова кинул мяч ему и вышел прочь. Он натянул куртку и двинулся к дверям и к тому, что ждало его за ними.

Глава 6

Чарди долго смотрел на снимок. Он. Улу Бег. На много лет моложе и все-таки Улу Бег.

– Это он.

– Хорошо. Не так-то легко нам было заполучить это фото, – заметил Тревитт, тот, что помоложе, хилый, заузного вида тип, нескладный и рассеянный.

– Давным-давно, – продолжал Чарди. – Много лет назад.

– Понятно, – сказал Тревитт. – Теперь вот этот.

Проектор щелкнул, и на стене унылого кабинета в Росслине появилось пухлое лицо, лицо благополучного, солидного человека.

– Сдаюсь, – заявил Чарди.

– Приглядитесь повнимательней, – велел Йост Вер Стиг. – Это важно.

«А то я без тебя не знаю, что это важно», – мысленно огрызнулся Чарди.

– И все равно я не... э-э... да. Да.

– Мы попросили нашего художника нарисовать, как Улу Бег мог бы выглядеть сейчас. На двадцать лет старше, немного раздавшийся, американизировавшийся.

– Может, и так, – сказал Чарди. – Только я в последний раз видел его семь лет назад. – Он выглядел...

Пол запнулся. Слова не были его сильной стороной, он

никогда не мог заставить их выразить то, что он хотел.

– ...более свирепым, что ли. Этот парень двадцать лет провел на войне. И десять из них был партизанским командиром. А вы сделали из него какого-то Рыцаря Колумба.

У второго юнца, Майлза... как же его... какая-то ирландская фамилия... вырвался резкий смешок. Он походил на язвительное квохтанье, а сам Майлз – на какого-нибудь ирландского гнома, елеинный маленький стервец. Зато он знал, кто такие Рыцари Колумба.¹³

– Ну, – обиделся Тревитт, – это очень опытный художник. Он работал всю ночь. Мы получили снимок только вчера. Это единственная доступная фотография Улу Бега.

– Взгляните-ка сюда, Пол, – сказал Йост Вер Стиг.
Джоанна.

Чарди не мог отвести от нее глаз. Это было лицо из бесконечных снов, которые преследовали его в последнее время по ночам. Оно естественным образом вплелось в вереницу этих мучительных ночей и потрясло его почти физически.

– Снимок совсем свежий, – заметил Йост.

Чарди смотрел на изображение. У него возникло такое ощущение, будто он в темной кабинке пип-шоу за четвертак получает свою порцию бессмысленного возбуждения в компании чужих незнакомых мужчин.

– Думаю, недельной давности. Так, Майлз? – спросил Йост.

¹³ Рыцари Колумба – американская католическая организация.

– Сделан в прошлый вторник.

Голос у Майлза был уверенный и самодовольный, с заметным чикагским выговором.

– Сильно она изменилась за семь лет?

– Нет, – только и в состоянии был ответить Чарди, задетый ритуалом, который предполагал этот снимок: какой-нибудь зачуханный хлюпик из техотдела припарковал свою машину или фургон в нескольких кварталах и после трехдневного выслеживания щелкнул ее двухсотмиллиметровым объективом «Никона» из-за зеркального стекла.

Он потерял сухие ладони. Взглянул на три силуэта: Йост, воплощение безжизненности, и двое ребят помладше, мечтательный Тревитт и гнусный Майлз – да как же его? – коренастый ирландский крепыш из Чикаго.

– Вам известно, – подал голос из угла Майлз, – что после своего возвращения она трижды пыталась покончить жизнь самоубийством?

Странная душевная боль пронзила Чарди. Он сглотнул вставший в горле ком и почувствовал, как сильно заколотилось сердце – во всяком случае, так ему показалось. Кулаки у него сжались.

– Я не знал об этом. Мне ничего не известно о том, что с ней стало.

Чарди почти чувствовал, как Майлз улыбается в темноте. Спейт упомянул что-то о том, что тот отлично разбирается в компьютерах. В суматохе знакомства Чарди взглянул на ир-

ландца лишь мельком, и в памяти отложился низкорослый, смуглый, неопрятный человек, скорее даже юнец, которому не было еще тридцати, с сальными черными волосами. Он походил на церковного служку – такие бывают в каждом приходе. Они ходят за настоятелем или настоятельницей по пятам и годами черпают в этом власть.

– В семьдесят седьмом она резала вены, – уточнил Ланахан. – В семьдесят девятом наглоталась таблеток, и в последний раз в прошлом году – тоже таблетки. Чуть концы не отдала.

Чарди кивнул, не отрывая глаз от изображения женщины на стене.

Почему, Джоанна?

Но он знал почему.

– Университет отправлял ее к самым разнообразным психиатрам, – продолжал Ланахан. – Мы раздобыли ее медкарты. Это было не так-то просто.

Но Чарди не слушал. Он рассматривал свои запястья.

Он вскрыл себе вены в апреле семьдесят пятого, после длительного допроса в КГБ. Он помнил затопившее его тогда облегчение, помнил, как течет кровь и вместе с ней отступают все беды мира. Безмерная и бездумная легкость овладевает тобой. Манящая, блаженная. Ему вспомнилось, как он выкрикнул в лицо офицеру, который наблюдал за его допросом: «Спешнев, я все равно выйду победителем!»

Но его спасли.

– Это все? – спросил Тревитт.

– Да, – ответил Вер Стиг, и картинка погасла.

Тревитт раздвинул шторы, и в комнату хлынул свет.

Чарди долго смотрел в стену, с которой исчезло ее изображение. Потом повернулся к остальным.

– Итак... Пол. Можно мне называть вас по имени? – спросил Йост.

Чарди не мог различить его глаз за стеклами строгих очков в розовой оправе – высокопоставленные правительственные чиновники почему-то любили такой стиль.

– Пожалуйста, – пожал плечами Чарди.

– В Соединенных Штатах Улу Бег знает всего двух человек. Вас и Джоанну Халл. И к вам за помощью он придет вряд ли.

Чарди кивнул. Да, Улу Бег вряд ли придет к нему – за помощью.

– Значит, остается только эта женщина.

– Вы считаете, что он объявится у нее?

– Я ничего не считаю. Я рассматриваю только вероятные события. Скорее всего, он отдает себе отчет, как трудно в нашей стране вести дела, не имея никакого тыла. Значит, вполне вероятно, он попытается обзавестись им. Вполне вероятно, его одолеет соблазн довериться какому-нибудь человеку, который разделяет его чувства к курдам. Наконец, вполне вероятно, что он объявится у нее. Вот и все.

– Можно попытаться предугадать его жертву, – заметил

Чарди.

– Можно. Но если догадка окажется неверной, можно оказаться в таком положении, из которого потом никогда не выпутаешься. На данный момент у нас нет никаких данных относительно его цели, никаких вероятностей. Положение может измениться, но пока этого не произошло, я решил сосредоточиться на вероятных событиях.

Чарди кивнул.

– Итак, нам остается только гадать, Пол, – продолжал Йост.

Из-за причудливой игры отражений в толстых стеклах очков глаза его были скрыты за двумя озерцами света.

– Тут для нас авторитет – вы. Вы знаете их обоих. Кажется правдоподобным, что он появится у нее? В смысле, вам кажется? У вас есть такое ощущение? И если да, как она отреагирует? И самое последнее, пойдет ли она на сотрудничество с нами? Или, вернее, с вами?

Не успел Чарди сформулировать ответ, как влез Майлз.

– Нам известно, что она не из активистов. Она не связана ни с какой дурацкой политической группировкой, не ходит на демонстрации, не занимается всякими глупостями, не спит с чокнутыми революционерами. Спокойная, благоразумная женщина, если не считать проблем с головой. Ни в каких глупостях она не замечена.

Он проглядел стопку листов, лежащую перед ним, – видимо, досье Джоанны. Господи, сколько же они о ней знают,

подумал Чарди. Мысль о том, что короткие пальцы Майлза роются в жизни Джоанны, оскорбляла его. Его влажные ручки на ее фотографии, ее документах.

Майлз улыбнулся, продемонстрировав нечищенные зубы. Кто спасет тебя от этих людей, Джоанна?

«Я», – подумал он.

И тут же вспомнил о ее единственном контакте с ним, об ответе на пятнадцатистраничное письмо, которое он послал ей, когда вернулся из советской тюрьмы. Это была открытка с пошленьким видом Майами-бич, на которой было написано: «Нет, Пол. И ты знаешь почему».

– Пол?

– Простите, я...

– Вопрос в том, – вежливо сказал Йост, – обратится он к ней или нет? И станет ли она ему помогать?

– Она станет помогать нам, – ответил Чарди.

– Бросьте, Пол, – встрял Майлз... – Ланахан! Точно, Ланахан. – Черт побери, да она была помешана на курдах. Если вы проанализируете ее прошлое, как это сделали мы, вы придете точно к такому же выводу. В шестьдесят девятом она побывала в Иране с «Корпусом мира». ¹⁴ В семьдесят третьем вернулась, чтобы преподавать в колледже в Резайе. Диссертацию защитила по курманджи, диалекту курдского языка.

¹⁴ «Корпус мира» – агентство, созданное в 1961 году по инициативе президента США Дж. Кеннеди с целью формирования положительного образа США в развивающихся странах. В задачи агентства входило оказание помощи населению развивающихся стран.

Она совершила паломничество в Мехабад, где в сорок шестом году была провозглашена их республика.¹⁵ Один из митротворцев рассказал нам, что она плакала на улице Четырех Фонарей, где иранцы вешали курдских мучеников.

– Все это так, – согласился Чарди. – Но она слишком умна, чтобы ввязываться во всякие глупости. Она очень умная женщина. Исключительно умная. Она не станет заниматься такой дурью. Улу Бег там или не Улу Бег.

– Если он появится у нее, она поможет нам?

– Да. Если мы дадим ей слово не причинять ему зла.

– Пол, он уже убил двоих пограничников.

– Это чудовищная случайность. И потом, ФБР и Пограничная служба еще не вышли на Улу Бега. Потому что вы не хотите лишней огласки. В противном случае вы не стали бы привлекать к делу меня. И думаю, вам не доставит радости, если ФБР начнет копаться в старых делах управления.

В комнате повисла напряженная тишина. Чарди пронял их, он знал, что пронял.

– Позвольте мне пообещать ей, что мы попытаемся перехватить его и позволим ему выйти сухим из воды. Если вы

¹⁵ В начале 1946 года на занятой советскими войсками территории Ирана была провозглашена первая в мире курдская автономия во главе с Кази Мохаммедом со столицей в Мехабаде, однако просуществовала она всего 11 месяцев, до декабря 1946 года, и после вывода советских войск из Ирана Мехабад был занят правительственными войсками. 30 марта 1947 года Кази Мухаммеда повесили на той самой площади, где 14 месяцев назад было провозглашено курдское государство.

скажете: «Мы собираемся упечь этого парня за решетку лет на двести», у вас ничего не выгорит. Но если вы скажете: «Послушай, это ужасно, но все еще можно уладить», может быть, у вас есть шанс.

– Вы любите их. Обоих. До сих пор. – Это сказал парнишка, Тревитт.

– Это не важно, – вмешался Йост Вер Стиг.

– Я уверен, что Пол понимает, – он делал вид, будто говорит с молодым человеком, но на самом деле обращался к Чарди, – вне зависимости от его чувств, насколько серьезно положение. Обученный ЦРУ курд с полученным от ЦРУ оружием. А что, если он совершит какой-нибудь акт насилия – как японские террористы в аэропорту Лод?¹⁶ Или убьет какого-нибудь крупного общественного деятеля? Не хватало только управлению оказаться замешанным в подобный скандал.

Чарди кивнул. А они струхнули. Он так и видел кричащие заголовки газет о том, что одна из тайных войн ЦРУ разразилась в самой Америке, впервые за все время окропив американской кровью американскую мостовую. Их приводило в ужас, чем все это может обернуться для управления.

– Вы ведь понимаете это, Пол, верно?

¹⁶ В 1972 году группа террористов из японской леворадикальной организации «Красная армия», нанятых Ильичом Рамиресом Санчесом (Карлосом Шакалом), открыла стрельбу по пассажирам в израильском аэропорту Лод (в настоящее время аэропорт имени Бен-Гуриона под Тель-Авивом), в результате которой 26 человек были убиты, 72 ранены.

– Да.

– Ведь это и ваше прошлое тоже. Первоначально это была ваша операция. Ответственность за нее отчасти лежит и на вас.

– Ну разумеется, – ответил Чарди.

– То, что в конце концов произошло с курдами, было... в общем, вы тоже должны взять на себя часть ответственности.

– Разумеется, – повторил Чарди.

– Значит, необходимо выяснить, может ли эта женщина чем-нибудь нам помочь. Мы должны это знать. И если вы хотите сказать ей что-то такое, что будет этому способствовать, то говорите. Но помните, что стоит на кону.

– Да.

Все остальное осталось недосказанным и не будет упомянуто ни в одном документе: Улу Бега необходимо остановить, чтобы уберечь ЦРУ от конфуза.

– Так вы займетесь этим? Вы встретитесь с ней. Введете ее в курс дела, поможете нам. Вы будете работать с нами.

– Да, – еще раз повторил Чарди.

И задался вопросом, собирается ли он сдержать свое слово и имеет ли это какое-то значение.

* * *

Теперь оставалось утрясти всякие мелочи. Кто полетит с Чарди в Бостон в качестве подстраховки, какой подход ему

избрать, как взяться за дело, чего ожидать?

Сопровождающим был назначен Ланахан, поскольку именно он проделал всю предварительную работу по «прощупыванию Джоанны», как выразился Йост. Вылет был назначен через два дня, номера в отеле забронированы. Но когда Чарди наконец распрощался с ними с единственным желанием выпить где-нибудь пива, он поднял глаза и обнаружил, что до сих пор не один. Тревитт, который почти ничего не сказал за все это время, поджидал его в фойе.

– Мистер Чарди?

– В чем дело?

– Тревитт.

– Да, я помню.

– Я работаю в историческом отделе – вообще-то я историк, даже магистра получил – до того, как попал сюда.

Парнишка, похоже, нервничал.

Чарди не знал, что и думать. В его время никакого исторического отдела не было и в помине, как и всего оперативного директората.

– Угу, – буркнул он.

– Мы много работаем с людьми старшего поколения; руководство предлагает им в последний год службы писать мемуары. Так что через меня прошло много случайной информации – ну, о сотрудниках управления. О вашей карьере, о делах, которые вы проворачивали – вы и кое-кто из ваших коллег по спецназу. Тони По, Вилли Шидловски, Скамп

Хьюз, Уолтер Шорт...

– Френчи. Френчи Шорт, – поправил Чарди, смягчившись от внезапного напоминания о своих самых давних и лучших друзьях.

– Вы с Френчи... Вы делали такие дела. С нунгами во Вьетнаме. Когда охотились на партизан вместе с перуанскими десантниками.

Он с восхищением покачал головой, смутив Чарди его собственным легендарным прошлым.

– Я просто хотел, чтобы вы знали, как я рад, что вы снова среди нас. И еще я хотел сказать... я считаю, что вы приняли весь удар на себя, когда «Саладин-два» потерпел неудачу.

– Ну, кто-то ведь должен был его принять, – возразил Чарди.

И тут же глупо улыбнулся парнишке, чем окончательно подкупил его. Он только надеялся, что парень не станет путаться у него под ногами. Однако потом он придумал, какую пользу можно из этого извлечь, так что, быть может, все к лучшему.

– Кстати, вдруг вы сможете мне ответить: где сейчас Френчи? – спросил он и мгновенно понял, каким будет ответ, по вмиг потухшим глазам парнишки.

– Я думал, вы знаете. Думал, вам сказали или вы сами слышали, – пролепетал Тревитт.

– Мне ничего не говорили, – покачал головой Чарди.

– Простите, что я заговорил об этом. Извините. Вам долж-

ны были об этом рассказать. Френчи Шорт погиб в семьдесят пятом году на одиночной операции. В Вене. Его выловили в Дунае. Вы тогда были в Курдистане.

Чарди кивнул и сказал что-то бессмысленное, чтобы подбодрить Тревитта – тот выглядел совершенно убитым. Ничего страшного, говорил он, не стоит так переживать.

– Я просто... мне очень жаль.

– Не стоит так переживать. Я должен был знать. Я просто подумал, что он где-нибудь за границей. Слишком долго был не у дел.

– Может быть, что-нибудь...

– Нет-нет. Френчи всегда думал, что погибнет на работе. Это должно было случиться. Он вечно искушал судьбу. Не переживайте.

В конце концов он все-таки отделался от парнишки и по засеянной травой лужайке, обведенной кольцевой развязкой, в серых сумерках зашагал к мотелю «Мариотт Кейбридж», в котором остановился. На том конце моста виднелся Джорджтаун, открывался великолепный вид на белые здания и памятники на другом берегу реки до самого Кеннеди-центра. Но Чарди хотелось лишь найти бар.

За всю свою жизнь он любил всего трех человек, а теперь оказывается, что один из них, его друг и безупречный наставник Френчи Шорт, который научил его почти всему, что следовало знать в их ремесле, погиб. А двое других, Джоанна и Улу Бег, ворвались в его жизнь почти одновременно после

перерыва длиной в целую вечность. Как и прежде, они были тесно связаны, и это вызывало у него сложные и невеселые чувства. Ему предстояло выследить одного и подчинить своей воле другую. Но мучительнее всего было осознание, что тогда, в подземных застенках Багдада, он предал их обоих.

Глава 7

Эти двое Рамиресу не нравились. Ему следовало бы на них молиться – они сорили деньгами, как американские миллионеры или колумбийские кокаиновые короли, однако не были ни американцами, ни колумбийцами. Чаевые всем девочкам. Одно только американское виски, и много. Сигары длиною в фут, не только себе, но и всем вокруг.

Но кто они такие?

Рамирес сделал еще глоток рому, теплого и выдохшегося от долгого стояния в стакане, потом отставил напиток. Зал был длинный и темный, но он видел их профили в зеркале, в котором, в свою очередь, отражалось другое зеркало. Они только что заказали очередную бутылку «Джека Дэниелса» и отстегнули мальчишке Роберто, который принес ее, пятерку на чай. Рамирес хорошо знал свою клиентуру: студенты, приехавшие из Тусона поразвлечься с девочками, одинокие туристы, мексиканские коммерсанты. Заведение процветало, но золотым дном назвать его было нельзя, и в нем редко появлялись посетители, так лихо спускающие деньги, как эти двое.

Он понимал, что бояться нечего. После сокрушительного фиаско на границе он предпринял путешествие в Мехико, чтобы лично возместить причиненный семейству Хуэрра ущерб. После терпеливого ожидания в приемной его нако-

нец препроводили в кабинет дона на последнем этаже одного из самых роскошных зданий Мехико, где он униженно и жалко рассыпался в извинениях за свой просчет в тот памятный вечер и предложил добровольно понести кару. Он готов заплатить штраф, сделать пожертвование. Может быть, оказать какую-нибудь услугу, исполнить поручение?

И тогда Хуэрра, старейшина, патриарх, пожилой джентльмен с утонченными манерами испанского гранда, сказал:

– Рейнолдо, ты много лет служил нашей семье верой и правдой. Старые друзья, как мы с тобой, должны питать друг к другу любовь, а не ненависть и недоверие. Ты хорошо сделал, что пришел и попросил у меня прощения, и я дарую его тебе. Ты прощен. Нам не за что тебя наказывать.

– Благодарю вас, дон Хосе. – Рамирес поспешно упал на колени и поцеловал старческую руку.

– Я хочу кое о чем тебя попросить, – сказал Дон.

– Что угодно. Что угодно.

– Говорят, ты отошел от религии. Я слышал, ты больше не жертвуешь Пресвятой Деве, не говоришь со священниками. Это меня тревожит. С возрастом начинаешь понимать, как важна вера.

– Я грешил. Я был суетным и жадным человеком. Я вел недостойную жизнь, дон Хосе.

– Вернись в лоно Господа, Рейнолдо. Господь простит тебя, как я простил. Господь любит тебя, как я люблю. Церковь – твоя мать, она тоже простит тебя.

– Я буду каждый день ставить свечку. Я пожертвую Святой Церкви половину своего имущества.

– Не надо половину, Рейнолдо. Думаю, хватит четверти.

Так Рейнолдо снова вернулся к праведной жизни. Он ставил свечи, каждое утро ходил к мессе, щедро жертвовал деньги. Он изменился, стал другим человеком. Так продолжалось уже почти два дня.

Он сделал еще глоток рому и оглянулся вокруг себя в поисках Оскара Месы. Тот как сквозь землю провалился. Неужели ушел? Да где же этот разбойник? Рейнолдо снова взглянул в зеркало и увидел тех двоих – на одном был роскошный деловой кремовый костюм элегантного покроя, на другом – свободный бледно-голубой костюм и рубаша с растянутым воротником, по американской моде, хотя оба были латиносы. Они раскуривали очередную пару сигар и как бешеные хохотали над какой-то своей шуткой.

И что их так рассмешило?

Час спустя Рамирес бросил взгляд на свои золотые часы. Было почти три утра. Скоро вся жизнь замрет, наступят тихие предрассветные часы, когда даже бедные шлюхи могут поспать. Рамирес грузно выбрался из-за столика и сквозь клубы табачного дыма, мимо нескольких засидевшихся пьяных студентиков, которые никак не могли решить, какой же из девиц отдать предпочтение, прошел к стойке бара.

В тот же миг словно из-под земли вырос Роберто.

– Patron?

Рамирес дернул на себя кассовый ящик и принялся демонстративно хрустеть купюрами. Он дважды пересчитал их и обернулся к парнишке.

– Опять подворовываешь, Роберто?

– Нет, patron.

– Тут должна быть как минимум тысяча. Я внимательно следил.

– Торговля идет вяло, patron.

– Ну, не настолько вяло. Кради, но знай меру, Роберто. Если начинаешь зарываться, механизм может дать сбой, и тогда смотри, как бы тебя не перемололо его шестернями, Роберто.

– Я... я и не думал воровать, patron, – пробормотал юнец, но в глаза Рамиресу при этом не смотрел.

Рамирес в точности знал, сколько денег из кассы оседает за вечер в карманах Роберто. Сколько в карманах Оскара – в последнее время аппетиты у него становились все внушительнее и внушительнее, – и у бабки, которая сидела на площадке второго этажа и проверяла посетителей и девочек на предмет дурных болезней. Подворовывали все; каждый брал понемногу, но в соответствии с определенными правилами. Правила есть правила. Нарушать их не позволено никому.

– Просто знай меру, Роберто. Я хочу, чтобы ты прожил долгую и счастливую жизнь и оставил после себя полсотни ребятишек. Господь заповедовал нам плодиться и размножаться.

– Да, patron.

Пока Рамирес стоял, его пальцы нащупали под кассой кольт – «кобру» 38-го калибра в кобуре. Он вытащил маленький револьвер, спрятал его за пояс брюк и пожалел, что вынужден довольствоваться этой бабской фитюлькой вместо своего привычного большого «питона». Он развернулся, грузно выбрался из-за кассы, немного помедлил и двинулся прочь. Жаль, что сегодня утром он не поставил свечку в церкви.

* * *

Двое в костюмах продолжали неумоимо набираться за своим столиком.

– Роберто, – позвал Рамирес.

Парнишка немедленно подскочил.

– Принеси двум нашим друзьям бутылку самого лучшего американского виски. Скажи, подарок от хозяина.

– Да, patron.

Роберто достал бутылку и отнес ее к столику. Оба посетителя подняли на него глаза, и он с чопорным поклоном объяснился. Гости дружелюбно засмеялись и спросили, где хозяин.

Мальчишка показал.

– Мы принимаем дар хозяина с величайшей признательностью, – по-испански произнес тот, что был в кремовом ко-

стюме.

Рамирес кивнул. Оскару Месе уже пора было бы вернуться. Куда же он запропастился?

– У вас чудесное заведение, сеньор хозяин, – продолжал кремовый.

– Спасибо за добрые слова, друг, – отвечивал Рейнолдо. – У нас тут скромно, но честно и чисто.

– Прекрасный рецепт успеха в любом начинании, – мечтательно протянул кремовый.

У него были прилизанные черные волосы и рябое лицо, и все же он обладал той смазливостью, на которую клюет определенная порода женщин. Его товарищ в голубом костюме был плотнее и серьезнее – из тех, кто говорит лишь тогда, когда к ним обращаются, да и то без особой охоты. Кроме того, ему не помешало бы побриться.

– Вы уже видели моих девочек? – поинтересовался Рамирес. – Других таких красоток не сыщешь во всем Ногалесе. Что там – во всей Соноре.

– Не девочки – розы. Все до единой. А уж умелицы какие! Полагаю, хозяин самолично занимался их обучением.

– Этих современных девиц ничему не обучишь. Они сами все умеют, – сказал Рамирес. – Есть у нас одна малышка, настоящая чародейка. Ртом такое выделяет! Если накинуть ей немного сверху, она сыграет на вас, как на флейте.

– Это вы о Рите? Я был с Ритой. В высшей степени утонченная и одаренная барышня.

– О, Рита поистине редкостный цветок. – Рамирес восхищенно поцеловал кончики пальцев.

От прикосновения его губ пальцы словно расцвели, стали невесомыми, разлетелись в стороны. Рите было за пятьдесят, и ей не мешало бы посетить стоматолога.

– Нам пора, – подал голос тот, что был в голубом костюме. – Уже поздно.

– Надеюсь, вы заглянете еще?

– Как ни прискорбно, нет. Наше дело в Ногалесе почти завершено.

– Очень жаль. Но я надеюсь, вы будете с теплотой вспоминать наше маленькое заведение.

– О, я полюбил его всей душой, – заверил второй, порывисто вскакивая на ноги.

В руке у него возник пистолет, он навел дуло Рамиресу в живот и тщательно прицелился, но Рейнолдо пальнул в него через стол. Пуля угодила в грудь, заставив кремowego крутануться на месте. В замкнутом пространстве грянуло эхо выстрела, резкое, оглушительное, но человек в голубом костюме и ухом не повел – он выстрелил в Рамиреса, и пуля вошла чуть ниже сердца, сбила со стула.

У Рейнолдо было такое чувство, будто он получил удар под дых. Он пытался вздохнуть, пытался вновь ощутить вдруг онемевшие кончики пальцев, а когда поднял голову, то увидел, что человек в голубом костюме тянет своего раненого товарища, стараясь поднять того на ноги. Но тело у него

было безвольное, точно ватное, и упорно валялось вперед. Рамирес с усилием поднялся на колени и выстрелил в того, что был в голубом, но промахнулся и быстро выстрелил еще раз; пуля попала в челюсть. Человек неуклюже плюхнулся рядом со своим дружкой, обхватил голову руками и застыл. Потом заплакал.

– Мне больно, – всхлипнул он судорожно.

Изо рта у него текла кровь.

Рамирес поднялся, подошел вплотную и выпустил пулю ему в затылок.

– Господи боже мой, – ахнул Роберто. – Кто они такие?

– Плохие люди, – ответил Рамирес.

Но кто они были такие в самом деле?

– Беги, – велел он Роберто, – приведи сюда Мадонну. И поспеши, мальчик, пока я не истек кровью.

Мальчишка со всех ног бросился за одной из проституток, которая утверждала, что когда-то была медицинской сестрой.

Рамирес опустился на стул. Пистолет до сих пор был у него в руке. Он бросил его.

Зал поплыл перед глазами. Ему нужен священник, ему так больно. Он взглянул на двух женщин на диване – они в ужасе тарасились на него.

– Вон отсюда, твари! – проревел он. – Нечего шлюхам плясать, как умирает мужчина.

Они исчезли.

Эх, не поставил он сегодня утром свечку. И на службе не был. Священника бы сюда.

Да где же эта Мадонна?

Глава 8

Фургон подкатился к Медфорду, северному пригороду Бостона, и въехал на забитую стоянку вокруг какого-то заведения, похожего на бар, под названием «Тимотис», одинокого приземистого здания непревзойденной скромности. Его название повторялось красными неоновыми буквами едва ли не в полусотне мест: на крыше, над дверями, на гигантской вывеске над въездом на стоянку: «Это он! Единственный и неповторимый! „Тимотис“!»

– Мы здесь потому, – сообщил Ланахан, – что сегодня суббота. А каждую субботу ваша преданная науке интеллектуалка, эта талантливая, отважная, сильная женщина, – слова Чарди, брошенные обратно ему в лицо, – вечером заявляется сюда или в какое-нибудь другое заведение подобного толка, снимает мужика и уходит с ним.

– В прошлые выходные она вернулась домой только в воскресенье под вечер, – заметил водитель, кудесник из техотдела.

В красном неоновом свете на рябом лице Ланахана, похоже, играла сальная ухмылка. Чарди охватило желание дать ему в морду, но неожиданно злость прошла. Ланахан – ничтожество, он даже оплеухи не заслуживает.

– Здесь никого из Гарварда не встретишь, – сказал человек на переднем сиденье. – Они все сидят в Кембридже и в каба-

ках попримичнее, вроде «Касабланки» или «Данстер-стрит, 33». Это местечко слишком низкого пошиба, для непритязательной публики. Второй сорт.

– Она сейчас там, – сказал Ланахан. – Вот ее тачка.

Он указал на зеленый «фольксваген» неподалеку.

– Она западает на парней одного типа. На моей памяти было трое. Смуглые ирландцы. Крупные, под метр девяносто ростом и весом под сто килограммов.

– Ваших близнецов выскивает, – подсказал Ланахан. – Она ищет вас.

– Чушь собачья, – отрезал Чарди.

– Увидите. Ну что, поехали? Готовы? Уверены, что справитесь?

– Угу, – буркнул Чарди.

– Звучит как-то не слишком убедительно. Послушайте, можно устроить все другим способом.

«Гнусный коротышка», – подумал Чарди.

– Чарди. За эту операцию я отвечаю перед Вер Стигом. Не провалите, ладно? Держите себя в руках, не переусердствуйте. Не спугните девицу. Если вы наломаете дров, она обратится в прессу, поднимет шум...

– Я справлюсь.

Чарди отодвинул дверцу фургона и вышел в сырой, промозглый вечер.

До Массачусетса весна еще не добралась, и сквозь ряды машин он двигался в клубах пара от собственного дыха-

ния. Перед входом в бар вытянулась небольшая очередь, он пристроился в конец. Все они казались такими симпатичными, эти мальчишки чуть за двадцать, с модными стрижками – расчесанными на прямой пробор пышными ниспадающими каскадами волос, в дорогих темных костюмах почти что на европейский лад.

Девушки, все как на подбор, были темненькие и миниатюрные, веселые и похожие почему-то на примерных католичек. Их нежные шейки украшали крестики. Рядом с ними он сам показался себе каким-то переростком, глупым и неуклюжим, потому что был на добрый десяток лет старше самого взрослого в этой очереди. В своем унылом костюме он терпеливо дождался еще минут десять, пока наконец двустворчатые двери не распахнулись гостеприимно ему навстречу. На пороге он в последний раз оглянулся на фургон вдалеке, под высоким фонарем, с тонированными стеклами, из-за которых – он знал это – за ним наблюдал Ланахан, а через него Йост Вер Стиг и все Центральное разведывательное управление.

* * *

Внутри заведение оказалось состоящим из нескольких отдельных баров, каждый в своем собственном стиле, и все подделка. Некоторое время ушло на то, чтобы обойти все эти ответвления, полные народу. Он уже начал было паниковать,

но тут наткнулся на нее.

Она сидела за столиком с каким-то парнем. Зал был изысканнее других, декорирован в стиле викторианской эпохи – если бы в ту эпоху существовал пластик. Все было словно в дурном кино. Но перед ним сидела Джоанна, живая, во плоти, с каким-то мужчиной – как и сказал кудесник, крупным мужчиной, комплекции Чарди, если не крупнее, в костюме-тройке.

Чарди пристроился за стойкой на безопасном расстоянии от парочки и заказал себе пиво. Он видел ее в зеркале, но совсем смутно – в темном пространстве под потолком набухшей тучей висел табачный дым. Она так и льнула к этому мужчине. Она касалась его локтя. Она смеялась его шуткам и с восторженным вниманием выслушивала его остроты. Чарди почти корежило от ревности. Они заказали еще по стаканчику – бурбон для мужчины, белое вино для Джоанны.

Чарди смотрел, как замороженный. Когда же он в последний раз видел ее? Он мог бы воспроизвести эту картину с поразительной точностью, даже здесь, даже сейчас. Это было в тот день, когда он попал в засаду, в день его пленения. Она тогда одевалась, как курдка: цветастая крестьянская юбка, черная жилетка, блузки, платки, на голове косынка. Не то что теперь. Сейчас на ней были темные свободные брюки, свитер с воротником-хомутом и твидовый жакет. Очки в пол-лица смягчали угловатые черты. Рыжеватые волосы зачесаны назад, но одна прядь все-таки упала на лоб. Когда она

улыбалась, ее белые зубы сверкали в темноте.

Боже, какая же она красавица. Чарди не мог отвести от нее глаз. Если у него и был на уме какой-то план, от него ничего не осталось. У Пола перехватило дыхание: рядом с ней он не мог дышать. Руки у нее были белые, с длинными пальцами, и она коснулась ими ладони мужчины. Тот рассмеялся и что-то прошептал. Они прикончили свои напитки и поднялись.

Чарди вскочил.

Они принялись пробираться сквозь толпу к выходу. Мужчина обнимал ее за плечи. Они взяли в гардеробе свою одежду и вышли на улицу. Чарди двинулся следом и перехватил их на стоянке, в моргающем свете, пока мужчина возился с ключами от своего «порше».

– Прошу прощения, – произнес Чарди.

Она обернулась, мгновенно узнав голос, но, наверное, не вполне веря своим ушам.

– Джоанна? – Он вышел на свет, чтобы мужчина мог его видеть. – Мне нужно с тобой поговорить. Это важно.

– Пол, – выговорила она наконец. – Ох, Пол.

– Ты знаешь этого малого? – спросил мужчина, выступая вперед.

– Тебя это не касается, – отрезал Чарди.

– Вот как? – Он приблизился еще на шаг. Потом обернулся к ней. – Ты хочешь с ним говорить или нет?

Она не могла ничего ответить, лишь гневно смотрела на Чарди.

– Послушай, – заявил мужчина. – По-моему, девушка не желает с тобой разговаривать. Почему бы тебе не убраться?

– Джоанна, это действительно важно. Очень.

– Уходи, Пол, – сказала она.

– Давай, Пол, вали отсюда, – бросил мужчина.

Чарди был словно наэлектризован от волнения. Напряжение было таким, что он, казалось, вот-вот взорвется. Она так близко! Ему хотелось прикоснуться к ней. На него накатила слабость, но отступить было нельзя. Его охватил ужас, он понял, что все испортил, что зря устроил эту сцену.

Пол приблизился к ней еще на шаг.

– Джоанна, пожалуйста.

Мужчина ударил его по уху – явно неумело. Пол подвернул ногу, падая на асфальт. На миг ему показалось, будто в черепе загудел колокол, и он обнаружил, что, как дурак, сидит в луже. Он поднял голову, и в глазах у него потемнело от ярости. Однако хлыщ, ударивший его, стоял столбом; казалось, он сам был ошарашен тем, что сделал.

– Я не хотел, – промямлил он. – Я ведь просил вас не лезть. Я предупреждал. Вы сами напросились. Правда. Вы сами напросились и получили по заслугам.

Чарди поднялся.

– Это было неразумно с вашей стороны. Вы не знаете, кто я такой. А вдруг у меня есть пистолет? Или я знаю карате? Или просто окажусь бандитом?

– Я... я же велел вам уходить.

– Ну а я никуда уходить не намерен. И я не советовал бы вам поступать так еще раз.

– Уолли, – вмешалась Джоанна. – Это и впрямь было неразумно. Он... э-э... солдат. И вероятно, обучен самым разным приемам. И вообще, терпеть не могу, когда мужчины дерутся. Глупость какая.

– Не вздумай только еще раз меня ударить, Уолли, – сказал Чарди, – и я ничего тебе не сделаю.

– Это смешно, – заявил Уолли. – Так ты идешь со мной или нет?

– Ох, Уолли.

– Быстро же ты запела по-другому. Ну и черт с тобой, и с твоим чокнутым дружкой тоже. Два сапога пара. Счастливо оставаться.

Он уселся в машину и рванул с места – только шины взвизгнули.

– Джоанна, – повторил Чарди.

– Не подходи, Пол. Не подходи, я сказала. Только тебя мне еще не хватало для полного счастья.

Он смотрел, как она идет по залитой светом фонарей площадке.

– Джоанна. Пожалуйста.

– Пол. – Она обернулась. – Уходи. Не приближайся ко мне. Я позову полицию. Клянусь, я это сделаю.

– Джоанна. Улу Бег объявился.

Они сидели в ее «фольксвагене» неподалеку от парка. За деревьями виднелись безлюдная детская площадка и баскетбольное поле, пустое и темное. Чарди пил пиво из банки – он велел Джоанне заехать в какой-нибудь магазин, и она безмолвно подчинилась, – это была уже третья за двадцать пять минут. Машина время от времени пощелкивала, и ему вдруг подумалось, что эта типично американская ситуация – тихая ночь, машина, женщина на соседнем сиденье, парк неподалеку – для него нечто столь же чуждое, как какой-нибудь филиппинский брачный ритуал. После долгого молчания она вдруг сказала:

– Ты работаешь на них, так ведь?

– Да. Временно.

– Я думала, тебя уволили.

– Так оно и было. Теперь я снова им понадобился.

– В том письме ты утверждал, что никогда больше не станешь на них работать. Ты писал, что с этим покончено. Опять солгал?

– Нет. Я вернулся, потому что у меня, похоже, не было выбора.

– Из-за курда?

– Да.

– Не поздновато ли ты решил отдать свой должок?

– Может, и поздновато. Не знаю. Увидим, да?

– Как ты можешь? Работать на них? Как тебе не противно?

– Если бы я не согласился, на моем месте сейчас сидел бы кто-нибудь другой. Только ему было бы наплевать на тебя. И на Улу Бега. Эти люди из службы безопасности не знают жалости. Им нужна его голова.

– Чего ты хочешь от меня?

– Они считают, что он появится у тебя, потому что больше ему идти некуда. Во всяком случае, так они говорят. Что у них на уме, мне неизвестно. Но такова официальная версия. Поэтому я здесь – чтобы заручиться твоей помощью.

– Было время, когда я готова была тебя убить. Даже думала об этом. Представляла, как прилечу к тебе в Чикаго, подойду к твоей двери, постучу, а когда ты откроешь – выстрелю. Прямо в лицо.

– Мне жаль, что ты так сильно меня ненавидишь.

– Ты был частью всего этого.

– Я никогда не...

– Пол, ты лжешь. Это у тебя в крови. На этом стоит твоя жизнь. Я собрала кое-какие сведения о твоих работодателях. Они учат лгать не задумываясь. Ты можешь делать это легко и непринужденно, как будто о погоде разговариваешь.

– В управлении точно такие же люди, как и везде. В любом случае, я никогда не лгал тебе. Ложь – удел высших уровней. У них есть специалисты.

Он прикончил банку и сунул руку в рюкзак за новой. На-

до было брать сразу дюжину. Пол вскрыл крышку и сделал большой глоток.

– За эти семь лет, – произнес он наконец, – не было, наверное, ни одной ночи, чтобы я не думал о тебе и не проклинал то, что произошло между нами. Это не ложь. Но если ты любишь его – а я думаю, что любишь, и думаю, что иначе и быть не могло, – то ты должна помочь мне. Иначе ему конец.

– Не разыгрывай благородство, Пол.

– А ты не разыгрывай оскорбленную гордость, Джоанна. Пока ты тут нянчишься со своими обидами, он схлопочет себе пулю в лоб.

– Пол, я тоже лгала. Я говорила, что люблю тебя. Так вот, я никогда тебя не любила.

– Как скажешь. Не любила, так не любила.

– Я любила твой образ. Потому что ты сражался на стороне курдов, а курдам нужны были бойцы.

– Да.

– Меня так завораживала сила. Она казалась мне тайной за семью печатями.

– Никакая это не тайна.

– Ты хоть знаешь, что произошло с нами? После твоего загадочного исчезновения?

– Да.

– Вранье! – сорвалась на крик она. – Черт побери, это вранье. Опять. Снова вранье. Ничего ты не знаешь. И никто не знает, кроме...

– Мне рассказал один русский. Ты его не знаешь.

– А подробности?

– Нет. Этот русский в подробности не вникает. Он слишком большая шишка, чтобы забивать себе голову подробностями. Он назвал только цифры.

– Так вот, мне кажется важным, чтобы ты узнал подробности. Чтобы они всегда хранились в той бесчувственной штуке, которую ты зовешь мозгом.

В темноте Джоанна казалась прекрасной, живая и настоящая, после того, как он так долго грезил о ней. Он изнемогал. Он хотел ее, хотел, чтобы она любила или хотя бы уважала его. Между ними пролегла огромная пропасть.

– Идем.

Она вышла из машины.

Пол последовал за ней. Они перешли улицу и очутились перед большим темным зданием. Джоанна провела его в вестибюль, потом отперла вторую дверь, и они поднялись на три лестничных пролета. На каком-то этаже играла музыка. Они свернули в короткий коридорчик. Она открыла дверь в свою квартиру.

– Присаживайся. Снимай куртку. Устраивайся поудобнее, – холодно велела Джоанна.

Он присел на кушетку. Квартира была с высокими потолками, большими старыми окнами, а скромная обстановка состояла из книг, растений в кадках и странных, угловатых предметов мебели. Она производила впечатление белизны и

холода. Джоанна подошла к столу и вернулась с толстой кипой бумаг.

– Вот, – сказала она. – Мои мемуары. Лилиан Хеллман¹⁷ из меня не вышло, но это, по крайней мере, правда.

Она проглядела растрепанную рукопись и выудила несколько листков.

– Это последняя глава. Я хочу, чтобы ты ее прочитал.

Чарди взял у нее бумаги и взглянул на первую страницу. Она была озаглавлена совсем просто: «Naman».

* * *

– Ты не засек их разговор? – спросил в фургоне Ланахан, разглядывая темнеющее старое здание.

– Я не мог, Майлз.

В тоне кудесника из техотдела послышалось раздражение: ему, такому опытному работнику, приходится демонстрировать уважение этому зеленому юнцу Ланахану.

– Йост не дал бы разрешения. Стоит только попасться на таких вещах, неприятностей потом не оберешься.

– Не знаю, как тогда, по его мнению, мы должны добиться результатов, если приходится выбирать средства, – язвительно заметил Майлз. – А что остальные подразделения? Их привлекли? Можно с ними связаться?

¹⁷ Лилиан Хеллман (1905–1984) – американская писательница, известная своими левыми взглядами.

– Они поблизости, Майлз. По крайней мере, должны быть. Чарди у нас под колпаком. Но я решил, что нам здесь, в фургоне, радиосвязь не нужна. Мы знали, что будем вести Чарди. Готов поручиться, если бы ты прогулялся немного по улице, то увидел бы их.

– Лишь бы Чарди их не засек, – заметил Майлз.

– Не засечет. Там ребята что надо, из бывших полицейских, частных детективов. Я делаю все в точности так, как говорит Йост. Говорит Йост вести Чарди на поводке, значит, Чарди идет на поводке. Если Йост этого хочет, это он и получит.

– К черту Вер Стига. Вер Стиг такая мелкая сошка, что его вовсе и не существует. Он шестерка. Мы работаем на Сэма Мелмена, заруби это себе на носу.

* * *

Чарди читал:

«У меня было не слишком много времени, чтобы горевать о внезапном исчезновении Пола, поскольку наше положение немедленно ухудшилось: мы попали под обстрел. За все семь месяцев, что я провела с Улу Бегом и его группировкой, нас ни разу не обстреливали. Я, конечно, видела разбомбленные деревни, но никакие впечатления прошлого не могли подготовить меня к шквальному артиллерийскому огню. Не было никакой

возможности укрыться, да и, собственно говоря, никакого укрытия тоже не было. Улу Бег разбил свой лагерь на плоской возвышенности под гребнем горы. Черные палатки были поставлены под входом в пещеру. Снаряды рвались так немыслимо громко и так часто, что в первые секунды я совершенно растерялась. Несколько человек добрались до пещеры, но большинство из нас повалились наземь. Никогда еще мне не было так страшно. В очередное секундное затишье между взрывами я озираясь и пыталась забиться в укрытие понадежней, но это было очень трудно – слишком много дыма и пыли стояло в воздухе.

Мне казалось, что обстрел длился несколько часов. Когда он прекратился, у меня кружилась голова и я не понимала, где я. Вдобавок я надышалась дымом. Меня била неукротимая дрожь, и хотя за время пребывания в горах мне довелось повидать немало раненых, ничто не могло подготовить меня к потрясению при виде того, во что мощный снаряд может превратить человеческое тело. Людей разрывало в клочья.

Я пыталась взять себя в руки, но не успела еще осесть пыль, как показался запыхавшийся Улу Бег. Никогда еще я не видела его в таком отчаянии; он кричал своим людям, что нужно уходить.

Далее последовало беспорядочное бегство в пыли. Мы бежали вверх по склону, затем наткнулись на тропу, тянущуюся вдоль гребня, и бросились по ней, все скопом – солдаты, их жены, дети. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: сто с лишним мужчин,

женщин и детей, в панике спасающихся бегством. Все это походило на сцену времен начала Второй мировой, когда немцы бомбили колонны польских беженцев. Платья и платки женщин яркими пятнами выделялись в клубах пыли, я видела тюрбаны мужчин и шаровары цвета хаки, которые трепал ветер. Больше всего жаль было детей; несколько из них в суматохе отбились от родителей (если их родители на самом деле не погибли под обстрелом).

Ночью мы укрылись в пещерах, но боялись даже развести костры. Мы пытались выйти на связь по радио, на экстренной частоте, как учил Чарди. Но ничего не вышло. Пробовала даже я, думая, что, может быть, радисты в Резайе узнают мой английский, но все было напрасно. Мы были отрезаны от мира. Теперь я глядела на горы со страхом. Когда-то они казались мне такими прекрасными, сейчас же они пугали меня. Если бы иракцы окружили нас, едва ли мы смогли бы отбиться. Если начнется снегопад и мы застрянем на этом перевале, то нас неминуемо ждет голодная смерть, поскольку у нас не было никакой еды, кроме того, что мы успели унести. К тому же несколько человек были серьезно ранены, в их числе и жена Амира Тофика, второго после Улу Бега человека в отряде.

Иракцев мы увидели на следующее утро, но они были далеко внизу. Однако Улу Бег полагал, что это крупное подразделение, преследующее нас. Он сказал, что они доберутся до места нашей стоянки лишь через несколько часов, но мы к тому времени уже будем

далеко.

– Насколько далеко? – спросил Амир Тофик.

– На пути к границе, – ответил Улу Бег.

Он пообещал, что шах даст нам убежище.

Амир Тофик сплюнул в пыль. Патронные ленты у него на груди звякнули. Ему было лет двадцать пять. Тофик заявил, что шах – черная свинья, пригревшая на груди шакалов. Улу Бег сказал, что у нас нет выбора, и на этом спор завершился.

Четыре дня мы пробирались через горы. Еще дважды попадали под обстрел. Первый был самый серьезный, трое наших были убиты, еще несколько ранены. Они умоляли взять их с собой. Но у нас не было выбора. Нам нужно было продвигаться вперед.

От этого времени у меня остались смутные воспоминания. Однажды на нас налетели русские истребители. Мы забились в ущелье и укрылись за скалами – более сотни человек. Мы видели тень, плывущую по земле, и слышали рев двигателей, но самолет разглядеть не могли – слишком яркое было солнце. Апо, старший сын Улу Бега, прятался рядом со мной.

По ночам было очень холодно. Мы жались друг к другу в пещерах и ущельях, но все равно боялись разводять костры. Именно в такие минуты я острее всего чувствовала свое одиночество. Я ведь не была курдкой. Я была американкой, глупой американкой, застрявшей там, где делать ей было нечего. Я считала, что надеяться нам не на что. Мы передвигались

пешком, силы и продовольствие иссякали. Мулов не было. Мы преодолели невообразимое расстояние, столь же невообразимое расстояние нам еще предстояло преодолеть, нас преследовали люди на машинах, и эти люди были намерены нас убить.

Как-то я подслушала разговор мужчин. Они говорили, что мы обречены. Все кончено. Нам не выбраться. Улу Бег возражал. Он сказал, что у нас есть друзья. Друзья Джарди. Друзья Джарди помогут нам.

Мы почти пришли. Я спросила Улу Бега, сколько еще идти. Он указал на просвет между двумя горами прямо впереди.

Улу Бег попросил меня сопровождать его на переговорах с иранцами.

Мы прошли по тропке и поднялись на пыльную скалу, он и я. Тропка бежала вверх, к перевалу, и мы пробирались между неприступными утесами. Мне с трудом удавалось не отставать. Я задавалась вопросом, как смогут преодолеть последнюю, самую трудную часть подъема дети.

Мы были так близко! Скоро весь этот кошмар останется позади! Но я ужасно боялась, вдруг что-нибудь произойдет, в самом конце, так близко к спасению.

Мы перевалили через гребень горы. Перед нами простиралась выжженная земля. На ней ничего не росло. На многие мили окрест все было мертво. Не было ни растительности, ничего живого. То была зона дефолиации, полоса земли, которую иракцы

залили химикатами, чтобы повстанцы не могли перейти границу и пополнить запасы в Иране. Я разглядела залитый цементом ручей.

Мы двинулись вперед. Если бы появился русский самолет или вертолет и застал нас на открытой местности, нам пришел бы конец. И все же мы не могли позволить себе такую роскошь, как дожидаться наступления темноты. Мы пробирались по этой пустыне до тех пор, пока наконец несколько часов спустя впереди не показались колючая проволока и пограничный пункт – и зелень. Пограничный пункт представлял собой приземистое блочное здание, рядом с которым развевался на флагштоке иранский флаг. Неподалеку стояло несколько военных машин.

Мы поспешили к заставе. Там заметили наше приближение и были наготове. Дежурный офицер, молоденький майор, держал себя очень чопорно и корректно. Звали его майор Меджхати – это имя красовалось на нашивке его мундира, на груди. Форма на нем была накрахмалена до хруста.

Он спросил меня на фарси, не американка ли я. Я ответила утвердительно. Он решил, что я похожа на американку, несмотря на то, что одета я была, как курдка. Он провел в Америке год и знал, как выглядят американские женщины.

Я объяснила, что в скором времени подойдут сто человек, что среди них есть раненые и дети и все они голодны и измучены. Их преследуют иракцы на русских танках, сказала я ему.

Он спросил меня, из каких краев я родом. Не знаю уж, зачем ему понадобилось это знать. Я ответила.

Он считал Бостон приятным городом. Меджхати поведал мне, что учился в каком-то военном училище в Канзасе. Он сказал, что в Америке ему очень понравилось, что Америка – великая страна и что ему хотелось бы, чтобы Иран больше походил на Америку.

Я начала опасаться, что мы застрянем там на многие часы. Иранцы любят поговорить и никуда не торопятся. Они терпеть не могут смотреть в лицо окружающей действительности.

Потом майор спросил меня, не принадлежат ли эти курды к группировке пешмерга, воинственным горцам, которые сражаются с иракцами. Я ответила утвердительно. Он сказал, что они не могут принять на своей территории курдов. Таков новый политический курс. Он сказал, что рад приветствовать на своей земле меня, но политический курс изменился и для пешмерга граница закрыта.

Я не была уверена, что правильно поняла его. Подумала, что ослышалась. Я попыталась взять себя в руки.

– Но есть же соглашение, – сказала я. – Межправительственное. Между моим правительством, вашим правительством и пешмерга.

– Нет никаких соглашений, – отрезал он.

Несколько его солдат и офицеров вытащили оружие и приблизились к нам. Вид у них был неприветливый. Я указала на Улу Бега. Помню, я говорила:

– Это известный человек. Знаменитый Улу Бег. Он занимает высокий пост в пешмерга.

Майор Меджхати снова заявил, что американская гражданка может без помех вступить на территорию его страны, а курд пусть проваливает. Он пообещал, что его люди будут стрелять, если курд не уйдет от границы.

Я сказала ему, что у нас был американский офицер, важный человек, со связями в тегеранских верхах...

Но они сообщили нам, что все американцы уехали.

Улу Бег развернулся и зашагал обратно к своим людям.

Я побежала за ним».

Чарди отложил рукопись. Джоанна сидела напротив. Она даже не сняла пальто.

– Надо было остаться в Иране, Джоанна. Ты поступила неразумно.

– Я не могла, Пол. Читай дальше.

«Мы шли весь остаток того дня и большую часть следующего. Наш путь лежал на север, дальше в горы. Теперь нашей целью была Турция, граница с которой охранялась не так тщательно. Это решение было мучительным, ведь едва ли найдется кто-то, кого курды – как и большая часть Ближнего Востока – ненавидят сильнее, чем турок, которые в составе Оттоманской империи многие столетия угнетали их.

Затем мы собирались продолжать двигаться на север, в Россию. Я знала, что Улу Бег задумал повторить путь муллы Мустафы Барзани, который

бежал из Ирана после падения Курдской автономной республики в Мехабаде в 1947-м. В Советском Союзе Барзани прожил в изгнании одиннадцать лет. Мне тогда не бросился в глаза комизм бегства от иракцев, которых поддерживали и снабжали русские, в Турцию, а оттуда в Россию. Теперь он кажется мне яркой иллюстрацией принципа ближневосточной истории и политики: идеология ничего не значит.

И вот настало утро шестого дня. Мы отыскивали какие-то пещеры и наконец отважились разжечь костер. Мы даже нашли родник, который не был зацементирован.

Кто-то включил рацию – это была обычная процедура; Джарди, как звали его курды, всегда пытался установить связь с Резайе по утрам – и внезапно на той частоте, где пять дней царил мертвая тишина, прозвучал сигнал.

Это, насколько я понимаю, была определенная последовательность кодов, предвещающая начало связи.

Я услышала, как Улу Бег заговорил на своем ломаном английском.

– Фред – Тому, – повторял он. – Фред – Тому.

Рация, русского производства, как и все снаряжение, привезенное Полом, шипела и потрескивала.

До меня донеслись слова по-английски: „Том – Фреду, Том – Фреду“, и я узнала голос. Это был Пол Чарди».

– Помнишь это, Пол? – спросила она.

В комнате было очень тихо. Чарди поднял на нее глаза.

Потом произнес:

– Да, помню. – И снова уткнулся в бумаги.

«Мы ждали на поляне. Пол Чарди обещал, что вертолеты придут в четыре. Их должно было быть шесть, и предстояло сделать два или три вылета, чтобы вывезти всех. Нужно соблюдать порядок, предупредил он, никакой паники, никакой давки. На это уйдет какое-то время, но вывезут всех.

Люди возносили хвалы за избавление Аллаху Милосердному, но Улу Бег сказал, что благодарить следует Джарди и его американских друзей.

Ожидание, казалось, тянулось целый год. На самом деле оно длилось всего-то несколько часов. Но теперь небо прояснилось, и солнце жарило во всю мочь. На самых высоких пиках поблескивали снежные шапки. На поляне росло несколько карликовых дубов.

Люди собрались в тени этих немногочисленных деревьев, я смотрела, как они смеются и бродят по поляне. Их яркие одежды мелькали в бурных ветвях.

Мы с Улу Бегом отошли к гребню над поляной и скрылись за скалой. Я спросила его, не ожидает ли он подвоха.

– Я всегда ожидаю подвоха, – отвечал он.

Его лицо было припорошено пылью. Губы растрескались и стали почти белые, в синих глазах затаилась усталость. Он снял свой тюрбан, и меня поразили его волосы – почти русые. И глаза у него были совершенно невероятные.

Он велел, чтобы я шла ждать вертолет вниз.
– Я остаюсь, – заявила я.

* * *

Мы слышали вертолеты еще до того, как увидели их. Они появились над горой. Это зрелище показалось мне совершенно невиданным. Я таращила на них, как громом пораженная.

Их было, как и обещал Пол, шесть. Они повисли в небе. Амир Тофик на земле поджег дымовую пашку. Столб зеленого дыма взвился в небо.

Вертолеты были серые, на фюзеляжах красовались опознавательные знаки иранской армии. Носы их блестели: солнце отражалось в стекле или в пластике. Они оказались куда больше, чем я воображала. Шум стоял невообразимый. Они летели строем в два ряда, по три в каждом. Вертолеты начали снижаться, большие и темные. Я уже могла различить в кабинах пилотов в шлемах и солнечных очках.

Винты поднимали пыль, она клубилась и кружилась вихрями. В воздухе вились клочья зеленого дыма. Ветер сбивал нас с ног, срывал листья с деревьев.

Я видела двух маленьких мальчиков, Апо и Мемеда, они сидели в сторонке. Я видела Амира Тофика с женой; рука у нее была вся в бинтах. Видела старого Кака Фарзанду – он терпеливо ждал. Видела Хаджи Исмаила – до того, как присоединиться к повстанцам в горах, он был носильщиком в Багдаде. Я видела

Зульхей, старуху в черном платке, – она рассказывала мне сказания и легенды, которые я записывала, – и ее дочь Насрин, стряпуху. Я видела... в общем, я видела их всех, этих людей, с которыми я прожила семь месяцев и которых успела, насколько это возможно для иностранца, вернее для иностранки, полюбить.

Вертолеты зависли над деревьями, и какое-то время я не вполне понимала, что происходит. Я стояла столбом, как дура. Внизу началась сумятица.

Улу Бег обернулся ко мне, и я услышала его слова:
– Это русские.

Люди из вертолетов принялись стрелять по деревьям. Поднялась пыль. Я видела, как разлетались ветки. Орудия стали изрыгать языки цветного огня. Они словно обливали деревья светом. Вокруг летели искры, начались пожары.

Улу Бег рядом со мной застрочил из своего русского автомата. Козырек одной кабины разлетелся, и вертолет дрогнул.

„Сбей их“, – поймала я вдруг себя на мысли.

Машина начала падать, неудержимо заваливаясь вперед. Она рухнула и разбилась. Лопасть пропеллера вспорола землю. Подбитый вертолет вспух огромным шаром маслянистого пламени, мгновенно распространившегося по поляне. Меня сбило с ног.

Люди из вертолетов расстреливали нас. Пули рикошетом отскакивали от камней. В нос мне ударил едкий запах горящего бензина. В голове так помутилось, что я чуть не бросилась в пылающий ад

под нами, но Улу Бег схватил меня за руку и потащил по другому склону вниз, в темное ущелье. Мы кубарем слетели по склону, оскальзываясь на осыпи. Я была в таком ужасе, что даже не чувствовала боли. Мы забирались глубже и глубже, пока не забились в темную расщелину. Над головой стрекотал вертолет. Он висел над нами целую вечность. Улу Бег сжимал в руках свой русский автомат. Потом вертолет набрал высоту и исчез. В небо поднимались два столба дыма – один толстый и черный, второй зеленый».

– Твой русский не рассказывал тебе об этом? – спросила Джоанна, когда он отложил последнюю страницу.

– Нет, – покачал головой Пол. – Никаких подробностей.

– Та засада была частью сценария? Частью какого-то большего предательства? Ты действовал по чьему-то приказу? Все те месяцы, когда я любила тебя, когда ты сражался на стороне курдов, – ты знал? Ты знал, что все так кончится?

– Разумеется нет.

– Но тогда, по радио, это был ты?

Чарди помнил это, правда, не слишком хорошо. Рация была советская, модель «ЛП-56», с двойным усилением и чем-то вроде частотного сканера, стандартное снаряжение советских танковых частей. Ему вспомнился микрофон в его руке – тяжелая, монументальная штука.

«А они изрядно отстали в радиотехнике», – помнится, подумалось тогда ему.

Он словно оцепенел.

– Ты? – подстегнула она.

– Да, – ответил он.

Полковник КГБ Спешнев остался тогда весьма доволен его поведением.

– Почему, Пол? – проговорила она тихо.

– Я... Для них было очень важно убить Улу Бега или взять его в плен, – сказал он.

– Но почему ты стал им помогать?

– У меня не было выбора.

– Тебя пытали.

– Да, они покуражились надо мной всласть. Но дело было не в этом.

– Так расскажи мне, Пол. Почему?

– Джоанна, я не могу тебе этого сказать. Да теперь уже ничего и не изменишь. Наверное, на самом деле я здесь затем, чтобы попытаться загладить свою вину.

– Вину перед курдами так никто и не загладил.

– Джоанна, он здесь, чтобы убивать. Что, если в перестрелку попадут дети? Что, если произойдет еще одно массовое убийство? Что, если пострадают невинные...

– Это мы дали Улу Бегу оружие. Мы поддерживали его. Мы подстрекали его. Пол, невинных тут нет.

– Джоанна...

– Пол, убирайся отсюда. Я ничем не могу тебе помочь, я не стану тебе помогать. Чему быть, того не миновать. Иншалла, все в руках Божьих. У курдов есть пословица: не дрогни, ко-

гда возмездие готово обрушиться на голову твоего врага.

Он поглядел на нее.

– Уходи, Пол, я страшно устала.

Он поднялся.

– И не смей больше пытаться увидиться со мной. Клянусь, я вызову полицию.

* * *

Чарди стоял перед ее домом. Было холодно. Он подумал, что за ним, наверное, следили. Через несколько минут и в самом деле подъехал фургон. Чарди перешел улицу и забрался внутрь.

– Как все прошло? – поинтересовался Ланахан.

– Ужасно, – ответил он, усаживаясь напротив юнца.

Фургон тронулся, и Чарди стал смотреть из окна на проносящиеся мимо уличные фонари и темные дома.

– Какого черта она из себя воображает? Думает, с ней в бирюльки играют, да? Ладно, если она отказалась нам помогать, мы ей такое устроим! Мы...

Чарди схватил сопляка за плотные лацканы плаща и приложил о стенку фургона так, что его голова с силой ударилась о стекло.

– Эй, эй. – Кудесник из техотдела на переднем сиденье испуганно обернулся. – Спокойно, ребята.

Но Чарди придавил локтем горло парня и, пригвоздив к

сиденью, велел тому придержать свой поганый язык. Потом отпустил жертву и выпрямился.

Парнишка ошеломленно потряс головой и осторожно потрогал горло. Расширенные глаза и дрожащие пальцы выдавали его страх, но этот страх обратился в ярость.

– Ты, скотина! – выплюнул он.

Чарди смотрел в темноту за окном.

* * *

В отель они вернулись в молчании. Была почти полночь. Чарди двинулся в бар и прикончил еще несколько порций пива. Потом принялся озираться по сторонам – в зале было довольно многолюдно – в поисках бугая поздоровее. Нашел и привязался к нему, нарываясь на драку. Но бугай оказался робкого десятка и поспешно скрылся, после чего люди стали держаться от Чарди на таком почтительном расстоянии, что он в конце концов решил отправиться спать.

Спал он плохо, все время думал о вертолетах.

Наутро его ни свет ни заря разбудил телефонный звонок. Он сонно заморгал, в сером полумраке разглядывая неубранную комнату. Голова раскальвалась, во рту стоял отвратительный привкус. Он снял трубку.

– Пол?

– Да?

В ее голосе слышался невысказанный вопрос, но он так и

не прозвучал. Пол так стиснул трубку, что испугался, как бы не треснул пластик.

– Мне нужно с тобой увидеться, – сказала она.

– Зачем?

– Пол, сукин ты сын. И чего тебе не сиделось там у себя в Чикаго?

Он взглянул на свой «Ролекс» и обнаружил, что времени полвосьмого.

– Я не сомкнула глаз, – сказала она. – По-моему, я схожу с ума. В последнее время я сама не знаю что творю.

– Ради всего святого, вздремни немного. Потом встретимся где-нибудь в городе. На свежем воздухе.

– На реке. У лодочной станции. Неподалеку от Бойлстона. Спросишь у кого-нибудь, где это. В полдень.

– Я буду.

– Пол. Пожалуйста, приходи один. Без человечков в шинелях.

Глава 9

Улу Бег сидел рядом с черным мужчиной. Он убедился, что с черными проще всего. Всю дорогу от Эль-Пасо до Форт-Уэрта по бесконечной однообразной равнине он ехал с белым, который говорил, не умолкая. В речи его то и дело мелькали бесконечно далекие от Улу Бега понятия, смущавшие его: «Сперз», проценты по закладным, цены на бензин, «Ойлерз»,¹⁸ Джонни Карсон,¹⁹ родительский комитет, прибрежные участки, лающие собаки. Он улыбался и усердно кивал все несколько часов путешествия, и когда наконец освободился, то обнаружил, что одеревенел, покрыт липкой испариной и весь дрожит.

Поэтому Улу Бег стал выбирать черных. Рядом с черным можно было сидеть часами и не услышать от него ни слова. Он просто тебя не замечал. Сидел, замкнувшись в ожесточенном молчании, погруженный в свою горечь. Что-то в них привлекало Улу Бега. Может, они были американскими курдами? Ведь, как и курды, то был многочисленный и красивый народ, настойчиво стремящийся сохранить свою самобытность. В них было достоинство и исламская неторопли-

¹⁸ «Сперз» – баскетбольная команда НБА. «Ойлерз» – хоккейная команда НХЛ.

¹⁹ Джонни Карсон – американский комедийный актер, звезда разговорного жанра.

вость, которую он понимал. И они скептически относились к окружающей их Америке, он это чувствовал. Однако черные и не думали уходить в горы, чтобы бороться. Интересно почему? Может, это как-то связано с музыкой, звучавшей из громоздких приемников, которые они носили с собой повсюду.

За окном автобуса проплывал Арканзас, плоский и зеленый.

Чернокожий сосед пошевелился. Это был крупный молчаливый мужчина с маленькими сердитыми глазками на широком лице. Он зашуршал газетой, которую читал. Улу Бег видел заголовки: «Четырехкратный пленник НЛО», «Салли Берт: все по второму кругу?» «Шерил Лэдд: Дэвид избивал меня».

Улу Бег попытался устроиться поудобнее. Он не привык подолгу сидеть. В своей жизни он сидел неподвижно крайне редко. Он переложил рюкзак, который вез на коленях, вместо того чтобы убрать на багажную полку, неуклюже заерзал. Его локоть задел развернутую газету чернокожего.

– Простите, – извинился он и еще больше вжался в свое сиденье.

Черный демонстративно расправил и перевернул страницу, тем самым заявив свое право на еще большую часть пространства.

Улу Бег устремил взгляд мимо него, за окно.

Арканзас. Затем Кентукки, Теннесси. Потом Огайо. По-

том...

Названия были непривычные, а края и того непривычной. Он почти не отваживался произносить эти названия, хотя упорные занятия значительно улучшили его английский. Это странное бестолковое путешествие по американской глубинке, по ничем не примечательным грязным городкам, которые были все на одно лицо, накрепко врезалось ему в память. Он находился в пути уже много дней, и еще больше оставалось до окончания.

«Спешить тебе некуда, – наставляли его. – Лучше лишний раз перестраховаться. Три уверенных шага назад предпочтительнее одного неверного шага вперед».

Скоро Литл-Рок. За ним Мемфис, потом Боулинг-Грин. Автобусы, поезда, но ни одного самолета. Американцы безумно боятся воздушных пиратов, террористов, убийц, так что для человека с пистолетом нет в Америке места опаснее, чем аэропорт.

Лексингтон, Хантингтон. Всюду одно и то же. Подъезжаешь к автовокзалу поздно ночью или, если автобус приходит днем, дожидаясь наступления темноты. Потом непременно найдется небольшой отельчик, готовый приютить путников, у которых не слишком много денег, путников без прошлого и будущего. «Для транзитников» – будет написано на вывеске. Снимаешь недорогой номер. Выходишь из него только поесть. Питаешься исключительно в мелких ресторанчиках, где нет нужды заказывать изысканные блюда. Жи-

вещь несколько дней. Если больше трех, то переселяешься в другой отель. Потом едешь дальше.

Улу Бег уже стал знатоком такой жизни и мест, которых она требовала. В отелях было полно стариков с потухшими глазами. Они брызгали слюной и воняли спиртным. Эта Америка не пахла властью и богатством, это было негостеприимное место, ничем не отличающееся от трущоб любой другой страны, в особенности для одиноких людей с проблемами: без денег, без дома, без работы. Ненависть была через край. Эти мужчины без женщин жили и питались своей ненавистью. Они ненавидели черных – которые отвечали им тем же, ненавидели «иных» – загадочный остаток человечества, который они не в состоянии были понять, но который, похоже, обладал необходимыми навыками для того, чтобы неплохо жить. Они ненавидели детей, у которых было будущее, и ненавидели женщин – за то, что те не желали с ними встречаться; они ненавидели друг друга и ненавидели самих себя.

И все же, по-видимому, они не замечали Улу Бега, а если и замечали, то из-за того, что он не попадал ни под одну категорию, не могли его ненавидеть. Они его игнорировали.

«ПЛАСТИЧЕСКИЙ ХИРУРГ, СДЕЛАВШИЙ НЕКАЧЕСТВЕННУЮ ГРУДЬ, ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ».

«Я УБИЛА СВОЕГО РЕБЕНКА, ПРИЗНАЕТСЯ

МАТЬ МЛАДЕНЦА, УМЕРШЕГО В КОЛЫБЕЛИ».

«МЕКСИКАНСКИЕ ВРАЧИ ОТКРЫЛИ НОВОЕ
ЛЕКАРСТВО ОТ РАКА».

Они были правы. Они не могли подготовить его к Америке. Ничто не могло бы подготовить его. Его подготовили ко многому, но не к этой ненависти. Он словно никогда и не покидал опасных улиц, наводненных оружием гор, охваченного огнем перестрелок Ближнего Востока. Здесь тоже шла война. Старики в отелях, насквозь пропахших дезинфекцией и кишачих клопами, которые кусали тебя по ночам – как дома. Чернокожие, угрожающе кучкующиеся на углах улиц – как молодые бандиты-ханафи в суннитской зоне. Одинокие старые негры, которые передвигались так медленно, как будто заметили поджидающую их в конце квартала смерть. Женщины, одновременно соблазнительные и враждебные. Неужели все они шлюхи? Раскрашенные, в точности как багдадские проститутки, тычущие тебе в глаза своими бедрами, грудями и пухлыми губами. И все же от них веяло каким-то колючим страхом. Но хуже всех были белые.

Хозяева мира? Властелины, императоры? Покорители Луны?

Никогда еще он не видел таких угрюмых и слабых властелинов. Бесславие хуже смерти, говорили у курдов. Курдистан или смерть, говорили у курдов. Жизнь проходит, слава остается, говорили у курдов.

Ни один американец не мог бы сказать ничего подобного. Америка – гибнущая Оттоманская империя, Византия, такая же алчная, такая же бессильная. А ее жители ничем не лучше погрязших в грехах турок прошлого.

Американцы истекали потом, такие они были жирные. На своих собственных улицах они казались не хозяевами, а съемщиками, взявшими их в аренду за баснословную плату. Бог ничего не готовит для них, потому что Бог их не видит.

Или, может быть, все дело было в погоде, или в городе. Как бы то ни было, в городах, которые он проезжал, воздух казался сизым – сизым от курящихся дымков, от поднимающегося пара, сизым от ночных отсветов огромных ламп, сизым от ненависти. В любой миг он грозил разлететься на куски, и тогда эти группировки начнут на улицах охоту друг на друга. Бейрут, Багдад, Тегеран, Тебриз – все это случалось в его части мира сотни раз, ненависть бешено клокотала до тех пор, пока в один далеко не прекрасный день этот нарыв не прорывался и она не выплескивалась на мостовые. И здесь все будет точно так же. Вот о чем говорило все вокруг. А таких, как Джарди, ему что-то не попадалось.

Америка лишилась своих Джарди. Отвергла их, оттолкнула, изжила, изничтожила, предала анафеме по какой-то невысказанной причине.

В своем путешествии он не видел Джарди – того духа, который тогда, в горах, представлялся ему самой сутью Америки, а оказался, пожалуй, всего-навсего самой сутью Джар-

ди. Джарди всегда подстегивал их.

Но Джарди их предал.

Джарди, Джарди. Почему?

Голова у него гудела. Измена Джарди была как насмешка.

Джарди, ты был мне братом. Джарди, я любил тебя. В тебе было благородство, Джарди, ты не мог так поступить.

Почему, Джарди? Кто завладел тобой, Джарди, кто отнял тебя от нас, кто натравил тебя на нас? Ты скорее умер бы, Джарди, чем предал нас?

Один раз ты подарил жизнь, Джарди. Ты подарил жизнь моему сыну, Апо. Зачем же ты потом отнял ее, брат мой?

– Литл-Рок, ребята. Городской автовокзал, осталось минут десять. Не забывайте свой багаж.

Пассажиры зашевелились.

Улу Бег выглянул в окно: еще один бездушный сизый город.

– Да уж, твою мать, самое время, – буркнул чернокожий сосед и перевернул очередную страницу газеты.

«ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ
ПИЛЮЛИ ВОЗРОЖДАЮТ ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ».

«СТРЕЙЗАНД СЫГРАЕТ В ФИЛЬМЕ
РЕДФОРДА».

«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ДОЛЖНЫ
ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ВОЛЮ, ЗАЯВЛЯЕТ ДЖО
ДАНЦИГ».

Глава 10

Тревитта не покидало ощущение, будто он присутствует на аудиенции у Линдона Джонсона.²⁰ Рослый старик, чья мифицированная кожа никогда не потела, с кулачищами размером с хороший окорок, глазами как бритвы и неизменным пистолетом в кобуре, горячо ратующий за немногословную справедливость по-техасски: без лишних слов, огнем и мечом. Подобные личности, подобные образчики человеческого обаяния всегда были для Тревитта погубелью. Они завораживали его, и он утрачивал бдительность, а это было неразумно и опасно. Вернон Телл был инспектором пограничного патруля США, начальником погранпункта в Ногалесе, штат Аризона. Он пытался объяснить Тревитту с Биллом Спейтом, которые сидели у него в кабинете под сомнительной легендой следователей Бюро по контролю за продажей алкоголя, табачных напитков и огнестрельного оружия при Министерстве финансов, интересующихся незаконным применением автоматического оружия, как мало зацепок в деле об убийстве двух его подчиненных, совершенном одиннадцатого марта. На нем были гигантские очки с желтоватыми стеклами, а такой короткий ежик, как у него, Тревитт видел впервые в жизни.

²⁰ Линдон Джонсон (1908–1973) – тридцать шестой президент США (1963–1969).

Тревитт щурился от жары, пытаясь разложить все по полочкам. Очевидно, разговор достиг кульминации, поскольку и грузный старый пограничник, и Билл Спейт поднялись. Тревитт почувствовал, что положение выходит из-под контроля, и ощутил настоятельную потребность вновь вернуть себе верховенство, если оно вообще когда-нибудь у него было, – но против воли тоже встал, поддавшись стариковскому магнетизму Вернона Телла и желанию продемонстрировать этому зануде Спейту, что он не растерялся.

Старый офицер вдруг обернулся к нему и спросил:

– Был во Вьетнаме, сынок?

Тревитт вздрогнул и немедленно почувствовал себя как на экзамене.

– Нет, сэр, – ответил он.

– Ну, – сказал Телл, на чьей травянисто-зеленой униформе не образовалось ни складочки, несмотря на то, что кондиционер у него в кабинете не работал и Тревитт со Спейтом давным-давно испеклись в своих костюмах, – я потому спрашиваю, что ночами здесь, как во Вьетнаме.

Он махнул в сторону окна, за которым под ослепительным безоблачным небом простирался типичный пейзаж юго-запада – миля за милей низкорослая поросль, пустыня и горы, среди которых затесался случайный знак какой-то придорожной забегаловки.

– Они привозят пушки и дурь и, понятное дело, просто незаконно ломаются через границу. Летят самолетами, едут

на джипах, идут пешком. Тут иной раз такое творится, что за голову впору хвататься.

– Уверен, работенка у вас нелегкая, – беспомощно сказал Тревитт.

– Идемте, – пригласил их Телл.

Он двинулся вперед по сверкающему коридору под взглядами многочисленных официальных портретов и провел их через зеленую двустворчатую дверь. За ней оказались ворота, которые старый полицейский проворно открыл. Они очутились еще в одном коридоре, и чем дальше они в него углублялись, тем сильнее становились духота и дискомфорт. По обеим сторонам тянулись пустые камеры, но у них была иная цель: в конце коридора в аккуратной конурке сидели двое пограничников в форме.

– Ну, как сегодня наш малыш? – осведомился Телл.

– Почти без изменений, сэр.

– Эти господа приехали с самого восточного побережья, чтобы поговорить с ним.

Открылась еще одна дверь, и за ней обнаружилась комнатка полутюремного типа, потайная каморка. В камере валялся на койке один-единственный парнишка-мексиканец, тощий и угрюмый.

– Вот наш улов, – сказал Телл. – Его зовут Гектор Мурильо. Ему шестнадцать лет, он из деревушки Хайтцо милях примерно в ста от Мехико. Кто-нибудь из вас говорит по-испански?

Тревитт и Спейт покачали головами.

– Мы считаем, что Гектор перешел границу вчера ночью. Остальные полегли в пустыне, вернулись на свою сторону или благополучно скрылись. Но по следам на месте преступления мы определили, что границу перешли по меньшей мере семеро. Один из них, тот, который стрелял, был в сапогах. Мы до сих пор пытаемся установить производителя.

– Ну и какую жалостную историю он рассказал? – отрывисто спросил Билл Спейт, утирая лицо промокшим платком.

Он посерел от жары, волосы обвисшими прядями липли ко лбу. В кабинете он был веселым и дружелюбным, но жара все-таки доконала и его.

– Как ни забавно, никакую. Нашли его, полумертвого от жажды и на грани помешательства, в горах, через неделю после перестрелки. Говорит, что ничего не помнит. Гектор! Como esta la memoria?²¹

– Esta nada.

Nada. Ничего.

Угрюмый парнишка взглянул на них с полным отсутствием интереса, потом повернулся и элегантно харкнул в жестянку из-под кофе, после чего уткнулся лицом в стену.

– Ох уж эти мексиканские ребятишки. Гвозди бы из них делать, – хмыкнул Телл. – Но если в нашем деле не случится какого-нибудь прорыва, ему светит обвинение в соучастии в убийстве первой степени по кодексу штата и нарушении

²¹ Как память? (исп.)

гражданских прав двух моих ребят по федеральному кодексу.

– Господи, – ахнул Тревитт, – он ведь совсем ребенок! – И по яростному взгляду Спейта понял, что сделал ошибку.

– Они там, по ту сторону забора, взрослеют быстро.

– Мексиканские власти какую-нибудь помощь оказывают? – поинтересовался Спейт.

– Как обычно. Цветы вдовам и извинения. Ну, высадят двери в паре-тройке борделей в Ногалесе.

– Есть какие-нибудь соображения, кто мог их переправить?

– Мистер Спейт, в мексиканском Ногалесе найдется десятка два с лишним контор, которые переправляют товар – будь то нелегалы или наркотики – в Лос-Эстадос. И еще сотни одиночек, любителей, совместителей и вовсе случайных людей. Спросите у Гектора.

Но юный мексиканец даже не взглянул на них.

– В былые времена он бы у нас заговорил, как миленький, – сказал Телл. – Но нынче все изменилось.

Однако Тревитт, разглядывавший парнишку в кедах, синих джинсах и грязной футболке, этого мнения не разделял. Такого хоть месяц лупи, все равно ничего не выжмешь; крепкий орешек, гвозди можно делать, как выразился старый пограничник. Тревитт содрогнулся от ощущения тяжести на душе. Он пытался представить, что сделало этого парнишку таким отрешенным, пытался вообразить себе его детство в

каких-нибудь мексиканских трущобах. Но его воображение не шло дальше избитых образов дебелых смуглых матрон, тортилий и людей, поголовно облаченных в белые одеяния мексиканских крестьян. И все же этот мальчишка его тронул.

– Ладно, мистер Телл, – сказал Спейт, – спасибо, что уделите нам время.

Наверное, ему хотелось поскорее вернуться в бар в мотеле, к своему рому с колой. Тревитт никогда еще не видел, чтобы человек пил столько рома с колой.

– Рано или поздно Гектор надумает побеседовать с нами, – пообещал начальник. – Я вам звякну.

– Как думаете, можно нам взглянуть на вашу картотеку контрабандистов и проводников? – попросил Спейт.

– Не вижу причин для отказа, – пожал плечами Телл.

Они развернулись и вышли, и Тревитт двинулся было следом. Но на него вдруг накатила острая жалость к этому ершистому храброму мальчишке, такому одинокому в американской тюрьме, в ожидании безрадостного будущего.

Парнишка поднялся и сидел на койке, разглядывая Тревитта. Его темно-карие глаза не выражали никаких чувств. Двое старых служак за стеной были увлечены непринужденной болтовней о добрых старых временах, о том, как все было в прошлом. Но Тревитт в камере задыхался под бременем настоящего, всего того, что происходило в этот самый миг. Ему отчаянно хотелось помочь мальчишке, как-то его

утешить.

Надо было тебе идти в социальные работники, сказал он себе с отвращением. Этот маленький бандит перерезал бы тебе глотку за твои часы, будь у него такая возможность.

Но перед глазами у него встала картина: Гектор и его товарищи, под покровом ночи пробирающиеся в каком-нибудь грузовике или фургоне на пути к чему-то такому, что смутно казалось им лучшей долей. Должно быть, они несколько часов просидели бок о бок с курдом, с этим странным высоким человеком. Что они о нем думали?

Мальчишка смотрел на него холодным взглядом и, наверное, видел лишь очередного полицейского-гринго. Тревитт понимал, что снова допустил оплошность. Надо уходить, нечего ему здесь делать. Ему стало не по себе. Он развернулся, чтобы уйти – и тут его, словно по волшебству, озарила блестящая идея.

– Гектор, – сказал он.

Глаза мальчишки остались холодными, но впились в него. Где-то за стеной послышался громкий голос Спейта, и надзиратель с охранником расхохотались. Интересно, они заметили его отсутствие? Сердце у Тревитта гулко бухало.

Перед глазами у него встало лицо – оно реяло в воздухе, словно насмехаясь над ним. Это было лицо высокого светловолосого мужчины, широкоскулое, с горящими глазами и крупным носом. Он видел его на стене. Это был портрет, который их художник нарисовал по старой фотографии Улу

Бега.

Светловолосый. Высокий. Ни на кого не похожий.

Тревитт произнес на испанском, знание которого совсем недавно отрицал:

– Я друг высокого *porteamericano* с желтыми волосами. Того, который был с пушкой. Он знаменитый гангстер. Он благодарит тебя за молчание.

Мальчишка настороженно смотрел на него.

Тревитт слышал, как они смеются, старина Спейт и старина Телл, два благодушных старика. Неужели его до сих пор не хватились?

– Вас предали, – на ходу пустился выдумывать Тревитт. – Предал человек, который привез вас к границе. Высокий хочет мести.

Он надеялся, что правильно вспомнил слово «месть» – *la venganza*.

– Скажи ему, пусть прирежет эту свинью. Убьет его. Выпустит ему кишки, – хладнокровно заявил мальчик.

– Высокий гангстер-*norteamericano* позаботится об этом, – пообещал Тревитт.

– Скажи ему, пусть убьет эту свинью Рамиреса, по милости которого мой брат умер в пустыне.

– Договорились, – сказал Тревитт и вихрем метнулся к выходу.

Рамирес!

Его так распирало от идей, что он дрожал. Он не в силах был перестать думать.

– Ладно, – проговорил он, – я считаю, нужно доложить об этом Вер Стигу. К черту телеграммы. Думаю, достаточно позвонить. Потом можно будет вступить в контакт с мексиканской разведкой – я уверен, у нас есть друзья в Мехико, которые знают к ним подходы, – и получить разрешение на то, чтобы там покрутиться. Тогда...

Билл Спейт не слушал. Он задумчиво уткнулся в свой ром с колой. И это еще до полудня!

– Билл, я говорил...

– Понял, понял, – кивнул Спейт и отхлебнул из бокала.

Тревитт знал, что когда-то он подавал большие надежды, ему прочили блестящее будущее, хотя сейчас поверить в это было трудно. Вид у него был неважный, и он явно не хотел, очертя голову, бросаться в какую-то авантюру.

– Пожалуй, ты прав, – сказал он. – Это отличная идея, просто великолепная. Но возможно, нам стоит пока повременить с этим. Подождать немного.

– Но почему? – настаивал Тревитт.

Они сидели в полутемном баре, последнем убежище от пустынного солнца, которое, казалось, в один миг вытравило все краски дня. До границы было рукой подать. Тре-

вигт мельком видел ее несколько минут назад; она походила на Берлинскую стену с колючей проволокой, шлагбаумами и кабинками пограничников. А за ней лачуги, облепившие неожиданно высокие холмы, немногочисленные тесные и узкие улочки. Мексика.

– Ну... – Билл замялся.

Тревитт ждал.

– Во-первых, никогда не стоит поднимать шумиху вокруг того, что тебе удалось узнать. Во-вторых, никогда не стоит спешить. В-третьих, я старый человек, а день сегодня жаркий. Давай просто погодим, обмозгуем все как следует, а вечером посмотрим на это дело свежим взглядом.

– Да. Но порядок таков...

– Мне известны все порядки, Джим.

– Просто я подумал...

– Чего бы мне хотелось – ты тоже можешь присоединиться, если хочешь, вдруг это покажется тебе интересным, – чего мне бы хотелось – немного покрутиться на месте, не поднимая лишнего шума. Посмотрим, что нам удастся вывести неофициально.

– В Мексике? Вы хотите отправиться в Мексику? Но у нас же нет никаких инструкций...

– Каждый день на ту сторону отправляются тысячи туристов. Просто переходишь границу, а потом возвращаешься обратно, и все. Ничего необычного.

– Не знаю, – протянул Тревитт.

В Мексику? Все это немного его пугало.

– Поедем туристами. Turistas. Купим каких-нибудь сувениров, пройдемся по клубам, развлечемся.

В конце концов Тревитт кивнул.

– Turistas, – повторил старый Билл еще раз.

Глава 11

Он ждал у огромной старой лодочной станции, громадины в викторианском стиле; было ясно и свежо, почти по-осеннему, ветер рябил речную воду. Какой-то гарвардский клоун в лодке усердно работал веслами, и Чарди смотрел, как он гребет по течению к следующему мосту, мерно сгибаясь и разгибаясь, сгибаясь и разгибаясь. Гребец развил на удивление хорошую скорость и вскоре исчез под аркой, но к тому времени взгляд Чарди уже был прикован к приближающейся женской фигурке.

Казалось, она целую вечность идет по мыску пожухлой травы, который отделял принадлежащие нескольким гарвардским семействам особняки в георгианском стиле от холодных вод реки Чарльз. На ней были джинсы, натянутые поверх сапог, и уже знакомый ему твидовый жакет и свитер с воротником-хомутом. Волосы она упрятала под вязаную шапочку. Джоанна надела темные очки и не накрасилась. Вид у нее был более суровый, пожалуй, более богемный и определенно более профессорский, чем вчера вечером.

Чарди двинулся ей навстречу.

– Ты поспала?

– Все нормально, – ответила она без улыбки.

– Идем к тому мостику.

У него болела голова, и он немного нервничал. Мимо про-

трусил бегун в меховых наушниках, потом в противоположном направлении промчался велосипедист на новомодном велосипеде с низким сиденьем. Они дошли до моста и свернули на него, миновав деревья, едва пробудившиеся от зимнего сна.

Чарди облокотился на каменный парапет, морщась от пронизывающего ветра; у него ломило уши. Он был без перчаток – оставил их где-то. Пол всем своим существом ощущал рядом Джоанну. Она обхватила себя руками, вид у нее был замерзший.

Он придирчиво осмотрел левый берег, улицу Мемориал-драйв, вьющуюся между деревьями. По ней неслись машины. Потом оглянулся направо, на дорогу, носящую название Сторроу-драйв, и изучил поток транспорта на ней.

– Вроде бы все в порядке, – заключил он.

– Чего ты опасаться?

– У них есть параболические микрофоны, которые улавливают твою речь с двухсот футов. Но для них нужна уйма разнообразного оборудования, а значит, грузовик или фургон. Я искал стоящий где-нибудь поблизости неприметный грузовик или фургон.

Чарди посмотрел на воду.

– Думаю, – сказал он, – мне показали лишь небольшую часть операции. Я считаю, что она значительно серьезней, чем мне обрисовали. Я пока еще точно не знаю, что они затеяли и насколько больше им известно, чем они говорят. Я

работаю с каким-то придурком, в котором нет ничего человеческого, болваном из Лиги Плюща и сопляком, который витает в облаках. Все должно быть серьезней. Я просто знаю, что должно. И кто-то следит за всем.

«Сэм, – подумал он. – Сэм, готов поручиться, что без тебя здесь не обошлось».

– Здесь можно разговаривать? – спросила она.

– Если они действительно захотят засечь тебя, они это сделают, как ты ни изворачивайся. Но они сейчас не слишком высокого мнения обо мне. Так что разговаривать можно.

– По твоей милости я провела совершенно кошмарную ночь, Пол.

– Прости.

– У меня есть какой-нибудь выбор?

– Никакого. Если Улу Бег для тебя что-нибудь значит.

– Меня выводит из себя, что у нас нет выбора.

– Меня тоже. Но тут уж ничего не попишешь.

Дул сильный ветер; Чарди повернулся к нему спиной, взглянул на излучину реки. Давешний гребец боролся с течением, пытаясь вернуться к лодочной станции.

– Ты нанес нам страшный удар, Пол. Страшный удар.

– Всякое бывает, – сказал Чарди. – Ты делаешь все, что можешь, но иногда этого все равно недостаточно. Я просто попал в переплет, с которым не смог справиться. Я отдал бы все, что угодно, отдал бы свою жизнь, чтобы получить возможность прожить все заново. Но что случилось, то случи-

лось.

Теперь ветер разбушевался не на шутку, и на реке поднялось небольшое волнение.

– А что, в Бостоне весны не бывает? – спросил он.

– Разве что в июне.

– Он объявлялся у тебя? Вообще кто-нибудь пытался связаться с тобой?

– Нет.

– Ты представляешь себе, куда он может податься? Есть у нас здесь курдская община, сообщество изгнанников, в которое он мог бы обратиться? Есть кто-нибудь, кто может ему помочь? Где нам его искать? Чего ожидать?

– Никакой курдской общины нет, Пол. Разве что горстка курдов. Пол, я должна кое-что тебе сказать. Кое-что еще. Я хотела написать об этом в книге, но не смогла. Мне просто хотелось об этом забыть, оставить это в прошлом. Но все равно вспоминаю. Вспоминаю в самый неподходящий момент. По-моему, я уже немного чокнулась.

Чарди развернулся и взглянул на нее.

– Давай, – сказал он. – Выкладывай.

– Когда вертолеты улетели, мы вышли на поляну. Думали, что еще сможем кому-то помочь. – Она как-то сдавленно фыркнула. – И помогли. Большинство из них были... разорваны в клочья. Ты воевал, ты должен знать.

– Это...

– Там была настоящая бойня. Пулевые отверстия обугле-

ны, людей просто прожгло насквозь. В воздухе стоял запах жареного мяса. Пол, один из его сыновей был еще жив. Пуля попала ему в живот. Он страшно кричал. Звал отца. Улу Бег опустился рядом с ним на колени, сказал, что любит его, поцеловал в губы и выстрелил в висок из пистолета, который ты ему дал. Потом обошел поляну и застрелил всех остальных, кто кричал от боли. Своего сына и потом еще человек пятнадцать-двадцать. Все они исходили криком.

Чарди медленно покачал головой; ему было трудно дышать.

– Вот какую цену он заплатил за то, что связался с американцами, Пол. Он не просто лишился своей семьи, своего народа, своего образа жизни, но еще и был вынужден собственными руками убить своего ребенка.

Чарди не мог выговорить ни слова.

– Мы должны спасти его, – заключила она.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал он.

Глава 12

В «яме» обычно полутемно, и инспектора, наверно чувствуя себя здесь лишними и нежеланными, смотрят на аналитиков сверху, сквозь ряд ярко освещенных окошек. Они кажутся похожими на монахов или на ангелов – строгие темные силуэты на сияющем фоне. Но там, внизу, все безмятежно: по традиции аналитики не переговариваются между собой, каждый сидит в своей клетушке, уткнувшись в видеодисплейный терминал – лицо озарено призрачными отблесками экрана, пальцы бегают по клавиатуре.

Это странное место для войны – а впрочем, может, не такое уж и странное. Как бы то ни было, это действительно зона боевых действий, плацдарм операций. Здесь разыгрываются настоящие сражения, маленькие Фермопилы, Азенкуры и Трафальгарские битвы Центрального разведывательного управления – шрифтом сансериф на мерцающем зеленоватом фоне экранов, подключенных к электрическим пишущим машинкам, под неусыпным надзором серьезных молодых людей, на лицах которых нечасто увидишь улыбку. Агенты на другом краю света не ведают, что их призрачные двойники плывут на волнах судьбы в обширной памяти компьютеров Лэнгли.

Дело обстоит проще простого: аналитики – это бойцы. Получив терминал с доступом к базе данных и задание от

людей сверху, они ищут способы добиться необходимого. Они выискивают связи, неувязки, щелочки в броне, странности, причуды, личные особенности, навязчивые идеи, они находят доказательства, закономерности, предопределенности, тенденции. Они прочесывают, отбрасывают, отсеивают и отшлифовывают. Те из них, кто знает свое дело, хладнокровны, умны и, что самое важное, скрупулезны. Их мозг устроен в точности так, как нужно для такой работы, и существует в симбиозе с программным обеспечением, основанным на четком понимании, что машине неведома ирония, она лишена чувства юмора, у нее не бывает внезапных озарений. Она всегда говорит исключительно то, что имеет в виду, и делает исключительно то, что ей велено. Она лишена индивидуальности, но в то же время этика ее безжалостна, а готовность прощать отсутствует.

Здесь, в «яме», есть и свои чемпионы. Одни люди справляются лучше других благодаря генетической предрасположенности или напору, удаче или хладнокровию. В их числе был и Майлз Ланахан. Говорили, что он с меньшими исходными данными может добиться большего, чем кто бы то ни было в «яме». Он стал чем-то вроде легенды и достиг таких высот, что на самом деле выбрался из «ямы» и вступил в реальный мир, в сферу операций. На памяти «ямы» такого еще не случалось. Однако в настоящее время чемпионом был Майкл Блюштейн.

Двадцатичетырехлетний Блюштейн окончил Массачусет-

ский технологический институт по специальности «математика», и его ленивая гениальность, непогрешимая уверенность в своем подходе, тоже наводила на всех трепет. Ко всему прочему, он еще и пахал, как вол.

В то воскресенье, когда Чарди, ускользнув от Майлза, пытался достичь согласия с Джоанной, Блюштейн в джинсах и футболке-поло (воскресная смена беспечно пренебрегает формой одежды – это еще одна традиция) сидел в полутьме своей клетушки перед видеотерминалом и потирал ушибленный палец. Накануне он играл на первой базе в команде по софтбоулу. Его товарищи считали, что он работает в Пентагоне. И слава богу, поскольку если бы он хоть словом обмолвился об управлении, то схлопотал бы себе на голову большие неприятности. И вот, на тренировке, пытаясь взять низкий мяч, прищемил палец.

На экране перед Майкломплыли материалы, в случайном порядке выдернутые машиной из файла текущих операций ему на растерзание. Материалы представляли собой образчики курдской поэзии.

Нет, Блюштейн не был любителем поэзии: он не отличил бы Томаса Элиота от Эллиота Мэддокса. Но в отделе безопасности все бегали, как ошпаренные, и ощущение кризиса просочилось повсюду. Блюштейн, поддавшийся общему резонансу, чувствовал это. Он точно не знал, в чем дело, да ему и не надо было этого знать. Многое просто принималось на веру. Наверху сказали: курдский вопрос. Прошерсти на-

ши данные по курдам, извлеки на свет божий наши запутанные отношения и попытайся отыскать следы одного отдельно взятого курда, некоего Улу Бега.

Как ни забавно, данных оказалось не много. Один только легендарный «Отчет Мелмена», посмертная препарация «Саладина II». Но поскольку Блюштейн пока не имел соответствующего уровня допуска, у него не было кода, позволяющего вывести документ на видеотерминал. Но, за исключением этого отчета, зацепиться было почти не за что: о курдах никто толком ничего не знал, или, может быть, часть информации пропала из архивов. Никаких предварительных сведений по «Саладину II» не имелось, каких-либо рабочих документов или подготовительных разработок не нашлось. Немного необычно, но не из ряда вон. Не было никакого критического анализа операции, который позволил бы определить, почему она кончилась провалом. Опять же немного необычно, но не из ряда вон. Дело было не в том, что он не мог получить какие-то сведения. Информации просто не было.

Однако имелись официальные документы, беспорядочная подборка, возможно составленная при планировании «Саладина II» или в ходе его анализа уже после, которую никто и никогда толком не изучал. Политические памфлеты, меморандумы, тома поэзии (курды оказались страшно поэтичными), плакаты, текст обращения в ООН, датированный 1968 годом и обвиняющий иракцев в геноциде, протоколы заседа-

ний партии Баас, постановления Совета революционного командования, гимны – обычные обломки потерпевшего крах политического движения, кое-как переведенные на английский и заложенные в машину для текстового анализа.

Блюштейн взглянул на поэму на экране. Перевод определенно оставлял желать лучшего, поскольку даже со скидкой на его не слишком восторженное отношение к материалу и восточную цветистость изложения эти вирши были просто ужасны.

Мы – самоотверженные борцы,
Народные герои,
Львы смутных времен,

– гласила одна строфа.

Мы пожертвуем всем, что имеем,
Даже собственными жизнями,
Для освобождения Курдистана.

Кошмар какой. Лишь один образ привлек его внимание: «львы смутных времен», хотя это и пахло Роджером Желязны, всей этой шелухой в духе меча и магии. Во всяком случае, определенно отдавало мелодрамой.

За нашими границами
Мы, самоотверженные борцы,

Мы отомстим врагу,
Отомстим за курдов
И за весь Курдистан.

Вот психи. Оголтелые мусульманские фанатики. Это надо же было написать такую пафосную, такую бессмысленную чушь.

Наша месть обрушится
На головы виновных,
Тех, кто пытался
Уничтожить курдский народ.

Курды что, собрались раздавать лицензии на терроризм? Об этом речь? Блюштейн покачал головой. Сам он всегда был сдержанным и спокойным – как-никак, математик, – и эта необузданная страсть, гневный тон и литературная безыскусность этих строк чем-то раздражали его.

С Блюштейна было достаточно. Он очистил строку и напечатал на экране команду «EN», приказывая компьютеру убрать этот кусок и вывести из курдского файла что-нибудь другое.

Снова поэма! Нет, им положительно нужен гуманитарий, а не математический гений, подумал Блюштейн. И вообще, что он, по их мнению, должен в ней отыскать? В предварительном комментарии пояснялось, что поэма была напечатана в 1958 году в «Роджа Ну», литературном, культурном

и политическом альманахе, который с 1956-го по 1963 год издавали в Бейруте Селадет и Камуран Бедир-Кан. Автором значился – так-так-так – некий У. Бег, впоследствии курдский повстанец.

«У. Бег»?

Блюштейн тяжело вздохнул и принялся проглядывать строки, пытаясь уяснить смысл. Одни слова, думал он. Словам он не доверял, вот цифры – другое дело, и к черту теорию неопределенности. Творение этого У. Бега – ничего примечательного. Все то же самое: избитая революционная беллиберда, полная напыщенного пафоса, возмущение, язык из области нелепицы.

Мы, курды, должны быть сильны
И сражаться с хозяевами войны,
Которые замыслили сломить нас.
Мы должны сражаться с шакалами ночи,
Мы должны быть львами.
Мы должны сражаться с соколами неба,
Мы должны быть львами.
Мы должны сражаться с медоточивыми торговцами,
Что рассыпаются в сладкоречивых обещаниях
И сулят ароматы наслаждений,
А продают мертвые семена горечи,
Что под землей обращаются в кости.
Мы должны быть львами.

И так далее, и так далее. Нет уж, увольте. Дайте мне таб-

лицы по сельскохозяйственной продукции Северного Вьетнама, или ливийские импортные квоты, или цены на марокканские апельсины, или последовательность детонационных процессов в советских баллистических ракетах средней дальности. Чего они могут хотеть, чего ждут? Найдите специалиста по английскому языку, черт побери. Блюштейн как-то встречался с одной такой специалисткой, горячей, бестолковой, неразборчивой в связях и яркой. Она оставила в его душе глубокую рану.

Он поспешно отправил вирши обратно в недра компьютерной памяти и выудил из курдского файла очередной кусок, а пока дожидался вывода, занялся своим ноющим пальцем. Ноги у него тоже слегка побаливали: он был очень высок, и они умещались в клетушку лишь после сгибания в таких местах, где у нормальных людей ноги гнуться не должны. Он пощупал палец. Неужели сломан? Да нет, вроде цел. Сгибается, да и опух не так сильно.

По экрану пополз очередной текст. Опять стихи? Слава тебе господи, нет. Предварительный комментарий пояснял, что это анонимный пропагандистский бюллетень, выпущенный «Хез», радикальной курдской подпольной группировкой в Ираке, и датированный июнем 1975 года, всего лишь несколько месяцев спустя после закрытия «Саладина II». Он оказался предсказуемо едким – ушат помоев в адрес Соединенных Штатов в целом и одного общественного деятеля в частности.

Блюштейн уже прочел таких сотню, и, без сомнения, предстояло прочесть еще столько же. Бедные ребята из отдела переводов, которые целыми днями напролет сидят и переводят эту бодягу на английский, чтобы ее можно было загнать в память компьютера. Неужели им это не надоедает? Наверное, нет: это ведь их работа. Он знал, что все они работают в Агентстве национальной безопасности в форте Джордж-Мид и, должно быть, настоящие зануды. Отвратительная механическая работа, и, судя по тому, в каких количествах они выдавали ее на-гора, там тоже кто-то засуетился – еще одно доказательство того, что дело серьезно и народ заволновался.

Йост Вер Стиг, начальник отдела безопасности. Это его имя стояло на бланках распределения системного времени, и он, должно быть, обладал определенным влиянием, если ему удалось так быстро загнать такую уйму данных в компьютер и тратить сотни машино-часов на их перелопачивание. Но чего ожидает этот Йост Вер Стиг? Чуда? Как бы усердно ты ни работал и сколько бы часов машинного времени затрачено ни было, с незыблемым принципом невозможности превращения дерьма в конфетку ничего поделатъ нельзя. Взять хоть этот обличительный пасквиль, который аналитик сейчас читал, – он доказывал лишь, что в мире существует ненависть. Тоже мне, открытие, подумал Блюштейн. Поэтому-то мы здесь и сидим. Значит, третий мир ненавидит первый. Это никого не удивляет и ничего не доказывает.

Блюштейн пробежал глазами зеленоватые буквы, колонки шрифта, ползущие по экрану. Долго еще до конца этого документа? Когда все это кончится? Что он вообще выискивает? Почему наверху так стухнули? Почему это так серьезно? Кто такой Йост Вер Стиг? Почему никак не перестанет болеть палец? Почему Шелли Наскинс бросила меня три года назад? Когда же наконец утихнет эта боль и...

Блюштейн запнулся.

В голове у него что-то щелкнуло.

Он очень внимательно вглядывался в слова на экране, почти произнося их вслух, ощущая их вес, примеряясь к их форме.

«...медоточивый торговец, который рассыпался в сладкоречивых обещаниях,

– так описывал анонимный автор из „Хез“ какого-то американца, –

и сулил ароматы наслаждений. А сам продал нам мертвые семена горечи, которые под землей обратились в кости».

Блюштейн откинулся на спинку стула.

Это были одни и те же слова.

Может, совпадение? Нет, это против всех законов вероятности. Цитата, какая-нибудь аллюзия? Нет, если бы это была какая-нибудь знаменитая строка, в предварительном комментарии непременно упомянули бы об этом.

У. Бег, скотина такая, ты написал и второй вариант. Ты цитировал самого себя.

А кого этот У. Бег имел в виду?

Блюштейн проверил все еще раз, чтобы точно убедиться, потом принялся разыскивать в своей директории чрезвычайный код Йоста Вер Стига. Перед глазами у него промелькнуло одно-единственное видение – оно не имело никакого отношения ни к курдам, ни к семенам, ни к костям. Это была гигантская конфета в блестящем фантике.

Глава 13

Это был неловкий процесс. У Чарди давно уже не было женщины. Помимо прочих страхов, он опасался, что не сможет обуздать свой внезапный голод. Но она все поняла и пришла на помощь – направляла его руки, прикасалась к нему, когда он робел, проявляла настойчивость, когда он упирался. У Чарди было такое ощущение, будто перед ним один за другим сменяется огромное множество пейзажей, огромное множество красок. Он словно очутился в музее. Временами он точно шествовал неспешным шагом по пышно убранному коридору, временами взлетал по лестнице вверх или кубарем несся вниз, и сердце замирало от страха, что он вот-вот упадет.

Казалось, так продолжалось вечно. Когда все было кончено, оба очнулись в испарине и без сил, безжизненные в бледном свете, который пробивался сквозь задернутую штору. Он едва различал ее – смутный силуэт, теплое присутствие в темноте.

– Сколько лет прошло, – проговорил он.

Она положила ладонь ему на руку, и они провалились в сон.

Около пяти она его разбудила.

– Просыпайся. Пойдем в ресторан. В какое-нибудь приличное место. Будем кутить. Я уже сто лет никуда не выхо-

дила. Наденешь свою бабочку. А я – туфли на каблуках.

– Отличная мысль, – согласился он. – Можно мне принять душ?

– Давай. Это туда.

Он поднялся и рассеянно двинулся в ванную.

– Пол?

В ее голосе послышалось что-то такое, что заставило его обернуться, и в этот самый миг он все понял и сам удивился, как это он на секунду – или на десять минут, или на три часа, не важно, – по-настоящему позабыл об этом, совершенно упустил из виду. Или, быть может, намеренно заставил себя забыть, чтобы получить возможность без стыда посвятить ее в свою тайну?

– Пол, – повторила она. – Господи, твоя спина...

– Да, – сказал Чарди.

Спина, живое свидетельство его слабости, запечатленное во плоти напоминание о провале в единственно важном деле, которое он пытался совершить в жизни.

– Боже правый, Пол. Господи.

Спину Чарди обезобразивали шесть одинаковых валиков рубцовой ткани. Каждый имел центральный шрам бугристого, неровного цвета размером с пятидесятицентовую монету и целую сеть ранок поменьше. Каждый – крохотное лучистое солнце, окруженное планетарной системой шрамов, метеоритов, комет и завитков омертвевшей кожи, летопись страданий, пламенеющая на его теле.

– Ох, Пол, – выдохнула она.

Ее взгляд был прикован к нему.

– Я продал тебя, Джоанна. Я сдал ему тебя, Улу Бега и курдов, я сдал ему всю операцию. Наверное, в конце концов я сдал бы что угодно. Но эти сведения достались ему не так-то легко. У него ушло на это шесть дней. Шесть сеансов. Потом я пришел к выводу, что он точно знал, сколько может выдержать мое тело. Каждый день он доводил меня до предела, а потом оставлял в покое и отправлялся в офицерский клуб. А мне приходилось думать об этом до следующего утра.

– О боже, Пол.

– Он делал это сварочной горелкой. Его звали Спешнев, он был старшим офицером КГБ в Ираке.

Чарди взглянул на нее.

– Этот гаденыш сводил меня с ума. Он вымотал у меня всю душу.

– Пол. Мне ничего этого не рассказывали. Мне никто ничего не сказал.

– А никто и не знал. Никто не спрашивал. Ты единственная, кому об этом известно. Ты и Спешнев.

– Пол!

Она схватила его – прижать к себе, не отпускать, заставить забыть все, утешить, – но он вывернулся из ее рук.

– Посмотри вот на это, Джоанна. Пусть уж все сразу. Смотри хорошенько – они давно уже зажили.

Он показал ей шрамы на запястьях.

– Я перерезал себе вены в самолете по пути в Москву. Но русские вытащили меня с того света.

– Пожалуйста, Пол. Прошу тебя, все будет хорошо, все будет в порядке.

– Нет, – ответил он. – Ничего никогда уже не будет в порядке.

Он сорвался на крик, потом с трудом взял себя в руки.

– Послушай, – продолжал он, – меня вырастил старый чокнутый венгр. Свою жизнь он закончил в психушке. Он растил меня в ненависти к ним. Этот старый хрен, он вбивал мне в голову: «Полли, ты должен драться с ними всю свою жизнь, ты не должен сдаваться, ты должен быть борцом». С русскими, с коммунистами. Но тогда в городах все жили так. Каждый день драки, постоянно, везде. Со всеми подряд. Или тебя все боятся, или ты ноль без палочки. Это был первый урок, который следовало усвоить на всю жизнь. Приходилось всем и всегда доказывать, какой ты крутой. Приходилось заниматься спортом, играть в баскетбол, показывать всем, как ты крут. Послушай, в той жизни я был королем, вот как сильно я старался. Слушай меня, Джоанна, ты меня слушаешь?

Он не мог остановиться. Его словно прорвало.

– Джоанна, я никогда не трусил. Никогда. Я никогда не бросал никого в беде, а ведь я побывал не в одной переделке. Я семь лет отрубил во Вьетнаме, Джоанна. В двадцать три года я был командиром роты в морской пехоте, на мне лежала ответственность за две сотни молокососов. Это был

шестьдесят четвертый, первый год серьезных боев в местах, о которых сейчас никто даже и не помнит. Вьетнамцы появились словно из ниоткуда на своих танках, а китайские военные советники руководили боевыми действиями и координировали огневое прикрытие. А все, чем располагали мы, – это лопухие молокососы, горстка сержантов из Кореи да зеленые лейтенанты вроде меня, которые строили из себя боевых ветеранов, и черт меня побери, Джоанна, черт меня побери, если когда и стоило драпать без оглядки, то это тогда.

Он вдруг с внезапной пугающей страстью грохнул кулаком о стену у нее за спиной.

– А мы не отступили ни на пядь. Потом был бой, он шел трое суток без перерыва, и если кто-то хотел сбежать, тогда было самое время. Когда вьетнамцы наконец ушли, из двух сотен человек в моей роте осталось меньше пятидесяти.

– Пол, ты поранился. У тебя рука в крови. Пожалуйста, не делай...

– Нет, нет! Ты должна понять, чего он лишил меня. Скотина. Скотина!

Он снова в бешенстве грохнул о стену и пробил штукатурку. По руке струилась кровь.

– Пол, пожалуйста, прошу тебя.

Женщина опять прижала его к себе, окружила своим теплом.

– Господи, ты поранишься, ты убьешь себя.

Но он высвободился из ее рук.

– У меня была сотня возможностей дать деру, свалить, бросить службу. Джоанна, управление бросало нас не в одну переделку, мы с Френчи жили переделками, мы любили их. Мы были специалистами по переделкам, мы искали их, на какие только безумства ни шли, чтобы угодить в очередную. Джоанна, на моей совести множество ужасных, по-настоящему ужасных вещей, но я никогда не был трусом, никогда!

Он с размаху грохнул кулаком о стену.

– Пол, о господи, возьми себя в руки, все хорошо.

Но он не мог подавить рыдания.

– Я сопротивлялся ему. Сопротивлялся как никому другому, но он так хотел влезть ко мне в голову, так хотел! Почему? Почему ему было так важно расколоть меня? Может, от этого зависела его жизнь или еще что-нибудь? Или он так ненавидел Улу Бега? Он готов был раскроить мне башку и забраться в нее навсегда. Зачем, господи, зачем? Почему?

Джоанна внезапно поняла, что творится у Чарди в душе, и так спокойно, как только могла, сказала этому плачущему, истекающему кровью мужчине:

– Пол. Его там больше нет. Нет.

– Нет, есть, – возразил Пол, яростно непоколебимый в своей убежденности.

– Ты можешь прогнать его оттуда. Можешь избавиться от него.

– Нет, никогда. Он там, внутри.

– Пожалуйста, послушай меня. Пожалуйста, прошу тебя.

Она пыталась успокоить его и сама плакала.

– Пол, мы справимся. Боже, ну и парочка. Мы с тобой просто готовые кандидаты на свалку, ты и я. Господи, как же нас искорежило, боже мой, настоящий цирк уродов. Эта квартира – столица всех уродов Америки.

Теперь Джоанна даже смеялась.

– Мы справимся, клянусь тебе, мы еще им покажем. Мы научимся прощать самих себя – клянусь, мы этому научимся.

– Мы поможем Улу Бегу. И нам станет легче.

– Это поможет нам. Исцелит нас.

Она протянула руку к его шрамам и коснулась их. Ее палец повторил очертания самого страшного рубца, скользнул вдоль завитка – расширяющейся вселенной, спиральной галактики с разбегающимися витками.

– Ох, Пол.

Ее голос пробился сквозь пелену его ярости, его всепожирающей ненависти к самому себе, и они принялись ласкать друг друга. Губы их встретились, и тела напряглись от физического голода. Его охватило пронзительное желание, но в тот самый миг, когда он овладел ею, где-то внутри головы раздался голос русского.

* * *

Наступили сумерки. В квартиру позвонили. Чарди не сра-

зу сообразил, что это за звук. Джоанна подошла к стене и спросила в домофон, кто там.

Чарди различил имя Ланахан.

– Пол, – позвала она. – Это за тобой.

– Я слышал, – нетвердым голосом ответил он. – Скажи, что я иду.

* * *

Кудесник из техотдела вел фургон по кембриджским улицам к мосту через реку Чарльз. Они выехали на шоссе, повернули в сторону Бостона и через несколько минут оказались на эстакаде, ведущей на 93-е шоссе по направлению к туннелю Кэллахана.

– Куда мы едем? – наконец нарушил молчание Пол.

Ланахан сидел впереди и на вопрос не оглянулся.

– Вы целый день были у нее?

– Куда мы едем? – повторил Чарди.

– Предполагается, что я должен быть в состоянии отчитаться перед руководством, где вы находились весь день. Вы были у нее?

– Я делал свою работу, Майлз. Большого тебе знать не требуется. Я перед тобой не отчитываюсь. Ясно?

Ланахан задумался.

Наконец он сказал:

– Мы едем в аэропорт.

– Я думал, целью этого мероприятия была Джоанна.

– Ну, вы-то свое дело сделали, – заметил Ланахан.

– Не зли меня, Майлз. Я найду, чем тебе ответить.

– Да вы грызетесь не хуже, чем муж с женой, – подал голос кудесник из техотдела.

– Крути свою баранку, – буркнул Ланахан. – Нам нужно успеть на самолет.

Он взглянул на часы.

– Не хочешь рассказать мне, в чем дело, Майлз?

Ланахан выдержал драматическую паузу из каких-то дурацких соображений, на которые Чарди было ровным счетом наплевать, и сообщил:

– По-моему, нам известно, куда направляется Улу Бег. И это не Бостон.

Чарди едва не улыбнулся. Только что он кое-что узнал – кое-что такое, чего по замыслу Майлза ему знать не полагалось. Почему Майлз был не в духе, хотя весь день отдыхал? Теперь Чарди знал почему.

«Ах вы твари», – подумал он.

– Лучше расскажи мне, Майлз, – произнес он.

– Послушайте, – Ланахан обернулся. – На каком уровне вы вели с ним политический диалог во время операции? В Лэнгли захотят это узнать.

– Все было очень просто.

– Вы когда-нибудь обсуждали истоки операции, ее политический контекст?

– Это было несколько лет назад. Я не помню.

– А лучше бы вспомнить.

– Да ничего особенного мы не обсуждали. Он был очень любознательным. Преклонялся перед Америкой. Был неплохо знаком с разными американскими деятелями – слушал Би-би-си, как и все на Ближнем Востоке.

– А Джоанна?

– Она разговаривала с ним, разумеется. Она ведь знает курдский язык, помнишь?

– О чем?

– Откуда я знаю? Обо всем. Она пробыла там семь месяцев.

Ланахан кивнул.

– Мы только что получили потрясающую новость. Один из наших аналитиков – говорят, у него башка варит что надо, – наткнулся на строчку поэмы, которую Улу Бег написал в пятьдесят восьмом. Вы знали, что он поэт?

– Они там все поэты. И все помешаны на мести. Это меня не удивляет.

– А потом он наткнулся на анонимную политическую листовку, написанную много лет спустя, сразу же после «Саладина-два». Ее выпустила радикальная политическая группировка, которая именуется себя «Хез». Знаете, что это значит?

– Да. «Бригада». Пешмерга делились на десять хез, от трех до пяти батальонов в каждой. В середине шестидесятых Улу Бег участвовал в крупных сражениях с иракцами в окрест-

ностях Равендуза и командовал батальоном в четвертой хез.

– В общем, «Хез» – название организации ветеранов резкой антизападной направленности. Короче говоря, наш аналитик – он нашел в той листовке точное повторение фразы из поэмы Улу Бега. Точное, понимаете? Такого совпадения быть не может. А поэма слишком безвестная, чтобы это могла быть цитата или аллюзия.

– Значит, это он написал ту листовку? – спросил Чарди.

– Да. Знаете, о чем она была?

– Нет.

– О великом и знаменитом американском злодее, организаторе предательства курдов. И завершалась она смертным приговором.

– Президенту?

– Нет. Джозефу Данцигу.

Чарди улыбнулся.

– Старине Джо, – протянул он.

– Пол! – Ланахан был в ярости. – Вы представляете себе, что будет, если один из обученных и финансируемых управлением курдских повстанцев с полученным от управления оружием всадит девять пуль в голову одному из самых знаменитых людей Америки? Возможно, вам и удастся где-нибудь в архивах отыскать какой-нибудь занюханный государственный документ о том, что когда-то на свете существовала организация под названием ЦРУ, но для этого придется немало потрудиться.

Но Чарди видел в этом свою логику. Свирепую справедливость по-курдски. Джозеф Данциг подтолкнул ЦРУ, то подтолкнуло Пола Чарди, а он, в свою очередь, Улу Бега – к пропасти. И вот прошли годы, и настал черед Улу Бега толкнуть того, от кого все пошло. Та же цепочка, та же последовательность.

– Пол, на вашем месте я бы не улыбался. Наверху очень этим расстроены. Очень. Теперь им, разумеется, придется идти к Данцигу, а их это не радует. Они послали людей в Ногалес, попробовать отследить все на месте. Они...

– Еще бы они не были расстроены. Давай, Майлз, расскажи мне, как они расстроены?

Ланахан ничего не сказал.

Фургон уже подъехал к аэропорту Логан, но Чарди еще не договорил.

– Вы, должно быть, меня совсем за дурака держите, Майлз. Ты, Йост и кто еще? Сэм? Сэм тоже в этом участвует?

– Чарди, я...

– Заткнись, Майлз. Ты думал, я не заметил, что на первых совещаниях мы никогда не уделяли много времени возможным целям Улу Бега? Думал, я это прохлопаю? Думал, не соображу, как важно вам держать меня в поле зрения – следить за мной? Думал, не замечу, как вы расстроились сегодня утром, когда не смогли меня найти?

Майлз сидел, как каменный, не оборачиваясь.

– Ты думал, что знаешь, на кого идет охота. Так сказа-

ли тебе твои аналитики. Те самые, которые утверждали, что курд двинет к Джоанне. Ты считал, что его цель – я.

Фургон подкатил к стоянке такси и остановился перед восточным терминалом.

– Ребята, вам не мешало бы поторопиться, – посоветовал кудесник из техотдела. – Как раз успеете на рейс в половине седьмого.

– Минуточку, – заявил Чарди. – Настоящий план был именно таков, правда? Не взять под наблюдение Джоанну, а ловить на меня, как на живца.

– Вы не соображаете, что несете, Чарди, – разъярился Майлз. Потом сказал: – Мы вынуждены были использовать наши активы по максимуму. Вы все время находились под прикрытием.

– Это вы, что ли, меня прикрывали, Майлз? Хотел бы я посмотреть, как бы вы попробовали помешать Улу Бегу получить, что ему нужно.

– Мы сделали так, как было лучше. Для всех. Кому-то приходится принимать нелегкие решения, Чарди. Это и есть...

– Тут есть одна шутка, Майлз, хотя сомневаюсь, чтобы она показалась тебе смешной. Шутка в том, что ни один человек в Америке не может быть в большей безопасности от Улу Бега, чем Пол Чарди.

Чарди фыркнул с горькой иронией, и если он сейчас улыбнулся в лицо этим людям, то лишь потому, что выучился ни-

кому не показывать своей боли.

– В стране, которая на картах значится как Ирак, а нам с тобой известна под именем Курдистан, в одном из сражений чужой войны я спас жизнь его старшему сыну, и Улу Бег назвал меня своим братом.

Глава 14

Собственное умение приспособливаться порой поражало его; пожалуй, в этом и заключался его подлинный секрет – а у него вечно выпытывали, в чем его «секрет». За свои пятьдесят шесть лет он привык быть сначала евреем в Польше, потом поляком в Бронксе. Привык к жизни в Гарварде, сперва в качестве студента, затем – профессора. Потом привык к руководящей роли, к политике. А с политикой и к власти. А с властью к известности. А с известностью...

К свету.

Его жизнь казалась путешествием из мрака невежества к свету знания, и не только в метафорическом смысле. К свету в самом буквальном смысле слова. Он жил на свету, и порой ему казалось, что его глаза вот-вот ослепнут от фото вспышек, от сверкания телевизионных миникамов (он был знаком с современным техническим жаргоном) или, как вот сейчас, от освещения в телестудии.

Эта недалекая баба мнила себя экспертом по мировой политике. Она постоянно прикасалась к нему, как будто мозги располагались у нее в кончиках пальцев: то протягивала руку, то с мягким напором тыкала его пухлую ногу. И глаза ее сияли от неподдельной любви – или от бешеной дозы барбитуратов? – а сама она в это время задавала на удивление глупые вопросы о положении дел в мире.

У Данцига была привычка – почти что фирменная черта – с серьезным видом обдумывать каждый нюанс, каждую фразу, значительно морщить лоб, чтобы глаза стали непроницаемы, прежде чем ответить. Президентская администрация, в которой он некогда трудился в должности советника по безопасности и государственного секретаря (о, эти славные деньки!), выложила одной консультационной фирме пятьдесят тысяч долларов, чтобы повысить его телегеничность. Он тщательно изучал записи своих телевизионных выступлений и знал, что его обаяние, столь неотразимое в разговоре с одним-двумя собеседниками, в небольшой группе, на митингах или вечеринках, в телеэфире почти исчезало и он превращался в чудаковатого болтливового педанта. Поэтому он последовал дорогостоящему совету консультанта и прибегнул к образу этакого маленького профессора. Он даже нарочито преувеличивал легкий польский акцент, который до сих пор проскальзывал в его речи, – это вынуждало репортеров прислушиваться к нему внимательней, и они реже перевирали его слова.

– Значит, доктор Данциг, подводя итог нашей беседе, вы утверждаете, что мы опять вступаем в период охлаждения? Неужели холодная война начнется снова или можно ожидать оттепели?

Она в очередной раз коснулась его колена и одарила теплым взглядом своих пустых одурманенных глаз. Сквозь эти зрачки можно было бы пролететь на самолете. Но больше

всего раздражало то, что ее вопрос окончательно и бесповоротно доказывал – последние несколько минут она совершенно его не слушала. И все же эта телекомпания выплачивала ему кругленький гонорар за то, что примерно раз в неделю он прилетал в Нью-Йорк и в эфире изображал из себя дрессированного тюленя, поэтому он намеревался продолжать эти выступления и в дальнейшем.

Однако едва Данциг сделал секундную паузу, чтобы сформулировать ответ на этот идиотский вопрос, моргая от слепящего света, как вдруг осознал несколько прочих аспектов своего положения.

Он отдавал себе отчет, что был бы не прочь переспать даже с этой глупой как пробка, тщеславной и страшно ограниченной женщиной, несмотря даже на то, что все эти теледивы, как правило одержимы барбитуратами или своей внешностью, и в постели от них никакого толку. И все-таки она была звездой, и поиметь ее в каком-то смысле значило поиметь Америку. Впрочем, физическую сторону недооценивать тоже не следовало. В последнее время все чаще стало напоминать о себе его долго подавляемое либидо, его тайное скрытое «я». Нечто дремлющее в самых глубинах его души, под спудом образа политического деятеля, знаменитости, даже старого еврея: нечто доисторическое, первобытное. Он чувствовал себя распутником, насильником. Прежде Данциг легко обходился без секса, теперь же он думал о нем все время. Он и боялся, что изменные желания завладеют

им, и хотел этого.

Но занимали его и серьезные вопросы: его беспокоило, что первый том его мемуаров, «На службе у Белого дома», только что переместился в списке бестселлеров газеты «Таймс» на две строки вниз, на девятое место, а права на издание его книги в мягкой обложке в Великобритании оценены в какие-то жалкие две тысячи фунтов стерлингов.

Еще больше тревожило, что, согласно контракту, он должен был предоставить рукопись второго тома, охватывающего период с 1973-го по 1976 год, не позднее, чем через два года, а ему этого не хотелось. То задание он вспоминал с огромной неохотой, даже с усталостью. В его офисе в Вашингтоне скопилось более полутонны документов, а он до сих пор даже не брал их в руки, тогда как следовало досконально изучить их, прежде чем вообще браться за изложение своего видения прошлого.

Не ускользнуло от его внимания и то, что редактор эфира – еще одно словцо из телевизионного жаргона – стоит позади громоздкой серой камеры и бешено крутит пальцем, на особом телевизионном языке подавая знак, что уже пора закругляться.

Он также видел, что в нескольких шагах за спиной у режиссера со снисходительным выражением на невозмутимом лице, здоровый розовый цвет которого оттенял серый костюм в тонкую полоску, стоит его старинный друг и соперник, Сэм Мелмен из ЦРУ.

– Карен, – произнес Данциг, – следующие несколько лет станут испытанием нашей воли, нашей силы духа, нашей решимости, какого не бывало еще никогда в истории человечества. Советский Союз должен уяснить, что мы не желаем и не станем терпеть его захватнические вылазки в страны свободного мира. В этом я твердо поддерживаю нашего президента и госсекретаря.

– Большое спасибо, доктор Джозеф Данциг.

Ведущая уставилась в камеру, радостно улыбнулась и прошептала:

– А теперь слово Терри.

– Перерыв на рекламу, – возвестил кто-то.

На мониторе немедленно замелькали кадры рекламного ролика какого-то стирального порошка.

– Молодчина, Кей, все прошло отлично, – похвалил бесплотный голос из аппаратной. – И вы тоже, док, держались неплохо.

– Вы настоящий профи, Джо, – сказала Кей, известная миллионам под именем Карен. – Вы даже читаете режиссерский сценарий, да?

Господи, до чего же она все-таки красива.

– Мне пару раз доводилось бывать на телевидении, – скромно ответил он, и она расхохоталась.

Для него красота начиналась с хороших зубов, а у нее они были великолепные. Ее рот. При мысли об этом по телу пробежала дрожь. Он желал ее. Теперь, когда они больше не на-

ходились под прицелом телекамер, она уже не прикасалась к нему. А жаль. Красивая, шикарная женщина. Он желал ее...

Но она уже поднялась, на ходу отстегивая микрофон, и с прощальным кивком ринулась на главную съемочную площадку передачи, которая находилась на удивление близко, всего в нескольких шагах.

Софиты погасли, оставив Данцига в темноте; он встал и принялся откреплять свой микрофон. Перед уходом нужно было еще смыть грим – вид у него был, как у гамбургской проститутки. В полдень еще предстояло произносить речь перед Советом в защиту жизни, за семь с половиной тысяч долларов. Он отстегнул микрофон, и его телохранитель – тень, но тень, вооруженная «магнумом-357», – незаметно скользнул на свое место в шаге позади. Сегодня это был Акли, бывший морпех, а еще на шаг позади шел Сэм Мелмен с вкрадчивой учтивой улыбочкой.

– Приветствую, доктор Данциг, – поздоровался шеф разведки.

– Приветствую, Сэм.

Рукопожатия не последовало. Мелмен стоял в своем неприметном костюме и терпеливо ждал.

«Должно быть, он здесь один», – удивился Данциг, не заметив ни свиты серьезных молодых людей, ни персонала, который открывал бы двери, вызывал такси и подавал пальто, до чего такой карьерист, как Мелмен, к настоящему времени уже должен был дослужиться. Он ведь сейчас заместитель

директора, разве нет? Давным-давно они были дружескими противниками в «Комитете 40»,²² когда Данциг был советником в Белом доме, а Мелмен – ловким связным в управлении.

– Никак началась третья мировая война? – пошутил Данциг: что еще могло побудить большого начальника, вроде Мелмена, прикатить из Лэнгли, чтобы пересечься с ним в такую рань – на часах не было даже восьми?

Сэм сдержанно улыбнулся – для такого честолюбца ему была присуща обманчивая уютная теплота, обаяние, не слишком отличающееся от того, которым обладал сам Данциг. Его считали умным человеком, который, как поговаривали, в один прекрасный день может занять кресло директора центральной разведки, если верно разыграет свою карту. Похоже, он уже сейчас начал подбирать себе союзников.

– Нет, доктор Данциг, не началась, по крайней мере, согласно моим последним сведениям. У нас тут возникло определенное дельце, и я счел, что на основании наших давних отношений могу рассчитывать на небольшой разговор с вами.

Речь Сэма лилась гладко, без запинки. Его застенчивая улыбка и теплый взгляд располагали к себе.

– Ну разумеется.

²² «Комитет 40» – организация, существовавшая при Совете национальной безопасности США, в функции которого входило утверждение тайных операций ЦРУ и других ведомств.

– Желательно где-нибудь за пределами телестудии.

Данциг рассмеялся. Да, это разумно.

– До полудня я свободен, потому у меня семинар и выступление в нескольких кварталах отсюда. Этого времени будет достаточно?

– Более чем, сэр.

– Сэм, давайте без «сэров». Но я был бы вам весьма признателен, если бы вы преклонили колени и облобызали мой перстень.

Эта типичная для Данцига реплика заставила Сэма расхохотаться.

Несколько минут спустя они вынырнули из дверей Рокфеллеровского центра в суматошное и ненастное нью-йоркское утро. Вокруг мелькал людской водоворот, и Данциг сухо кашлянул.

– Мой лимузин? Вы не против, Сэм?

– Вы не обидитесь, доктор Данциг, если я скажу, что предпочел бы одну из наших машин?

Впервые за все время Данциг почувствовал за внешней обходительностью Сэма настойчивость; управлению не нужны были никакие записи в чужом ведении.

* * *

Черный «шевроле» бесцельно колесил по оживленным улицам Манхэттена; управлял им хмурый молодой человек,

рядом с которым сидел телохранитель Данцига. Сам Данциг на заднем сиденье слушал Мелмена. В руках он держал – и время от времени поглядывал на нее – гильзу от «скорпиона».

– Так что, думаю, вы согласитесь, что я в некотором роде верно оцениваю положение, когда утверждаю, что у нас обеих проблемы, – говорил между тем Мелмен. – И в кои-то веки ваши проблемы совпадают с нашими проблемами.

Данциг взглянул на гильзу. Какая-то металлическая фи-тюлька из забытой богом глуши – и все изменилось. Он поднял глаза и уткнулся в окно. Машина неуверенно про-биралась сквозь поток автомобилей, по сторонам мелькали унылые серые здания. Нью-Йорк, всегдашний калейдоскоп впечатлений. Слишком много сведений, слишком много ха-рактеров, слишком много мелочей, никакой связности. Ва-шингтон – более медлительный, более рассудительный го-род, здесь же никогда не знаешь, с чем столкнешься.

Но все размышления были отброшены в сторону, они ни-чего не значили. В этом мире, в самом бурном десятилетии самого бурного века пуля была наивысшей реальностью, а Данциг коллекционировал реальности.

Разумеется, риск существовал всегда, в особенности на Ближнем Востоке, с этими безумцами, с общей нестабильно-стью, с фанатиками и озлобленными изгнанниками. К при-меру, не раз проходил слух, что Организация освобождения Палестины или ее разнообразные фракции и подразделения

поставили себе задачей уничтожить его во время одной из поездок, но из этого так ничего и не вышло. Да и здесь, в Америке, тоже всегда был риск: психи, сумасброды, безумцы всех мастей, одержимые необъяснимой злобой; от сумасшедшего не убережешься. Но все это было умозрительным, далеким, статистически неправдоподобным. Так было тогда, а теперь все стало по-другому.

Интересно, стекла в этой машине пуленепробиваемые? Возможно. А как сделать стекло пуленепробиваемым, по-настоящему пуленепробиваемым? Неужели стрелок не может просто взять ружье побольше? И неужели в этой толпе суматошных, высокомерных ньюйоркцев, мрачных и хмурых, на самом деле где-то ходит особый человек? Черт бы его побрал! Мелмен сказал, он знает свое дело, он специально подготовлен.

«Мы сами обучали его, доктор Данциг, – это самое неприятное. Это исключительный специалист. Я покажу вам досье».

Нет уж, его досье Данцигу ни к чему.

Он снова взглянул на гильзу и вдруг понял, что, хотя он давал самолетам разрешение сбросить столько-то тонн бомб на столько-то квадратных миль очередного города в Северном Вьетнаме, прекрасно зная, какова будет последующая статистика, но никогда в жизни не держал в руке этот наименьший общий знаменатель государственного управления – пулю.

Он представил, как точно такая же пуля поражает его, прямо сейчас, через стекло, в голову. Ослепительная вспышка? Последнее удивление? Заволакивающая все чернота? Или свет вокруг него просто погаснет?

– Нам будет совсем некстати, если он доберется до вас, а уж вам самому это определенно не будет...

– Да-да, разумеется.

– Так вот, мне хотелось бы думать, что мы можем стать союзниками в этом деле.

Данциг ничего не ответил. Он мрачно смотрел перед собой.

– Для начала у нас имеются кое-какие предложения.

Бывший госсекретарь хранил молчание.

– Во-первых, ваше сотрудничество. То есть ваше молчание. Если хоть что-то просочится наружу и в дело вступит пресса – одному богу известно, какой цирк начнется тогда. Кроме того, это не пойдет на пользу вашей безопасности. В сущности, это может подвергнуть вас еще большему риску.

Данциг очень хорошо себе это представлял: по всей Америке устроят тотализатор, в особенности в традиционно либеральных районах, но и на юге и юго-западе тоже – там его также ненавидят. Люди будут делать ставки: когда курд доберется до Данцига? Об этом станут говорить в вечерних новостях.

– Да, – ответил он.

– Хорошо. Теперь, что самое важное, мы должны лишить

его возможности подобраться к вам. Если вы будете вести себя тихо, мы сможем вас защитить. В противном случае это невозможно. Вам придется прекратить свою деятельность.

– Этим я зарабатываю себе на жизнь. Мой график распisan на месяцы вперед. На годы.

– Доктор Данциг, это...

– Да, я понимаю. Разумеется, я все отменю. У меня нет другого выхода. Но существуют определенные соглашения, которые... Черт, почему это непременно должно было произойти?

– Затем, разумеется, усилие охрану.

– Да.

– И наконец...

– Что?

– В общем, в этом вопросе мы располагаем кое-каким преимуществом. У нас есть человек, знакомый с этим курдом, по сути работавший с ним бок о бок. Он даже обучал его. Это офицер спецназа, который был заброшен в Курдистан в семьдесят третьем.

– Да?

– Его фамилия Чарди. Он...

– Чарди? Господи, Чарди! Я его помню. Он попал в плен и какое-то время просидел в советской тюрьме.

– Совершенно верно.

– Чарди, – повторил Данциг, восстанавливая в памяти это имя.

– Дело в том, что Чарди знает Улу Бега, знает, как он выглядит, как он мыслит; это придает ему огромную ценность. И он всегда отличался молниеносной реакцией в перестрелке.

– Ну, я от души надеюсь, что до перестрелки все же не дойдет. Он будет руководить поимкой этого курда?

– Не совсем так. Он не полицейский. Нет, мы отвели Чарди несколько другую роль, чтобы как можно полнее воспользоваться его знаниями.

– И какую же?

– Мы хотим приставить его к вам.

– Боже правый, – закашлялся Данциг. – Ко мне? У меня в голове такое не укладывается!

Глава 15

Они быстро обнаружили, что он мертв. Рейнолдо Рамирес, «убитый нападавшими в своем собственном заведении в расцвете лет», было написано в газете. Что за нападавшие? Об этом газета умалчивала, как и Departamento de Policia.²³

– Им заплатили, – зловеще заявил Спейт.

«Да ну», – подумал Тревитт, но вслух ничего не сказал.

Он проникся почти мгновенной неприязнью к Ногалесу – и ко всей Мексике. К голубым и розовым лачугам, облепившим каменистые склоны над нарядным туристическим кварталом с его сувенирными лотками, барами, стоматологическими кабинетами и парикмахерскими. Он возненавидел все это. Даже самый воздух здесь был другим, да и лопотание местных жителей, которое он понимал с пятого на десятое, не развеивало тревоги. Тревитту очень хотелось поскорее унести отсюда ноги.

Но старина Билл кое-что разнюхал.

– Хочу увидеть могилу Рейнолдо Рамиреса своими глазами, – заявил он. – Чтобы удостовериться, что он мертв.

«О господи», – подумал Тревитт.

Но они поймали такси «Эксклюзиво» и поехали на могилу. От этого зрелища Тревитта затошнило. В Мексике не бы-

²³ Полицейский участок (исп.).

ло места чистенькой пресвитерианской кончине: кладбище являло собой торжество культа смерти, первобытного и разнузданного. Кресты, одуряюще душистые цветы и склоненные в молитве Мадонны, расписанные яркими красками. И черепа.

Тревитта передернуло. Ему никогда прежде не доводилось видеть голый череп, а тут он валялся прямо под ногами в пыли. Или, вернее, они – рассыпанные повсюду кости и черепа, вываливающиеся из склепов на пыльных склонах, скалящие зубы из ниш и канав. Над кладбищем свистел ветер, гнал перед собой мелкую песчаную взвесь, от которой у Тревитта щипало глаза, а плащ рвало с плеч, точно накидку. Он склонился навстречу очередному порыву; на зубах закрипел песок.

– Вот она, – крикнул Билл.

Они стояли перед изящным надгробием, до сих пор утопающим в запыленных цветах. Скорбящая Мадонна склонялась над распростертым в траве сыном. Под подошвой Тревитта хрустнула бедренная кость. Он отшвырнул ее. Вдали раскинулся убогий Ногалес – холмы, облепленные пестрыми лачугами, отвесные стены над извилистыми улочками, а за ними – граница, как линия демилитаризованной зоны, пересекающая расположение боевых действий, а еще дальше – американский Ногалес, чистенький и аккуратный городок.

Тревитт взглянул на камень. На нем значилось:

REYNOLDO RAMIREZ

Murio en 1982

– Все, – крикнул он. – Тупик.

Спейт рассмотрел камень, обошел его со всех сторон.

– Интересно, кто принес цветы? – пробормотал он.

«Да какая разница», – подумал Тревитт.

Уже вечерело, ему хотелось выбраться отсюда. Он оглянулся на такси, ожидавшее их у входа на кладбище; водитель пристроился на оградке.

– Послушайте, все кончено, – сказал Тревитт. – Он мертв. Теперь уже никто не сможет рассказать о той ночи, когда Улу Бег перешел границу. Давайте выбираться отсюда.

Но Спейт точно прирос к месту.

– Там может быть кто угодно. Или вообще никого, – проговорил он наконец.

Тревитт ничего не сказал.

– Может, стоит заглянуть в этот его кабак, – предложил Спейт.

– Мистер Спейт, нас вообще не должно было здесь быть. А теперь вы хотите...

Но Спейт точно его и не слышал.

– Да, – подытожил он. – Думаю, так мы и сделаем.

Полный решимости, он двинулся к такси.

Тревитт проводил его взглядом, потом спохватился, что стоит столбом посреди кладбища, и бросился вдогонку.

Несколько часов спустя его одолевали крайне необычные ощущения. Мучительная застенчивость, острое смущение, чувство, что он самозванец, и все это было щедро приправлено затаенным пронзительным наслаждением.

Девушка продолжала растирать его бедро, нежную кожу с внутренней стороны, ладонью, сухой и упругой, умело, со знанием дела, и одновременно на ломаном английском нашептывала ему на ухо о разнообразных соблазнительных возможностях.

– У тебя есть неплохие денежки?

– Ха-ха, – с беспокойством хохотнул Тревитт, неторопливо потягивая напиток, который ему подали как «Маргариту», но который на самом деле представлял собой смесь теплого фруктового сока с имбирной шипучкой по восемь баксов за бокал, специальная цена для гринго.

Остальные девочки слонялись по залу заведения, которое теперь именовалось «Оскарз». Все они были проститутками, но эта – Анита, прямо как в «Вестсайдской истории», безраздельно принадлежала ему, ну или он ей, словно по какому-то договору или дипломатическому соглашению. Никто не посягал на их уединение, и он пытался растянуть удовольствие как можно дольше, пока Спейт наводит справки. У него промелькнула мысль, что, быть может, задавать вопросы следо-

вало бы ему, ведь это он разузнал об этом самом Рамиресе, обо всем этом мексиканском дельце. Однако он беспокойно оглядывался по сторонам поверх пухлого плеча Аниты и видел обшарпанный зал, битком набитый американскими студентами и мексиканскими бизнесменами. Его туфли липли к полу, в воздухе висел сшибающий с ног запах дезинфекции.

– У тебя есть денежки. Мы пойти наверх, малыш?

– Ну, э-э...

Нет, пускай Спейт со всем разбирается. Спейт – стреляный воробей, опыта ему не занимать, он на этом деле собаку съел. Кстати, а где он? Когда Тревитт видел старика в последний раз, тот толковал с каким-то усатым верзилой. Куда он сгинул?

– Давай, малыш. Купи Аните что-нибудь выпить. Купи Аните выпить. Ладно, куколка?

Ага. Вот он. Вот Спейт, все с тем же усатым, оживленно обсуждает что-то в конце зала.

Надо отдать старине Спейту должное: может, он и чудака, но свое дело знает. Профи.

– Давай, малыш. Купи Аните шампанское.

Даже у Тревитта хватило соображения отвергнуть шампанское – небось, тоже какая-нибудь выдохшаяся шипучка типа безалкогольной «Канады драй» долларов по двести за пузырь – и вместо него согласиться на нечто под названием «Мексиканский танец со шляпами». На вид теплый лимонад с бледно-розовой – они что, по несколько раз используют од-

ну и ту же? – вишенкой в бокале всего-то за двенадцать с половиной баксов за порцию. Такими темпами ему очень скоро придется обналичивать еще один дорожный чек.

– Порядок? – поинтересовался бармен.

– Полный, приятель.

– Меня звать Роберто.

Роберто был щуплый смазливый юнец – ему, должно быть, не сравнялось еще и двадцати, – с пушистыми усишками и проникновенным взглядом.

– Приятно познакомиться, Роберто, – проорал Тревитт, строя из себя el turista estúpido²⁴ с головы до пят, и решил сам предпринять небольшое расследование. – Послушай, – начал он, – мне тут один кореш свистнул, у вас здесь парочку недель назад заварушка случилась. Перестрелка.

– О, sí, – с жаром подтвердил бармен. – Вот прямо тут человека убили. Нашего босса, Рейнолдо. Пиф-паф. Почти на том самом месте, где вы стоите, сеньор.

– Застрелили?

– Прямо как в телевизоре. Раз – и все. Пиф-паф.

– Ух ты.

– Роберто, – по-испански шикнула на него девица, – держи язык за зубами, тупая свинья, откуда ты знаешь, что это за придурак.

И тут же одарила Тревитта сладчайшей индейской улыбкой.

²⁴ Глупый турист (исп.).

– Что она сказала? – поинтересовался Тревитт.

– Что вы самый красивый американец, которого она видела.

– Она сама настоящая красotka. – Тревитт ущипнул девуцу за бок.

Анита улыбнулась этому комплименту, продемонстрировав уцелевшие зубы. И все же Тревитта необъяснимо влекло к ней. Она была такая низменная. Где-то в его мозгу точно лопнул крошечный нарыв; перед глазами мелькнуло видение. Он попытался отогнать его, но оно не рассеялось, напротив, картина стала более четкой, более законченной, более подробной.

Его влекло к ней обещание полной свободы: за деньги можно было делать что угодно. Простота и вседозволенность. Все, что угодно. Он знал, что против определенных искушений бессилён. Он и сам мог быть довольно низменным. Он не был девственником и дважды едва не женился; оба раза он обожествлял свою избранницу, а открыв, что она лишь простая смертная, в ужасе сбежал. Сейчас перед ним была женщина настолько земная, настолько плотская, настолько настоящая, что это сводило с ума. Это была свобода, глоток свежего воздуха.

Он подумал о молодых мужчинах девятнадцатого века, которые пытались вырваться из ханжеского викторианского общества и бесследно исчезали на неосвоенных территориях, погнавшись за свободой и вседозволенностью и попут-

но строя империю. Будь то Америка или Британия, Додж-сити²⁵ или Лакхнау²⁶ – процесс везде был одинаков. И сейчас перед ним простиралась в некотором роде такая неосвоенная территория. Сокровище, которым можно было овладеть, стоило только протянуть руку.

Тревитт покачал головой. Сквозь обтягивающую белую майку девицы просвечивали соски. Они были размером с пятидесятицентovou монету.

– Кто ее устроил, Боб? Бандиты? – попытался Тревитт вернуться к интересующей его теме.

– Что устроил, сеньор?

– Пиф-паф. Укокошил бедного старого Рейнолдо.

– Земля ему пухом, – проговорил Роберто. – Нехорошие люди. Злые люди. У Рейнолдо уйма врагов, и даже кое-кто из его друзей...

– Придержи язык, тупица, – рывкнула Анита.

– Что она сказала?

– Что вы ей очень нравитесь.

– Она мне тоже нравится. Очень сильно.

– Давай, малыш, – Анита провела ладонью по внутренней стороне бедра Тревитта, помедлила в высшей точке, – сделай Аниту счастливой.

О господи, до чего же это приятно.

²⁵ Додж-сити – город на реке Арканзас, символ необузданных нравов эпохи освоения Америки.

²⁶ Лакхнау – город в Индии.

Он сглотнул, облизнул губы.

– Анита знает, как сделать тебе хорошо. У нее есть для тебя кое-что – только выбирай.

Тревитт оглянулся. Спейт исчез.

Ну, подумал Тревитт, если бы я был ему нужен, он бы меня позвал, так? А он просто исчез. И что я теперь должен делать?

– Малыш, мы можем делать что угодно. Что угодно, – прошептала она. – Я сделаю тебе приятно. Я сделаю тебе хорошо.

О господи! Тревитт сопротивлялся до тех пор, пока не почувствовал себя исполином духа, и тогда безропотно сдался своей темной половине, подняв лапки.

– Наверх, – прохрипел он.

* * *

– Анита должна мыть твою штучку. Это закон, – заявила она.

«Штучку», так она сказала. Он поморщился.

– Да, – проговорил он так тихо, что сам едва расслышал свой голос.

Он попытался расслабиться на узкой койке, но, подняв глаза, увидел пеструю мадонну на черном бархате. Это был всего лишь один из нескольких предметов религиозной атрибутики, расставленной и развешанной по комнатке: кар-

тины, раскрашенные статуэтки, распятия. Здесь что, молежня? Тем временем штаны его оказались приспущены до колен, хотя плащ, рубашка и галстук-бабочка до сих пор оставались на месте, а мужик в плаще и бабочке с яйцами навывпуск – картина до крайности нелепая. В правой руке он сжимал бумажник.

Нет, это идиотская мысль. Положительно идиотская мысль. Надо выбираться отсюда. Валить к чертовой матери. Но он не мог сообразить, как это сделать, и потом, он уже заплатил.

Двери, разумеется, не было. А он чего ожидал? Номер как в «Холидей инн», с душем и вибратором последней модели под кроватью? Полутемную комнатку отделяла от коридора простая занавеска, и хотя свет был приглушен, мимо проходило немало народу. Прямо час пик какой-то. Время от времени сквозь запах дезинфекции – здесь, наверху, пахло как в больнице – пробивались взрывы громкого хохота и по коридору неторопливо проходил какой-нибудь мужчина.

– Я скоро возвращаться, малыш, – сказала Анита.

Она поднырнула под занавеску и через миг вернулась с тазом, до краев полным мыльной воды, и грубым полотенцем.

– Чистота – залог здоровья, – слабо пошутил Тревитт.

Она принялась намывать его. Она терла, драила и безжалостно скребла его нежное достоинство, и хотя он и перед этим не очень-то сгорал от желания, этот безжалостный натиск убил в нем последние искры.

– Поосторожней, – жалобно попросил он.

Она что, собралась стереть его до основания?

– Он у тебя милый, малыш, – заметила она. – Не слишком большой и все такое, но симпатичной формы и чистенький. Все американцы обрезаны.

Тревитт натянуто улыбнулся этому сомнительному комплименту.

Она грубо его вытерла и торжествующе отстранилась, швырнув полотенце в коридор, где оно приземлилось на пол.

Она возвышалась над ним, непропорционально пухлая женщина лет тридцати пяти, в вызывающем платье, ядреная и налитая, сплошные ложбинки, округлости и изгибы. На губах ее играла омерзительная улыбка. Она попяtilась, взялась за подол и потянула его кверху; платье было ей тесно, и она дергала его до тех пор, пока наконец оно не поддалось с последним рывком, и его глазам открылись хлопчатобумажные панталоны и могучие мягкие груди с огромными темными сосками, колышущимися впереди.

Затем Анита спустила панталоны – назвать предмет гардероба столь внушительных размеров трусиками было бы изрядным преуменьшением, – и какая-то часть его содрогнулась от отвращения и унижения, в то время как другая пришла в восторг. Женщина наклонилась, окончательно избавляясь от белья, отвернулась, чтобы водрузить необъятный прозрачный предмет на столик под образом мадонны, и повернулась лицом к нему. Темный кустик растительности

между ног, казалось, отделял ее выпуклый живот от мощных бедер, без которых вся ее туша обрушилась бы под собственной тяжестью.

И все же необычность этой картины – тучная мексиканская проститутка, нависающая над его бледным телом гринго, костлявым и голым, – завладела его воображением. Контраст был разительным и захватывающим дух: ее тучность и его хрупкость, его нежелание и ее жадность, ее опытность и его неловкость, его скованность и ее развязность. Его пенис восстал, отдавая должное накалу момента.

– В рот, – скомандовал он хрипло.

Она опустилась на колени, покорная его желаниям.

* * *

Спейт поджидал на задворках, за сточной канавой, во дворе лавчонки под названием «Аргентина». До него доносился удушающе густой запах нечистот из канавы и журчание бегущей по ней воды. Здесь, в огражденном стенами захламленном дворике, было тихо, но он видел, как на улице, в пятнах света от фонарей, фланируют шлюхи. Старый разведчик в его душе попытался присмотреть пути к отступлению, просто на всякий случай, но их не было, совсем. Разумеется, если дело примет опасный оборот, он может перемахнуть через стену, но в его возрасте не успеть перелезть через десятифутовый кирпичный забор, если кто-нибудь будет в него

стрелять. Таким образом, дело обстояло проще некуда: или ему повезет, или нет.

Он понимал, что ему следовало бы проинструктировать мальчишку – как же его зовут? Фамилия крутилась на языке – ах да, Тревитт, Тревитт. Но Спейт никогда не знал, как разговаривать с такими юнцами: в нынешнее время их разве-лась такая уйма, и он знал, что они считают его старым пеньком, пережитком прошлого, ископаемым, замшелой древностью. Да и что мальчишка мог бы сделать? Прикрыть его? Как? Нет, он стал бы жаловаться, ворчать, говорить, что все знает заранее. Тревитт нагонял на Спейта уныние. Если такие, как он, – будущее, то оно безрадостно. Спейт не думал, чтобы Тревитт добился успеха.

Он взглянул на часы. Оскар Меса сказал «через пятнадцать минут», а уже прошло двадцать. Спейт нервно кашлянул, утер губы и пожелал, чтобы они уже скорее появились.

Пятьсот долларов.

В такую сумму они оценили разговор с Рейнолдо Рамиресом, разговор с покойником.

Оскар Меса, владелец бара «Оскарз», бывшего «Эль паласьо», запросил тысячу. Спейт рассчитывал долларов примерно на триста. Пятьсот еще можно было пережить, хотя он понимал, что нелегко будет объяснить такие расходы Йосту Вер Стигу, если он не узнает ничего определенного. В былые времена деньги никто не считал. Если они были тебе нужны, ты их получал. Никто не задавал никаких вопросов. То-

гда контора жила на широкую ногу, по первому классу. Теперь же на счету был каждый грош и развелось полным-полно сопливых умников, которые полагали, что тебе место в музее или на страницах дрянных книжонок. Он понимал, что слишком часто думает о былых временах. А сейчас...

Во двор влетела машина. Спейт присел, приглядываясь. Это был старый «шевроле», года пятьдесят восьмого или пятьдесят девятого, совершенно проржавевший. Таких, должно быть, по Ногалесу разъезжают тысячи, рассыпающиеся на ходу мексиканские драндулеты с выбитыми окнами, подмалеванными крыльями и дверями, снятыми с других машин.

«Давайте. Выходите», – мысленно поторопил Спейт.

Водитель заглушил двигатель. Мотор фыркнул и заглох, и машина еще несколько секунд пощелкивала, остывая. Спейт наблюдал, как двое мужчин оглядывают двор. За этими ящиками его не было видно. Он вполне мог за ними отсидеться. Еще не поздно было забыть обо всем.

Но он не мог забыть о пятистах долларах.

Теперь пятьсот долларов решали все.

«Вот черт», – подумал Спейт.

Он поднялся и вышел из-за ящиков.

– Я здесь, amigos, – позвал он.

Он лежал без сил. Он сделал это, или, вернее, это сделали с ним. Он помнил похожие эпизоды из книг – Кролик Энгстром,²⁷ выходящий от шлюхи Рут, Стинго – от Софи,²⁸ – но от них ему не было ровным счетом никакого толку. Его опыт был совершенно иного рода, с жирной Анитой, на грязной постели и липком полу в комнате, пропахшей лизолом, под окном пестрой мадонны. И все же ему было очень даже хорошо. Собственно говоря, испытанное блаженство изумляло его. Мгновение наяву, завершающий миг, тучная женщина на коленях перед ним, усердно выполняющая свою работу, его руки, сжимающие что-то, его напряженные мышцы, мысли, крутящиеся вокруг одного и того же: да, все это наяву. Он улыбнулся.

– Хочешь, я обработаю тебе еще и зад, малыш? Всего пятьдесят долларов сверху.

– Нет. Э-э... гм... нет, наверное, не надо, – мечтательно проговорил Тревитт.

– Давай, малыш. Мы можем еще позабавиться.

– Э-э. Мне не хочется. Мне очень понравилось, правда. Мне просто не хочется.

– Конечно, малыш. Ты ведь платишь.

²⁷ Кролик Энгстром – прозвище героя серии романов Джона Апдайка.

²⁸ Стинго и Софи – герои романа Уильяма Стайрона «Выбор Софи».

Она водворила на место панталоны, через голову натянула платье, и через миг перед ним – ррраз! – стояла старая Ани-та. Все было так, будто ничего и не произошло, и он вдруг понял, что для нее-то так оно и было.

Тревитт натянул брюки, заправил рубаху и застегнул ремень.

– Десять долларов, малыш.

– Десять долларов! Я ведь уже заплатил. Эй, я отвалил тебе кругленькую сумму!

– Плата за съем, малыш. За комнату. Она не бесплатно, бесплатно ничего нет. За полотенце, за чистые простыни.

«Как же, как же, только в шестьдесят восьмом как из стирки!»

– Это для большого босса. Он побить меня, если я не возьму с тебя деньги.

Какая разница? Все это уже и так обошлось ему в целое состояние. Он отсчитывал банкноты, когда послышалась сирена.

Тревитт слетел по лестнице вниз, перескакивая через две ступеньки, и ввалился в опустевший зал, уже теряя самообладание. Смазливый Роберто бесшумно начищал стаканы, а неподалеку от него за столом сидел Оскар Меса и разговаривал с плотным полицейским в отутюженной бежевой униформе с галстуком-бабочкой желтого цвета – да-да, желтого, канареечно-желтого, ядовито-желтого, – на чьих мясистых плечах красовался еще и золотой галун.

Тревитт попытался взять себя в руки, но полицейский поднял голову и пригвоздил его к месту убийственным взглядом.

Тревитт как можно небрежнее улыбнулся и сделал попытку улизнуть.

До него донеслось слово «гринго», и оба мексиканца расхохотались.

Тревитт вышел за дверь в ночь. Не было видно ничего, кроме железной дороги на другой стороне улицы и конкурента «Оскарз», «Каза де Джейсон», еще одного ночного клуба. Тревитт выбрался по наклонной стоянке на улицу и обернулся. В пятистах ярдах впереди, за галереей магазинчиков с навесами, примыкающей к железной дороге, лежала граница. Неумолимо высокая стена, скопление машин, будки и похожая на крепость перемычка из офисов наверху. В мертвенном свете он различал осаждающих ее попрошайек и таксистов. Флага не видно, но за стеной вырисовывалось нечто, пожалуй, более символичное – золотые дуги эмблемы «Макдоналдса».

Потом он заметил толпу. Она собралась чуть подальше по улице, у чего-то вроде мостика на углу улиц Буэнос-Айрес и Руис-Кортина. Индейцы, несколько американцев, мексиканские девочки-подростки в узких американских джинсах и блузках, но большей частью полицейские. Неподалеку стояли три или четыре серых пикапа, и по их однообразному виду Тревитт понял, что это машины полиции.

Он осторожно затесался в толпу; кроме прочего шума до него доносилось журчание воды.

Здесь пахло. Чем-то. Чем? Запах был до одури знакомым. Он вызывал отвращение. Нос Тревитта улавливал его, но не мог определить источник.

Толпа собралась в конце улицы. Мощенная булыжником крутая улочка вилась по склону горы, лишь кое-где освещенная фонарями. Тревитт различил вывески лавок, резко обрывающиеся там, где дорога тонула в темноте: стоматологическая клиника, телевизионный и стереофонический магазин, небольшая продуктовая лавка на другой стороне и еще что-то. Но он продолжал протискиваться сквозь толпу и вскоре очутился в достаточной близости от стены и остановился рядом с троицей полицейских, которые быстро переговаривались между собой. Огни. Здесь были огни. Он ощущал тепло, человеческое тепло, исходившее от собравшихся вокруг. Голая кирпичная стена, возвышавшаяся в двадцати футах от него, принадлежала «Оскарз», борделю; журчание слышалось здесь очень громко, но он так и не смог пробраться к краю и взглянуть на... на то, что лежало перед ним и что привлекло сюда всех этих людей.

Он сделал последнее усилие и прорвался.

Место происшествия утопало в свету. Мексиканские лица, толстые и нерадивые, по-индейски, почти по-азиатски непроницаемые, с усиками в ниточку, и равнодушный свет прожекторов, установленных на полицейских машинах, лу-

чи, блуждающие туда-сюда сквозь толпу, и суматошные пляшущие тени на стене. И испанская речь на фоне этого всего, испанская речь в тысяче журчащих вариаций и непонятных диалектов, тарабарщина, оглашающая воздух. И запах: теперь он узнал запах нечистот, вонь выгребной ямы, уличной уборной, засорившейся канализации, запах туалета, писсуара, запах фекалий. Зловоние окутывало его, словно туман, проникало в ноздри; он поморщился от силы запаха и почувствовал, что глаза начали слезиться.

В сточной канаве на спине лежал Билл Спейт. Теперь, на краю, Тревитт мог его различить. Три или четыре луча света пригвождали старика к горе камней, пивных бутылок, ржавых труб и прочего разномастного мусора. Полицейские говорили что-то о *las botas*, Тревитт слышал их речь, глядя на старого Билла в канаве.

Сапоги.

Вот в чем дело: ничего нельзя было предпринять до тех пор, пока не найдут какие-нибудь высокие резиновые сапоги. Без них ни один человек не согласится лезть в дерьмо.

Полыхнула лампа-вспышка, и в ее ярком свете Тревитт разглядел, что старик схлопотал в левую сторону лица пулю из крупнокалиберки или широкоствольного ружья. Наверное, из дробовика. Вся левая сторона головы начисто утратила знакомый вид, но правая оставалась на удивление похожей на старину Билла. Эта картина настолько расходилась с представлениями Тревитта о человеческой анатомии, что

не укладывалась в голове.

Вода, хлещущая из трубы, вымочила одежду Спейта. Одна туфля свалилась и уплыла вниз по течению, где застряла на камне. Это была стоптанная «Валлаби».

«Ему снесли полголовы и швырнули в канаву за борделем», – тупо подумал Тревитт.

Он примирился и не примирился с этим. Только вчера старина Спейт донимал его своими бесконечными историями о Корейской войне, перемежая их ромом с колой, – повествование, которое с таким же успехом могло бы вестись на иностранном языке, настолько оно изобиловало упоминаниями о малопонятных вещах, невысказанным персонажах, невероятных событиях. Где-то посередине Тревитт понял, что, должно быть, пропустил что-то важное, поскольку совершенно потерял нить рассказа.

А теперь он мертвый. В канаве. Убит выстрелом в лицо.

Тревитт схватился за кирпичную стену, чтобы не упасть. Господи, бедный старик. Он понял, что дрожит, что совершенно замерз. Потом снова посмотрел на Билла. Всего лишь несколько минут назад Спейт был жив и здоров. Тревитту показалось, что его сейчас стошнит. Он не знал, что делать. Полицейские рядом с ним задавали вопросы.

– Кто-нибудь знает этого дедка?

– Он был в «Оскарз» вместе с другим гринго. С молодым.

– Где он?

– До сих пор у бабы.

Послышался смех.

– Сапоги принесли?

– Да, только что. Кто за ним ползет?

– Позвоните в Вашингтон. Пусть пришлют своего вице-президента.

Снова смех.

До Тревитта вдруг кое-что дошло.

Спейта убили – неважно кто – за то, что он пытался разузнать что-то о Рамиресе.

Он, Тревитт, был вместе со Спейтом.

Он, Тревитт, спрашивал о Рамиресе.

И вот тогда, только тогда его охватила паника.

Глава 16

В субботу ночью Чарди лежал рядом с ней в темноте ее старой комнаты в Бостоне. Он всегда засыпал с трудом, вот и сегодня сон никак не шел к нему. Но он ничуть не возражал против этого, а просто лежал и прислушивался к ее дыханию.

Дальний конец комнаты накрывала кружевная тень: переплетения, перемычки, пятнышки света; в темном, холодно поблескивающем небе висела луна. Ладонь Чарди лежала рядом с ее рукой, точно якорь, на случай, если на него вдруг накатит тоска. В Чикаго никогда не было никого, к кому бы он мог прикоснуться.

На протяжении этих лет он иногда – да что уж там, частенько – просыпался в слезах. Это был его тайный позор: большие мальчики не плачут. Иногда виной всему была спина, которая до сих пор временами воспалялась и саднила. Иной раз толчком становилось ощущение, видение: простреливающая боль, яркое голубое пламя. Порой же причина была еще глупее: неожиданный героизм какого-нибудь полицейского, пожарного или бойскаута, о котором он во всех подробностях прочитывал в газетах, как будто переживал все сам. Или опытный баскетболист-профи, пробивающий штрафной, от которого зависела судьба всего сезона. Или какой-нибудь зеленый пацан-первокурсник, в прыжке отправляющий мяч в корзину в самую последнюю секунду матча

студенческой лиги. Это противопоставление мучило его снова и снова: они с честью проходили все испытания, а он своего не выдержал.

Иногда он плакал от растерянности. Во всем этом было много такого, что до сих пор оставалось ему неясным. Некоторые моменты просто не укладывались в общую картину. Он разбивал ее и составлял заново сотней возможных способов, но все без толку. Это напоминало кошмарный новомодный роман, из тех, что ненавидели все, за исключением отдельных критиков: какие-то обрывки сюжета, яркие сюрреалистические пятна, странные нестройные голоса, до боли знакомые, но в то же самое время непостижимые материи. Он не был даже точно уверен, что помнит, а что нет; возможно, его пичкали наркотиками. Как бы там ни было, все было так запутанно, что ему не под силу было распутать этот клубок.

Порой он плакал от ярости. Ему не впервой было молотить стену; однажды он даже сломал себе запястье. А в своих мечтах видел разmozженные головы: Спешнева, Сэма Мелмена, свою собственную. Головы их всех. Русских – за то, что растоптали его; своих – за холодный, отстраненный гнев, который они на него обрушили; приятелей вроде Френчи – за то, что никогда не заглядывали, всем правилам вопреки. Хотя, конечно, Френчи и не мог к нему заглянуть, ведь все это время он был мертв. Джоанны – за то, что подтвердила его представление о себе. И разумеется, сильнее всего свою

собственную.

Иногда он нарывался на драку. Леденящая жажда боли не отпускала его, он отправлялся на Раш-стрит и набрасывался там на чью-нибудь подружку, которая была ему совсем не нужна. Кавалеру приходилось бросать обидчику вызов, и у него всегда оказывались дружки, так что Чарди никогда не уходил без подбитого глаза или пары сломанных ребер. Ему выбили три зуба – теперь у него вставные, как у старика, – а на подбородке остался уродливый шрам, который скрывала борода.

Псих. Чарди, ты псих.

И все же сейчас, лежа в темноте ночи, он вдруг с острой радостью подумал, что у него еще есть надежда. С Джоанной возможно все, возможна целая вселенная.

Он может спасти Улу Бега от Вер Стига и Ланахана. Он может спасти даже Джозефа Данцига. Он может спасти Сэма Мелмена. Все они накрепко связаны друг с другом событиями прошлого, скованы и обречены, но он может разорвать эту цепь. Он чувствовал в себе силы. Он спасет Улу Бега, которого в последний раз видели на границе и который, возможно, направляется к ним. Он вычислит Бега в надвигающейся на Данцига толпе, уложит его на обе лопатки, успокоит, потом они потолкуют, и все как-нибудь уладится.

И еще он навеки привяжет ее к себе.

Прошла всего неделя, в запасе уйма времени.

Улу Бег, я спасу тебя. Я в долгу перед тобой не только по-

тому, что ты свел меня с Джоанной семь лет назад – а словно вчера, – но и потому, что, случайно выдав свою цель, ты вывел Джоанну из сферы интересов Майлза Ланахана и Йоста Вер Стига, а также тех теневого воротил, которым они служат. Чарди, важность которого, похоже, тоже уменьшилась за последние несколько дней, теперь был волен уезжать на выходные и проводить их с ней, как вот сейчас.

Джоанна простонала во сне и заворочалась. Он не видел ее – до этого угла комнаты лунный свет не дотягивался, – но чувствовал: тепло, тяжесть, нежный запах, присутствие. Ее руку, теплую и сухую, под своей ладонью.

Зазвонил телефон.

Чарди вздрогнул от звонка, привстал в постели и посмотрел на свой «Ролекс». Было четыре утра.

Джоанна зашевелилась в темноте и подплыла к телефону. Он услышал ее отрывистый ответ; потом она обернулась.

– Это тебя.

Он взял трубку.

– Чарди? – раздался голос Майлза. – Какого дьявола вы там делаете?

– Сегодня выходной, Майлз. Я могу ехать куда угодно.

– Нет, больше не можете.

Чарди ждал, и юнец в конце концов выпалил, задыхаясь, без пауз:

– Тревитт со Спейтом в Мексике мы потеряли Спейта кто-то снес ему лицо из дробовика за каким-то мексиканским

борделем один бог знает как его туда занесло.

Чарди закрыл глаза. За борделем. Старина Билл, который был всегда.

– Пол, – встревожилась Джоанна, – Пол, что такое?

– Йост хочет, чтобы вы были здесь. Рано утром есть рейс из Бостона в Вашингтон. Мы пошлем кого-нибудь встретить вас в аэропорту.

Старина Билл. В Мексике. Зачем кому-то понадобилось его убивать? Во что он вляпался? Кто это сделал – оппозиция, чей-нибудь ревнивый дружок, бандиты, охотник, забывший поставить ружье на предохранитель?

Но в подобной игре не бывает случайностей.

– Пол. Утренний рейс. Вы прилетите?

– Да, конечно, – ответил Чарди, внезапно ощутив, что все только что перевернулось и безопасности, в которой он себя чувствовал в этой спальне всего несколько секунд назад, больше не существует.

Это немного пугало. А потом его осенила другая мысль.

– Послушай, Майлз, вам лучше бы послать кого-нибудь за тем вторым парнишкой. Я сам мог бы съездить. Без опытного напарника, вроде Спейта, парень может угодить в большую беду.

– Тревитт пропал, – холодно ответил Ланахан.

– Ясно, – отозвался Чарди.

– Он тоже мертв, понимаете? – продолжал Майлз.

Чарди вздохнул. Именно так и обстояли дела в их мире.

– Да, – сказал он. – Да, думаю, что мертв.

Глава 17

В Дейтоне на автовокзале кто-то украл у него деньги.

Улу Бег сидел очень неподвижно и пытался не поддаваться панике. Но без денег ему в Америке не выжить. Любому человеку без денег в Америке не выжить, но к нему это относилось больше, чем к кому-либо иному, – ему некуда было вернуться, не к кому идти, у него не было ничего, кроме «скорпиона». До убежища все еще оставались сотни миль.

Ему дали много денег.

«По их меркам ты богач. Ты можешь купить себе „шевроле“ или моторную лодку».

«Мне не нужен ни „шевроле“, ни моторная лодка».

«Разумеется. Но помни, в Америке деньги – это жизнь. Для человека с деньгами нет ничего невозможного, ему открыты все двери, ему рады все женщины, на его стороне все полицейские».

Он сидел на пластиковом сиденье в светлом зале ожидания и пытался восстановить в памяти последние семь или восемь минут. Автобус из Луисвилля до Дейтона опоздал, застрял в пробке в Цинциннати. На выходе началась давка. Он держался в основном среди черных, а они очень эмоциональны, и воссоединение с родными сопровождалось бесчисленными объятиями и похлопыванием. Он пробился сквозь толпу в главный зал, весь из светлого пластика, но-

венький и сверкающий. Вокруг стояли несколько полицейских, еще толпа черных, а также летчики в своей голубой униформе.

Именно тогда он ощутил полегчавший карман.

С тех пор прошло семь или восемь минут. Он понимал, что это могло произойти только тогда, когда он протискивался сквозь толпу черных. Значит, негр.

Он рассматривал их, гадая, не сбежал ли вор, и решил, что нет. Его глаза прочесывали черных. Старик инвалид в огромном плаще, оживленно разговаривающий сам с собой. Попрошайка? Двое нагловатого вида ребят с шапками волос, танцующие в углу под музыку из радиоприемников. Одетый с иголки бизнесмен, который сидел через три места от него и читал журнал. Или полная пожилая женщина в шляпке с цветами?

Он не знал, как быть. Он был беспомощен.

В бумажнике у него было больше трех тысяч долларов. В полицию пойти он не мог. Эти деньги не давали ему покоя.

Он увидел третьего парнишку, приближающегося к тем двум с радиоприемниками. Они негромко посоветовались, и представление началось: сначала один, затем другой, хлопнули по протянутой руке, потом по очереди сжали запястье приятеля.

Это были молодые верзилы лет под двадцать с тупыми лицами и пустыми темными глазами.

Улу Бег поднялся, подхватил свой рюкзак и направился

через весь вокзал к этой троице.

– Вы взяли мою вещь. Верните ее обратно.

– Что ты сказал, чувак?

Они подозрительно уставились на него.

– Вы взяли мою вещь. Верните ее мне. И никакого шума.

– Ты это о чем, а, мужик?

– О бумажнике. У меня пропал бумажник.

– В глаза не видел никакого бумажника.

– Мой бумажник. Я хочу получить его обратно. Без шума.

– Этот чувак нарывается на неприятности.

– Вы взяли мой бумажник, – повторил Улу Бег.

– Приятель, вали-ка ты отсюда по-хорошему.

– Вы взяли мой бумажник.

– Вот урод ненормальный. Твою мать, да он просто нарыва-
ется.

– Давайте сматываться отсюда. Этот урод действует мне
на нервы.

– Давайте-ка покажем ему, что к чему.

– Нет, к черту. Он просто ненормальный.

– Вы взяли мой бумажник.

Троица попятилась, тем самым подтвердив в глазах Улу
Бега свою вину.

Он двинулся на них.

– Черт, вот дерьмо, ты псих.

Он последовал за ними в ночь.

Они перешли широкую улицу под яркими фонарями и на-

правились к железнодорожному виадуку. Потом свернули и зашагали по узкой дорожке, которая бежала по склону вверх.

– Эй, приятель, мы уходим, только попробуй увязаться за нами, мы разукрасим твою морду.

– Мой бумажник, – крикнул он.

Он различал их темные силуэты на краю железнодорожного полотна где-то на вершине холма.

– С этими ребяташками шутки плохи, мистер.

Он не заметил женщину. Она стояла всего в нескольких шагах от него, под мостом.

– Они тебя порежут. Будешь потом на лекарства работать. Если вообще в живых останешься.

– Но мой бумажник. У них мой бумажник.

– Золотце, если у тебя там не миллион долларов, оставайся на месте. Не глупи.

Их больше не было видно. Неужели скрылись? Улу Бег бросился бежать, дорога вышла к железнодорожному полотну, и вокруг были лишь грязь и угольный мусор. Он сунул руку в рюкзак и нащупал «скорпион». Потом задумался, что произойдет, если он их застрелит. Поднимется шум, черт-те что, начнется неразбериха.

Он выбрался на полотно. По обе стороны горели огни этого унылого огайского города. Примерно в миле отсюда виднелись ярко освещенные высотные здания.

– Парень, да ты совсем ни хрена не соображаешь.

– Теперь пеняй на себя, придурок.

Они подобралась к нему сзади. Он обернулся. Сверкнуло лезвие ножа.

– Порежь этого козла. Давай порежь его тупую белую задницу.

Парень с ножом пошел на него. Он был самый храбрый, самый опасный. Он замахнулся ножом, принялся угрожающе водить им.

– Давай, козел, иди ко мне, – завопил он.

Он ткнул ножом в направлении горла курда, и Улу Бег приложил его раскрытой ладонью по шее, отчего парень рухнул наземь. Лезвие со звоном отлетело в сторону. Что-то хлестнуло его по голове. У одного из нападавших оказалось странное боевое оружие в виде двух крепких палок, соединенных короткой цепью, и удар пришелся Улу Бегу прямо над правым глазом. Парень угрожающе закрутил цепью, и курд ощутил, как на лбу у него наливается шишка.

– Ну, погоди у меня, козел, – процедил юнец.

Улу Бег поднырнул под оружие и перехватил руку, сжимавшую его, потом нанес мальчишке удар снизу вверх в горло, от которого парень отлетел назад, кашляя и задыхаясь. Третий припустил по железнодорожному полотну.

Улу Бег подошел и забрал бумажник у того, которого он ударил по горлу. Бумажник оказался не его.

– Кто-то забрал деньги у меня, я должен забрать у вас, – сказал курд.

Он подобрал свой рюкзак и пошел вниз, к дороге.

– Малыш, я думала, ты уже не вернешься.

Женщина снова застала его врасплох.

– Уже собиралась вызвать легавых.

– Нет. Не надо. Не надо полиции.

Внезапная ярость в его голосе напугала ее. Женщина отступила назад, и он отвернулся.

– Малыш, – посоветовала она, – раз уж ты не хочешь иметь дело с полицией, лучше бы тебе не разгуливать в таком виде.

Он ощутил, что по лицу течет кровь из рассеченного лба. Протянул руку, утер лоб тыльной стороной ладони. На руке осталась кровь. Рана на голове продолжала кровоточить.

– Ты поранился.

Он взглянул на женщину. Лет за сорок, крупная. На голове парик. От нее сильно пахло духами.

– Помоги мне, – попросил он.

– Ты вернул себе свой бумажник?

– Нет. Да!

Он вытащил из кармана добытый бумажник и раскрыл его.

– Здесь нет денег, – сказал он.

– Где ты это взял?

– У того парня.

– Ты побил всех троих?

– Да, я уложил их.

– Золотце, идем-ка ко мне домой.

Глава 18

Чарди прилетел с мутным взглядом, на взводе, рвущийся в бой. В венах бурлил адреналин, глаза мучительно расширились, дыхание было неглубоким и напряженным.

В былые времена, потеряв кого-то, можно было пойти и набить кому-нибудь морду. Таково было одно из древнейших, одно из лучших правил. Ты всегда отплачивал за свою боль, всегда утирал им нос. Никакой пощады быть не могло.

И пожалуй, отчасти Чарди испытывал радость, хотя ни за что в жизни в этом бы не признался. Наконец-то впереди замаячила перспектива действия.

Однако когда он ворвался в офис, ожидая увидеть, что часть народу заряжает магазины в экзотические автоматы, другая часть изучает карты, а третья – ожесточенно переговаривается по углам, он застал там одного Майлза. Тот расслабленно попивал кофе.

– Где все? – рявкнул Чарди, разъяренный тем, что они выехали без него.

– Спокойно, Пол. Господи, да у вас вид полубезумный.

– Ты сказал, у вас чрезвычайное происшествие, велел, чтобы я летел сюда, чтобы...

И тут Чарди понял, что неверно все истолковал. Пепельницы не были переполнены окурками, и в спертom воздухе не ощущалось запаха застоявшегося табачного дыма. А

во взгляде Ланахана, по-хозяйски развалившегося за столом Йоста, светилось что-то насмешливое.

– Ситуация разрядилась. Довольно значительно, – сообщил Майлз с полуухмылкой на лице.

– Я не...

– Вмешались определенные реалии. Мы получили кое-какие новости о Билли. Кое-что выяснилось. Кроме того, сверху распорядились не лезть в Мексику. И...

– Где он?

– Кто?

– Брось, Майлз. Я чую, что Мелмен здесь. Я чую его повсюду. Давай, Майлз, говори, где он.

– Это операция Йоста, Пол. И офис Йоста. Советую вам зарубить это на носу.

– Я чую, что тут не обошлось без Сэма. Сэм большой специалист по улаживанию дел, он никогда не горячится и не спешит, не делает ошибок...

– Пол, вот вам факты. Факт первый: мексиканцы там носом землю роют. У нас с ними действует что-то вроде неофициального соглашения. Часть его заключается в том, что мы не ведем на их территории никаких секретных операций без их ведома и разрешения.

– Я тебя умоляю, какая там операция? Просто старик и ребенок.

– Это нам понятно. Но попробуйте-ка объяснить это им. Послушайте, тут тонкая рабочая договоренность: они предо-

ставляют нам свободу действий вокруг советского посольства в Мехико, откуда ведет свои вылазки КГБ. Мы вынуждены защищать эту вольность. Это большая любезность со стороны мексиканцев, она приносит нам огромную выгоду. Ясно?

Чарди хмуро смотрел на Ланахана, внезапно не находясь с ответом.

– Факт номер два: нефть. Нефть правит нашим миром явно и недвусмысленно. А у мексиканцев ее тонны. Так что сейчас тон во всем задает эта долгосрочная проблема. У них есть то, что нужно нам. В наши дни приходится вести себя с ними очень аккуратно, если мы хотим как прежде разъезжать на «кадиллаках». Ясно? Мы не зовем их черномазыми, чурками, латиносами и тому подобное. Мы обращаемся с ними вежливо на всех уровнях. Поэтому мы не станем устраивать налет на этот городишко и наводить ужас на его жителей, когда...

– Сынок, одного, если не двух, из наших людей убрали. В былые времена...

– Теперь другие времена, Пол. Факт номер три: нам известно, кто убил Спейта.

Чарди уставился на Ланахана.

– Ни железный занавес, ни ближневосточный вопрос тут ни при чем. Это не имеет никакого отношения к Улу Бегу. Никакой связи. Это было чистой воды несчастливое, дурацкое, нелепое стечение обстоятельств.

– Кто?

– Бедняга Спейт угодил в бандитские разборки. Насколько мы поняли, они с Тревиттом интересовались конторами контрабандистов – они получили задание, одно-единственное задание, разузнать, кто переправил Улу Бега в нашу страну. Это, и только это. А они, должно быть, пошли дальше и угодили в большую войну мексиканской мафии. Там было что-то вроде бара под названием «Дворец» – «Эль паласьо» – по сути дела, бордель. Глупый Билл отправился напрямик туда. Стал задавать вопросы, как будто вообразил себя репортером криминальной хроники. Не знаю, что на него нашло. Это была чудовищная, глупейшая случайность.

– Я в это не верю, – отрезал Чарди.

– Вы не хотите в это верить. В любом случае, это не имеет значения. В это верит Йост.

– Кстати, где он шляется?

– Он дома.

Чарди снял трубку телефона.

– Давай номер.

– Нет, Пол. В этом нет никакого смысла. У него была трудная ночь, как и у нас всех...

– Давай сюда номер!

– Вы не в том состоянии, чтобы разговаривать по телефону. С кем бы то ни было.

– Тогда дай мне номер Мелмена. Черт побери, Майлз...

Он сделал движение в сторону Ланахана и понял, что

опасно близок к потере самообладания.

Но юнец твердо стоял на своем.

– Не горячитесь. Успокойтесь. Господи, вам, старым ковбоям, лишь бы только устроить бучу.

– У него не хватило пороху встретиться со мной лично, да, Майлз? У Йоста?

Он редко вспоминал об этом человеке и даже не смог вызвать в памяти его лицо. Он помнил очки, аккуратность, спокойствие, костюм – и все.

– Так что он спихнул всю грязную работенку тебе. И ты ее делаешь. И даже вроде как с удовольствием.

– Пол...

– А мы теперь лижем зад мексиканцам. Мексиканцам! Господи, каким-то паршивым мексиканцам!

– Советую вам привыкать к реальному миру, Пол. К восьмидесятым. Это вам не Вьетнам, не Курдистан, не чья-нибудь грязная маленькая секретная война. Это Америка. Здесь принято вести себя определенным образом. Ясно?

Чарди взирал на юнца с беспредельной грустью. Мир, если верить Ланахану, превратился черт знает во что. В былые времена отдел спецопераций всегда вытаскивал своих людей или хотя бы возвращал их обратно, и если оставалось лишь вывезти тела, то они заботились о том, чтобы той стороне тоже нашлось кого хоронить.

Но Майлза это не интересовало.

– Они привезут тело. Устроят похороны. Думаю, вы там

будете.

Чарди кивнул. Он ненавидел похороны, но все равно намеревался на них пойти. Старина Билл. Френчи. Их игры стали такими жестокими. Старики не выдерживали и уходили один за другим.

Он смотрел на Ланахана. Вот он, наследник традиций, их смена. Как объяснить все это парнишке? Но Майлз злобно зыркнул на него и пробормотал что-то о том, что ему не мешало бы привести себя в порядок.

Глава 19

Это было одно из тех странных событий, которые на краткое время объединяют дюжину отдельных миров. Родственники, соседи, человек-другой из палаты представителей и Сената, младшие члены текущей администрации, представители комитетов по разведке, люди из бывшего УСС,²⁹ герои холодной войны и Вьетнама, а также их смена – питомцы Мелмена, роботы, реалисты, компьютерная бригада. Все испытывали неловкость и стояли вокруг могилы чопорными молчаливыми группками. Спейт знал их всех, а все они знали его.

Здесь, на пологих склонах Арлингтонского холма, где за рекой, сквозь ветки кизила, обманчиво яркий на весеннем солнышке, сверкал Вашингтон. Чарди с удивлением отметил, что родные у Спейта совсем молодые. Выходит, Билл поздно женился – или это был уже второй брак? Пол не знал. Спейт никогда не рассказывал. Вдова в черном, рыдающая и в вуали, стояла рядом с Йостом Вер Стигом, к ней жались трое маленьких мальчиков в выходных костюмчиках, не то убитые горем, не то ошеломленные.

Йост словно примерз к своему месту. В этой бездне горя от него не исходило утешения. Вдова опиралась на него,

²⁹ УСС (Управление стратегических служб) – прообраз ЦРУ, созданный при правительстве США в начале 1940-х годов.

но Чарди казалось, что эта поддержка была холодной, а не теплой. Сыновьям Билла он явно не нравился. Чарди видел это, и хотя церемония требовала их внимания, они беспокойно крутились и переминались с ноги на ногу. Протокол обязывал Йоста, как последнего полевого координатора Билла, сыграть эту роль. От его достоинства веяло равнодушием. Он стоял, не шелохнувшись, плотно сомкнув колени и сцепив руки в тугий замок. С безупречно подстриженными жесткими волосами и бликующими стеклами очков, скрывавших выражение глаз, он казался одиноким представителем администрации на похоронах шахтера.

Скорбные солдаты из знаменитого армейского подразделения, согласно традиции, складывали флаг до тех пор, пока он не превратился в украшенную звездами треуголку. Затем его вручили Йосту, он передал флаг вдове, а та, в свою очередь, старшему сыну, который, похоже, понял, что происходит. Прозвучали три гулких залпа, в деревьях отозвалось эхо. Горнист протрубил отбой.

Билл Спейт, закончивший свои дни в канаве за борделем. Управление не смогло или не захотело никак прокомментировать этот факт, разве что в форме присутствия на церемонии и, как надеялся Чарди, объяснения вдове, что ее муж исполнял там задание, а не развлекался со шлюхами. Впрочем, стоило ли от них ожидать хотя бы этого? Возможно, на данном этапе единственным объяснением было молчание; никогда не знаешь, какого мнения в подобных вопросах при-

держиваются в высшем эшелоне.

Толпа расступилась, и Чарди огляделся по сторонам. Он увидел Миллера, в настоящем автора двух бездарных романов и мемуаров, в которых он восхвалял самого себя. Рядом с ним О'Брайен, по слухам заколачивающий на Уолл-стрит по полмиллиона долларов. Ему показалось, он узнал и Шустера, немца по происхождению, который прожил в Америке так долго, что почти утратил свой акцент, в недавнем прошлом страхового агента. Боже, здесь были и все остальные, прошедшие сквозь горнило пятидесятых и шестидесятых, свидетели холодной войны в Европе и военных баз в знойных дельтах рек по всей Азии. Если собрать в кучу таланты всех, кто стоит вокруг, можно повернуть неплохую операцию, подумалось Чарди. Но разумеется, никто не стал бы этого делать.

– Бедный Билл, – произнес кто-то. – Бедный старина Билл.

Чарди слышал это в тысячный, в двухтысячный раз. Бедняга Билл, – Билл, когда-то подававший такие большие надежды, Билл, которому когда-то прочили блестящее будущее, и вот как все закончилось.

– Бедная Маргарет, вы хотите сказать, – послышался другой, женский голос. – Осталась одна с тремя мальчишками.

Похороны выбили Чарди из колеи сильнее, чем он мог предположить. Несмотря на то, что небо было голубым, солнце – ярким, трава ослепительно, по-весеннему зеленой,

а надгробия белыми, Чарди была дрожь. Он ненавидел похороны всю жизнь. Эту мертвую тишину, от которой мороз по коже. Это напоминание о католицизме, вере, от которой он отступился. Должно быть, сказывалась ирландская кровь, кровь его матери: весь этот дешевый драматизм, трубящие горны, развевающиеся стяги, вдовы, осиротевшие мальчики затрагивали в нем сентиментальную струнку. Чарди ощутил, как на него накатывает черный морок мрачной задумчивости, разъедающий дух, разрушительный. Отрава уже проникла в кровь; теперь он на несколько часов выведен из строя. А там не заставит себя ждать головная боль, а за ней – очередной страшный приступ самобичевания. Все его грехи и неудачи вереницей потянутся из его памяти, как эти смазливые солдатики в синих мундирах, гвардейцы, чеканящие шаг, со штыками, на которых играет солнце. Всего на миг поток людей перед ним расступился, и он стал свидетелем картинной сцены: беззвучно рыдающая вдова со склоненной головой, трое храбрых мальчиков вокруг и рядом, держа ее за руку и словно принимая на себя всю их скорбь, Сэм Мелмен.

Чарди не видел его почти семь лет, с самого расследования. Сэм совсем не изменился. Облаченный в темный костюм, он безупречно подходил на роль утешителя вдов и сирот, которая была совершенно не по зубам бедняге Йосту. Это был один из многочисленных талантов Мелмена – он умел найти верное слово, знал, как уверенно и с достоин-

ством разрешить неприятную ситуацию. Он обращался ко всем четверым. Чарди так и слышал: «Если вам что-либо понадобится, только позвоните. Мы рады будем помочь. Мы знаем, как нелегко вам сейчас. Мы сделаем все, что будет в наших силах. И деньгами поможем».

Интересно, вдове известно, что Билл с Сэмом были почти ровесниками и когда-то давно многие считали их потенциальными соперниками в важных заданиях, предстоящих в будущем? Нет, наверное нет; Билл был не из тех, кто мешает в одну кучу работу и семью.

Чарди в ярости отвернулся. Мелмен его не заметил, но определенно должен понимать, что он будет где-то поблизости. Чарди был уверен, что встреча с ним не смутит Мелмена, тот не станет неловко отводить взгляд, переминаясь с ноги на ногу. Нет, Сэм посмотрит ему прямо в глаза, может, даже улыбнется.

«Привет, Пол, – скажет он, оставляя всю неловкость в далеком прошлом, – как поживаешь? Не бедствуешь? Слышал, ты теперь на контракте. Рад, что ты вернулся в наши ряды».

И ведь при этом он ни на миг не покривил бы душой, потому что уверен в собственной непогрешимости. Он не допустил бы и тени сомнения в правильности своих решений во время служебного расследования. И ему никогда не придет в голову, что Чарди мог затаить на него обиду. Возможно, он мог бы даже питать добрые чувства к непутевому Чарди, старому ковбою, пережитку, как и Билл, славного прошлого.

Пол пожалел, что рядом с ним нет Джоанны, которая спасла бы его от ярости. Засунув руки глубоко в карманы, он принялся пробираться меж теней, подальше от толпы, и решил, что полчаса будет идти в быстром темпе, чтобы улеглась злость. Он не может себе этого позволить, ему необходимо быть в наилучшей форме, ведь завтра у него встреча с самим Большим Человеком.

– Пол? Пол, ты ли это?

Голос был женский, знакомый. Чарди обернулся. Она расплнела – годы обошли с ней куда безжалостней, чем с Сэмом Мелменом. К тому же, теперь она стала словно бы меньше ростом и определенно не такой привлекательной, а ведь когда-то была красавицей.

Нет, сегодня просто какой-то день встреч с призраками, с мертвецами. Неужели и он сам тоже так сильно постарел?

– Мэрион! – Чарди пытался говорить непринужденным тоном, точно зная, что если бы он заметил ее приближение, то немедленно двинулся бы в противоположную сторону. – Господи, сколько лет, сколько зим.

– Правда? Боже, почти восемь лет.

– Мне жаль Френчи, Мэрион. Я всего несколько недель назад узнал. Я был, как бы это сказать, не у дел. Я хотел позвонить или что-нибудь в этом роде.

Он чувствовал себя ужасно. Ему хотелось бежать. Он был в долгу перед Френчи, в долгу перед его вдовой и подвел обоих.

– Ничего, Пол. Ты всегда воспринимал все слишком серьезно. – Она улыбнулась своей потухшей улыбкой, слишком скупой, и у него возникло ощущение, что он должен прикоснуться к ней. – Это было так давно. А я слышала о твоих неприятностях. Все должны молчать, но все всегда просачивается наружу. Пройдемся немного, ладно? Давай поговорим. За сегодняшний день я увидела столько людей, которых когда-то знала. Но мне не хотелось ни с кем из них разговаривать. А потом я увидела тебя.

Он подстроился к ее походке и зашагал рядом. Они шли по тропке, под деревьями, по склону холма. День был солнечный, и ему захотелось надеть темные очки. На горизонте, словно белый бутафорский киношный Рим, раскинулся Вашингтон. Чарди пощипал переносицу – у него начинала болеть голова.

– Билла ужасно жалко, правда? – заговорила Мэрион.

– Бедный старина Билл. Но он протянул дольше многих, – заметил Чарди и немедленно об этом пожалел: Билл протянул дольше Френчи, которого выловили в Дунае.

Но женщина, похоже, не услышала.

– Чем ты нынче занимаешься? – поинтересовался он.

– Снова вышла замуж. Мой муж преподает английский в филиале Мэрилендского университета, под Балтимором.

– Звучит внушительно. Тихая, спокойная жизнь. Наверное, после француза...

Фраза повисла в воздухе, в памяти всколыхнулись шаль-

ные воспоминания о Френчи Шорте. Френчи изменял ей направо и налево, не пропускал ни одной юбки, но разве можно было сердиться на француза? Наверное, она все знала, но прощала его. Француза прощали все – это был один из его талантов. Он был неотразимо ребячлив, умопомрачительно обаятелен – и без зазрения совести этим пользовался, – дьявольски умен и отчаянно храбр. Он принадлежал к редкой породе мужчин, рожденных для боя, и его ликующая свирепость, его незамутненный пыл всегда заставляли Чарди чувствовать себя жалким в сравнении с ним. Френчи научил Чарди всему, и Пол многим был ему обязан. Кроме того, Френчи искал передраг и выпутывался из них – и в эти бурные мгновения жил наиболее полной жизнью.

– Даже француз стал потихоньку сдавать, – сказала Мэрион. – Под конец.

– Не могу себе представить сдавшего Френчи, – покачал головой Чарди.

Ему совершенно не хотелось об этом думать. Впрочем, и у Френчи случались периоды тоски, катастрофической по своей силе, когда он с трудом заставлял себя встать с постели.

– Не знаю, Пол. Он повзрослел или выдохся. Может, просто устал от всего этого.

– Профессиональный риск, – сказал Чарди, чтобы что-нибудь сказать.

Он пытался вспомнить о детях. Френчи никогда не упоминал о детях, он был всегда слишком занят собой. Были

ли у них ребятишки, маленькие Френчи, которых надо было кормить и ставить на ноги, как тех троих пацанов, которые остались после старины Билла? Из Френчи мог бы выйти неплохой отец – впрочем, Чарди подозревал, что тот вполне мог относиться к породе мужчин, что лучше всего чувствуют себя с чужими детьми, перед которыми можно держаться героем, но которым не нужно менять подгузники. Впрочем, утверждать наверняка было нельзя, и Пол не знал, что сказать бедной Мэрион.

Женщинам всегда приходится тяжелее всего, подумал он. Мы гоняемся по всему свету, строим из себя ковбоев на средства управления, а они сидят дома, увядают, старятся и пытаются не обижаться на полную неосведомленность, пока в один прекрасный день не осознают, что живут в совершенно ином мире, чем их мужья. А потом раздается телефонный звонок, как тот, что раздался в доме жены Билла или Мэрион, со скуными подробностями. Они получают сложенное звездное полотнище из рук строгого молоденького сержанта гвардии, несколько дежурных слов из уст елейного торговца сочувствием, вроде Сэма Мелмена, скромную пенсию и кров.

Эти мрачные рассуждения навели его на мысль о Джоанне, по которой он тосковал до сих пор. Он поклялся, что никогда не будет держать ее в неведении, вот закончит это дело, и все. Больше никаких секретов, никаких операций. Он сыт этим по горло.

Мэрион между тем оживленно говорила:

– ...и я никогда еще не видела его в таком восхищении, ни разу за все эти годы.

О чем это она, интересно?

– Это давало и какую-то стабильность. Тогда директором Центральной разведки был Шлезингер, он уволил две тысячи человек за шесть недель, и Френчи страшно боялся, что окажется в следующем списке. И он так устал от переездов, от насилия. Так что, думаю, тогда Френчи был счастливее всего. По-моему, это была его лучшая пора. Он так быстро учился, схватывал все на лету.

– Угу, – глупо поддакнул Чарди, чтобы она не догадалась, что он отвлекся и понятия не имеет, о чем идет речь.

– А потом началась венская операция. Он не мог не поехать – последний раз, на прощание, я думаю. Но он любил эти компьютеры, очень любил.

Компьютеры? Френчи Шорт и компьютеры?

– Компьютеры, – повторил Чарди вслух.

Это было не похоже на Френчи. Впрочем, может, и похоже. Возможно, Френчи пристально всмотрелся в грядущее и понял, что время ковбоев прошло. Будущее было за роботами: за компьютерами, за спутниками, за высокочастотными процессорами, за лазерами. В рекламе это называлось ЭЛИНТ, электронный интеллект, в противовес ЧЕЛИНТ, человеческому интеллекту. Значит, Френчи переметнулся на сторону роботов, Мелменов. Перед глазами у Чарди про-

мелькнули любопытные картины – он не имел дела с компьютерами, поэтому представить рядом с ними Френчи было трудно.

– Я просто не могу вообразить себе Френчи рядом с компьютерами, – признался Чарди.

– Он говорил, за ними будущее. Прошрое ему надоело.

– Наверное, он думал о тебе, Мэрион.

– Это очень мило с твоей стороны, Пол. Мы оба знаем, что это не так. Француз никогда обо мне не думал.

– Мэрион?

– Нет-нет, ничего страшного. Это не важно. Не извиняйся. Зато он думал о тебе, Пол. Перед отъездом. Ты был тогда на Ближнем Востоке или где-то в этом роде. До поры до времени вы оба всегда возвращались назад.

В небе показался самолет, «Боинг-727», летящий вдоль реки Потомак к аэропорту Нэшнл, и их слова потонули в реве реактивных двигателей. Огромная серебристая птица накренилась, пролетая над ними так низко, что, казалось, можно коснуться рукой. Пилот выпустил шасси. Чарди и Мэрион закончили подъем и теперь стояли на вершине одного из холмов, на которых было расположено кладбище. Оно растянулось перед ними – ряды белых могильных камней, сползающие в ложбины, купы кизилых кустов, полоса скоростного шоссе вдали, неспешная коричневая река и, наконец, ослепительный белый город. Отсюда он еще больше походил на киношный Рим.

– Ненавижу Вашингтон, – сказал Чарди. – Ненавижу людей, газеты, красивых женщин. Для таких парней, как мы с Френчи, это не место. Я просто его ненавижу.

Собственная неожиданная горячность изумила его. Но он действительно ненавидел этот город.

– Это всего лишь населенный пункт, – сказала Мэрион.

Свежий ветер взъерошил листву, и Чарди стало холодно. Пальто он забыл в машине, от которой теперь, после прогулки с Мэрион, его отделяла миля.

– Прости, – сказал он. – Я перебил тебя. Боюсь, собеседник из меня сегодня неважный.

– Похороны на всех наводят уныние. Пожалуйста, не беспокойся об этом, Пол.

– Спасибо.

– Я говорила, что в конце Френчи думал о тебе.

– Да, я помню.

– Он оставил тебе послание. Сказал, чтобы я обязательно тебе передала. Но потом он погиб, настали тяжелые времена, потом мы с тобой не виделись, и я начала новую жизнь. Прошло много лет. Но сейчас я вспомнила. Увидела тебя в одиночестве на холме, с твоей новой бородой и вспомнила.

– Послание? – заинтересовался Чарди.

– «Мэрион, – сказал он, – Мэрион, когда Пол вернется назад, передай ему, чтобы нашел башмак, который подойдет по размеру. Запомнила? Пусть найдет башмак, который подойдет по размеру. Он поймет, что я имею в виду».

Чарди против воли не смог удержаться от внезапной хищной усмешки.

– Что это означает, Пол?

– О Мэрион, это очень давняя история, из другого времени. Из ужасного времени. Мне не хочется рассказывать тебе об этом.

– Брось, Пол. Я уже большая девочка.

– Когда мы были на задании в Северном Вьетнаме, в демилитаризованной зоне, с нунгами, там был один торговец опиумом, китаец по прозвищу Башмак. Бог уж его знает, за что его так прозвали, но дело не в этом. В общем, один из наших разведывательных рейдов попал в засаду, и мы едва-едва унесли оттуда ноги. Нам тогда пришлось очень несладко. А потом кто-то сказал нам, что этот Башмак работает на северных вьетнамцев. Он был их агентом, а на нашу территорию проник, чтобы быть в курсе наших операций. Как выяснилось, он был настоящим мерзавцем. Ну, у нас тоже были свои источники. Мы его подставили. Распустили слух, что он оказывал нам кое-какие услуги. Его покровителям это не понравилось. Его выловили из реки – в бочках из-под бензина. В нескольких. И Френчи сказал – мы тогда были пьяны, ты должна понимать это, – Френчи сказал: «Гляди-ка, Пол, наш Башмак подошел по размеру». В тот момент эта шутка показалась нам очень забавной.

Она не произнесла ни слова.

– Мэрион, у тебя потрясенный вид. Послушай, там был

настоящий ад. Люди гибли пачками. Стало известно, что северяне объявили за наши головы награду в пятьдесят тысяч пиастров. Никто не знал, что случится через минуту, и когда мы выходили с нунгами в дальние рейды, то понятия не имели, вернемся назад или нет. Это были нелегкие времена, тяжелые времена, а теперь о них уже никто и не вспоминает, всем плевать. Тогда казалось смешным многое, что сейчас таким совсем не кажется.

Ее потрясенный вид задел его. Чем, по ее мнению, Френчи занимался все эти годы?

– Я понятия не имела, что там творились такие зверства.

– Прости, Мэрион. Я не хотел разбивать твои иллюзии.

– Я могу быть страшной ханжой, да? Это не твоя вина.

Как ты сказал, тогда были другие времена. Но что значит «найди»?

И в самом деле, что это значит?

– Я не совсем понимаю, что он под этим подразумевал. Может быть, он имел в виду «вспомни» или что-нибудь в этом роде? Он хотел сказать: «Вспомни былые времена».

– Ох, Пол, вы с Френчи жили в таком странном мире. Я рада, что не соприкасаюсь с ним. А вот и моя машина.

За разговором они дошли до невысокой кирпичной стены, которая отделяла кладбище от Форт-Майера. Прямо за ней, на площадке для армейских машин, стояла грязная желтая «тойота».

Мэрион улыбнулась, и лицо ее на миг просветлело. Ко-

гда-то она была настоящей красавицей, тогда как Френчи всегда оставался на редкость уродлив, и Чарди нередко поражался, как это он умудрился завоевать сердце такой хорошенькой женщины.

– Очень здорово было увидеться с тобой, Пол. Я так рада, что появилась здесь. Приятно было на время окунуться в прошлое. Мне очень не хватает Френчи, Пол. Очень.

Он испугался, как бы она не расплакалась, и быстро проговорил:

– И мне тоже, Мэрион.

– Позванивай мне время от времени, если будет желание. Моего мужа зовут Брайан Доулп. – Она произнесла имя по буквам. – Мы живем в пригороде, в местечке Колумбия. Примерно посередине между Балтимором и Вашингтоном. Там очень мило.

– Хорошо, Мэрион. Рад был встретить тебя. Правда.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Тебя подбросить куда-нибудь?

– Спасибо, у меня там машина. – Он махнул рукой куда-то в направлении Мэриленда и Северного полюса.

– Что ж, тогда счастливо.

– До свидания, Мэрион.

Она села в машину, быстро завела мотор и растворилась в потоке автомобилей.

Чарди зашагал по кладбищу обратно, высокий бородастый мужчина, пригибаясь от ветра и пряча руки в карман-

ны. Он надел очки. Кладбище уже опустело, если не считать нескольких туристов. Он шел между могилами погибших за Америку, думая о своих собственных утратах.

Глава 20

Чарди сидел на заднем сиденье рядом с Ланаханом, а какая-то мелкая сошка из управления – юнец, которого ему не представили, – вез их по Висконсин-авеню во все более и более оживленном потоке машин.

– В четыре пятьдесят пять машина отвезет вас в аэропорт Нэшнл, – бубнил Ланахан. – Вас будут прикрывать всю дорогу, Пол: резервные подразделения, контрольные точки, эскорт, все дела.

– Прямо как в Бостоне, Майлз?

Ланахан продолжал:

– В шесть вы будете в самолете на Чикаго. Посадка в аэропорту Мейгс, на озере, а не в О'Хара. Оттуда рукой подать до гостиницы «Риц-Карлтон» в Уотер-тауэр-плейс, где состоится конференция; там для вас забронирован номер.

– Майлз, я не думаю, чтобы из меня вышел хороший телохранитель.

– Послушайте, Пол, мне казалось, Йост высказался по этому поводу более чем ясно. Нам всем сейчас не хватало только, чтобы ваш курдский дружок укукошил Данцига. Мы намерены взять его. Мы собираемся расставить такую сеть, сквозь которую ему нипочем не проникнуть. Но если ему это удастся, Пол, если он все-таки проскользнет – вы будете рядом, вы узнаете его. Не забывайте, кроме вас, никто не знает

его в лицо. Вы прожили с ним в горах бок о бок больше года. Ствол у вас при себе?

Чарди кивнул. Слева, под мышкой, словно летучая мышь, висел в кобуре автоматический «смит-и-вессон» тридцать девятой модели.

– Вы когда-нибудь стреляли из девятимиллиметрового?

– Я стрелял из всего, Майлз.

– Прекрасно. А теперь я проинструктирую вас относительно Данцига.

Ланахан был сама любезность. Замазанные прыщи у него на лице сегодня выглядели особенно устрашающе – красные, воспаленные. Затылок не видел парикмахера, наверное, с последней эпохи динозавров. Плечи мятого синего костюма усеивали хлопья перхоти. Говоря, он жестикулировал в воздухе короткими бородавчатыми пальцами. Но в глазах светился поразительный своеобразный ум. У него были маленькие пронизательные ирландские глаза, городские глаза. Мало что могло ускользнуть от Майлза. Он настойчиво продолжал наставлять Чарди:

– Говорят, Данциг может быть очень обаятельным. Он любит поговорить, таким образом он подчиняет себе людей – заговаривает их до беспамятства. Так что смотрите в оба. А не то он зачарует вас.

Чарди вспомнил о Джозефе Данциге, о сотнях тысяч его изображений: по телевизору, в книгах – он был повсюду, как на обоях. Разумеется, все это было несколько лет назад, во

время его службы и непосредственно после нее. Но шлейф известности должен был тянуться за ним до сих пор. И все же Чарди понимал, что будет питать к нему неприязнь сродни той, что пехота испытывает к генералам.

Было время, когда по слову Данцига сворачивались целые операции: деньги, планы, документы, должностные лица, обеспечение тыла, специалисты на местах. И как правило, кого-то сдавали, обычно из отдела спецопераций – вроде Чарди. Вроде Ники Уэлча, сгинувшего в Лаосе. Тони Чин тоже остался в Лаосе: страшная рана в груди, долгая и мучительная смерть. Или это была Камбоджа? Чарди не помнил. А Стэн Моррис? Он ведь наглотался какой-то дряни в Анголе, во время Африканской операции, и съехал с катушек. Да.

И в каждой из этих афер итог был один и тот же. В критический миг Данциг давал отбой. Он видел, что издержки растут, и шел на попятный, а Ники, Тони, Стэна и прочих, получалось, угробили ни за что. Как ни за что были все мучения Чарди во время «Саладина II». Классический пример. Однажды, в спецшколе в Панаме, он вместе с кучкой других инструкторов, ветеранов отдела спецопераций, попытался подсчитать, сколько же человек погибло из-за манеры Данцига вести дела. Список оказался немалым.

– Послушайте, Пол, лучше всего вести себя с ним, как робот. Он будет пытаться довести вас; ему нравится доводить людей. Или будет сплетничать – это ему тоже нравится. Или попытается заставить вас поставлять ему женщин. Говорят,

в последнее время он до этого дела сам не свой. Ни одной юбки не пропускает. В любом случае, он попытается подчинить вас своей власти, поработить вас. Такой уж он человек. Если вы ему понравитесь, если он проникнется к вам симпатией, он уничтожит вас. Йост говорит, лучшая тактика – мило улыбаться, какие бы вопиющие вещи он ни говорил. Не пытайтесь одержать над ним верх или сойтись с ним на короткую ногу. Он сожрет вас с потрохами и не подавится, ясно?

Они свернули с оживленного проспекта и неторопливо ползли по тихой джорджтаунской³⁰ улочке под сенью буйно разросшихся деревьев, которые не пропускали солнечный свет. Эта прохлада, этот полумрак создавали ощущение подземелья. Кирпичные дома, расположенные на благопристойном расстоянии от улицы, были красные и узкие, четырехэтажные, со ставнями, и к каждому примыкал небольшой садик.

– Неплохой райончик, – заметил Чарди.

– У этого чувака есть бабки. Больше, чем вы можете себе вообразить. Он зарабатывает больше миллиона в год лекциями и статьями. Этими своими речами он зашибает двадцать кусков в день.

Ланахан говорил, как бедный городской мальчишка, каким он и являлся, и его возмущение было таким же трогательным и воспаленным, как его прыщи. Он смотрел на рос-

³⁰ Джорджтаун – престижный район Вашингтона.

кошные георгианские фасады, и на лице его играло недоброе выражение. В детстве и юности Чарди не раз доводилось видеть такие лица – у товарищей по спортплощадкам, когда в их квартале появлялась какая-нибудь шикарная машина; на них были ненависть и зависть.

Впрочем, через миг это выражение исчезло, и Майлз вновь обернулся к нему.

– Пол, послушайте. Йост отправляет вас к очень обидчивому и эгоистичному человеку, который может очень сильно навредить нам даже сейчас. Кроме вас некому. Все хотели бы, чтобы на вашем месте был кто-нибудь другой, кто-нибудь не столь противоречивый. Не подведите нас, ладно? Это чертовски важно.

* * *

Йост, нервничая, представил их друг другу. Возникла неловкость: Большой Человек, раздавшийся и постаревший, обрюзгший, с вполне человеческими недостатками, которые обычно не замечаешь по телевизору – вроде пучка волос, торчащего из одной ноздри, крохотной проплешины на виске, легкой россыпи веснушек, – но все же определенно, положительно и несомненно Джозеф Данциг, протянул руку, как простой смертный. Ладонь оказалась хилой, щуплой, с длинными и узкими пальцами, и Чарди попытался не раздавить эту хрупкую руку, хотя, казалось, она рассыплется от

малейшего его прикосновения.

Они сидели в кабинете на первом этаже – эту комнату в пору было бы выставлять в витрине универмага или фотографировать для рекламы клуба «Книга месяца». В окружении этих полок, уставленных книгами, часть которых, должно быть, принадлежала перу самого Данцига, Чарди чувствовал себя туристом. Он оглядел кожаную мебель, полированное дерево, приспущенные парчовые шторы.

– У вас чудесный дом, – единственное, что пришло ему в голову.

– Я хорошо продаюсь, мистер Чарди, – ответил Джозеф Данциг.

Йост, пытаясь скрыть свою нервозность, так и сыпал на-тужными остротами, над которыми не смеялся ни один участник этого своеобразного тайного свидания. Наконец он сказал, что ему пора, и откланялся.

Под шумок Чарди украдкой взглянул на часы и увидел, что до выезда в аэропорт остается сорок минут. Чем бы таким занять это время? Он взглянул сквозь филенчатую дверь – да уж, не завидовал он тому, кто протирал от пыли это кошмарище, все эти сотни крохотных филенок, – на веранду и примыкающий к ней садик.

Садики в Джорджтауне были невелики, но Данцигу принадлежал участок побольше, чем у остальных, и сад был довольно обширный, до самой кирпичной стены, окружающей двор. Пора цветения еще не началась, и Чарди хорошо раз-

личал очертания сада: здесь во всем царил строгий порядок, симметрия. Участок разбивался на ровные лужайки, вдоль которых тянулись невысокие живые изгороди. За ними, у простого фонтана, стояли четыре – не пять, не три – четыре деревянные опоры, оплетенные лозами. По две с каждой стороны. Все было продуманно, аккуратно и четко.

Внезапно Чарди ощутил чье-то присутствие. Данциг, сказавший, что ему нужно сбегать наверх, в офис, стоял теперь рядом с ним со стаканом хереса в руках. Чарди тоже предлагали, но он отказался.

– Как вам нравится мой сад, мистер Чарди?

– Тут очень мило, сэр, – беспомощно отозвался тот.

Его никто и никогда прежде не спрашивал о садах. Потом он добавил:

– Вы сами за ним ухаживаете?

– Ну уж нет, – едко усмехнулся Данциг. – То есть я не хожу тут с тяпкой и секатором. Но план разработал я. Людям, которые жили тут до меня, взбрело в голову устроить здесь кошмарный грот в итальянском стиле. Он смахивал на те места, куда ходят гомосексуалисты, чтобы встречаться друг с другом. Я внес определенные улучшения. Вон тот фонтан – подарок президента Франции. Деревья с левой стороны – из Израиля. А те, что справа, привезены из Саудовской Аравии. Здесь многие растения и кустарники из других стран. Красиво тут, разумеется, не будет никогда, но, с другой стороны, я и не ставил это целью. Красота меня не слишком волнует,

да и вас, судя по тому, что я прочитал в вашем досье, тоже. Возможно, это поможет нам с вами найти общий язык. Но вернемся к саду: он выражает идею, мысль, которую я нахожу крайне важной. Он символизирует идеальную гармонию, когда каждая составная часть целого сдерживается остальными. Понимаете?

Чарди прекрасно понимал, и Данциг подкрепил свое пояснение неожиданно озорной и веселой улыбкой.

Просто мило улыбайся, учили его, а не то он сожрет тебя с потрохами.

Но Данциг был столь убийственно высокомерен, столь снисходителен, столь божественно царственен, что венгерская кровь Чарди вскипела и он ответил колкостью, которая удивила даже его самого.

– Я некоторое время работал в похожем саду, – сказал он. – Из большого дома вдалеке он кажется великолепным. Но если смотреть изнутри, виден каторжный труд – потогонный, грязный, неблагодарный. Возможно, как-нибудь в жаркую июльскую субботу вы решите перемолвиться словечком с вашими садовниками, доктор Данциг. Так вот, они могут вас удивить.

Глаза Данцига за толстыми линзами очков впились в него долгим взглядом, не то чтобы ошарашенным, но определенно удивленным. Политик на миг задумался, потом вновь озорно улыбнулся.

– Но, мистер Чарди, – заявил он, – чтобы делать это пра-

вильно, чтобы принимать верные решения, долгосрочные решения, необходимо четкое видение будущего, холодный расчет. Нужно видеть весь план, окончательные очертания. В конце концов, садоводство не миссионерская работа.

* * *

Данциг не мог отвести от него глаз; это удивляло его и казалось очаровательным: в последнее время жизнь не преподносила ему никаких сюрпризов.

Этот человек держался замкнуто: большой, немного угрюмый, даже, пожалуй, робкий. Предположительно он получил указание держаться на расстоянии, и борода этому способствовала, скрывая черты лица. Но взгляд у него был живой, наблюдательный.

Они всегда вызывали интерес – не только у него, у любого политического деятеля. В основе любой политики, любого необходимого решения лежат люди, пехота, пилоты бомбардировщиков, низовые консульские работники, рядовые оперативники. И сейчас перед ним было главное действующее лицо всех их планов, документов, разговоров в вашингтонских кабинетах. Перед ним был человек, который претворял все их решения в жизнь.

Чарди неплохо это удавалось, судя по отчетам – до его провала. Данциг внимательно изучил досье, и если его ничуть не удивили одни обстоятельства – армейское прошлое,

спорт, вспыльчивый нрав, нетерпение, – то поразили другие – к примеру, высокий коэффициент интеллекта. И разумеется, он ознакомился с окончательным заключением Сэма Мелмена: «В условиях стресса ненадежен».

Что ж, возможно. И все же этот Чарди на первый взгляд казался каким угодно, но только не ненадежным. Он производил впечатление бесстрастного, деловитого, даже прозаического человека. Ум у него, должно быть, неизобретательный, хотя и сосредоточенный. Он должен быть человеком дела, совершенно равнодушным ко всему, что выходит за рамки его тайного ремесла. Нелегко было представить его ковбоем, представителем простого народа в горах или джунглях, среди оружия и снаряжения.

– Мне говорили, мистер Чарди, что самый знаменитый курд всех времен – Саллах-ад-Дин Юсуф ибн Айюб, Саладин эпохи Крестовых походов, – сражался с Ричардом Львиное Сердце и освободил от крестоносцев практически все территории Палестины, за исключением нескольких приморских крепостей. Тем самым, пожалуй, закрепив за Крестовыми походами дурную славу, которая тянется за ними до наших времен. Вы знали об этом, мистер Чарди?

– Нельзя жить среди курдов и не слышать о Саладине, – пожал плечами Чарди. – Они, как и он, превосходные воины.

Он помолчал.

– Когда вооружены по-человечески.

– Они самобытный народ? Я всегда считал арабов само-

бытным народом, а они оказались просто-напросто дикарями. А курды? Вы не разочаровались в них?

Еще один провокационный вопрос. Откуда Чарди знать, что он понимает под самобытностью?

– Они одержимы. А одержимость всегда самобытна. Если они одержимы не вами.

Данциг улыбнулся. Чарди продолжал его удивлять. Этот человек обладал редкой способностью – поражать.

– Я так понимаю, вы их уважаете.

Чарди замкнулся и ничего не ответил, как будто ему было что скрывать. Данциг догадывался, что именно: свой гнев, свое презрение, свою ярость к нему, Данцигу, предавшему курдов. Но эти чувства были ему понятны. Чарди жил среди них, знал Улу Бега, возможно, даже сроднился с ними. В этом не было ничего необычного. И когда операцию пришлось прервать – по причине безотлагательной необходимости, – Чарди, как и многие другие, должно быть, смертельно обиделся.

Но Чарди не выражал своих чувств прямо. Он ответил лишь:

– Да, их поневоле заважаешь.

И быстро помрачнел. Причина этой мрачности также не была загадкой. Чарди разделял убеждение, что курдская операция с самого начала была гиблым делом. Зачем тогда понадобилось в нее вступать, тратить деньги, жизни, если они не собирались держаться этого курса? Данциг не сомневался,

что знает все его мысли наперечет: нужно было больше оружия, больше боеприпасов, больше ракет «земля – воздух», лучше организовывать связь и снабжение, применять более совершенные методы обеспечения, спутниковую связь, поддержку со стороны флота, бактериологическое оружие, психотропное оружие, дефолианты, тактическое ядерное оружие, открыть еще один фронт. Тогда бы все это тянулось и тянулось без конца в обозримом будущем, и в эту бездонную бочку улетало бы снаряжение, люди, надежды и мечты.

– Я так понимаю, вы недовольны тем, как все закончилось.

В Чарди заговорил спортсмен.

– Я ненавижу проигрывать, – признался он.

– Если припомните, в тот исторический момент во всем мире происходили определенные события.

Чарди хмуро кивнул. Нет, он лично этого не помнит, поскольку всю ту неделю провел в тюремной камере в Багдаде. Но теперь ему известно: республика Южный Вьетнам доживала последние дни.

– Это было весьма смутное и нелегкое время, – заметил Данциг.

– Да, – только и нашелся что ответить Чарди.

Его разум был не слишком интересен Данцигу. Но в целом он был очарован. Со спортсменом тоже не о чем говорить, но вид его завораживает, когда он бежит, наносит удар, уклоняется или что угодно еще. Эта сторона его личности – человек-в-действии, человек-воли, человек-силы, во всем сво-

ем ницшеанском величии, – картина, поражающая воображение. Данциг отчасти считал самого себя таким же, только в иной сфере – человеком, который управляет событиями.

Это, разумеется, не означало, что Чарди – уникал. Эти армейско-разведывательные типы имели свои пределы, равно как и свои области применения. Любопытно, что за плечами каждого из них было спортивное прошлое, они воспринимали жизнь, как игровое поле с определенными командами и определенными правилами, где, если происходит событие А, то, по логике вещей, за ним неминуемо должно следовать и событие В – разве не так? – и потому победа достается самому быстрому, самому сильному, самому мужественному.

Это убеждение было проникнуто тяжелым мужским сентиментальным фашизмом, мучительным юношеским надрывом. Лучше всех его выразил Киплинг, поборник империализма и певец британского духа девятнадцатого века, когда изобрел блестящий термин, в котором соединились одновременно спортивное, мужское и сентиментальное начало: Большая Игра. Теперь, разумеется, эта концепция устарела и вышла из обращения. В особенности потому, что мир экспоненциально усложнился, его пугающе густо наводнили разнообразные националистические группировки, секты и культы личности, фанатики и бешеными темпами развивающаяся техника, апогеем которой стало ядерное оружие.

Данциг принял в качестве модели более современную метафору, второй закон термодинамики, закон энтропии, ко-

торый утверждал, что в любой замкнутой системе в долгосрочном периоде случайность, беспорядок, хаос всегда берут верх. Центр не выдерживает, и система распадается. Любое государство – система, его удел – распад. Но, учитывая эту всеобщую тенденцию, этот спиральный виток к коллапсу, которого не миновать даже самой необъятной системе, даже вселенной, в ходе процесса возможно кое-что спасти. Умный человек способен заставить закон энтропии работать на себя – или на свое государство.

Как в 1865 году продемонстрировал Клаузиус, энтропия возрастает совершенно непропорционально энергии, затраченной на ее производство. В качестве примера, объясняющего это, немецкий ученый приводил бильярд: разбивая пирамиду, биток передает энергию удара кия другим шарам, и хотя энергия системы таким образом претерпевает превращение и мгновенно возрастает, энтропия растет намного значительнее, что иллюстрируют шары, бешено разлетающиеся по всему столу.

И ведь это только в двух измерениях! А если вообразить ту же концепцию, примененную к трехмерному пространству? Последствия усложнятся немыслимо, неизмеримо!

Советский Союз инстинктивно понимал этот принцип и строил на нем свою злокозненную внешнюю политику. А у американцев с этим были некоторые затруднения – они не привыкли умножать беспорядок, это было не в их характере. Но для Данцига это значило, что его энергия – удар кия

– может с помощью одного или нескольких шаров поразить многие цели. В результате энтропия будет огромной. В этом и состояла суть того, что в периодических изданиях именовали доктриной Данцига, на послылках у которого служили Чарди этого мира.

В третьей мировой в ход не будет пущена вся мощь государства сразу, как неосмотрительно поступили во Вьетнаме. Скорее уж несколько специальных людей, отлично обученных, великолепно мотивированных, отважных, изобретательных, отправятся в Анголу, в Лаос, в Болгарию, в Йемен, в Курдистан и поднимут там бучу. Советы, как бильярдные шары, получившие удар, попытаются ответить; возможно, в конце концов им удастся восстановить порядок на местах, но на это уйдут людские ресурсы, рубли и силы, оттянутые от других частей их империи. А когда они наконец одержат верх, найдется какое-нибудь другое поле битвы в другой части земного шара. И стоимость этого множества маленьких сражений третьей мировой будет неизмеримо меньше, чем при любом глобальном противостоянии двух систем, – благодаря стратегическому оружию.

Такова была реальность, геополитическая реальность. Ею дирижировал Данциг. Это наследие он намеревался оставить государству. У него была сила и решимость, чтобы добиться этого. Если ему придется стать безжалостным и циничным, принять на свои плечи неподъемное бремя необходимости предавать снова и снова, что ж – значит, такова будет

часть цены. В долгосрочном периоде он считал себя человеком нравственным, возможно даже высоконравственным, потому что действовал от имени огромного множества людей на протяжении огромного периода времени.

И если в этом процессе приходилось жертвовать людьми вроде Чарди, вроде Улу Бега, вроде поколений ковбоев управления – что ж, значит, это тоже была часть цены; они не были невинными овечками, и о них не стоит горевать. Страдание – их обязанность, их вклад. Их неведение относительно механизмов, которые уничтожали их, ни в коем случае не было причиной для жалости к ним или причисления их к лику мучеников. Они получали за это деньги и погибали.

Да к черту их! Разумеется, они не понимали и не поймут, разумеется, они примут все это близко к сердцу и будут упорствовать в своих безумных понятиях о чести и мщении и помчатся на другой конец света, чтобы дать сдачи.

И сейчас перед Данцигом предстала его новейшая геополитическая реальность. Чарди, этот рослый бородач в дешевом вельветовом костюме. И его противник, курд, столь же завораживающий, появившийся на свет не в том столетии. То была парадигма энтропии – раздробленность, случайность, необычность, беспорядок, рассеивание энергии, – в мире, слишком отчаявшемся, чтобы прислушиваться к подобным чудачкам. Вся их троица была намертво связана цепью совпадений, странных поворотов судьбы, невозможных событий и неслась навстречу предначертанному. В этом

было что-то кафкианское, набоковское, пинчоновское, какой-то замысловатый генеральный план, порожденный большим воображением современного романиста, затуманенным наркотиками и паранойей.

И все же при всем том Данциг не мог отрицать, что это наполняло его определенным возбуждением. Это был тот самый кайф, то головокружительное, захватывающее дух, бесконечно блаженное ощущение, что он снова в центре событий.

– Вы застрелите его, чтобы спасти мне жизнь? – поинтересовался Данциг. – Я имею право спрашивать.

– До этого никогда не дойдет, – лаконично ответил Чарди. – Вокруг всегда будут люди: вспомогательные группы, люди с винтовками и оптическими прицелами, с инфракрасным оборудованием, с собаками. Все дела. К тому же у вас есть свои телохранители. В конце концов, есть еще я.

– Мистер Чарди, я, наверное, за свою жизнь лгал из благих побуждений больше, чем любой другой человек на этой планете. Так что я в состоянии понять, когда мне лгут из благих побуждений. И я только что слышал такую ложь.

Данциг улыбнулся и весело продолжал:

– Совсем не так сложно представить сценарий, при котором он поднимет оружие, и я буду беззащитен, а у вас будет – пистолет, надо полагать?

– Да.

– Вы хоть прилично стреляете?

– Из пистолета очень трудно выстрелить с прицельной точностью.

– Весьма обнадеживающе, мистер Чарди. В любом случае, вот вам факты. Он – человек, с которым вы бок о бок сражались, охотились, тренировались, чьих сыновей вы знали. А я – старый, толстый профессор-еврей с нудным польским характером, который много выступает по телевидению, когда-то был важной персоной и по сей день остался противоречивой фигурой. Меня даже с натяжкой нельзя назвать скромным, и я могу быть жутко неприятным при длительном общении. Когда-то у меня был роман с молоденькой актрисой, я считаю, что передо мной должны распахиваться все двери, а все люди обязаны умолкать, когда я открываю рот. Выбирать вам, мистер Чарди. У вас меньше секунды, чтобы принять решение.

Он наблюдал, как Чарди обдумывает его вопрос.

– Я выстрелю, – ответил тот наконец.

– Не убедили. Полагаю, я имею право убедиться.

– Я выстрелю, и все тут.

– Несмотря даже на то, что в ваших глазах он жертва, а я злодей?

– Я такого не говорил.

– Однако это так, я чувствую. В подобных вопросах у меня безошибочный нюх.

Чарди, похоже, разозлился.

– Я же сказал, что выстрелю. До этого не дойдет. Я уверен,

что не дойдет.

– Вот теперь обнадеживающе, – сказал Данциг. – Весьма обнадеживающе.

* * *

И все же Данциг не мог не признать, что с ролью телохранителя Чарди справлялся неплохо. Пол постоянно находился при нем, шел на шаг впереди в толпе, хотя его жизнь была организована так, чтобы минимизировать передвижение по людным местам.

Гостиницу, например, выбрали из тех соображений, что она начиналась только на двенадцатом этаже, над мраморным торговым центром напротив знаменитой достопримечательности Чикаго, водонапорной башни на Мичиган-авеню. Где, кроме как не в Америке, могли придумать подобную нелепость? Богатство Среднего Запада – неприкрытое, кичливое накопление капитала – всегда ошеломляло Данцига, который сам разбогател не так давно.

Чарди, казалось, был ровно настолько же к этому равнодушен – или же слишком занят. Он вглядывался в лица и постоянно держался поблизости, отходил лишь тогда, когда охрана была наиболее плотной. Это случалось в закрытых помещениях, набитых чикагской полицией и незнакомыми людьми с радионаушниками, похожими на представителей Секретной службы, только более прикинутых. Види-

мо, они принадлежали к частной службе, нанятой за государственный счет на выходные. Мелмен действительно не жалел денег. Бог свидетель, Данцигу доставляло удовольствие воображать, как Мелмен на заседании бюджетной комиссии управления правдами и неправдами пытается оправдать свои траты. Но Чарди, Чарди всегда был рядом в своем единственном унылом костюме.

– Вы когда-нибудь устаете, мистер Чарди?

– Не беспокойтесь, сэр.

– Мне кажется, для человека ваших талантов, вашего бурного прошлого такое времяпрепровождение должно быть очень скучным.

Чарди сегодня был словно робот.

– Нет, сэр.

– Вас проинструктировали свести разговоры со мной к минимуму, да?

– Нет, сэр.

– Мистер Чарди, вы не умеете лгать. Вы даже не пытаетесь скрыть неправду.

На лице Чарди отразились признаки раздражения. Данциг слышал, что у этого малого взрывной характер. Разве не он однажды отвесил оплеуху какому-то высокопоставленному чину из управления? Чарди, однако, упорно хранил молчание – к разочарованию Данцига.

– Чикаго – ваш родной город, верно?

Чарди обвел взглядом роскошный номер, необъятную

кровать, шелка, обои и ковер от Дэвида Хикса.

– Не этот Чикаго, – ответил он.

* * *

В среду утром Данциг провел в банкетном зале семинар по международным отношениям для Американской ассоциации менеджмента. Потом его отвезли в Чикагский университет, где он после обеда выступил с речью перед сотней студентов-старшекурсников. Затем вернулись обратно в «Риц-Карлтон» на вечеринку с коктейлями, которую устраивал организационный комитет ассоциации. Данциг был обаятелен, разговорчив и несносен, а Чарди, как придурок, топтался рядом, чувствуя себя неловко, но, тем не менее, не отходя ни на шаг. За этим последовал очередной банкет, где у госсекретаря было запланировано официальное выступление, в котором он в пух и прах громил советское господство.

Наконец, вечеринка в гостинице, на этот раз более закрытая, с советом директоров ассоциации менеджмента, после чего он удалился к себе в номер и еще час надиктовывал что-то на магнитофон. Утомительный день, в течение которого его не раз фотографировали, заговаривали с ним, пытались получить автограф, и все же в общем и целом он все время был мил и любезен – из-за низкопоклонства, которое любил, и из-за тридцати тысяч долларов, которые этот день ему принес.

- Напряженная среда, мистер Чарди.
- Весьма.
- Мы выезжаем в аэропорт в десять.
- Я знаю.
- Никаких курдов?
- Пока нет.
- Пистолет при вас?
- Да.
- Прекрасно, мистер Чарди.

* * *

Везде, где бы Данциг ни появлялся, происходило все то же самое.

В этом виновато телевидение, решил Чарди.

Джозеф Данциг привлекал людей, как мед мух. Люди тянулись к нему, бросались на него, он зачаровывал их. А Данциг получал от этого удовольствие, наслаждался этим.

А ведь это были не подростки, а взрослые люди из мира бизнеса, люди, которые принимали решения. Они населяли тот Чикаго, которого Чарди никогда не видел, и их самоуверенность, их неколебимая убежденность в своем праве занимать солидное место в жизни раздражали его. У большинства из них к тому же были молоденькие красавицы жены, ослепительные небожительницы, которые если и замечали его, то по чистой случайности.

– Кто он такой?

– Наверное, чей-нибудь телохранитель.

Они липли к Данцигу, пытались прикоснуться к нему.

– Везде одно и то же, – заметил второй телохранитель, Аккли.

– Невероятно, – пробормотал Чарди.

Они стояли рядом с занавесями в банкетном зале, огромном помещении, наполненном сизым дымом. Данциг – вернее, его макушка – едва виднелся в толпе директоров и директорских жен. Вдалеке несли нелегкую службу другие одинокие люди: полицейские, громилы из управления, частные детективы, и где-то определенно должен был квохтать и беспокоиться Йост Вер Стиг и рыскать Ланахан.

– Долго еще все это будет тянуться? – спросил Чарди у Аккли.

– Несколько часов, сэр, – ответил тот, по-военному глядя перед собой, не поворачивая головы и едва шевеля губами.

– Вы были во Вьетнаме, верно, сержант?

– Так точно, сэр. Первый полк морской пехоты. Два срока. Славные ребята, славные времена. Не то что нынешние. Вот это была работа для настоящих мужчин.

Нет, это была работа не для настоящих мужчин. Это была вообще никакая не работа.

Внезапно в поле его бокового зрения всплыла неприметная фигурка, и он обернулся.

Это был Майлз.

– Йост хочет вас видеть. Он в холле, – сказал Ланахан.

– Хорошо, мне тоже нужно с ним увидаться.

Чарди двинулся через зал, обходя директоров и столы. Йост Вер Стиг ждал его со скрещенными руками; рядом с ним сидели два новых ассистента.

– Привет, Пол. Как обстановка?

– Ни к черту, Йост. С меня хватит. Вы могли бы найти мне работу получше, чем толкаться тут.

– Мне очень жаль, Пол, но вы останетесь здесь.

– Я не могу строить из себя охранника. И не могу выносить Данцига. А самое важное – это Улу Бег.

– Простите, Пол. Я должен расставить своих людей по важным местам. Что толку, если вы будете бродить вокруг? Не забывайте, вы единственный человек в Америке, который видел курда.

– А-а, – протянул Чарди.

– Уже недолго осталось. Лед тронулся.

Он передал Чарди двадцатидолларовую купюру.

– Пару ночей назад, в Дейтоне, штат Огайо, полиция задержала мелкого наркоторговца с охапкой двадцаток. Тамошние ребята добросовестно проббили все номера купюр по базе Минфина. Какое счастье, что у нас есть компьютеры. Банкноты оказались из той партии, которые были при себе у Билла Спейта в семьдесят третьем, когда вы начинали «Саладин-два». Еще в те дни, когда в Иране за доллары можно было что-то купить.

Чарди кивнул.

Вер Стиг продолжал:

– Придумать объяснение, как эти деньги могли оказаться в руках Улу Бега, совсем не трудно, верно?

– Где тот наркоторговец их взял?

– Сказал, один карманник раздавал их в огромных количествах в надежных местах.

– Похоже, Улу Бега немного пощипали в Дейтоне.

– Похоже. А без денег он едва ли далеко уйдет.

– Надо немедленно отправляться туда.

– Люди уже выехали. Я сам выезжаю сегодня вечером.

Пол, я думаю, мы на него вышли.

– Я буду готов через...

– Нет, Пол. Вы остаетесь здесь. Мне жаль.

Чарди смотрел на него во все глаза.

– Кто-то должен охранять Данцига, Пол. Кто-то должен это делать.

Глава 21

У Тревитта оставалось одиннадцать долларов пятьдесят шесть центов и еще сколько-то в дорожных чеках, которые он не осмеливался обналичить. Ночлег в живописном Ногалесе обошелся ему ровно в десять долларов. Его обиталище состояло из соломенного тюфяка в хижине, прилепившейся к склону одного из холмов. Это скромное жилище он делил с курами. Хорошо хоть была вода – она капала с крыши ему в лицо и стекала на солому, издававшую в сочетании с запахом помета и мочи разнообразных животных совершенно неопишуемый аромат. Вид отсюда открывался умопомрачительный: на пропасть, пропахшую бедностью, и соседний пыльный холм за ней, на котором ютились точно такие же лачуги.

Впрочем, даже в таком безвыходном положении у него была путеводная звезда. По ночам, если осмеливался, он осторожно пробирался на другую сторону холма, где вниз уходил отвесный склон, и наслаждался созерцанием чудесного символа родины. Там, над неприступной колючей проволокой и металлической рабицей границы, гордо возвышались золотые арки «Макдоналдса».

Тревитт готов был убить за биг-мак – el Grande, как его здесь называли.

Он готов был убить и за возможность принять душ, по-

бриться, надеть свежую рубашку, почистить ногти. Будь здесь зеркало, у Тревитта не хватило бы духу посмотреться в него; он представлял себе, во что должен превратиться за неделю в курятнике любой человек – в жалкое подобие Оруэлла, застрявшее в Ногалесе, в грязном наряде, состоявшем из собственной кожи и помятого летнего костюма. «Бабочку» он потерял – когда? Наверное, когда бежал по круто взбирающейся в гору улочке Буэнос-Айрес. Казалось, он будет мчаться вечно, в гору, в гору, опять в гору, сквозь птичьи дворы и загоны для коз (однажды он запнулся о проволочную ограду и растянулся в пыли). Кроме того, он был уверен, что на бегу сшиб нескольких человек, но воспоминания были не слишком отчетливыми. Ему вспоминалось, как он бестолково метался между разлапистых машин, мчащихся мимо крохотных закусочных, в которых сидели за пивом мексиканцы. Вверх по одному склону, вниз по другому. Он бесцельно мчался в темноте, по невыносимой жаре, под луной, размазанной в туманном небе.

Примерно на рассвете беглец нашел приют в строении, назначение которого так и осталось для него загадкой. Основным его достоинством оказалась заброшенность. Тревитт попытался взять себя в руки. Его била дрожь, он едва не плакал (это так несправедливо, почему именно ему всегда так не везет), когда его заметил какой-то мальчишка.

– Ты кто? – спросил он.

На нем были замызганные джинсы, черные кеды и грязная

белая футболка с безобразно растянутым воротом.

– Сумасшедший гринго, – по-испански ответил Тревитт. – Катись отсюда, а не то получишь на орехи.

В бесформенном вырезе футболки виднелась тощая мальчишеская грудь.

– Это мамин сарай.

– А где твой папа?

– Уехал в Америку, чтобы разбогатеть.

– Ты хочешь разбогатеть?

– А то. Хочу кучу баксов.

– Мне нужно какое-нибудь местечко перекантоваться. Без лишнего шума. Тихое местечко.

– Конечно, мистер. Вы убили кого-то в драке.

– Ничего подобного.

– Можете остаться здесь.

Тревитт без особого восторга огляделся вокруг. У одной стены было навалено сено, сквозь щели в крыше просачивался солнечный свет. Развалюха была построена из гофрированного железа. Внутри пахло пылью и дерьмом. Вокруг бродили куры, клюя что-то на земле.

– У вас дома есть ванна? Или душ?

– Нет, мистер. Это Мексика, а не Los Estados Unidos.³¹

– Я заметил. Послушай, только это большой секрет, ладно? Никому не говори. Большой секрет, понял?

Мальчишка быстро испарился и вернулся с матерью,

³¹ Соединенные Штаты Америки (исп.).

крупной некрасивой женщиной с нахальным взглядом и младенцем на руках.

– Я могу заплатить, – сказал Тревитт.

– Десять баксов. Американских.

– Десять меня устроит. В неделю.

– Десять за ночь. Начиная со вчерашней.

Ее нахальные глаза уставились прямо на него. Младенец захныкал, и мать шлепнула его по мягкому месту.

– О господи! – сказал Тревитт.

– И не смейте при мне всуе поминать имя Господа, – заявила она.

* * *

Мамасита принесла еду – холодный рубец в соусе чили. При виде застывшего коричневого соуса на комках потрохов Тревитт подавил рвотный рефлекс. Но это было лучше, чем вчерашний суп из рыбьих голов.

– Деньги, – сказала она.

Тревитт отдал ей свою последнюю десятку.

– Каков предел моего кредита? – поинтересовался он.

– Никакого кредита, – отрезала она, передавая ему тарелку. – Завтра ты добудешь денег или уйдешь.

Он с жадностью набросился на еду – со вчерашнего дня во рту у него не было ни крошки.

И как теперь быть? Тревитт обдумывал возможные вари-

анты. Получится у него выйти на связь? Рискнуть и позвонить ребятам в центр? Может быть, тогда кто-нибудь сможет забрать его – кто-нибудь опытный, стреляный воробей вроде Чарди? Но он понимал, что ожидание убьет его. Уже и так прошло две недели с тех пор, как убили Спейта. Может, попробовать пойти по другому пути: рискнуть и попытаться прорваться через границу самому? Задача была предельно проста: преодолеть площадку перед контрольным постом, почти как перейти мост Джорджа Вашингтона. Короткая прогулка до шлагбаума. Вся площадка была как на ладони, ни тебе КПП в берлинском стиле, ни стен в духе холодной войны, сквозь которые нужно прорываться, как в романах Ле Карре. Просто иди себе, куда указывает знак. *Entrada en Los Estados Unidos*. Что может быть проще?

А потом он вспомнил Билла Спейта в сточной канаве. Вспомнил, что за ним гнались.

Он перевернулся на бок и уткнулся лицом в ржавую железную стену, ожидая наития. Нужно что-то делать. Голова у него точно пузырями была полна – один сумбур, и свет, и почти никакой практической пользы. Внезапно его накрыло волной безрассудного, головокружительного оптимизма. Но она отхлынула почти так же быстро, как и накатила, а после нее наступило опустошение.

Он услышал шум и обернулся.

– А, – протянул он, – это всего лишь ты.

Мальчишка с порога смерил его взглядом, в котором не

было ни малейшего уважения. Тревитта охватило отвратительное ощущение, что он в очередной раз не выдержал испытания. И все же он нравился этому постреленку, и на протяжении всех двух недель, что американец просидел в сарае, тот заглядывал сюда почти каждый день.

– Ты и правда никого не убивал в драке, – сказал парнишка.

– Нет, не убивал. Я и не говорил, что убивал. Уходи. Катись отсюда.

– Эй, у меня для тебя новость.

– Катись отсюда.

Ему пришла в голову мысль отшлепать своего мучителя, но на это не было никаких сил.

– Нет, послушай. Я говорю правду.

– Ну конечно.

Тревитт понимал, что правда была неприглядной. Все его мечты о том, как он накопает сведений о путешествии Улу Бега по Мексике, выяснит, приехал ли курд в одиночку или были еще и другие, кончились пшиком. Если что-то ему и удалось, так это угодить в эпицентр междоусобной войны мексиканской мафии.

Если только одно не было частью другого.

Тревитт на миг оживился.

Однако следовало взглянуть правде в глаза. А правда заключалась в том, что теперь ему придется обратиться в Departamento de Policia. Вся история всплывет наружу.

«Агент ЦРУ задержан в Мексике», напишут в газетах. Начнутся телефонные звонки, официальные протесты и опровержения, препоны, разнообразные неловкости.

– Я нашел его, – сказал мальчишка.

Тревитт так и видел Йоста Вер Стига. Представлял, как будет пытаться все объяснить.

«Понимаете, мы подумали, что нашли человека, который переправил курда через границу. И решили, что можем узнать у него, не был ли...»

Вер Стиг начисто лишен способности выражать свои чувства. Ярость будет kloкотать у него внутри. Тревитт ощутит ее в сдержанных жестах, в плотно сжатых губах, в холодном рукопожатии.

«Вы отправились в Мексику?»

«Э-э... да».

Можно свалить все на старину Билла.

«Понимаете, старина Билл сказал, что...»

Но Вер Стиг может сотней способов дать ему понять, что он ничтожество.

«А вы что там делали?»

«Ну, э-э...»

«Разве вы не прикрывали Спейта?»

«Нет, я э-э... упустил его из виду».

А Чарди будет смотреть на меня, как на ни на что не годного сопляка. А Майлз, отвратительный коротышка, станет злорадствовать. Еще одного соперника можно сбросить со

счетов, еще один потенциальный конкурент не оправдал доверия, погорел. Майлз будет улыбаться, демонстрируя свои уродливые зубы, и довольно потирать ручки.

– Кого – его? – спросил Тревитт.

– Того парня.

– Какого парня?

– Ты знаешь.

– Ни хрена я не знаю. Кого, ты, постреленок...

Он шутливо набросился на мальчишку и промахнулся.

Тот со смехом увернулся.

– Ну, его. Его. Бармена, Роберто.

– Роберто?

– Роберто, бармена. Который не хотел держать язык за зубами. Помнишь?

Конечно, Тревитт его помнил. Зато не помнил, как выкладывал маленькому мексиканцу свою печальную повесть.

– Я тебе рассказывал?

– Ну да. Ты прибежал из бара. Из «Оскарз». Говорил, что-бы я держался от него подальше. Скверное место. Бармен скверный человек, злой человек.

Пожалуй, Тревитт смутно припоминал что-то такое.

– Так что теперь ты можешь пойти и убить этого Роберто. Ножом. Идем, я покажу тебе, где он живет. Вспори ему брюхо. Мой брат сделал так с одним парнем, до сих пор сидит в тюрьме.

– Ты слишком много смотришь телевизор.

– У нас нету телевизора. Что ты будешь делать? Зарежешь эту свинью?

– Не знаю, – признался Тревитт.

* * *

Мальчишка ткнул куда-то в темноту.

– Вон там. Это он.

Тревитт взглянул в направлении, куда указывал маленький палец, и увидел дом в окружении четырех точно таких же, не отличающийся от них ни в лучшую, ни в худшую сторону – блочную хибарку с плоской крышей и без окон.

– Ты точно уверен?

– Точно? Точнее некуда.

Месяц улыбался с неба в теплой ночи. Они с мальчишкой находились на какой-то грязной улочке на юге Ногалеса, на расстоянии многих миль от уютного сарая Тревитта. Они притаились в какой-то канаве, в которой, похоже, были нечистоты. Впрочем, может, и нет, может, у него снова разыгралось воображение?

– Ну, если ты ошибся, смотри у меня, amigo.

– Ничего я не ошибся. Ты ведь мне заплатишь, да? Дашь Мигелю немного денежек?

– В данный момент мне не на что купить даже энчиладу.³²

³² Кукурузная лепешка с острой начинкой и приправой чили – национальное мексиканское блюдо. (Прим. ред.)

Он взглянул на часы. Почти пять, скоро рассвет.

– И Роберто, – сказал Мигель. – Роберто скоро появится.

Увидишь.

Начинало светать, и мало-помалу стал проявляться знакомый пейзаж – лачуги на грязной улице, вездесущие куры, спящие собаки, повсюду лужи, разбросанный мусор. Наконец, на этой застывшей картине показался мужчина – вернее, юноша, – идущий по улице.

– Он сегодня поздно, – заметил мальчик. – Давай убей его.

– Я хочу просто поговорить с этим малым.

– Видел бы ты, что мой брат сделал с тем парнем. Он прямо кишки из него выпустил. Он...

– Тише ты, черт тебя побери.

Бармен приближался, обходя лужи. Его лицо показалось Тревитту знакомым, хотя наяву он оказался тоньше и изящнее, чем запомнилось американцу. Волосы напояжены и прилизаны, над верхней губой темнеет тонюсенькая ниточка усиков. На нем были угольно-черные брюки с белой плоеной рубахой и кожаная куртка. На вид ему можно было дать лет восемнадцать.

Он шел, держа руки в карманах. Тревитт когда-то занимался дзюдо, хотя никакого пояса так и не получил, и, когда парнишка замешкался у ворот, прямо напротив него, американец в два мощных прыжка выскочил из канавы, обхватил Роберто обеими руками и быстро и без церемоний уложил на обе лопатки.

Бармен завопил, но Тревитт заломил ему руку, и тот быстро угомонился; тогда он толкнул мексиканца в канаву и сам прыгнул следом. Он дважды с силой саданул своего пленника под ребра и с силой стиснул его запястье. Такая жестокость была совершенно излишней: Роберто не оказал никакого сопротивления и только повизгивал, получая очередной удар, но Тревитт вымещал на нем всю свою злость и досаду. Запястье, которое он сжимал, подалось под его пальцами, Тревитт увидел в глазах Роберто страх – и ему немедленно стало стыдно.

– У меня нет денег, у меня нет денег, – проскулил бармен.

– Да не нужны мне твои деньги, черт тебя дерит, – прикрикнул Тревитт по-английски.

– Прирежь его! – завопил парнишка, наблюдая за потасовкой сверху с буйной жестокой радостью.

– Заткнись, ты. *Silencio!*

– Отпустите меня, сэр. Я один кормлю сестру, маму, двух братьев и наших собак. Не трогайте меня.

– За что убили старого гринго? Давай говори, черт бы тебя побрал!

Он слегка вывернул запястье мексиканца вправо.

– А! Ой! Мне больно! Ой. Не надо больше. Он выбрал не ту женщину.

Тревитт сильнее стиснул пальцы на запястье.

– Настоящую причину, черт тебя дерит!

– Вы делаете мне больно!

– Естественно, я делаю тебе больно. Давай, черт тебя дери, колись.

Он стиснул пальцы.

– А-ааааа!

Закричал петух, Тревитт опасливо оглянулся по сторонам, но никакого движения не заметил, хотя ему показалось, что коза в загоне дальше по улице пошевелинулась. Он понял, что надо поторапливаться. Через несколько минут тут закипит жизнь.

– За что, за что? – проревел он яростно.

– А-а! Пустите меня, пожалуйста. Не делайте мне больно.

Тревитт немного ослабил хватку.

– В следующий раз я сломаю тебе руку. За что они убили старика? За что?

– Он интересовался Рамиресом.

– Ясно. И что?

– Говорят, Оскар Меса подставил Рамиреса, чтобы занять его место. И тут появляется этот старый гринго и начинает задавать вопросы. А Оскар не любит гринго и не любит вопросов.

– Оскар? – переспросил Тревитт.

– Да. Пустите. Ох, пожалуйста, мистер, мне так больно.

Тревитт почти отпустил его. Он устал, силы и решимость почти покинули его. Но тут в нем вдруг вновь всколыхнулась темная ярость.

– Нет, черт тебя дери, тут что-то еще.

Тут должно быть что-то еще. Не может не быть. Он тряхнул мексиканца еще раз.

– Ой-ой-ой. Нет, клянусь. Господи Иисусе, Пресвятая Дева Мария. Он убьет меня, если узнает.

Если это было все, Тревитт влип по-крупному. Следующий шаг? А нет у него никаких следующих шагов. Это была не разведоперация, а мафиозная стычка. Он ввязался в нее, и теперь за ним охотится весь преступный мир Мексики. Или молокосос врет?

Он попытался сообразить, как на его месте поступил бы кто-нибудь из старых ковбоев. Чарди, герой, профи, всем оперативникам оперативник. Как бы он поступил? Может, мексиканец врет, а может, и нет. Существовал всего один способ удостовериться – уделать его по полной программе. Подвести его к черной границе смерти и посмотреть, как он запоет.

Тревитт мгновенно понял, что Чарди на его месте был бы способен на большую жестокость: разве обратная сторона отваги – не бесчувственная способность делать больно и не ощущать за собой вины? Так что, небось, кто-нибудь, вроде Чарди, переломал бы этому сопляку пальцы на обеих руках, потом коленные чашечки, потом нос, высадил бы все зубы, сломал запястья, и этот малыш заговорил бы, как миленький. А потом этот воображаемый Чарди воспользовался бы информацией, которую выудил из него, и раскрутил бы ее на всю катушку. Стал бы героем. Зародилась бы легенда, пошла

слава, может быть, его карьера рванула бы в гору. Но никто – и меньше всех Чарди – не вспоминал бы об искалеченном молокососе, униженном, растоптанном, над которым почти надругались в вонючей канаве в какой-то захолустной мексиканской трущобе; о мальчишке, которого использовали и выбросили за ненадобностью.

Тревитта затопила усталость. Вся его решимость растаяла, как дым.

– Ох господи, – пробормотал он, понимая, что больше не сможет причинить боль своей жертве.

И почувствовал, как молокосос отполз от него.

– Давай. Пшел. Вали отсюда, – сказал он.

Юный бармен шарахнулся, потер губы, потом ноющее запястье и поспешно перекрестился в благодарность за избавление.

– Ты неправильно сделал, – заявил Мигель, сидевший на краю канавы. – Надо было заставить его говорить.

– Заткнись. Я перережу тебе глотку, щенок, – пригрозил Роберто, сделав вялое движение, от которого мальчишка бросился наутек.

– Давайте проваливайте. Оба.

Теперь Тревитт не мог видеть ни одного, ни другого.

Он уселся на землю, чувствуя отвращение и усталость. Следующий шаг? Departamento de Policia. И поживее, пока кто-нибудь из местной мафии не расправился с ним из-за права собственности на «Оскарз». И все же этот шаг пугал

его, он означал окончание целого этапа его жизни. Потому что в управлении теперь ему не работать – это уж как пить дать. После того, как он так напортачил, ему ничего не светит.

Да у него и не вызывало сомнения, что он заслужил все это. Он просто не годится для подобной работы – у него нет для нее ни твердости, ни хитрости, ни злости. Зря его вообще послали на это задание, надо было поручить его тому, кто знает, что делает. Он ведь даже не стал проходить курс методов секретной работы на «Ферме» в Виргинии, введение в мрачные тайны управления.

Интересно, где здесь ближайший полицейский участок? На сегодня приключений с него достаточно, а ведь еще даже не шесть утра. Он улыбнулся, отдавая последнюю дань своей безрассудной идее, – это было бы даже забавно, если бы не бедняга Билл – и отправился на поиски более разумных возможностей.

– Эй, мистер, – окликнул его кто-то.

Роберто?

– Я сказал вам неправду.

Тревитт обернулся. Юнец стоял с вызывающим выражением на лице. Он что, теперь решил подразнить Тревитта или в нем разыграл мексиканский мачо и он надумал напоследок подражаться?

Мальчишка Мигель ошивался поблизости, разглядывая этих странных противников в надежде, что, может быть, еще

будет мордобой.

– Эй, мистер, – сказал бармен. – У вас есть чем заплатить Роберто?

– Малыш, мне нужно...

– Потому что, мистер, Роберто кажется, что Рейнолдо Рамирес все еще жив. И кажется, Роберто знает, где он.

Глава 22

Ей хотелось прогуляться.

– Мне просто хочется гулять. Давай будем гулять все выходные? Мне нужен простор... не знаю, как объяснить.

– Ну конечно, – сказал Чарди.

– Я просто не могу не гулять. Понимаешь? Мне хочется побыть с тобой, но погулять тоже хочется. Ничего?

– Конечно ничего. Покажи мне город. Хочу на него поглядеть.

Они прошли по Месс-авеню до Технологического института и обратно, потом двинулись по Гарден-стрит, и Джоанна показала ему Рэдклифф-колледж. У Брэттл они заблудились в закоулочках. Потом они забрели в студенческий городок и гуляли среди красных кирпичных домов в георгианском стиле под кронами деревьев.

– Как прошла неделя, Пол? Как твоя поездка?

– Ужасно. Я ничем не занимаюсь. Мне не дают ничего делать. Я просто болтаюсь рядом с Данцигом, за исключением того времени, когда он заперт – как сейчас. А у тебя как?

– Ничего толком не сделала. Почти не продвинулась вперед. Это наводит на меня уныние. Хорошо, что сейчас выходные. Хорошо, что ты здесь.

Вокруг кишели студенты-старшекурсники. Все они одевались, как бродяги – в мешковатые вызывающие тряпки,

словно найденные в лавке старьевщика, небрежные и элегантные. Чарди они казались варварами. Повсюду свистели летающие тарелки, проносились над самой землей, отскакивали от нее. Из динамика в окне неслась песня какой-то рок-группы.

– Послушай, – попросил он, – давай посидим. Ты не против? Этот марш меня вымотал.

Они присели на скамейку и долго молчали.

– А здесь тихо, – беспомощно проговорил Чарди. – Мне всегда хотелось знать, каково жить в таком тихом местечке. Я сам ходил в колледж в захолустном городке в Индиане. Там слышно, как растет трава. А субботними вечерами мы зависали в...

Он умолк, потому что понял – она не слушает.

– Что случилось, Джоанна?

– Ох, не знаю, – отозвалась она.

– Послушай, с тобой что-то не так, я чувствую это.

– Что мне здесь нравится, так это ощущение стабильности. Пол, здесь есть люди, которые никогда никуда не ходят. Прямо как троглодиты. Живут в своих норках. Они могут по сорок лет изучать одну-единственную молекулу в какой-нибудь аминокислоте или одного-единственного итальянского поэта шестнадцатого века. Очень стабильно. Никаких неприятных неожиданностей.

Стабильно? Чарди взглянул на людную площадь перед ними.

– Джоанна...

– Пол, – продолжала она. – Мне иногда становится так страшно. Я лежу и думаю обо всем, что может случиться. Думаю о нем, об Улу Беге. Думаю о курдах, потерянном народе. И о нас, о том, что мы в ответе за все это, что мы – связующее звено во всем этом, и о том, что мы так ничего и не сделали. Иногда мысли мелькают с такой скоростью, что я не могу успокоиться. Я не могу спать. Не могу есть. Пол, я схожу с ума. Ты не представляешь себе, до какой степени. Я могу вести себя очень странно.

Он обернулся обнять ее, но увидел, что она не возбуждена. Напротив, никогда еще он не видел ее такой спокойной.

– Пол, – попросила она неожиданно. – Научи меня одной вещи. Хорошо? Помоги мне. Научи меня храбрости. Той храбрости, которая на войне, которая в бою. Должен же быть какой-то секрет. Ты был таким храбрым. Как бы все ни закончилось, ты так долго был храбрым. Этим ты меня и покори с самого начала. Я так полюбила это. Научи и меня тоже. Мне до смерти надоело бояться.

– Я больше так не умею. Раньше это было для меня очень важно. Парень, которого я считал самым храбрым человеком в мире – это он научил меня всему, – кончил свои дни в Дунае. Он оставил для меня странное послание. Велел, чтобы я нашел башмак, который подойдет по размеру. Подойдет по размеру, понимаешь? Сначала я решил, что это просто шутка. Но теперь я не уверен. Френчи пытался что-то мне ска-

зять. Обо всем этом деле. Он тоже боялся, потому что должен был ехать на одиночную операцию, а он терпеть не мог работать в одиночку.

– Он был героем?

– В нашем деле он был лучшим. Да, наверное, он был героем. И все-таки, даже Француз под конец расклеился. Его жена – вернее, вдова – рассказала мне об этом. Он повзрослел, выгорел, выдохся.

– И все же он погиб за что-то. Испуганный, выдохшийся и постаревший, он погиб за это. Вот в чем суть. Вот тот урок, который я хочу вынести. Этот твой Француз – он не пошел на попятный. Он продолжал работать.

– Да. Этого у него не отнять.

– Он погиб за то, во что верил.

– Понимаешь, какая штука... Когда тебе кажется, что ты умираешь, последнее, о чем ты думаешь, это во что ты веришь. Думаешь о самых нелепых вещах. Я думал о баскетболе.

«И о тебе», – добавил он про себя.

– И все-таки считается поступок, а не мотив. Это и есть тот башмак, который подходит по размеру.

– Ну, наверное.

– Пол, я хочу домой. Давай вернемся и займемся любовью.

Он взглянул на нее в безжалостном свете. Был полдень, палило солнце, легкий ветерок шевелил старые сучья деревьев в скверике. Прожилки света, пробивающегося сквозь

густую листву, дрожали вокруг них на земле, на тротуаре. Джоанна была без косметики – строгий профиль, в своей красоте казавшийся почти стилизованным.

– Ну конечно, давай. Разумеется. Идем. Нет, бежим.

Она рассмеялась.

– Джоанна, я тебя не узнаю.

– Нет, все хорошо. Это все ты, Пол. Я беру пример с тебя.

– Джоанна, я...

– Пожалуйста, Пол. Я хочу домой. Идем. Башмак подходит.

* * *

Красивые женщины всегда казались ему иным племенем. А может, они и в самом деле были неким мутировавшим биологическим видом. Им вскружили головы все посвященные им песни. Привили цинизм и презрение лизоблюды, стелющиеся перед ними. И, что хуже всего, женщины были корыстными, не способными ответить на чувство до тех пор, пока точно не подсчитают, что при этом потеряют, а что приобретут.

Но только не Джоанна: в ней не было ничего этого, лишь щемящая невинная красота, когда она сидела, расчесывая волосы. Женщина до мозга костей, безукоризненная в свете уходящего дня, после того как они занимались любовью.

– Боже, до чего здорово на тебя смотреть, – восхищенно

произнес он с кровати.

Она улыбнулась, но не оглянулась.

Зазвонил телефон. Чарди перевернулся с бока на спину и уткнулся взглядом в потолок.

– Это тебя, – сказала Джоанна. – Какая-то женщина.

Он взял трубку.

– Слушаю?

– Пол?

Голос, странно знакомый, казалось, доносился из другой вселенной.

– Да, кто говорит?

– Пол, это сестра Шерон.

– Сестра Шерон! Как поживаете? Как вы меня отыскиали?

Это была монахиня, преподававшая в школе Пресвятой Девы, в его прошлой жизни. Она вела уроки у третьеклассников – забавная, тихая, некрасивая девушка, совсем молоденькая, которая всегда симпатизировала ему.

– Это было нелегко, Пол. Вы оставили в епархии адрес, чтобы вам переслали последний чек; одна из секретарш дала его мне. Адрес принадлежал одному государственному учреждению в Рослине, штат Виргиния. Я отправилась в библиотеку, взяла телефонную книгу Северной Вирджинии и просмотрела весь список государственных учреждений. Наконец я обнаружила ведомство с таким адресом. На это ушел час. Я позвонила по номеру. Подошел какой-то молодой человек по фамилии Ланахан. Я объяснила ему, кто я такая, и

он согласился мне помочь.

Ланахан. Ну конечно, он бы из своей католической кожи вон вылез, чтобы помочь монашке.

– В конце концов, он дал мне этот номер. Я никого не побеспокоила?

– Нет, никого. Что случилось?

– Вам пришла телеграмма. Ее принесли в школу. В канцелярии уже собирались отослать ее на ваш адрес почтой, но я подумала, вдруг в ней что-нибудь важное.

Кто мог послать ему телеграмму?

– Мне пришлось вскрыть ее, чтобы узнать, не экстренное ли там сообщение.

– И что в ней говорится?

– Она от вашего племянника. Ему нужны деньги.

У Чарди, единственного ребенка в семье, не было никакого племянника.

– Прочитайте мне ее.

«Дядя Пол, я влип, нужны бабки. Очень тебя прошу.
Твой Джим».

Тревитт.

– Пол? – забеспокоилась сестра Шерон.

– Да-да, – пробормотал он, но сам продолжал думать.

Тревитт нашел обходной способ вернуться назад в страну, не доверяя никому, кроме своего героя, и связался с ним через всю его прошлую жизнь. Тревитт, ты меня удивляешь. И откуда только такому научился – из какой-нибудь книги?

– Там есть обратный адрес?

– Написано только: «Вестерн юнион», Ногалес, Сонора, Мексика. Надеюсь, ничего страшного не случилось?

– Все в порядке. Студент, буйная головушка. Вечно нарывается на приключения, а дядя Пол потом выручай.

– Я рада, что ничего серьезного не произошло. Пол, мы все по вам скучаем. Особенно мальчики. И даже сестра Мириам.

– Передайте им от меня привет. И сестре Мириам тоже. И еще, сестра Шерон, не рассказывайте никому об этой телеграмме. Это может повредить мальчику. Наверное, заработал себе неприятности с какой-нибудь девушкой и не хочет, чтобы об этом узнали его предки.

– Конечно, Пол. Всего доброго.

Она повесила трубку.

– Джоанна, мне нужно выйти. Тут где-нибудь есть поблизости пункт «Вестерн юнион»? Идем со мной.

– Пол. Ты прямо весь сияешь.

И Чарди понял, что так оно и есть.

Глава 23

Какое-то время курд мог подождать, Чарди мог подождать, все могло подождать. Джозефа Данцига занимали сейчас совершенно иные вещи.

Он был изумлен. Какие же они все-таки кролики! Большую часть жизни его чувственность словно дремала; затем, в сорок семь лет, он неожиданно попал в знаменитости, обрел немислимую власть, завладел общественным воображением, а в качестве приятного приложения ко всему этому получил еще и поразительную свободу в обращении с женщинами. Нет, их привлекало не его тело: оно было развалиной, некрасивой и морщинистой, с дрябловатыми мышцами, складками и вмятинами, белое и безжизненное. И даже не его власть: они не могли разделить ее с ним. И не его ум: они никогда ни о чем не говорили. Женщины искали его общества не затем, чтобы завести светский разговор, пристроиться на выгодную должность в Государственном департаменте или взять эксклюзивное интервью, которое помогло бы им сделать карьеру в журналистике, и не затем, чтобы досадить своим мужьям или любовникам.

Так зачем же тогда?

Как-то раз он спросил одну из них, гибкую жительницу Джорджтауна, тридцатичетырехлетнюю пепельную блондинку, выпускницу Рэдклиффа с прочными связями в Ва-

шингтоне и Виргинии. Оба они были обнажены и только что совершили половой акт, страстно, хотя и без особых затей – Данциг вполне отдавал себе отчет, что в этой области он не продвинулся дальше крепкого ремесленника. Сьюзен – так ее звали – деловито готовилась одеваться – приводила в порядок свои туфельки «Паппагалло», трикотажные брюки от Ральфа Лорена, кашемировый свитер (уж наверное, купленный в «Блумингдейле»; они нынче все там одевались) и твидовый, спортивного стиля жакет, который почти тон в тон совпадал с цветом шотландского вереска.

– Сьюзен, – спросил он внезапно, – зачем? Правда, мне интересно. Зачем?

– Ну, Джо, – будничным тоном произнесла она и остановилась.

Он знал, что у нее две дочери, трех и пяти лет, и муж, выпускник юридической школы Гарварда, делающий блестящую карьеру в Федеральной комиссии по связи. А сама она была чемпионкой по гольфу и превосходно играла в парный теннис.

– Ну, Джо...

Без одежды она выглядела хрупкой и миниатюрной, с крохотными аппетитными грудками и изящными запястьями. Она была до того стройной, что под шелковистой кремовой кожей проступали ребра. Пепельные волосы уложены в дорожную прическу.

– Пожалуй, можно сказать, что из любопытства.

Из любопытства!

Тогда он только покачал головой.

Теперь он тоже покачал головой: на этот раз он был с двадцатилетней ассистенткой из Конгресса, хорошенькой выпускницей Смит-колледжа, которую подцепил на коктейле в посольстве. Они только что закончили бурно, не без приятности и совершенно бездумно предаваться ласкам. Дело происходило на верхнем этаже его джорджтаунского дома, где у прошлого хозяина был музыкальный зал, просторное светлое помещение. За окном пели птички, жужжали пчелы, а цветы с кустарниками росли благодаря умелому уходу садовника-филиппинца.

Девушка – так уж совпало, что ее тоже звали Сьюзен, что, возможно, и воскресило в его памяти ту, первую Сьюзен, – одевалась быстро и, как показалось Данцигу, без сожаления. Комната пропахла сексом. Этот своеобразный запах поначалу пьянил его, но потом всегда вызывал отвращение.

Вообще-то его немного подташнивало от себя самого. В последнее время он пристрастился к определенным отклонениям от стандартного меню в паре мужчина – женщина, к определенным вариациям в основном блюде или приправе. Все было как всегда: то, что выглядело экзотическим, поразительно манящим, завораживающим, эротически почти изощренным, теперь казалось просто ненормальным, не говоря уже о негигиеничности.

Ему отчаянно хотелось почистить зубы и хорошенько про-

полоскать рот, но он не был уверен, что подобный жест покажется вежливым его даме. Она-то не почистила зубы, а ртом работала ничуть не менее усердно. Он чувствовал себя отвратительным, казался себе каким-то людоедом. Но это была не его вина. Ох уж эти современные девицы! Кивок, прикосновение, завуалированное предложение, косвенное и иносказательное, как секретный шифр, – и они, как бангкокские шлюхи, бросались в погоню за сокровищами, о которых их матери и помыслить не могли, для описания которых в их лексиконе не нашлось бы нужных слов. И ожидали – да что там, требовали – от него ответных действий.

До чего же странные существа. Они мыслили совсем не так, как мужчины, честное слово. К примеру, они были более взрослыми, менее склонными к сантиментам (что шло вразрез с общепринятыми стереотипами), более организованными. Их мозг состоял из крохотных отсеков. Эта Сьюзен, как и первая, как и все Сьюзен до единой, могла ласкать его ртом, как тигрица, а потом улыбнуться, одеться и как ни в чем не бывало вернуться к своей другой жизни. Они уходили обратно к своим мужьям и любовникам, четко отделив свое дневное приключение от вечерней реальности. В то время как он, ну или любой другой мужчина на его месте, стал бы думать, злиться и вспоминать, чувствовать себя нечистым и недостойным, терзаться сознанием вины. Поразительно!

Он стоял в своем халате у широкого окна и смотрел на лабиринт садовых дорожек внизу.

– Там очень приятно, ты не находишь? Этот новенький работает, не покладая рук, хотя не думаю, чтобы он меня понимал. Я-то его определенно не понимаю.

– А? – переспросила Сьюзен, втискивая свои ляжки (она и близко не была такой стройной, как та, первая Сьюзен) в колготки решительным толчком таза.

– Сад. Я говорил о моем саде и новом садовнике.

– Угу, – рассеянно кивнула она.

– В нем такой порядок. Такая чудесная планировка.

– Джо, – сказала девушка. – Я ухожу.

– А?

Она рассмеялась.

– Много же для тебя это значило.

– Прости. Тебе кажется, мои мысли заняты другими делами? Я прошу прощения. Ты меня простишь, правда?

– Я просто сказала, что ухожу.

– Да-да. Я провожу тебя.

– Не нужно. Все нормально.

Она принялась быстро подправлять макияж. При виде того, как она сидит перед зеркалом, закинув одну ногу на другую (Данцигу нравились их ноги), в своем строгом костюме цвета сливы, он снова воспламенился.

Беззвучно протонав от желания, он почти безотчетно шагнул к ней, прикоснулся к груди, быстро просунул руку между пуговиц пиджака и под резинку лифчика, наслаждаясь ее весом, ее тяжестью.

– Джо! Господи, как ты меня напугал!

– Не уходи.

– Ох, Джо!

Теперь вся его ладонь уместилась в чашке лифчика, он захватил ее сосок между средним и указательным пальцами и коварно, как ему казалось, сжал его.

– Пожалуйста, Джо! Мне нужно бежать.

– Не уходи. Прошу тебя.

Сила собственного желания ошеломила его.

– Джо, правда...

– Еще рано. Прошу тебя. Пожалуйста.

Он ощутил, как твердеет сосок.

– О господи! – прошептала она.

Данциг наклонился и принялся водить языком по мочке ее уха – еще один прием, который казался ему особенно утонченным; они все были от этого без ума. Он протянул руку и коснулся внутренней поверхности ее бедра, его палец скользнул по коже вверх, принялся потирать ее, ощущая все контуры, все очертания, набухшие округлые бугорки ее нежной плоти под колготками. Потом поцеловал ее в губы, и их языки переплелись.

* * *

Уже во второй раз они закончили, и Сюзен принялась одеваться.

– Пожалуйста, – засмеялась она. – Меня уволят, если я не вернусь. Ты просто маньяк.

Он улыбнулся, расценив это как комплимент. До этого он никогда в жизни не занимался сексом дважды за один день, не говоря уж о часе. Собственная мощь ошеломила его. Что это вдруг на него нашло?

Она снова уселась перед зеркалом, принялась бесстрастно колдовать над лицом. Данциг с грустью наблюдал. Женщины все время уходили от него; прежде это никогда его не тревожило.

– На этот раз, – подчеркнула она, – я уйду.

И рассмеялась: она была дружелюбная девочка, добрая душа.

– Я тебе позвоню.

– Конечно, – сказала она.

– Нет, правда.

– Все нормально, доктор Данциг.

– Зови меня Джо.

– Все нормально, Джо, мне пора идти. Пока.

– До свидания, Сьюзен.

И она действительно ушла. Он слышал, как все глуше звучат ее шаги в холле, пока она не добралась до лестницы и не начала спускаться. Через минуту дверь за ней с негромким стуком хлопнулась. Он задумался, были ли агенты внизу вежливы с ней. Он очень на это надеялся. Пусть только попробуют не быть, он в два счета их выставит. Данциг дал се-

бе слово потом обязательно это проверить.

Он снова стоял у окна. Его не покидало ощущение уязвимости, незащищенности. Не связано ли столь странное положение дел с присутствием этого призрачного курдского убийцы, которого, по всеобщему убеждению, в самом скором времени должны были схватить где-то в районе треугольника Колумбус – Дейтон – Цинциннати? Не исключено. Впрочем, его угнетало скорее другое присутствие, мрачная необходимость, которая давила на него через стену.

Потому что за этой стеной находилась другая комната, почти точная копия этой. В ней было просторно и немислимо светло. Ухоженные цветы в кадках зеленели на фоне сливочно-белых стен, а муслиновые занавеси смягчали слепящий солнечный свет. Оттуда открывался вид, почти повторяющий тот, которым он любовался сейчас, прекрасный обзор на идеальный лабиринт сада. В той комнате, как и в этой, царили чистота и порядок, там, как и здесь, на полу лежал красный персидский ковер, там, как и здесь, стоял рабочий стол из красного дерева и раскладной диван. Но в отличие от этой комнаты там находились: один настольный копир «Xerox 2300», четыре контейнера тонера «Xerox 6R189» и масла для термофиксатора «Xerox 8R79», три электрические пишущие машинки «IBM Selectric», три диктофона «DCX III», шесть настольных ламп «Тензор», несколько десятков фунтов высококачественной бумаги «Xerox 4024», без счета копирок, ластиков, ручек «Vic», карандашей «Eagle»

третьего номера, электрическая точилка для карандашей «Panasonic», промокательная бумага. А у одной стены, накрепко запертые и так ни разу и не открывавшиеся, его папки, журналы, документы, отчеты, черновики, вырезки, заимствования – его прошлое.

Там была комната книги, и это ужасало его.

В той комнате за тринадцать месяцев напряженной работы он, три научных сотрудника, два неутомимых секретаря и два редактора из знаменитого издательства на Мэдисон-авеню написали книгу. Это была в основном книга побед.

Однако очень скоро из этой комнаты должна была выйти другая книга, а в мире, на взгляд Данцига, не было ничего более удручающего, нежели комната, в которой должна быть написана книга, если эту книгу вам писать не хочется.

Данцигу писать не хотелось.

Он предпочитал экспромтом произносить речи, красоваться на телевидении, избегать своей жены, гоняться за известностью, спать с бесконечной чередой необычайно уступчивых молодых и молодящихся женщин. А книга... книга возвращала его обратно в эпоху катастроф, в 1975 год, когда разразился Вьетнам, к печальным бестолковым дням с новым президентом, который продержался так недолго.³³ Это должна была быть книга поражений.

³³ Имеется в виду Джералд Форд, ставший президентом в 1974 году после отставки Р. Никсона в связи с Уотергейтским делом, но в 1976 году проигравший избирательную кампанию Джеймсу Картеру.

Втайне он боялся, что растерял задор, утратил честолюбие. Пуф! Сегодня есть, завтра нет. За ним закрепилась репутация ярого честолюбца, безжалостного честолюбца, и, пожалуй, когда-то так оно и было. Но со временем из-под оболочки старого Данцига начал проступать другой Данциг, более мягкий, более одинокий человек, человек, жаждущий исследовать не сферу власти, а сферу чувств. Он надеялся, что это процесс изменения или преобразования. Но страшился, что вступил в пору энтропии.

Он подумал, что надо позвонить еще какой-нибудь девушке, потому что мысль о том, чтобы провести в этой комнате, рядом с той комнатой, в одиночестве, еще хотя бы одну секунду, была невыносима.

Глава 24

Чарди решил, что не станет рассказывать им – ни Ланахану, ни Йосту, и уж точно ни тому человеку, чье присутствие ощущалось буквально во всем, Сэму Мелмену, – о Тревитте и о Мексике.

– Пол, по-моему, вам пора возвращаться к Данцигу. Вер Стиг, – это имя Ланахан произнес с желчью в голосе; похоже, он не относился к числу поклонников Йоста, – говорит, что справится со всем за день-другой.

Майлз злился – он в дейтонскую группу не попал. Похоже, им пожертвовали в пользу людей, которым Йост не то больше доверял, не то меньше их боялся.

– Успокойся, Майлз. Ты еще увидишь Улу Бега. В Дейтоне Йост его не возьмет.

– Да они оцепили весь Дейтон. Он у них под колпаком. Это всего лишь вопрос времени, – уныло сказал Ланахан.

Он потел. Из-под его челки катились капли неразбавленного честолюбия.

Чарди вдруг понял, что Ланахан холодно и откровенно не желает, чтобы Йост поймал курда. Без его участия.

– Нет, Майлз. Йост совсем не знает курда. Думает, он какой-нибудь ошалевший террорист из третьего мира. Безмозглый стрелок, человек с оружием, которому моча ударила в голову. Он не понимает, что Улу Бег хлебнул по полной

программе.

Хлебнул? Чего?

Но спрашивать Ланахан не стал, просто уставился на Чарди сердитым взглядом.

– Крысятам, вроде Йоста, не по зубам ловить героев вроде Улу Бега, – проговорил он наконец.

– Что-то в этом роде.

– Чарди, это все чушь собачья. Дурацкое убеждение, совершенно детское. Романтический бред, миф. Ерунда с начала до конца. На Улу Бега охотятся люди, вооруженные компьютерами, хитрой электроникой и оптикой. И человеческими ресурсами. У них полная свобода действий. Все, что угодно. Сколько хочешь пушечного мяса. Полное управление пушечного мяса. Вы прямо делаете из него благородного героя-одиночку, которого может одолеть только другой такой же герой с чистой душой. Мы все-таки живем не в прошлом веке – он, если вы еще не заметили, некоторое время назад закончился.

– Ладно, Майлз. Не говори потом, что я тебя не предупредал. Ты мне почти нравишься. Ты так хочешь добиться успеха.

– Хватит, Пол.

– Ты хочешь вырваться наверх. Примазаться к гарвардским мальчишкам.

– Хватит об этом говорить, Пол. Я должен сообщить Йосту, где вы. Советую вам отправиться туда, где вам положено

находиться.

Нет, Чарди не станет говорить Майлзу о Тревитте. Потому что у Тревитта не было официального разрешения работать в Мексике, и потом не оберешься проблем, если вдруг окажется, что Тревитт проводил в Мексике какую-то операцию, категорически запрещенную Йостом.

Но тут крылось еще кое-что. И это, пожалуй, доставляло Чарди наибольшее удовольствие и лучше всего объясняло его решение: впервые за все время ему было известно что-то такое, чего они не знали.

Надо дать Тревитту какое-то время, пространство для маневра. Может, он что-нибудь и накопает. Но что? Или кого?

Чарди улыбнулся.

«Я, пожалуй, ставлю на Тревитта, – подумал он. – Мечтателя, едва вышедшего из школьного возраста, полного безумных, бредовых представлений о приключениях. Отягощенного легендами, бредящего героями – настоящего фаната, настолько не похожего на трезвомыслящего, мрачного, бесцеремонного коротышку Майлза, насколько это вообще возможно. Тревитт – это воплощенное рвение и лопухая щенячья любовь».

Чарди подумал о всех тех ребятах, которым он прикрывал спину и которые прикрывали спину ему. О героях, начиная с Френчи Шорта, которые плохо кончили. А он тут со своими ставками на Тревитта.

– Что тут смешного, Пол?

– Не знаю. Все, Майлз. Ты, я, все.

Но Майлз не улыбнулся.

– Поезжайте, Пол. Большой Человек ждет. И советую вам быть готовым в эти выходные сняться с места. Будет работенка.

Чарди обернулся, уязвленный.

– Я думал, он будет сидеть дома.

У него были планы на эти выходные.

– Только что выяснилось, что нет. Впрочем, может быть, Йосту повезет раньше.

– Не повезет.

– Не волнуйтесь. Вы полетите в Бостон.

Глава 25

Ее звали Ли. Его имени она не спрашивала. На второй день она начала называть его Джим. Он не спрашивал почему.

Ли была высокой крепкой женщиной с широко расставленными шалыми глазами, приплюснутым носом и длинными пальцами, которые оказались на удивление розовыми с обратной стороны. Волосы она стригла коротко, по-мальчишески, и у нее имелись три чудесных парика – рыжий, желтый и угольно-черный, – которые она надевала в зависимости от настроения. Кожа у нее была коричневая, почти желтая. Держалась Ли серьезно и степенно – до тех пор, пока не пропускала несколько стаканчиков вина, что случалось каждый вечер. Тогда она принималась хохотать и прыскать, как разболтанная девчонка.

Работала она в каком-то «Райксе»,³⁴ в отделе (как она сама это называла) уцененки. Но он так и не смог взять в толк, что собой представляет этот «Райкс» и что такое эта уцененка. Должно быть, это заведение имело какое-то отношение к одежде, потому что она принесла ему кое-что: костюм, какие носят американские бизнесмены, плащ, щегольскую шляпу.

– Это тебе, милый, – сказала она.

³⁴ «Райкс» – до 1982 года крупный универмаг в Дейтоне, штат Огайо.

Он взглянул на подарок. Ему нельзя иметь гардероб, потому что нужно передвигаться быстро. Нельзя обременять себя багажом, роскошью. Богатство не интересовало его. Он обернулся и взглянул на чернокожую женщину. Ее лицо было оживленным.

– Очень красиво, Ли. Но я не могу это носить.

– Но почему, милый? Я хочу, чтобы ты хорошо выглядел. Ты видный мужчина, рослый и крепкий.

Она уже успела хлопнуть несколько стаканов вина.

– Ли, – сказал он. – Я не могу больше у тебя оставаться.

Мне нужно дальше.

– Почему такая спешка, Джим?

– Э-э.

Он отвечал ей уклончиво. Не потому, что не доверял, просто понимал, что никогда не сможет все объяснить. На это уйдет слишком много времени, слишком далеко в прошлое придется углубиться.

– Мне нужно в одно место. Повидаться с одним человеком.

– Ты что-то задумал. – Она оглушительно расхохоталась. – Что-то нехорошее. Я уже видела такое выражение, как у тебя. Я много лет подряд его вижу. Как у кого-то, кто хочет спереть что-то у другого человека. Смотри только не попадись, слышишь?

В этом была вся Ли: она никого не судила. Он вошел в ее жизнь так гладко, как будто для нее не было в этом ничего

необычного, как будто она только и делала, что подбирала на улице истекающих кровью мужчин и приводила их к себе домой. Она не просила ни о чем, кроме его общества, и если он никогда не выходил за порог, если у него не было прошлого и он не хотел говорить о будущем, кроме как в самых сдержанных и обтекаемых выражениях, значит, она приняла это.

– Почему, Ли? Почему ты помогла мне? Я ничем не могу тебе отплатить.

– Милый, ты кое-кого мне напоминаешь. «Они украли у меня бумажник», – она передразнила его голос, – и давай нестись вверх по холму, как будто тебе жить надоело. А через минуту ты спускаешься обратно. Никогда не видела ничего подобного после того, как мой братишка вздул мальчика шерифа Газери, Чарли, в пятьдесят восьмом, в Западной Виргинии. Все твердят: «Бобби, он от тебя мокрого места не оставит». А Бобби знай себе отвечает: «Он украл у меня деньги», идет напрямиком к его дому, разделяет щенка под орех и получает обратно все до цента. В тех местах никто не видел ничего подобного многие годы.

Она снова засмеялась своим давним воспоминаниям.

Судя по всему, этот Бобби был второй Джарди.

– Храбрый человек. Он был солдат, твой брат Бобби?

– О, Бобби был чудо что такое. В пятьдесят седьмом он выиграл забег на пятьдесят метров на соревнованиях школ Западной Виргинии. Да, вот такой у меня был братишка, чу-

до что такое. Белые сказали, что он их ограбил. Ну, его сразу в тюрьму, в Моргантаун. А там кто-то пырнул его ножом. И трех недель там не просидел, как его убили.

– Это ужасно, – сказал Улу Бег.

Он сам долгое время провел в тюрьме в Багдаде и знал, какие дела там творятся.

– Спаси бог его душу.

– Потом мама умерла, а я подалась в Дейтон и вот с тех самых пор так здесь и живу. В «Райксе» уже двадцать лет как работаю. Это не та жизнь, о какой я мечтала, но какая уж есть.

– Ты должна быть сильной. Должна заставить их заплатить.

– Кого «их», Джим? Никто ни за что не заплатит.

Она налила себе еще вина.

Квартирка у нее была тесная и темная, в старом доме с пропахшими мочой, замусоренными коридорами. Лампочки выбиты, все стены исписаны. Улу Бег узнал английское слово, означавшее «свобода», нацарапанное огромными белыми буквами. Здесь жили одни только черные; когда он выглядывал из окна, то видел только черных, кроме разве что полицейских в патрульных машинах, которые порой опасно проезжали по улице.

– Не бойся их, милый, – сказала она как-то. – Сюда они не суются.

– Послушай, Джим, – говорила она сейчас. – Кто ты та-

кой? Ты белый? Ты выглядишь как белый, ходишь как белый и говоришь смешно, прямо как белый. Но ты не белый. Я вижу.

– Конечно белый. – Теперь он сам рассмеялся. – Белым родился, белым умру.

– Но ты не американец.

– В Америку приезжают многие. За новой жизнью. Вот и я – я ищу новую жизнь.

– Только не с пушкой. Я заглянула в твой рюкзак.

Он немного помолчал.

– Ли, не надо было этого делать.

– Ты в бегах? Бежишь куда-то или откуда-то, Джим? Мне все равно. Выпей вина. Ты собрался кого-то прикончить? Мне все равно. Только не вздумай попасться, слышишь, потому что тогда тебя упекут в страшное место на веки вечные, Джим. Никогда еще не видела такого странного белого, как ты.

* * *

Он прожил у нее целую неделю в тесной квартирке обшарпанного города сказочной страны Америки. Каждую ночь они занимались любовью. С этой чернокожей женщиной он чувствовал себя сильным и свободным. Он охаживал ее часами. Он жил, как в угаре, спал весь день, пока она работала, и набрасывался на нее, когда она возвращалась. Однажды он

взял ее прямо на кухне.

– Ты совсем бешеный. Я мету полы в универмаге старины Райка и весь день думаю о бешеном Джиме.

– Ты роскошная женщина, Ли. В Америке роскошные женщины. Вот что в Америке лучше всего.

– Ты знаешь еще кого-нибудь?

– Знал. Давно, – ответил он. – Она была настоящий боец, как ты, Ли.

– Белая девчонка?

– Да, белая.

– Ни одна белая девчонка не знает, что такое быть бойцом.

– Нет, эта была не такая. Джоанна была особенная. Думаю, вы бы с ней подружились.

Перед глазами у него промелькнула странная картина – он, Ли, Джарди, Джоанна и Мемед с Апо. На лугу, высоко в горах. Повсюду вокруг цвел чертополох, и холмы тонули в сине-зеленой дымке. Там был и Амир Тофик, там были все. Его отец, Улу Бег, как и он, повешенный на фонарном столбе в Мехабаде в сорок седьмом, тоже. Были и куропатки на деревьях, и олень. Охота удалась на славу. Мужчины днем поохотились, а вечером женщины приготовили удивительные кушанья. Потом все уселись в круг под огромным роскошным шатром и рассказывали волшебные истории. Джарди рассказал о психе-отце, венгерском докторе. Джоанна – о сестре Мириам. Ли – о братишке Бобби, и в тот самый миг, когда звучали имена этих людей, они тоже входили в

шатер, брали себе еды, рассказывали истории и издавали боевой клич. «Kurdistan ya paman», – кричали они. Курдистан или смерть.

– Джим? Джим?

– А?

– Где ты витал? Уж точно не в Дейтоне.

– Не важно. Завтра я уезжаю. Я должен. Я задержался слишком надолго, мне нужно двигаться дальше.

Она взглянула на него; глаза у нее были темные и шалые.

– Ты поедешь куда-то с этой пушкой, и тебя убьют. Без шуток, убьют, как моего братишку Бобби.

– Джима не убьют, – сказал он.

– Милый, не уходи. Остайся с Ли. Здесь хорошо. Здесь так хорошо.

– Я должен ехать дальше. Встретиться с одним человеком.

– На автовокзал? Там тебя в два счета схватят легавые.

– Никаким легавым не схватить Джима.

– Еще как схватят. Куда ты поедешь?

– В большой город.

– Легавые из большого города в два счета схватят тебя на автовокзале. Я знаю, что схватят.

– Мне нужно идти.

– Джим, – сказала она вдруг. – Возьми мою машину. Правда, бери. Она просто стоит тут без дела.

Улу Бег не знал, что сказать.

– Я не умею водить автомобиль, – признался он наконец.

Женщина запрокинула голову и рассмеялась, весело и звонко.

– Ну ты даешь, милый, вот это ты даешь.

Она снова засмеялась.

– Золотце, – продолжала она, – я в жизни своей не слышала о таких странных белых, как ты. Ты такой странный, что прямо как будто и не белый.

И она сказала, что сама отвезет его.

Глава 26

После того, как Тревитт от души наелся, принял душ и переночевал в приличном месте, жизнь показалась ему значительно более сносной. В гостинице «Фрей Маркос де Нинца», конечно, было не совсем как в «Говарде Джонсоне», зато там был телевизор и вода, достаточно горячая, если как следует подождать. И замки на дверях. Так что с прибытием денег Чарди к сеньору Тревитту вернулась некоторая уверенность в себе. Нет, внезапно промелькнувшая тень, репортаж об обратной вспышке в какой-нибудь машине, тяжелый взгляд мексиканца, устремленный в его сторону, до сих пор ввергали его в трепет, но, по крайней мере, он больше не скрывался в сарае.

Посмотрите на меня! Только посмотрите!

Его так и распирало от удовольствия; ему страшно нравился его новый образ: он ведь теперь подпольный работник, он теперь агент. Он ощущал, что наконец-то вступил в братство, которое отторгало его все эти годы.

Посмотрите на меня! Только посмотрите!

Да он и сам смотрел. Он не мог налюбоваться собой в витринах лавок, в зеркале у себя в номере – худощавый молодой человек, спокойный, волевой. Глаза, серьезные и пронизательные. Рука, всегда готовая выхватить оружие.

Ведь теперь Тревитт был человек вооруженный.

Он выдал мальчишке пятьдесят долларов из денег Чарди и обстоятельные указания:

– Пистолет. Не какой-нибудь древний «кольт», «ремингтон» или еще что-нибудь времен Панчо Вильи. Автоматический, по возможности короткоствольный, но я бы согласился и на любой девятимиллиметровый испанский «стар» или даже «ламу», если она будет достаточно большая, не меньше девяти миллиметров. Справишься?

– Еще как.

– Не подведи.

– Обижаеть.

– Смотри у меня.

Вернулся мальчишка с потертой желтой коробкой, на выцветшей этикетке которой белел штамп. По всей видимости, на итальянском.

– Итальянский? – удивился обеспокоенный Тревитт и с жадностью вскрыл коробку.

– Господи, «беретта», – изумился он. – Ей небось лет пятьдесят.

Маленький синеватый пистолетик поблескивал перед ним, старомодный и нескладный. Рукоять его украшал странный зубец, напоминавший об эпохе ар-деко. С краю коробки выстроились десять покрытых смазкой патронов.

– И это все, что ты смог найти за пятьдесят баксов?

– Инфляция, – пояснил парнишка.

Но втайне Тревитт был доволен этим миниатюрным са-

мозарядным пистолетиком. В ту же ночь он выпустил один из драгоценных 7,65-миллиметровых патронов в стенку водостока. Пистолет бил точно в цель не более чем с семи футов – прямо как в каком-нибудь древнем романе Хемингуэя времен разгрома при Капоретто,³⁵ но зато принадлежал ему, ему одному. Он приятно оттягивал пояс, и Тревитт носил его с патроном в патроннике, но на предохранителе. В минуты уединения он тренировал быстроту реакции, учился выхватывать оружие. До совершенства ему было еще далековато, и он поклялся, что каждый день будет практиковаться по полчаса.

Поглядите на меня!

Пистолет был только началом. В витринах лавок отражался франтоватый молодой гангстер в щегольском желтом костюме, трикотажной кримпленовой двойке, совсем недавно привезенной с Тайваня, и белой рубашке с шитьем из искусственного шелка (тоже тайваньской), с огромным висячим воротником и без единой пуговицы на груди. Он выглядел как сутенер, как наемный убийца, как неудавшаяся кинозвезда в своем стильном костюме кричащего, кичливо-желтого, вырви глаз, цвета. Вульгарность этого наряда была вопиющей, и от прошлой личности у Тревитта остались лишь его туфли, мокасины с кисточками приглушенно-

³⁵ Капоретто – населенный пункт в Северной Италии, в окрестностях которого во время Первой мировой войны в конце октября – начале ноября 1917 года австро-германские войска нанесли сокрушительное поражение итальянской армии.

го красно-коричневого цвета, потому что вся мексиканская обувь была на трехдюймовых каблуках и сделана из какого-то дерматина.

Было у Тревитта и еще одно сокровище, имевшее огромную важность: у него появился новобранец, номер второй в его агентурной сети. Бармен Роберто согласился работать на него. Оскар Меса вышвырнул парня за воровство, и тот, подобно многим латиноамериканским мужчинам, горел жаждой мести, *la venganza*, и грезил о славе. Он тоже испытывал трудности с репутацией: ему хотелось слыть крутым парнем, отчаянной головой, из тех, по кому сходят с ума все женщины.

Вот что рассказал Роберто: одна из его наименее приятных обязанностей в борделе заключалась в сортировке грязного белья, разборе полотенец.

– Шлюхи изводят уйму полотенец, – пояснил он, и Тревитт попытался сохранить непроницаемый вид, вспомнив, как Анита трудилась с таким полотенцем над его хозяйством.

– И угадай, что я нахожу вот уже третью неделю по вторникам?

Тревитт не смог или не захотел угадать.

– Бинты со следами гноя. Кучу лейкопластырей с прилипшими волосами. Окровавленное постельное белье.

– Может, кто-нибудь грубо обходился с девочками.

– Не настолько же.

– И откуда тогда все это?

– Я пытаюсь смотреть в оба. Интересно, куда ходит наша Мадонна по вторникам после обеда?

– Что еще за Мадонна?

– Баба, которая сидит наверху. Проверятьщица. Толстая и страшная. Она когда-то была не то медицинской сестрой, не то работала в больнице, не то еще что-то, не знаю. Она приглядывает за девочками.

Тревитт кивнул, думая об этом загадочном обстоятельстве. И в самом деле, куда ходит эта Мадонна?

* * *

Наступил вторник, и Тревитт, спрятавшись за дешевыми темными очками, в своем желтом костюме, сидел, развалившись, на скамье в знойной тени мимозы. Он расположился в небольшом скверике на углу улиц Пескуирика и Охоа, среди индейцев, крестьян, чистильщиков обуви, голодных, запаршивевших собак, редких полицейских и еще более редких взрывов хохота какого-нибудь сутенера и по совместительству водителя такси «Эксклюзиво». За спиной у него находились железнодорожные пути, усеянные битым стеклом, за ними, еще в сотне ярдов, «Каза де Джейсон», дальше «Русис Кортина», а с другой стороны к высокому утесу из песчаника притулился «Оскарз». Пыльный суховец трепал траву, тощие собаки и ребятишки шныряли туда-сюда, по улицам

проносились раздолбанные мексиканские машины, битком набитые людьми. Небо было синим, солнце припекало.

А Тревитт сидел себе, закинув ногу на ногу, и не спускал глаз с маленькой фигурки за железнодорожными путями, всего в квартале от ночного клуба. Мигель. Где-то еще ближе притаился второй парнишка, Роберто. Вся троица торчала тут уже довольно долго – с десяти, – а теперь был уже час. Тревитта начинала одолевать жара и скука. Не так давно он купил у разносчика тортилью с курицей и ром, быстро расправился с ними и теперь ощущал приятную истому. Он не успел еще привыкнуть к мексиканскому времени, где ничто и никогда не делалось быстро, и пытался сдержать зевок, когда мальчишка вскочил.

Сначала мальчишка, за ним и Тревитт. Он сорвался со скамейки, холодея в приступе паники.

Машина, черт побери, есть же машина!

Он бросился бежать по улице, где среди «де сото» пятьдесят третьего года выпуска, «эдселей» пятьдесят девятого и «фалконов» шестьдесят третьего притулился мексиканский «шевроле» восьмидесятого, который он не далее как сегодня утром взял напрокат в конторе при отеле под своим настоящим именем – вот он, его шанс! Тревитт добежал до автомобиля, отпер дверь, запрыгнул внутрь.

Внутри была настоящая душегубка – машина часа три простояла на солнцепеке. Но Тревитт сунул ключ в замок зажигания, завел двигатель, выкрутил руль и вдавил педаль.

Он быстро набрал десять миль в час, однако с переключением на вторую скорость, похоже, что-то не заладилось, и тут мальчишка, безрассудно перемахнув через пути и преодолев поток машин, добежал до него и забрался в автомобиль.

– Поехали, поехали.

– Куда? Куда?

– Прямо, прямо! – закричал мальчишка.

Тревитт протиснулся сквозь два переулка, круто свернул налево за «Каза де Джейсон» и на грязном перекрестке перелетел через рельсы. Куда запропастился его второй помощник? А, вот он – волосы развеваются, лицо смуглое и злое. Он вырос словно из-под земли – мексиканские ребятишки в совершенстве владели этим трюком – и плюхнулся на заднее сиденье.

– Давай ездай направо, – скомандовал он.

Тревитт свернул и помчался к центру Ногалеса – несколько секунд мимо облепленных лачугами скал, потом по более плоской части города.

– Она на зеленом «шевроле». Прямо перед нами. Гони.

Но Тревитт не мог гнать; внезапно он увяз в гуще дорожного движения.

– Скоростное шоссе по-мексикански! – со смехом прокричал Мигель.

– Черт подери! – крикнул в ответ Тревитт.

– Гони! Гони!

– Каким образом я должен гнать? – осведомился Тревитт.

Можно подумать, вся Мексика разом выехала на дорогу. Светофоры работали, как бог на душу положит, странные дорожные указатели подавали ему приказания, которых он не мог разобрать. Кто-то сигналил и ругался. Тротуары загромождали толпы людей, бродивших из лавчонки в лавчонку и праздно толкавшихся по улицам. Прямо по центру перекрестка расположился мороженщик со своей тележкой. К нему то и дело подбегали ребятишки.

– Ого! Ты чуть не сбил того придурка! – воскликнул Мигель.

Они поехали в более размеренном темпе. Тревитт вглядывался в море машин и пешеходов. Но не мог разглядеть ни черта...

– Вон она! Вон там, я ее вижу! – завопил Роберто, который высовывался из окна чуть не по пояс.

– Эй, парень, ты там поосторожней, – предостерег помощника Тревитт, но его самого уже переполняло ликование.

* * *

«У Ле Карре все было бы совсем иначе, – думал Тревитт, отчаянно бросаясь в возникающие просветы между машинами, ныряя в этот поток издававших виды колымаг пятидесятих годов и выныривая из него на своем неторопливом желтом „шевроле“. – Черт бы побрал эту бабу – она захапала себе единственную быструю машину во всей стране!»

У Ле Карре на его месте были бы суровые бесстрастные профессионалы, мрачные типы с синуситом и нелегкой судьбой, и они гонялись бы друг за другом под непогожим небом Восточной Европы. Там каждый кирпичик, каждый оттенок мысли, каждый поступок был бы полон значения, каждый закоулок был бы отмечен на плане, каждая горькая шутка судьбы была бы выпячена. Здесь же вместо всего этого – пыльные людные улицы, тележки с мороженым, лотки с фруктами, ребятишки в дерматиновой обуви, холмы, обросшие сизыми лачугами, палящее солнце, пыльный суховей, улочки, названий которых он никогда не узнает, и двое мексиканских мальчишек, кричащих ему на ухо.

– Она свернула.

– Да куда она не сворачивала.

– Так свернула или нет?

– Свернула.

– Не сворачивала.

– Я ее не вижу.

У Ле Карре слежку вели специальные группы, разбитые на четверки, и силуэты «хвостов» сменяли друг друга. Непременно где-нибудь стоял контрольный фургон с детскими каракулями, нацарапанными на пыльном боку так высоко, что никакой ребенок не дотянулся бы. Ле Карре досконально разбирался во всех тонкостях, во всех хитростях этого ремесла, знал их назубок.

– Свернула.

– Не сворачивала.

– А, черт! – рявкнул он с раздражением и затормозил у обочины, подняв тучу пыли.

Тощая курица выпорхнула перед ним из дырки в чем-то курятнике и бестолково ринулась на проезжую часть, где ее немедленно сбил огромный грузовой «мерседес» с эмблемой «Пепси-колы» на боку. Она совсем по-мультияшному подлетела в воздух, потом спланировала вниз, теряя перья и кости, и глухо шлепнулась в пыль.

– Господи Иисусе, вы это видели? – ахнул Мигель.

Тревитт видел и уже начал задумываться, случилось ли в произведениях Джона Ле Карре такое, чтобы грузовики с эмблемой «Пепси» в лепешку давили цыплят. И если случилось, то какой знак Джордж Смайли – сдержанный, усталый, блестящий старый профессионал, странник в мрачных лабиринтах шпионажа – усмотрел бы в этом? Но тут в нескольких кварталах впереди мелькнул зеленый «шевроле».

С улицы они въехали еще на один холм, потом спустились вниз, потом снова поднялись вверх. Повсюду вокруг ютились натканные без всякого порядка толевые лачуги, крыши из гофрированной жести, проволочные изгороди, розовые или голубые домишки в одну комнату; Тревитту уже начинало казаться, что вся Мексика состоит из одной улицы, на которой он успел побывать тысячу раз.

Впрочем, пыль, висящая в воздухе, говорила ему, что машина Мадонны пронеслась здесь всего несколько секунд на-

зад, и время от времени он видел автомобиль, исчезающий за гребнем холма наверху или бешено вихляющий внизу впереди него.

– Где мы? – спросил он своих проводников.

– Здесь оседают люди из пустыни или с гор, – сказал Роберто. – Беднейшие из бедных. Рейнолдо, он из этого района.

– Это очень плохой район, – подал голос младший.

«Шевроле» впереди исчез. Тревитт лихорадочно ударил по тормозам, машина пошла юзом. Но впереди не было пыли.

– А, черт подери, – выругался он.

– Свернула, наверное.

– Черт.

Он оглянулся назад, посмотрел вперед. Картина всюду была та же самая: грязные извилистые улочки, уходящие вверх и вниз, сараи, проволочные курятники, телевизионные антенны.

– Сдай назад. Потихоньку.

Он дал задний ход. Сейчас ему очень пригодилась бы одна из четверок Ле Карре.

– Вон она. Вон там, я ее вижу, – сказал Мигель.

– Да-да. – Тревитт тоже увидел зеленый «шевроле», брошенный под странным углом на склоне соседнего холма.

Он медленно двинулся вперед, завернул за угол и остановил машину у небольшого магазинчика «Аббарротес гардения».

– Так, – проговорил он, тяжело дыша, – Мигель, ты пойдешь к тому дому. На тебя вряд ли кто-то обратит внимание. Не суетись, ладно? Без глупостей. Просто смотри в оба глаза, понял? Роберто, ты заглянешь в тот магазинчик. Посмотришь, что скажет продавец. Не дави на него, просто послушай...

– Ладно, ладно, – сказал Роберто, выбираясь из автомобиля.

Тревитт ждал. Он сторбился за рулем своей машины, дешевые очки сползли с переносицы. Он чувствовал себя подурачки, как ряженный на маскараде. Примириться со всем этим было нелегко. Но он ведь примирился с Биллом Спейтом в сточной канаве – это была реальность. Интересно, все остальные когда-нибудь тоже сталкивались с подобным, испытывали такое чувство, будто разыгрывают нелепые роли в окружении неправдоподобных персонажей? Он сомневался в этом: они были специально обучены и, должно быть, мыслили в терминах, которым их обучили, просчитывали целесообразности, пути к отступлению. Они были бы так озабочены, так заняты, что у них просто не было бы времени на взгляд в перспективу. А Тревитт только в перспективу и глядел. Его никогда не учили подпольной работе, он ведь аналитик, историк. Никто никогда и не думал о том, чтобы бросить его на операцию. И вот тебе пожалуйста.

Мигель вернулся первым.

Тревитт подскочил от неожиданности, когда мальчишка

плюхнулся в машину. Черт, он подкрался совершенно бесшумно.

– Мне не удалось подобраться слишком близко. Там почти никакого укрытия. Не хотел все испортить.

– Наверное, это было разумно.

– Зато я порылся в мусоре. Вот.

Его трофей представлял собой заскорузлую полоску марли, розовато-бурую и жесткую.

– Да, это кровь, – сказал Тревитт, и к горлу его внезапно подступила тошнота при виде этой находки. – И как много.

– Si, – согласился мальчишка.

– Теперь осталось только дожидаться Роберто.

Но Роберто все не появлялся и не появлялся. Прошло, казалось, уже много времени. Они сидели в машине в переулке. Может, юнец решил подождать с *la venganza* до лучших времен и смылся? Или, может...

Но Тревитт понимал, что хорошие оперативники не сидят сложа руки и не гадают: может – не может. Никакого толку, одно расстройство. И все же мысли у него в голове крутились, как ошпаренные. Может, он столкнулся с какой-нибудь бандой. Может, он...

Но парнишка неожиданно появился.

– Где ты пропадал?

– В «Абарротес гардения».

– Тебя не было целый час!

– У меня возникли затруднения.

– Затруднения какого рода? – пожелал узнать Тревитт.

– Подозрительное старичье. Они глаз с меня не спускали.

Кто я такой да чего мне надо. Ну я и сказал им, что я с юга и собираюсь сегодня ночью отправиться на el otro lado.³⁶ За границу.

– Они поверили?

– Может, да, может, нет. Но я не подумал, что мне нужно валить. Ну и решил выпить пепси-колы.

– Значит, ты пил...

– Но потом появились еще двое.

– Американцы?

– Нет, латиносы. Серьезные ребята, гангстеры.

Тревитт хмуро кивнул. Все это ему не нравилось.

– Они разделали его под орех. Хозяина. Выстрелили в него из пистолета.

Тревитт обернулся, мальчишка переместился на свет, и стало видно, что над глазом у него наливается багровая шишка.

– Господи, Роберто...

– И мне тоже досталось от этих придурков. Серьезные ребята, настоящие мерзавцы.

– Чего они хотели?

– Они хотели узнать о раненом. Прослышали, что где-то в округе есть раненый.

– Он рассказал им? Тот старик?

³⁶ На другую сторону (исп.).

– Иначе его убили бы. Сказал.

– Вот черт, – выругался Тревитт.

Он протянул бледную руку и коснулся пистолета за поясом.

– Наверное, они уже добрались дотуда, – сказал Роберто.

– Фейерверк! – возбужденно завопил Мигель. – Фейерверк.

Глава 27

– Прощай, Ли, – сказал он. – Всевышний вознаградит тебя.

– Милый, – сказала она, – береги себя. Не делай глупостей. И не попадись в руки легавым. Держись от них подальше, слышишь?

– Хорошо, – пообещал он.

Город оказался огромным. Он не шел ни в какое сравнение ни с Багдадом, ни даже с другим американским городом, который он видел, – Америка, сконцентрированная как нигде больше, Америка, нагроможденная в одном месте, Америка во всем, безумная, ошеломляющая Америка, Америка во всей красе. Этот город не имел своего ритма. Здесь все происходило на одной и той же скорости, и она была головокружительной, и на одной и той же ноте – и она оглушала.

– Не давай себя в обиду здешним ребятам, – сказала она.

Позади просигналило такси. Мимо неслись машины. Воздух был серый, холодный и грязный и пах выхлопными газами. Он взглянул на улицу, похожую на ущелье, но картина распалась на такое множество деталей, что постичь ее не было никакой возможности. Голова у него гудела, хмурые прохожие поглядывали косо.

– Джим, – сказала она, – золотко, нечего тебе здесь делать. Поехали обратно. Поехали обратно в Дейтон.

– Я не могу.

– У тебя точно такой же вид, как тогда, когда ты гнался по путям за теми ребятами. Как у Бобби. Возвращайся ко мне. Слышишь? Возвращайся к Ли. Дай мне слово, что вернешься.

– Я вернусь, Ли. Клянусь глазами, вернусь.

– Я не знаю ничего ни о каких глазах, Джим. Я просто хочу, чтобы ты вернулся.

– Я вернусь, – пообещал он и ступил на тротуар, а она уехала.

Неподалеку находился автовокзал, и он отыскивал очередной маленький грязный отельчик. Она оставила ему сотню долларов, пятнадцать из которых он отдал портье за ночлег. В номере он просидел довольно долго, два дня. Предстоящая ему часть путешествия обещала быть самой трудной.

* * *

Нужное место он искал довольно долго. Он знал название, даже адрес – из телефонного справочника – и однажды ночью нашел какого-то чернокожего.

– Мне нужно попасть в одно место. Вот сюда.

Он показал страницу, вырванную из справочника.

– Парень, ты не на того напал.

– Скажи, как мне туда добраться.

– Приятель, тебе нужно сесть на автобус. Доехать. Пере-

сесть на другой автобус. Это вражеская территория. Я туда ни за какие коврижки не сунусь.

– Какой автобус? Скажи, на какой автобус садиться.

– Эй, приятель, осадил. Поймай такси, возьми напрокат тачку, поезжай на поезде или на метро. Оставь меня в покое.

– Ты должен помочь.

– Ну уж нет, приятель.

Улу Бег сунул ему какие-то деньги.

– Вот. Покажи мне. Покажи.

– Господи, приятель, тебя, наверное, приперло по-настоящему.

* * *

Это оказалось небольшое заведение, затерянное в неприглядном старом районе города. Он запомнил маршрут и вернулся туда на следующую ночь. Все вокруг уже утихло. Он ждал на другой стороне улицы, наблюдая из темноты, пока не удостоверился, что в доме никого нет. Потом перебежал улицу и снова затаился минут на десять. Время от времени мимо проезжала одинокая машина, а однажды по переулку прополз патрульный автомобиль, но Улу Бег лежал неподвижно, пока полицейские не уехали. Наконец он поднялся и подергал дверь; та не поддавалась. Ничего другого он и не ожидал. Он подошел к окну и внимательно его осмотрел.

«Решетки ты увидишь сразу. Но обязательно смотри на

провода. В Америке у всех провода, которые связаны с полицией или с сигнализацией, потому что там все у всех все время что-то крадут».

Он начинал понимать, что они относились к Америке с изрядным цинизмом; они ненавидели ее. Но их видение обычно оказывалось верным, а план действий – оправданным; он всегда подчинялся.

«Провода в окне, по краю стекла. Это маленький домик в бедном квартале, так что они, вероятно, не в состоянии позволить себе что-то приличное. Впрочем, кто их в Америке знает? Возможно, к ним забрел какой-нибудь коммивояжер и продал что-нибудь этакое. В Америке это самое обычное дело. Возможно, там есть и собака. Если так, ее необходимо немедленно убить».

Курд еще раз взглянул на окно: никаких проводов, ничего.

Он сунул руку в рюкзак, вытащил оттуда короткий нож, наклонился и – со знанием дела, как его учили, – вставил острие в щель между верхним и нижним окнами. Это оказалось проще простого. Он быстро подвел лезвие к замку и поддел язычок острием. Поворачивая и нажимая на нож, он подтолкнул язычок – механизм сопротивлялся всего секунду, потом щелкнул и открылся. Улу Бег вытащил ножик и быстро поднял фрамугу.

Он прислушался – не раздастся ли собачий лай. Все было тихо. Он оглядел переулок: ни души. Из открытого окна его обдало потоком теплого воздуха, который принес с со-

бой знакомые запахи. Но задерживаться, чтобы насладиться ими, было нельзя; он закинул внутрь рюкзак и сам залез следом.

Он лежал на полу, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. По полу скользнул луч света с улицы. Зальчик был совсем скромный: несколько столиков, накрытых матерчатыми чехлами, с поставленными поверх стульями. Улу Бег стремительно прополз по полу к двери и очутился в кухне. Там одуряюще пахло едким промышленным мылом, но даже сквозь этот оглушительный американский запах пробивались другие, знакомые: аромат барашка и цыпленка, фалафелей и виноградных листьев, медового кекса, шпината и капусты, киббе,³⁷ мяты, других пряностей. Они приятно щекотали ноздри, и его так и подмывало распахнуть дверцу буфета, но он не поддался искушению: во-первых, чем дольше он здесь находился, тем большей опасности подвергался, и во-вторых, уступить означало бы признать, как сильно ему не хватало того, что он оставил, как больно его ранила утрата всего этого.

Он действовал стремительно. Открыл рюкзак и достал оттуда, из-под замотанного в тряпку «скорпиона», консервную банку.

Ему объяснили все очень подробно.

«Американцы, которые живут в огромных домах, тянутся к примитивным вещам. Они готовят на углях, как горцы, и

³⁷ Киббе – блюдо арабской кухни из рубленого мяса и пшеничной крупы.

воображают, будто это возвращает их к истокам, к корням. Жидкость, при помощи которой они разжигают свои угли, можно купить где угодно за доллар, не вызывая подозрений. Она не такая летучая и не такая едкая, как бензин, и подходит просто идеально».

Курд открыл бельевой шкаф и плеснул в него жидкостью. Потом двинулся в обход кухни, поливая вокруг. Из столовой пахло парами: он смочил занавески и обрызгал стены.

Затем, чиркнув спичкой, поджег занавеску. Пламя вспыхнуло в одно мгновение, с трескучим шипением взвилось вверх, озаряя комнату. Улу Бег поморщился от ослепительной яркости, глядя, как огонь перескакивает с одной лужицы на другую, превращая их в пылающие озера.

У окна он помедлил, всего на секунду: в комнате полыхало полдюжины костров, рыжие языки расползались в стороны и вспыхивали. Два из них слились и превратились в один, более крупный, потом к ним присоединился третий. Сквозь дверь в кухню виднелось веселое пламя.

Он выскочил из окна, и воздух, прохладный и сладкий, ворвался в легкие. Вроде бы однажды, в бою с иракцами, он оказался заперт в горящем здании. Откуда-то возникло воспоминание о кольце огня, но он не помнил, как и когда это случилось. Помнил лишь точно такое же ликование, когда в лицо ему ударил прохладный воздух.

Крепко сжимая свой рюкзак, он преодолел два переулочка и очутился на отдаленной улице, и тут завывали сирены. Мимо,

сверкая мигалками, пронеслась полицейская машина.

В голову Улу Бегу пришла еще одна мысль, и он позволил себе горькую улыбку: разве слова Джарди, сказанные им как-то раз, не оказались пророческими?

«Однажды, – пообещал Джарди, – ты спалишь Багдад. Ты спалишь его до основания».

Как и прежде, Джарди оказался прав.

Улу Бег развернулся и еще быстрее зашагал в ночь.

Глава 28

Они различили «форд», стоящий рядом с лачугой.

– Это она, – заорал Роберто. – Это их машина.

Тревитт тревожно хмыкнул.

– А теперь пойди и застрели этих парней, – заявил Мигель.

– погоди минутку, – сказал Тревитт.

Он огляделся вокруг в сумерках и не увидел никого – ни полиции, ни других людей. В трущобах было непривычно тихо. Обычно вокруг бродили куры, козы, ребятишки, старухи и серьезного вида молодые люди. Но сейчас в извилистом переулке не было видно ни единой живой души.

– Возьми пушку, – не унимался парнишка. – У тебя ведь есть та пушка за пятьдесят долларов. Иди прямо туда и застрели этих поганцев.

Нет, этот ребенок положительно начинал действовать Тревитту на нервы. Возьми пушку, как же. За кого ты меня принимаешь, малыш? За Гордона Лидди?³⁸ Тревитта охватила невыносимая горечь. Выбор у него был совершенно безрадостный. Это нечестно.

– Правильно, – поддержал Роберто, – давай пристрели этих козлов.

³⁸ Джордж Гордон Лидди – агент ФБР, который в 1972 году подготовил вторжение в избирательный штаб демократов в комплексе зданий «Уотергейт».

– Не дело это, палить в кого попало, – наставительно сказал Тревитт.

Но мысли его начали крутиться вокруг пистолета. Без оружия он туда уж точно не сунется. Плохонькая старушка «беретта», которой небось лет пятьдесят, была ветераншей абиссинской кампании, а он – разве что ветераном нескольких библиотек.

– Тебе лучше бы действовать побыстрее, приятель.

– Да знаю я, знаю, – буркнул Тревитт, которому не хотелось действовать вообще, не говоря уж о том, чтобы действовать побыстрее. – Может быть, стоит выждать, – сказал он сквозь невесть откуда взявшийся комок слизи в горле.

Оба парнишки уставились на него. Господи, и как же его вообще угораздило ввязаться в это безумие с допотопным пистолетом и двумя молокососами в качестве помощников?

– Ладно, ладно, – сдался он.

– Тебе лучше бы действовать, приятель, – повторил Роберто.

Из дома донесся чей-то вопль. Они едва его расслышали.

Тревитт потянулся к пистолету и обнаружил, что тот болтается за поясом где-то в районе поясницы. Он двумя пальцами вытащил оружие из штанов и тупо уставился на «беретту», всю в смазке, уродливую и неуклюжую. Он не мог вспомнить, взведен курок или нет. В голове было пусто.

– Наверное, кого-то только что убили, – заявил Роберто.

Тревитт наконец-то вспомнил принцип действия автома-

тического пистолета и с маслянистым щелчком передернул затвор, отводя ударник. Из магазина выкатился нетронутый патрон. Черт, он все-таки был взведен. Роберто передал ему патрон.

Тревитт вытащил магазин и вернул патрон на место. Потом вставил магазин обратно и защелкнул его. Он вылез из машины и немного постоял на трясущихся ногах, пытаясь изобрести какой-нибудь план. Но чем больше он раздумывал, тем сильнее нервничал и, в конце концов, просто бросился к лачуге, держась точно на линии угла, чтобы его не заметили из окон. Он пригибался, как делали в фильмах, и подошвы его туфель постоянно скользили по грязи. Наконец, он добрался до домика и на миг задержался перед дверью. До него доносились приглушенные крики боли. Кого-то явно молотили на совесть. Но он не мог сдвинуться с места, словно примерз к земле, его украшенные кисточками мокасины будто срослись с самой планетой. Парнишки тоже выбрались из машины и смотрели на него.

В конце концов Тревитт толкнул дверь плечом. Она не шелохнулась. Он снова налег, на этот раз сильнее – безрезультатно. В доме кто-то кого-то избивал.

«А, пропади все пропадом!» – подумал он.

Эти слова точно освободили его. Они вдохнули в него ярость и мужество. Он согнул одну ногу, а второй с размаху саданул по двери, и она распахнулась.

Их оказалось двое, как и сказал Роберто. Тревитт не за-

метил, когда он успел выстрелить из пистолета – он не почувствовал отдачи, не услышал щелчка, – но, должно быть, все-таки выстрелил, потому что один из них плюхнулся на пол с выражением полного ужаса на лице, глупо разинув рот, выкатив глаза и прижав руки к животу. Второй быстро оправился от потрясения, вызванного появлением на пороге желтого призрака в лице Тревитта, и попытался выхватить из-за пояса собственный пистолет. Но Тревитт целился в него из своей «беретты» с расстояния четырех футов и дико орал: «Руки вверх!» Глаза у него были вытарашены, на лбу вздулись вены, и, должно быть, его унижительный страх каким-то образом передался и мексиканцу, потому что тот поспешно скинул руки.

– Не двигаться! Я сказал, не двигаться! – скомандовал Тревитт.

Но мексиканец не подчинился. Он улыбнулся и помахал руками, чтобы показать, что в них ничего нет, и подошел к своему товарищу.

– Не двигаться. Ни с места, черт бы тебя побрал, – крикнул Тревитт. – Я не шучу, я буду стрелять.

Он так и представлял себе, как пуля входит мексиканцу в затылок.

Мексиканец снова улыбнулся, продолжая помахивать руками в доказательство своей безобидности, и склонился, чтобы поднять незадачливого дружка с пола.

– Убей его! – завопил кто-то.

– Не двигаться! Черт тебя дери, не двигаться! – кричал Тревитт.

Парочка попятилась к двери.

– Убей их! Пристрели обоих!

Над темным смазанным пятном пистолета белело лицо мексиканца. Их разделяло не более пяти футов. Поверх белой рубахи на нем был грязный полотняный пиджак. Ему не мешало бы побриться. На шее просвечивали вены. Один зуб во рту потемнел.

– Убей их! Убей! – послышалась команда. – Стреляй!

– Ни с места, – приказал Тревитт. – Черт побери, я буду...

Он выстрелил – в потолок, – чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений. Мексиканец лишь оцепенело посмотрел на него – ему тоже было страшно, Тревитт видел это по его расширенным зрачкам, по безумной ухмылке, в которую растягивались губы, – но все так же продолжал толкать своего раненого товарища к двери. Пока не добрался до нее.

Тревитт держал фигурки беглецов на мушке, пока те трусили по склону холма и ко входу в переулок. Он так и не принял решения не стрелять. Возможность пустить в ход оружие до сих пор не была сброшена со счетов. И все-таки он не смог выстрелить. Они скрылись.

– Ы-ыыы! – взвыл обезумевший толстый мексиканец, вывернувшись из кресла, хотя руки и ноги у него были связаны, и заскакал по комнате, словно жаба. – Почему ты не

убил их, Матерь Божья, ты ведь держал их на мушке, почему ты не выстрелил прямо им в морду?

– Я подстрелил одного, – возразил Тревитт.

– Зря ты не убил этих козлов, – сказал Мигель.

– Ну... – пустился было в объяснения Тревитт.

Но тут его взгляд остановился на женщине.

Лужа крови, густой и темной, в которой она лежала, почти пропитала ее одежду до розового цвета. Так много? Он был поражен.

Женщина валялась, как тряпичная кукла. Чудовищно, совершенно мертвая, мертвее не представить. А ведь она была абсолютно ни при чем, случайно попала под руку, но мокла в луже собственной крови, отчего Тревитта кольнула смутная ассоциация с менструацией. Женщина лежала лицом в кровавом море, на боку, и одна ноздря находилась ниже уровня жидкости. Глаза, к счастью, оказались закрыты. Рана на горле уже перестала кровоточить и была чистой. Рот был приоткрыт так, что виднелись зубы и язык. Платье задралось до талии, обнажая бугристые от целлюлита бедра и покрытые густой растительностью голени и лодыжки. Тревитт, все еще сжимая в руке свою «беретту», смотрел на эту картину, как замороженный.

– Матерь Божья, – по-испански проговорил толстяк, – вы слышали, как она вопила? Она бы мертвого подняла.

Кто-то уже успел его развязать, он потирал ободранные запястья. Лицо опухло от побоев.

– Да уж, голосок у нее был дай боже, – хихикнул он вдруг. – Старая Мадонна не умолкала до самого конца. Старая образина. Матерь Божья. Господи.

Он снова залился смехом.

– Эх, мистер, как же это вы не застрелили тех двух ублюдков? Теперь хлопот не оберешься. Не думаю, чтобы вы с вашей игрушкой наделали много вреда. Один, конечно, будет теперь маяться животом, но они вернутся обратно. Если уж у вас есть преимущество в таком деле, всегда нужно им пользоваться. Это нелегко, но приходится быть сильным, если хочешь, чтобы люди тебя уважали.

Тревитта вырвало недавно съеденной куриной тортильей и ромом – прямо на себя, на свой желтый кримпленовый костюм, на мокасины с кисточками, на «беретту». Он упал на колени, сломленный и беспомощный перед лицом такого предательства со стороны собственного желудка, а тошнота все не унималась, его все рвало и рвало.

– Эй, что это с ним? – удивился Рамирес.

– Не знаю, patron, – пожал плечами Роберто. – Может, живот прихватило.

– Ну и безобразие же вы тут устроили, мистер. Запашок тут будет стоять – не приведи господи.

– О боже, – простонал Тревитт.

Неужели никто его не утешит? Нет. Он снял пиджак и утер лицо и руки относительно чистым участком рукава, потом отбросил его в угол.

– Лучше обратиться отсюда, patron, – сказал Роберто.

– Кто вообще такой этот психованный американец?

– Да просто появился откуда-то однажды вечером. Вопросы задавал. Дружка у него убили. В вашем заведении. Оно теперь перешло к Оскару. Он меня уволил. Всех поувольнял, кто при вас работал. Большим человеком стал.

– Вот увидишь, в один прекрасный день он у меня окажется под забором.

– Нельзя ли заткнуться? – в праведном негодовании рявкнул Тревигг по-английски. – Просто заткнуться?

Рамирес взглянул на дрожащего американца, потом на Мигеля.

– Что это за парнишка? – поинтересовался он.

– Какой-то сопляк, таскается за американцем.

– Надо уносить ноги, – подал голос Мигель.

– По крайней мере, голова на плечах у него есть, – заметил Рамирес. – Ты на машине, Роберто?

– Да, patron. Мы приехали с гринго. Как вы себе чувствуете?

– Эти гады превратили мое лицо в лепешку. И грудь горит. Хотя Мадонне пришлось хуже. Господи, – обратился он к трупам, – старая образина, ты спасла мне жизнь.

Он снова обернулся к Роберто.

– В жизни своей не видел такой уродины. Фу! Страшилище.

Роберто отвел Тревигга в машину. Тот, как в тумане, усел-

ся на заднее сиденье. Пистолет до сих пор был у него в руке.

– Заберите-ка кто-нибудь у него оружие, – распорядился Рамирес, – пока этот американец не пристрелил еще кого-нибудь.

«Беретту» вытащили у Тревитта из пальцев.

Все уселись, и Роберто повел машину по извилистой горной дороге. Дважды он врезался в мусорный бачок, один раз задавил курицу и еще несколько раз едва разминулся с какими-то ребятами.

– Куда? – спросил Роберто.

– Спрашивай у своего американского патрона, у американского босса, – сказал Рамирес.

– Ох, боже мой, – отозвался Тревитт, в голове у которого творился слишком большой сумбур, чтобы утруждать себя испанским. – Езжайте вы куда хотите.

Глава 29

Йост Вер Стиг поймает Улу Бега в Дейтоне и станет героем. Йост! Майлзу невыносимо было видеть его в героическом свете – да и в каком бы то ни было свете вообще.

Ирландец все растравлял и растравлял свое недовольство, и из крохотной искорки разгорелось грозное пламя, неиссякаемый источник энергии. Он возненавидел их всех: Йоста с его закадычным дружкой Сэмом, однокашников по Гарварду, прикрывающих друг друга и помогающих друг другу, в то время как до него, Ланахана, им не было никакого дела, и Чарди, сделанного из совершенно другого теста, спортсмена, воплощенную горячность, гнев и силу, который даже не замечал хлюпика Майлза, полностью поглощенный самолюбованием и восхищением собственным героизмом.

Майлз возненавидел их, но у этого поворота событий, как ни забавно, имелись свои преимущества. Во-первых, просто поразительно, насколько полностью Йост отдался Дейтонской операции. Малейшая оплошность грозила привести к громкому провалу, и тогда прощай, Йост, даже твой Сэм ничем тебе не поможет. Во-вторых, в отсутствии Йоста была положительная сторона: Майлз вкусил ответственности. В штабе в Рослине теперь отчитывались перед ним. Это явно пришлось им не по вкусу, и все ходили хмурыми. Даже Чарди. Но Майлзу было все равно, что там им по вкусу.

К примеру, кудесник из техотдела, который прилетел из Бостона с отчетом о результатах наблюдения за Джоанной, был изумлен тем, что Вер Стига нет на месте. В данный момент он сидел в кабинете и неприятно поглядывал на Майлза, пока тот просматривал расшифровку записей.

– Я отметил потенциально важные места, – сообщил кудесник.

– Прекрасно, – рассеянно бросил Ланахан.

Разговоры этой парочки были такими нудными, такими банальными. Он попытался мысленно воспроизвести их.

Чарди: Я скучаю по тебе.

Джоанна: Ах, Пол, ну почему ты не можешь остаться?

Но у него не получалось вдохнуть в эти диалоги жизнь. Они выходили за рамки возможностей его воображения, за границы его интересов.

– Она не водит его за нос? Не сливает информацию на сторону?

– Не-а, – отозвался кудесник. – Если и сливает, то не по телефону. Загляни-ка в отчет за двадцать шестое мая.

Ланахан отыскал нужную страницу.

– Что это за хрен?

– Хахаль. Бывший хахаль.

Майлз погрузился в чтение.

«– Кто-то говорил мне, что тебя видели с мужчиной. Дважды. В двух разных местах, на выходных.

- Да. Это мой старый друг.
- Вы держались за руки.
- Да.
- Джоанна, ты что, влюблена в него?
- Думаю, да.
- Это тот самый парень, о котором ты никогда мне не рассказывала? С которым познакомилась за границей, когда была в Иране? Тайный агент?
- Дэвид, мне нужно уходить.
- Джоанна, я просто хочу убедиться, что у тебя все в порядке. У тебя все в порядке?
- Да, Дэвид.
- Ну и хорошо. Я рад. Я действительно рад, что этот парень вывел тебя из твоей хандры.
- Спасибо, Дэвид.
- Если тебе когда-нибудь захочется поговорить, поболтать, перемолвиться с кем-нибудь словечком, если тебе когда-нибудь станет одиноко или не с кем сходить в кино, ты знаешь, где меня найти. Договорились?
- Договорились.
- Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Правда.
- Спасибо тебе, Дэвид.
- Не за что. Пока».

Ланахан улыбнулся. Этот Дэвид не прочь бы убрать Чарди с дороги и занять его место в ее постели, вот что.

«Я просто хочу, чтобы ты была счастлива».

Майлз снова покачал головой.

В свои двадцать восемь он был циничным, как римская

шлюха. По его мнению, все поступки люди совершали, исключительно руководствуясь двумя побуждениями: какую выгоду из этого я могу получить для себя лично и что я могу помешать получить тебе.

– Значит, она вне подозрений? Так?

Кудесник немедленно пошел на попятный. Это был уже немолодой человек, достигший своего предела, застрявший в техотделе. Он ничего больше в жизни своей не видел и не увидит. Он сглотнул: от настойчивости Ланахана ему было немного не по себе.

– Я просто записываю телефонные разговоры, – сказал он. – Никаких оценок им я не даю. Это задача аналитиков.

– Но ты же старый профи, Фил, – возразил Майлз. Вроде бы кудесника звали Фил. – Ты знаешь жизнь. Между нами. Она вне подозрений? Скажи. Только для меня.

– Ты ведь не записываешь наш с тобой разговор, а? – попытался пошутить кудесник.

Ланахан рассмеялся. Однако в каком-то смысле он записывал этот разговор, пусть даже только мотал его себе на ус на всякий случай – вдруг пригодится в будущем.

– Ну что ты, Фил.

– У нас утечка, Майлз. Но женщина тут ни при чем. Или же она замешана в какой-то операции, которая ее использует втемную.

Он выдавил еще одну улыбку, но Ланахан никак не ответил на нее, отметив грамматическую ошибку, допущенную

его собеседником от волнения. Майлз решил, что Фил только что продемонстрировал свои истинные корни.

«Из работяг, как и я. Только он там и остался, а я выбрался».

– А что с наружным наблюдением?

– Так сняли же. Он уже давно распорядился. Мистер Вер Стиг.

– Он хотел, чтобы все вместе с ним перекочевали в Дейтон, – сказал Ланахан.

– Раз в три-четыре ночи я заезжаю к ее дому и забираю записи. Потом отдаю девочкам на расшифровку.

– Выходит, мы получаем сведения с задержкой в три-четыре дня?

– Да, Майлз. Это он так распорядился.

– Он чует курда в Дейтоне, – сказал Ланахан. – Спит и видит, как станет заместителем директора.

Он дежурно пробежал глазами расшифровку, но ничего необычного не заметил.

– Ну ладно, хорошо...

Он вдруг запнулся. Потом вчитался еще раз, внимательно.

Черт побери!

– Видишь вот это?

– А?

Кудесник со всех ног бросился к нему, переполошившись, что прозевал что-то важное.

– Ах, это, – с облегчением проговорил он, – ну конечно, я это видел.

Ему нужно было непременно заявить об этом.

– Но ничего предосудительного не усмотрел. – Он рассмеялся. – Ну подумаешь, племяннику Чарди из Мексики понадобились деньги. Это не показалось мне...

– Да, ты прав. – Ланахан всегда умел лгать, не вызывая подозрений. – Послушай, я еще несколько минут почитаю это, ладно?

– Конечно, Майлз.

Кудесник вышел.

Ланахан откинулся на спинку стула, торжествуя, победу. Им овладело чудовищное возбуждение.

Что делать дальше?

Рассказать Вер Стигу?

Нет, к черту Вер Стига. Рассказать Мелмену? Отправиться напрямик к Мелмену, тайному вдохновителю всей операции? Может, и правда пойти прямо к Сэму, который уже благоволит Майлзу? У него внезапно разыгралось воображение. Вот его пропуск на следующую ступень! Наверх, наверх! На краткий миг он увидел себя заместителем директора к тридцати годам. К тридцати! Самый молодой заместитель директора в истории, на семь лет младше самого молодого из предыдущих (он как-то раз проверял) и единственный католик, которому удалось достичь таких высот. Эта картина ему понравилась. Он любовался ею, рассматривал со всех сто-

рон, смаковал оттенки. Вообще-то Ланахан не был склонен предаваться мечтаниям, разве что на тему собственной карьеры, тайный ритм и очертания которой он обожал. В этих мечтах он виделся себе облеченным властью, авторитетом, уважением.

Он снял трубку защищенного от прослушивания телефона, чтобы позвонить Мелмену.

– Оперативный директорат.

– Канцелярию замдиректора, пожалуйста.

– Секундочку.

– Канцелярия замдиректора.

– Это Майлз Ланахан. Его высокопреосвященство свободен?

– Он на другой линии. Можете подождать?

– Да, могу.

Секретарша Мелмена смутно вспоминалась ему, как строгая одинокая дама.

В мертвой тишине, которая воцарилась в трубке, он еще раз проговорил все про себя.

Тревитт жив и находится в Мексике. Чарди руководит им?

Что за чертовщина творится? Во-первых, это стало для него неожиданностью. Чарди пошел на такие ухищрения? Чарди, угрюмый, вспыльчивый спортсмен, ковбой, однолюб? Что он задумал? Что это за игра?

Эта мысль не давала Ланахану покоя.

Неужели Чарди работает в одиночку? Или у него есть тай-

ные связи, контакты, каналы? Или этот разговор был совершенно невинен?

Не бывает ничего невинного. Никогда.

Может, Тревитт подставил Спейта?

Может, Чарди работает на русских?

Эта идея совсем не показалась ему омерзительной, напротив, она воодушевила его. Она наполнила его удивлением и изумлением, почти трепетом. Господи, неужели ему так повезло! Это же золотое дно! Парень, который прищучил Филби,³⁹ обеспечил себя бесплатными обедами на многие годы вперед!

Майлз принялся обдумывать эту возможность. Чарди пробыл в руках русских неделю, и они разделали его под орех. Они раскололи его, вывернули наизнанку, отчет Мелмена недвусмысленно давал это понять. А потом управление вышвырнуло его на улицу.

Возможно, все семь долгих лет изгнания он копил на них обиду и злость. Вероятно, он возненавидел тех, кто бросил его томиться в той камере в Багдаде, отдал русским на расправу. А чего он хотел – чтобы ради одного человека на тюрьму устроили авианалет? Он просто не желал смотреть на мир трезво – ковбои нередко этим грешат. Но за время изгнания он, ослепленный своей обидой, возненавидел

³⁹ Филби Ким (Харольд Адриан Рассел), 1912–1988, советский разведчик с 1934 года. В Великую Отечественную войну выполнял задания в США и Великобритании. После войны был представителем британской разведки в ЦРУ США. С 1963 года работал в аппарате КГБ СССР. (Прим. ред.)

бывших коллег. Ланахан вполне понимал психологическую подоплеку: он тоже был в управлении чужой, с репутацией мрачного церковника, богомольца и святоши, низкорослый, прыщавый, унылый и несимпатичный, и патриции, управлявшие конторой, вечно взирали на него со своих высот с отвращением. Ланахан с легкостью мог представить себе, как Чарди, среди малолеток, в той унылой школе, окруженный символами веры, которая не поддержала его в трудную минуту, постепенно ожесточается все больше и больше, пока единственным возможным образом действий для него не становится измена, предательство...

И вдруг Ланахана осенило, он понял, что это за игра: русские подбрасывают Чарди курда, и тот его обезвреживает. Он снова становится героем, возвращается из небытия, опять входит в круг избранных, он вновь возвышается. А русские получают то, чего всегда хотели, но никогда не могли добиться: своего человека на высоком посту в управлении.

Сердце у Ланахана глухо забилося.

– Мелмен.

– Э-э. О Сэм.

– Да, что случилось, Майлз?

Голос у Мелмена был бодрый и энергичный, и его внезапность сбила Ланахана с мысли.

– Э-э... – промямлил он, – Сэм, до вас дошли отчеты о мерах безопасности по Бостону?

– Да, дошли. Как раз сегодня утром.

– Я просто проверял. Не был уверен, что Йост передал их вам перед отъездом.

– Да, все здесь. По-моему, неплохо.

– Из Дейтона что-нибудь сообщают?

– У них есть сообщения о том, что его видели в нескольких местах. Сведения, которые я получаю, внушают оптимизм. Они оцепили автовокзалы, железнодорожные станции, все под контролем.

– Хорошо.

– Кстати, как себя ведет Чарди?

«Скажи ему», – приказал он себе.

– Много жалуется. Хотел поехать в Дейтон.

– Это в его духе.

– Он торчит рядом с Данцигом, как вы и хотели.

– Хорошо. Там ему самое место.

– Я позабочусь, чтобы он там и оставался.

– Ты приглядываешь за делами в Бостоне?

– Да, сэр. Это только на выходные. Сюда в пятницу вечером, обратно в воскресенье утром. Ничего страшного. Я заручился поддержкой Бостонской полиции, нанял частных охранников. Все, кто имеет отношение к делу, с нами заодно.

– Звучит неплохо, Майлз. Уверен, ты прекрасно справишься.

– Спасибо, Сэм, – поблагодарил Ланахан.

«Скажи ему. Скажи».

– Еще что-нибудь?

– Нет...

Связь прервалась.

И почему он молчал, как рыба?

Он не располагал достаточным количеством фактов. Но в таких тонких делах, как это, фактов никогда не бывает достаточно.

Потому что даже сейчас он не мог поверить в то, что Чарди способен на такую изворотливость?

Возможно.

Потому что что-то было не так? Где-то в глубине души Ланахан был озадачен. Что-то было не так, а он понятия не имел, что с этим делать.

Глава 30

Чарди понимал, что не стоит этого делать, и все же не смог удержаться. Он был так близко, а Данциг благоразумно торчал в своем номере в «Рице», дрых на кремовых простынях. И он сказал Джоанне, что попытается. Таксист улыбнулся, когда он назвал Кембридж. И вот теперь, став на восемь долларов беднее, Чарди шагал по дорожке к громоздкому старому дому. Он позвонил у входа в подъезд, взлетел по темной лестнице, пронесся по коридору старинного дома, не забываясь о том, что безбожно топчет, и увидел, что дверь ее квартиры открыта.

– Ты все-таки пришел! – воскликнула она.

– Даже Данциг иногда спит. Завтра у него напряженный день. Вот он и улегся пораньше.

Он обнял ее, и они поцеловались на пороге.

– Я так рада.

– Господи, я страшно запыхался, Джоанна, я совсем старый. Только посмотрите на меня, я старик, такая пробежка мне уже не под силу.

Чарди вошел в квартиру.

Джоанна работала над текстом за пишущей машинкой, где были собраны книги и листы рукописи. Он подошел к холодильнику, вытащил банку пива и вскрыл ее. Жадно выпив половину, он оторвался от банки, чтобы скинуть пиджак и

бросить его на диван.

– У тебя пистолет?

– Они хотят, чтобы он у меня был. Как ты, Джоанна? Я вижу, ты работала? Продвинулась вперед? Я хочу прочитать твою книгу. Уверен, она хороша. Вот увидишь, ты заработаешь не одну премию. Давай посидим и поболтаем, как будто мы уже пятнадцать лет женаты и успели надоесть друг другу хуже горькой редьки. Иди сюда, расскажи мне все. Все, что у тебя накопилось. Сегодня...

– Пол, этот пистолет действует мне на нервы.

Он вдруг понял, что она расстроена. Поначалу он не заметил этого: его переполняла радость от встречи с ней.

– Прости. Я не подумал, что он действует тебе на нервы. Давай я брошу его где-нибудь.

– Пол, я имею в виду не пистолет как таковой. Я не боюсь пистолетов. Пол, дело в этом пистолете. Он предназначен для того, чтобы застрелить его.

– Джоанна, это оружие, выданное на время операции по обеспечению безопасности, которую проводит управление. Они хотят, чтобы я носил его, они ждут, что я буду его носить. Вот и все. Ничего не изменилось.

– Пол. Ты собирался помочь. Ты сказал, что твоя верность принадлежит...

– Я участвую в охране. Они ожидают, что я буду носить пистолет. Они ожидают, что я защищу Данцига от Улу Бега. Если они поймут, что я не хочу этого делать, я стану для них

бесполезен. От меня избавятся, и я ничего не смогу.

– Он вызывает у меня отвращение. Сними его... спрячь куда-нибудь. Я не желаю на него смотреть.

– Да, конечно.

Он выпутался из замысловатой портупей, упряжи из резинок, ремней и кнопок, всей этой хитроумной снасти, окружающей и поддерживающей пистолет, и комком затолкал громоздкое снаряжение под пиджак.

– Так лучше?

– Да....

– Ведь нет. Я же вижу.

– Нет, не лучше.

– Прости. Что случилось?

– Все безнадежно, так ведь? Мы просто притворяемся? Дело зашло слишком далеко, мы ничего не можем сде...

– Нет. – Он подошел к ней и стиснул ее плечи. – Нет, у нас все получится. Просто нам необходимо, чтобы он сделал первый шаг. Мне нужна возможность достучаться до него. Если я смогу поговорить с ним, убедить его, объяснить все, тогда я смогу пойти к ним. Я смогу уговорить их помочь мне заключить соглашение. Я пойду к этому чертову Мелмену, я приползу к нему на брюхе, если это будет нужно.

– Пока что у нас еще ничего не получилось. Мы просто сидим сложа руки.

– Они считают, что он на Среднем Западе. По их мнению, кто-то украл у него деньги. Я уже неделю пытаюсь убедить

их послать меня туда.

– Значит, они сжимают вокруг него кольцо, а мы сидим здесь сложа руки. Занимаемся говорильней.

– Я потороплю события, клянусь. Пойду к Мелмену в понедельник, как только мы вернемся. Расскажу ему все. Я... Я просто не могу предложить ничего другого, Джоанна. У меня нет ничего другого.

– Почему-то все идет не так. Они смыкают кольцо, ты торчишь с Джозефом Данцигом в тысяче миль отсюда, я сижу над книгой, которую никак не могу закончить, которая никак не пишется, и мы... от нас просто ничего не зависит. Ничего не получается.

– Джоанна, пожалуйста, не говори так. Все отлично получается. Я зарабатываю их симпатию, зарабатываю какое-то влияние. Ты просто ждешь. Они не поймают Улу Бега в Дейтоне. Он слишком умен. Черт побери, я сам его учил. С ним ничего не случится. Джоанна, я считаю, что в ближайший месяц он появится здесь. Я знаю, что он свяжется с тобой. Или с кем-нибудь, кто тебя знает. Он все тщательно обдумает, он будет очень осторожен. Джоанна, у нас все получится, клянусь, что получится.

– Прости, Пол. Сегодня я ходила к реке прогуляться. Из-за деревьев вылетел вертолет, из тех, что следят за обстановкой на дорогах. Он напугал меня – очень напугал. Я же говорила тебе, что немного психованная. О господи, Пол, мне порой бывает так страшно.

– Ясно, ясно, я понял. Я понял.

Но она уже плакала.

– Ты никогда не видел меня в таком состоянии, Пол. Но я, бывает, хандрю целыми днями.

– Джоанна, пожалуйста. Прощу тебя.

Он пытался успокоить ее.

– Мы ничего не делаем, – упорствовала она. – Мы просто сидим сложа руки. Все разваливается на части. Все без толку.

– Пожалуйста, не говори так. Толк есть. Мы справимся.

– Ох, Пол. С тех пор как я вернулась, я сама не своя. У меня внутри все темно.

– Джоанна, пожалуйста.

Его ужасало, что он никак не может достучаться до нее, что она замкнулась в себе.

– Послушай, – сказал он, – может, это тебя утешит. Думаю, завтра вечером мне удастся заскочить к тебе. Данциг дает какой-то прием кварталах в пяти отсюда, на Готорн-стрит. Приглашены его старые знакомые по факультету. Этот прием не отмечен ни в каких его маршрутах. Я думаю, что смогу улизнуть часиков в одиннадцать. Это тебя утешит? А в понедельник я пойду к Сэму. Черт, я дойду до самого директора центральной разведки! Я добьюсь, чтобы все изменилось. Добьюсь, чтобы все оружие было убрано. Мы придем к какому-то соглашению, клянусь.

– Ох, Пол.

Она все еще плакала.

– Это тебя утешит?

Она кивнула.

– Вот так, – сказал он. – Давай я обниму тебя. Ладно? Вот так. Мы справимся. Клянусь, что справимся.

Он ощутил тепло ее тела и подумал, что любит ее так сильно, что хочется умереть.

* * *

Она не знала точно, когда он ушел; она задремала, и он не стал ее будить. Когда она наконец проснулась, было около пяти; он укрыл ее одеялом.

Телевизор все еще работал, и она узнала фильм – «Светлое Рождество» с Бингом Кросби и Дэнни Кэйи. На экране бывшие солдаты встречались после разлуки в каком-то вермонтском отеле, принадлежащем генералу. И кому только взбрела в голову дурацкая идея показать это кино в Бостоне в разгар весны?

Но у Джоанны не было сил выключить телевизор. Она чувствовала себя совершенно разбитой, ее лихорадило. У нее не было желания даже шевелиться, и она снова усомнилась в своей силе, в своем рассудке. Она попыталась переключить внимание на «Светлое Рождество»: Дэнни Кэйи носился, как умалишенный, Бинг стоял столбом и пел. А это что за женщины? Розмари Клуни? Что случилось с Розмари

Клуни? Вера-Эллен. А какая у Веры-Эллен фамилия? Эллен? Миссис Эллен?

Давным-давно Джоанна смотрела этот фильм на большом экране; теперь она это вспомнила. В кинотеатре работал кондиционер. Фильм был цветной. Она смотрела его со старшей сестрой Мириам, потом погибшей в автомобильной аварии, и братом Тимом, который стал адвокатом и жил теперь в Сент-Луисе. Это было сто лет назад, в другую эпоху, в допотопные пятидесятые.

Она помнила тот день с беспощадной четкостью и не испытывала желания что-то додумывать, создавать мифы. Мириам была очень хорошенькая и веселая, но бросила их, Джоанну с Тимом, одних, а сама улизнула куда-то с очередным дружком, с которым мама с папой запрещали ей встречаться. Мириам была плохая девчонка. Она была вертихвостка. С ней не было никакого сладу. На уме у нее были одни мальчишки. Вокруг нее постоянно вились тучи поклонников, мамина вечная головная боль. Она то и дело влипаала в какие-то неприятности. Она была красивая, веселая и бедовая, и когда на первом курсе в колледже Вассар она разбилась в автомобиле вместе с каким-то футболистом из Йеля (он остался жив), никто не удивился. Джоанна помнила чью-то брошенную шепотком фразу, что Мириам якобы получила по заслугам. Она была плохой девчонкой. Она получила по заслугам.

Джоанна снова заплакала. Она оплакивала Мириам, о ко-

торой сознательно не вспоминала долгие годы. Бедная Мириам. Она была такая веселая и такая хорошенькая, а Джоанна поняла, что сказать тем, кто утверждал, будто ее сестра получила по заслугам, только когда ей было уже за двадцать. Надо было сказать им: катитесь к черту. Мириам заслуживала всего на свете. Она была веселая, красивая и хорошая. Мириам была хорошая. Самая лучшая.

«А я плохая, – подумала Джоанна. – Это я – плохая».

Она чуть пошевелилась, придавленная огромной усталостью. Там сидел Пол. Мужчина, которого она любит. Она готова была отдать ему всю себя. Ради него она согласилась бы на все, на все, что угодно. Она любила его бледное, не тронутое загаром тело, тело католика, чуть подернутое слоем жирка, под которым дремала огромная сила. Это было большое, нескладное, волосатое тело (у Пола волосы росли повсюду), израненное и покрытое шрамами тело. Но она любила его. Ему недоставало лоска, и она любила его и за это тоже.

Всю жизнь ее окружали лощеные мужчины, и теперь она их ненавидела. Умные, искушенные, ловкие, хитрые бестии. Интеллектуалы, гении, виртуозы. Большие ученые, хищные адвокаты, эгоистичные доктора. Ей осточертели лощеные, интересные мужчины, не ведающие, что такое мужество. Все беды мира происходили от лощеных, интересных мужчин, не ведающих, что такое мужество, и обожающих слушать самих себя. Все они были как дети. Это они были настоящими виновниками всех бед этого мира.

Джоанна протянула руку и коснулась смятой обивки в том месте, где он сидел. Тепло даже не угадывалось. Должно быть, он ушел уже давно. Ее пальцы погладили материал, она села, покачала головой и потянулась за мятым номером «Глоуб», который валялся на кофейном столике. Чарди даже задел его ногой. Она снова взяла газету в руки, как брала уже тысячу раз, и раскрыла на странице городских новостей.

«ОГОНЬ УНИЧТОЖИЛ РЕСТОРАН
БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ КУХНИ»

В заметке будничным тоном ежедневной прессы повествовалось о том, что причиной пожара на Шомут-авеню, в котором дотла сгорел ресторан «Багдад», полиция считает поджог.

«В полдень второго дня после пожара вы встретитесь с ним напротив ресторана», – было сказано ей.

Подобная договоренность именовалась техническим термином «контакт вслепую», и это был самый надежный, самый верный метод: не нужно было ни телефонного звонка, ни ящичков для невостребованных писем, никаких сообщений по почте, вообще ничего. Предназначался он для действий на вражеской территории.

Завтра, завтра в полдень. Она встретится с Улу Бегом. Здесь, в Бостоне, за десять тысяч миль от гор. И в тот же вечер Джозеф Данциг окажется всего в пяти кварталах отсюда и без охраны.

Только что она выманила оттуда Чарди. Сделала половину

невозможного. Если теперь ей удастся протащить туда Улу Бега, она сделает вторую половину.

* * *

Она стала совсем не такой, какой он ее помнил: тогда она была юной и крепкой, живой, сильной и деятельной, частью Джарди, но в очень многом ничьей частью.

Сейчас, в автомобиле, рядом с ним сидела издерганная, полноватая, бледная женщина с пересохшими губами.

– Твое путешествие... было опасно? – спросила она.

– Кто-то украл у меня деньги.

– И несмотря на это, ты добрался сюда намного быстрее.

– Меня привезла одна замечательная женщина. Замечательная черная женщина.

– На границе произошла стычка.

– Что? А, да.

– Они знают, что ты здесь. И догадались зачем.

Они ехали по залитым ярким солнцем нарядным бостонским улицам. Здесь все было сделано из дерева. Так много дерева, дерево в изобилии. Дерево и автомобили. Америка.

– Как? – спросил он наконец.

– По пулям от твоего пистолета. Они проследили их связь с событиями семьдесят пятого года.

Он кивнул. Ну конечно.

– Надо было тебе взять другой пистолет.

Да, надо было. Но они ведь настояли на этом, разве не так? Только этот пистолет, и никакой другой. Это они дали ему этот пистолет. Его пистолет.

– Не важно, – сказала она. – Они убеждены, что ты до сих пор в Огайо. Там они тебя и разыскивают. Нам представился немыслимый шанс. Другого такого же у нас никогда не будет. Ты сказал бы, что так предначертано свыше.

Она рассказала ему о Данциге и о приеме, который должен был состояться вечером, сегодня вечером. Она рассказала ему, как легкомысленно они будут настроены, поскольку прием закрытый, для своих. Она рассказала ему, как раздобыла университетский телефонный справочник для внутреннего пользования и отыскала в нем адрес одного из бывших факультетских коллег Данцига, который жил на Готорн-стрит. Сегодня вечером она может отвезти его туда и показать дом. Она рассказала ему, что единственного человека, который может узнать его, там не будет.

– Кто он?

– Чарди.

Лицо курда не дрогнуло. Это было во многих отношениях примечательное лицо; крупный нос, похожий на клюв, широкие выдающиеся скулы. Глаза у него были пронзительно-синие, маленькие и горящие. В горах он носил усы, пышные и висячие, но теперь был гладко выбрит. Он был очень похож на американца. По-настоящему похож. Ее поразило, насколько по-американски он выглядел в своих голубых

джинсах, с рюкзаком на спине, высокий и крепкий мужчина, ни дать ни взять аспирант спортивного телосложения, искатель приключений, человек, проводящий много времени на свежем воздухе, стопроцентный тридцатипятилетний американец, каких полно на каждой улице – подтянутых, худощавых бегунов, людей с рюкзаками за спиной, профессиональных отпускников.

– Ты опять его женщина?

– Похоже на то.

– Значит, он с нами?

– Нет. Он ничего не знает. Он снова появился в моей жизни из-за всего этого. Я сразу поняла, что должна снова с ним сблизиться. Через него я могла узнавать важную информацию и убедить важных людей, что я безобидна.

– Но ты с ним?

– Это не важно.

– С ним?

– Да. Он тоже стал другим. С ним обошлись очень круто. Его же собственные друзья. А русские страшно его пытали. Жгли спину сварочной горелкой. Он очень страдал и ожесточился. Он уже совсем не тот Чарди, каким был когда-то.

– Он снова работает на них?

– Да.

– Никогда мне не понять американцев.

– И мне тоже.

– Ты предашь его.

– Да. Я думала об этом. Я предам его. Политика превыше личного. Но я ставлю одно условие. Это очень важно для меня.

– Говори.

– Там будут другие люди. Люди из университета. Они ни в чем не виноваты. Ты должен поклясться, что не причинишь им зла. Убить Данцига – совершить правосудие. Убить этих других – совершить убийство. Я не могу совершить убийство. Слишком много убийств совершилось на моих глазах.

– Ох уж эти американцы, – покачал головой Улу Бег. – Вы воюете, но не хотите, чтобы были убитые. А если они есть, вы не хотите их ни видеть, ни знать о них.

– Пожалуйста. Поклянись. Поклянись, как поклялся бы великий курдский воин.

– Я могу поклясться лишь в том, в чем могу. Но что предначертано, то предначертано.

– Все равно. Клянись. Или я не стану помогать. Тогда ты будешь действовать в одиночку. А мы оба давным-давно поняли, что в одиночку у тебя почти нет надежды.

Он взглянул на нее. Она что, с ума сошла? Теперь он это видел: она ненормальная, она не ведает, что говорит. Кто может сдержать слово под пулями?

– Поклянись в этом. Пожалуйста.

– Клянусь глазами, – сказал он.

– Хорошо.

Через несколько минут они въехали на стоянку.

– Держи. – Она передала ему ключ. – Это мотель. Я сняла тебе номер в дальнем конце. Иди туда и никуда не выходи. Приведи себя в порядок. В номере найдешь одежду, американскую одежду. Надеюсь, она придется тебе впору. В десять я за тобой заеду. Он сказал, что будет у меня в одиннадцать. Мы подождем, пока не убедимся, что он ушел. Потом я помогу. Я помогу тебе проникнуть внутрь. И с тем, другим делом тоже помогу.

Она порылась в сумочке.

В руке у нее появился маленький дешевый револьвер.

– Я купила его в городе.

– У меня есть оружие. Я не хочу, чтобы ты разгуливала там с пистолетом.

Он собрался выйти из машины, но она коснулась его локтя.

– Я рада, что ты приехал. Рада, что все это почти закончилось.

– Kurdistan ya naman, – ответил он.

Глава 31

С Данцигом остались только Чарди и Акли, охранник. Они безмолвно стояли в углу гостиной в своих мешковатых костюмах. Ланахан ходил где-то, изображал из себя Наполеона, а частные детективы, нанятые ЦРУ, не сопровождали Данцига из телестудии.

Вокруг мельтешили эффектные люди, оживленные и блестящие, а в центре всего восседал Джо Данциг. На самом деле, ни разу еще за все время их краткого сотрудничества Чарди не видел его таким: на лбу и над верхней губой блестяла испарина, а полупустой стакан с виски он держал почти как скипетр. Здесь он знал всех и каждого – ну или почти всех – и позволил себе снять пиджак и распуścić галстук и воротничок – картина забавная, если учесть, что политик так и оставался в жилете.

К нему подходили, кто помладше – с почтением, кто постарше – запросто. Чарди с удивлением отметил, сколько вокруг молодежи. Ему казалось, молодежь ненавидит Данцига, вдохновителя бомбежек Вьетнама; но нет, все оказалось отнюдь не так, во всяком случае в отношении этой молодежи. Данциг с интересом слушал и вознаграждал наиболее отличившихся улыбкой или кивком, что чрезвычайно им льстило.

И женщины – женщин тянуло к этому нелепому, взьеро-

шенному толстяку точно магнитом. Они роились вокруг него, теснясь и толкаясь. Даже в этом искусственном обществе? Чарди и не представлял себе, что значит попасть на телевидение, стать знаменитостью.

– А его любят, верно? – сказал он Акли.

– Это точно, сэр, – отозвался тот.

В зале былолюдно, пестро и жарко. Он был не столько обставлен, сколько оборудован – звуковой аппаратурой космического вида, цветами и книгами. Кто-то здесь явно любил книги: они занимали три стены от пола до потолка, а четвертая была из неоштукатуренного кирпича. На потолке крепились маленькие прожекторы в стальной оправе, отбрасывающие яркие круги света на японские гравюры и прихотливые полотна в стиле модерн. Все здесь было как в музее; кто-то потратил немало денег, чтобы превратить эту гостиную в музей.

У Чарди начинала побаливать голова, а шум и табачный дым только усиливали боль. Похоже, Данциг собрался просидеть здесь всю ночь – до самого рассвета, с этой толпой интеллектуалов.

Не все, но большинство, большинство здесь выглядели одинаково: высокий бледный лоб, очки, прикрывающие потухшие глаза, тонкие запястья. Здесь у всех были слабые руки и больной вид. Забавно: после службы в морской пехоте Чарди всегда узнавал униформу с первого взгляда, и здесь перед ним была униформа – замшевые туфли, мешковатые

брюки из твида и клетчатые рубахи, кое на ком чуть кричащего цвета галстук. Все пили вино и говорили взахлеб, размахивая сигаретами без фильтра. Мимо проплыла какая-то женщина в трико и колготках, с сигарой во рту. На лице у нее застыло слегка безумное выражение; накрашена она была как древнеегипетская богиня.

Чарди взглянул на часы. Было двадцать минут двенадцатого.

– Сержант, ты не видел Ланахана?

– Нет, сэр, – отчеканил Акли.

Чарди принялся вглядываться в толпу и наконец заметил Майлза – тот в одиночестве сидел в углу. Он снова обратился к напарнику.

– Послушай, как думаешь, ты в одиночку со всем справишься?

– Тут не с чем управляться, сэр.

– Если скажешь, я никуда не пойду.

– Не надо, сэр.

– Я могу вернуться не сразу.

– Не спешите, сэр.

Чарди отделился от стены и стал пробираться сквозь толпу. Ланахан с несчастным видом сидел в одиночестве.

– Это общество не в твоём вкусе, Майлз?

Ланахан поднял глаза, но не улыбнулся.

– Общество вообще не в моём вкусе, – буркнул он.

– Послушай, ничего, если я улизну пораньше?

– Еще как «чего».

– Ну, я все равно уйду. Почему бы тебе не поговорить с кем-нибудь, не развеяться? Познакомься с кем-нибудь. У тебя вид, как у деревенского священника, который впервые в жизни попал в особняк какого-нибудь вельможи.

Ланахан впился в него темными щелочками глаз на прыщавом лице. Его щуплые плечи усеивали хлопья перхоти.

– Не надо шутить над священниками, Пол.

– Майлз, я уйду. Хорошо?

Ланахан ничего не ответил.

– Давай, Майлз, взбодрись немножко.

– Идите, Пол. На вас не лежит никакой ответственности, вы можете улизнуть. Я останусь. Все равно ждать звонка от Йоста.

– Я скоро вернусь, – пообещал Чарди.

Он выбрался в коридор, протиснулся по нему к двери, у которой разговаривали пожилые женщины.

– Уже уходите? Вы не забыли свой пиджак?

– Нет, все мое при мне.

– Спасибо, что пришли.

– Я прекрасно провел время, – сказал он.

Он переступил порог, спустился на три ступеньки вниз и по короткой дорожке вышел на Готорн-стрит.

– Вот он, – сказала женщина.

Они смотрели, как Чарди спускался по ступеням, на секунду замешкался на тротуаре, а потом зашагал по улице. Они молча наблюдали за ним, пока он не исчез из виду.

– Только Данцига. Никого больше. Пожалуйста. Ты поклялся.

Он обернулся и взглянул на нее холодными глазами.

– Пожалуйста, – повторила Джоанна. – Ты обещал. Ты дал слово.

– Я пойду.

– Я иду с тобой.

– Нет, – отрезал он. – Я справлюсь один. Много народу, никакой охраны. Люди приходят и уходят. Америка открыта для всех, так мне сказали.

– Пожалуйста. Я...

– Нет.

– Тогда я буду ждать здесь. Чтобы увезти тебя.

– Нет, – сказал он. – Неважно, удастся мне потом скрыться или нет. Уезжай сама, сейчас. Переступи эту границу сейчас, дада⁴⁰ Джоанна.

Он вышел из машины и перешел улицу, высокий и реши-

⁴⁰ Сестра. (Прим. ред.)

тельный.

Она проводила его взглядом. В черепе, между глаз, запыло. Она откинулась на спинку сиденья. Невыносимо было думать о будущем, об объяснениях, оправданиях, внимании. Все это казалось непосильным бременем. Она думала об этом как о бремени, о тяжести, о каком-то веществе, о чем-то физическом, давящем на нее. Ей не хватало воздуха. Она представила, как утром будет смотреть в глаза Чарди. Подумала о боли, которую испытают ее родители. Она не могла этого вообразить.

Она наблюдала. Улу Бег постучал в дверь. Его пистолета не было видно; наверное, он спрятал свой «скорпион» под твидовым спортивным пиджаком.

Дверь открылась. Курд заговорил с кем-то. Что он говорит? Ей хотелось плакать. Она была так напугана.

* * *

Чарди постучал в дверь квартиры Джоанны.

Никто не открыл.

– Джоанна? – крикнул он в деревянное полотно. – Джоанна?

Что за чертовщина?

Глава 32

Лихорадка трепала Тревитта все сильнее и сильнее, погружая его в бескрайний водоворот недомоганий, каждое из которых разрасталось и разгоралось, становясь все нестерпимее. А поскольку его воображение всегда и так было непомерно развитым, впечатления оказались невероятными. Его фантазии были сотканы из насилия и секса и крутились вокруг тела женщины, лежащей в луже собственной крови. Но вскоре они начали утрачивать свою яркость. На вторую ночь в голове постепенно начало проясняться. Было очень холодно. Воздух обжигал легкие. Он натянул что-то на себя, какое-то тонкое одеяло, совсем не дающее тепла.

Когда на третий день он очнулся, то обнаружил, что находится в каменной хижине с незастекленными окнами, печью с какими-то горящими деревяшками и земляным полом, по которому бродили куры, охраняемые парой безразличных шавок. Его охватило ощущение, как будто он угодил в какой-то фильм, и он принялся оглядываться вокруг в поисках скота. Но нет: рядом была лишь массивная человеческая фигура, в которой он не сразу узнал Рамиреса. Тот сидел в его, Тревитта, желтых штанах, с его, Тревитта, «береттой» за поясом, и читал фотороман, заголовок которого можно было перевести с испанского как «Поделом юной нахалке». Рамирес сидел, водрузив ноги в ковбойских сапогах на стол, и

жевал жирную куриную ножку из «Эль коронеля» (от полковника Сандерса из Кентукки: Тревитт заметил раскрытый картонный бочонок с эмблемой «KFC» на полке).

Тревитт с трудом приподнялся; его шатало от слабости.

– Хочешь крылышко? У нас осталось крылышко, – такими словами приветствовал Рамирес человека, который спас ему жизнь.

– Мне очень хреново, – заплетающимся языком сказал Тревитт по-английски.

– Да и вид у тебя хреновый, – ответил ему Рамирес, также по-английски.

Тревитт простонал. Голову как будто стискивали изо всех сил металлическим обручем.

– Где мы? – спросил он, дрожа, и заметил, что перед лицом у него клубится большое белое облако смерзшегося дыхания.

– Ха! – взревел восхищенный Рамирес. – Господи Иисусе, этой девчонке и в самом деле всыпали по первое число!

Он с теплотой и восторгом посмотрел на комикс.

– Да уж, тоже мне, нашлась принцесса. Получила по мягкому месту палкой! Ты в горах, друг мой. Высоко-высоко. Далеко от города.

Тревитт изогнулся, чтобы выглянуть в окно. Вдалеке сверкала на солнце зубчатая гряда гор. Хаотичные взлеты и падения линии горизонта могли бы символизировать кривую его везения за эти последние несколько дней.

– Здесь появился на свет Рейнолдо, – сообщил Рамирес, – в этой деревушке, еще до того, как сюда пришло электричество. Он приезжал сюда на охоту.

Мексиканец улыбнулся, обнажив два золотых зуба, которых Тревитт прежде не замечал. Золотые зубы? Это уже начинало совсем походить на кино.

– Кто были те люди? Убийцы? – по-испански спросил Тревитт.

– Кто знает? Это загадка. Мексика полна загадочного. Это страна загадок.

Рамирес рассмеялся.

– Бандиты? Сутенеры? Наркаторговцы?

Рамирес расправился с куриной ножкой и швырнул обглоданную косточку через всю комнату в угол, где на нее набросилась собака, а сам обтер ладонь о штаны. У Тревитта возникло такое чувство, как будто он очнулся в пещере Циклопа.

– Он делает отличную курицу, – заметил Рамирес, – этот полковник. Готов поручиться, что он богат.

Он зевнул и взглянул на Тревитта.

– Вот что я скажу вам, мистер. Когда идешь отлить, нет-нет да и вымокнешь. Вы меня понимаете?

– Э-э...

– Оскар Меса, он вымок. Семья Хуэрра из Мехико, да кто угодно. Это может аукаться еще многие годы.

Тревитт встал на нетвердые ноги и, когда выпутался из ку-

цего одеяла, обнаружил, что облачен в дешевые полотняные штаны, одежду крестьянина. Он кое-как доковылял до двери. За ней виднелся загон для коз, мусорная куча, грунтовая дорога, стремительно сужающаяся до тропинки, и бурое море заскорузлых, складчатых, пыльных, каменно-холодных и безмолвных гор.

– Где мы, черт побери?

Внизу виднелись какие-то деревья и долина, там и сям мелькали возделанные поля. Но это был дикий край, необузданный, высокогорный и бедный.

– Неподалеку от Эль-Пломо. В горах Сьерра-дель-Каррисаи. К западу от Ногалеса. Милях примерно в шестидесяти.

– А где все остальные?

– Внизу. В Эль-Пломо. Это большое приключение. Вчера ночью малыш плакал, хотел к маме. Но теперь он уже успокоился.

Тревитт с болью кивнул. Бедняга. Какого дьявола они не отпустили его? Теперь мальчишка черт знает где и по уши увяз во всем этом.

– Они скоро уже вернутся. Стоп, мистер. А вы кто такой? Мексиканец впился в него настороженным взглядом.

– Просто парень, который вляпался в непонятно что, – последовал сбивчивый ответ Тревитта. – Я тоже искал приключений.

– Приключений ищут только сумасшедшие. Рейнолдо хочет умереть где-нибудь в теплой постели. С бутылочкой пива

и теплой мягкой бабой под боком, которая не создает тебе неприятностей.

Тревитт прислонился к занозистому косяку и принялся выглядывать на узкой дороге взятую напрокат желтую машину. Боже, ну и счет ему выкатят!

– По крайней мере, – сказал он, – мы в безопасности. Это хорошее место, чтобы залечь на время.

– Да уж, тут безопасно, – расхохотался Рамирес. – Безопасно так безопасно.

Его улыбка так и лучилась весельем.

– В чем дело? Что тут такого смешного?

– Дело в том, что я позвонил из Эль-Пломо моему доброму другу Оскару Месе. И рассказал ему об этом замечательном безопасном местечке.

Тревитт уставился на мексиканца. Сначала он решил, что имеет дело с особо извращенным чувством юмора. Но широченная, с сумасшедшинкой, улыбка Рамиреса так и не угасла и не стала хитрой, и Тревитт осознал, что именно ему выложили, и чуть не покачнулся, как от удара.

Внезапно он ощутил прилив сил и заорал:

– Что? Что ты сделал? Что сделал? Надо же было так сглушить, выложить все ему!

Тревитт взглянул на дорогу. В любую секунду на ней могла показаться машина, битком набитая мексиканскими головорезами. А у них была «беретта». С четырьмя оставшимися патронами.

– Эй, мистер, взгляните-ка сюда, – позвал Рамирес.

Мексиканец привел его в угол и сдвинул какую-то пыльную циновку, под которой обнаружилось что-то вроде ящика или сундука, вкопанного в землю. Он опустился на колени, отпер замок и открыл крышку. И вытащил оттуда винтовку с оптическим прицелом.

– Эх, поохотимся, – сказал он.

Его улыбка не стала уже, но Тревитту она показалась людоедской.

Внезапно послышался какой-то шум, и Тревитт решил, что умирает.

Но это оказалась всего лишь его желтая машина.

Глава 33

Когда Улу Бег подошел к двери, он понятия не имел, что скажет, у него не было никакого плана.

Он постучался, гадая, что уготовил ему Всевышний на ближайшие несколько минут.

Дверь распахнулась, и он очутился лицом к лицу с женщиной в годах с выражением живейшего, крайнего американского дружелюбия на лице. Она произнесла лишь:

– Здравствуйте.

– Да, здравствуйте, как поживаете? – отозвался он.

Что-то в его словах – он так и не понял, что именно, – похоже, смутило ее.

– Да? Вы на вечеринку?

Он понятия не имел, что ответить. За дверью виднелся полутемный коридор, а в конце его – ярко освещенная комната, дымная и людная. Он ощущал эту толпу, было очень шумно, слышался хохот.

– Да? – повторила она.

Ей хотелось помочь ему. Он видел это.

– Все в порядке, – сказал он.

– А, – обрадовалась она, – вы, должно быть, доктор Абдул.

– Да. Доктор Абдул.

– Спасибо, что пришли. Джо восхищается вашими работами, несмотря на то, что не вполне разделяет ваше мнение

о египетском господстве.

– Мне не терпится побеседовать с ним.

– Конечно, входите скорее. Не будем стоять здесь. О, вы такой высокий, а я и не знала.

– Да. Это дар Всевышнего.

– Да, наверное. Вы долго пробудете на факультете? Возвращаетесь в Каир в конце семестра или зимой?

– В конце семестра.

– О, я терпеть не могу эти краткосрочные контракты. Мы с Джеком были в Мюнхене, но грант был рассчитан всего на восемь месяцев. Меньше чем за два года по-настоящему в культуру не вникнешь. Как вам Америка?

– О! Мне здесь очень нравится.

– Прекрасно. Проходите. Джек вон там, у стены, за стойкой. Он нальет вам чего-нибудь выпить. А если вам удастся пробиться к Джо, передавайте ему привет от меня. Мне даже парой слов не удалось с ним перекинуться с тех пор, как он пришел.

– О, благодарю вас.

Он прошел мимо женщины и зашагал по коридору на шум. Несколько парочек переговаривались вполголоса в полумраке – должно быть, любовники. Он протиснулся мимо них и очутился в комнате, на краю толпы.

Данциг знал, что она в его власти. Настоящая красавица, и притом совсем молоденькая, экзотичная. Возможно, она даже мулатка, или евразийка, или каких-нибудь смешанных филиппино-русских кровей. Она еще не разговаривала с ним, но не сводила с него глаз. Он понимал, что это нелепая затея, к тому же технические трудности – как доставить ее к нему в гостиницу, как потом доставить ее из гостиницы обратно – были неизмеримы. Но он желал ее!

Она, скорее всего, пришла с мужчиной. Но с каким? Не с тем ли колоритным типом, который сверлит его взглядом с порога? Это было не исключено, но Данциг, к тому времени уже уставший от разговоров и изрядно подвыпивший, все же решил рискнуть.

– Э-э... мисс?

– Да? – с легким акцентом.

– Э-э... я никак не могу понять. Вы учитесь в университете?

– Нет, доктор Данциг. Мой муж – адъюнкт-профессор физического факультета.

– О, это замечательно. Уверен, я не понял бы ни слова из его лекций. Должно быть, он блестящий ученый. Он здесь?

– Нет. Я пришла с любовником.

Она сообщила это совершенно буднично, но явно с целью

шокировать его, увидеть, как знаменитый политик переменится в лице.

– Вы с ним говорили. Такой молодой задиристый политолог. Джереми Гольдман.

Данциг смутно припомнил человека, который мог подойти под это определение, но подробности так и остались зыбкими.

– Да-да, он высказал ряд интересных замечаний. Весьма занятный молодой человек, насколько я помню. По-моему, я ему не нравлюсь.

– О, он терпеть вас не может. Как, впрочем, и всех вообще. Но он очарован вами.

– Позвольте спросить... прошу прощения, если мой вопрос покажется вам нескромным, я поистине не держу в мыслях ничего дурного и вообще человек совершенно безобидный, – знаменитое данциговское самоуничижение, милое и беззастенчиво тщеславное, – очарованы ли мной вы?

– Ну... – Она помолчала.

У нее было хорошенькое, пикантное лицо, очень тонкое, с выдающимися точеными скулами модели, чуть азиатский разрез глаз и губы, полные, как сливы.

– Я бы сказала, слегка. Да. Слегка.

– Гм. Какой великолепный комплимент. Вы так милы к тщеславному старику. Позвольте спросить вас еще кое о чем – повторюсь еще раз, я не хочу быть нескромным и прошу вас остановить меня, если мой напор вас пугает...

– О, я ничуть не напугана.

– Ну, тогда позвольте спросить: он где-то поблизости? И вы собираетесь уйти отсюда вместе с ним? Я уверен, что собираетесь, я не хочу на вас давить.

Она хладнокровно огляделась по сторонам.

Чарди! Данцигу внезапно пришло в голову, что Чарди мог бы отвезти их обратно в гостиницу, а потом подбросить ее до дома. Но согласится ли он?

Ну конечно согласится. Пусть только попробует заартачиться. Данциг тоже принялся оглядываться по сторонам, но в поисках Чарди.

* * *

Теперь Улу Бег видел его. Он оказался толще, чем был на фотографиях, в волосах проглядывала седина, глаза за толстыми линзами очков казались маленькими, как бусинки, брюшко выпирало из жилетки. Он слегка склонялся вперед, перегнув свое нескладное тело, и оживленно беседовал с какой-то женщиной. Дважды он взглядывал на Улу Бега в упор, чем приводил того в состояние столбняка. Но его взгляд быстро возвращался к женщине; говорил он негромко, настойчиво.

Курд стал пробираться сквозь толпу. И тут же задел кого-то.

– Прошу прощения, – сказал кто-то.

– Э-э... я...

– Кто...

– Э-э... простите, я, похоже...

– А, вы пытаетесь пробраться...

В конце концов расстояние в шестнадцать футов было преодолено. Он сунул руку под пиджак и нащупал «скорпион». Курд напомнил себе, что вытаскивать пистолет нужно не торопясь и уверенно и стрелять с двух рук. Его пальцы ощутили твердый, прохладный металл.

И все же он колебался.

Толстяк, болтающий с хорошенькой девушкой в самом сердце цивилизованного мира.

Он убил сотню человек, но все они были солдатами и в противном случае убили бы его. Он попытался думать о своих сыновьях – один погиб сразу, другой получил такую чудовищную рану, что он сам совершил над ним последний акт милосердия и любви. На Улу Бега нахлынули воспоминания, в носу у него запершило от едкой керосиновой гари и пыли, которую поднимали в воздух лопасти винтов и свистящие пули.

На него кто-то налетел.

– Прости, старина, – сказал незнакомый мужчина в свитере и с трубкой.

Улу Бег обернулся. Женщина смеялась над какой-то шуткой Данцига, и сам он улыбался, уверенно вел разговор.

– Не хотите чего-нибудь выпить? – спросил Улу Бега кто-

то.

Он изумленно обернулся на голос. И сам не почувствовал, как вытащил оружие.

– У него пистолет! – завопил кто-то. – Господи, у него пистолет!

Улу Бег крутанулся, вскидывая «скорпион» в обеих руках, пока толстяк на диване не оказался на мушке.

Поднялся шум, свет погас, по комнате заметались тени.

Данциг в ошолоблении встал и поднял руки.

Улу Бег выстрелил.

* * *

Повсюду было стекло. Щепки, обломки стола, растоптанные книги. Данциг лежал на полу. Перед глазами у него был ковер. Кто-то продолжал палить.

Только бы все закончилось.

Господи, только бы все закончилось.

Девушка все кричала и кричала:

– Боже мой, боже мой, Джерри, боже мой, Джерри!

И истекала кровью, вся грудь у нее была в крови. Она лежала на диване. Он не мог – да и не стал бы – шелохнуться, чтобы помочь ей.

Данциг лежал ничком. Аккли успел выстрелить по меньшей мере дважды, прежде чем высокий мужчина его убил.

– Где он? Где он?

Молокосос Ланахан, присланный из управления, приплясывал от ярости и ужаса с пистолетом в руках.

– Боже правый, – закричал кто-то, – боже правый, у него оружие, оружие.

Сирены.

Сирены. Кто-то вызвал полицию.

Данциг не мог поднять голову. Высокий мужчина? Он уже ушел? Храни его бог от этого высокого мужчины.

Он лежал на животе, прижимаясь к дивану. В него попали трижды, может быть, четырежды, его отбросило назад. Где врач? Пожалуйста, пусть придет врач. У него сейчас разорвется сердце. Ему нужно принять таблетку.

Данциг заплакал. Он неукротимо рыдал. Грудь ужасно болела. От страха он обмочился, но ему было все равно. Его охватила громадная, неистовая жалость к самому себе. Он понял, что не собирается умирать. Жилет – из материала под названием «кевлар», ужасно дорогого, сделанного из стальных нитей и сверхплотного нейлона, который разработали специально для его поездок по Ближнему Востоку, – должен был задержать пули. А вдруг не задержал? Почему так болит грудь? Он не мог перестать плакать и трястись.

– Господи, – надрывно кричал кто-то. – Он пронес пистолет!

* * *

Чарди услышал вой сирен и побежал по коридору. Когда он выскочил на улицу, мимо проехали уже по меньшей мере три патрульные машины. Чарди бросился за ними. Напротив дома, в машине, он нашел Джоанну. Висок у нее почернел от пороховой гари, глаза были закрыты. В руке она до сих пор сжимала пистолет. На другой стороне улицы собрались машины полиции и «скорой помощи», их мигалки красно-голубыми сполохами озаряли ночь, но Чарди даже не взглянул в их направлении. Он открыл дверцу, осторожно переложил женщину на другое сиденье, сел за руль, включил зажигание и поехал прочь.

Глава 34

– Nada, – сказал мальчишка. – Ничего.

– Ты уверен? – упорствовал Тревитт.

– Si. Я ведь сказал, nada. Ничего.

Тревитт, уязвленный, вспылил.

– Черт побери, – ожесточенно выругался он. – Черт побери, да что с ним такое?

Внутри у него все клокотало от ярости.

– Черт побери. Ты уверен?

– Он ведь сказал, так? Матерь Божья, – сказал El Stupido, глупец, как американец про себя окрестил Рамиреса, жирный, скользкий, вонючий, неотесанный чурбан.

– Ладно, – процедил Тревитт.

Однако все было совсем не ладно. Еще один день. Сколько их уже миновало – пять, шесть, неделя? Тревитт не отличался умением ждать. Никудышный вышел бы из него капитан подводной лодки, пилот бомбардировщика или снайпер. Торчат тут, в горах, изображая из себя потерянного мальчишку из компании Питера Пэна в стране Гдетотам, только с настоящим оружием и рядом с этим боровом El Stupido!

Он оглянулся и увидел, что его противник читает одну и ту же осточертевшую книгу. «Поделом юной нахалке»! Рамирес мог перечитывать ее снова и снова – губы его беззвучно шевелились, повторяя слова в облачках реплик над фо-

тографиями актеров, – и каждый раз от души и с глубоким удовлетворением хихикать, когда юной героине под конец всыпали горячих пониже спины.

– Уй-юй! – Он радостно вскинул глаза. – Эй, вы только поглядите на это, сеньор гринго. Ух и задали же они ей жару! Прямо по мягкому месту!

– И больше никого? Ни приезжих, ни расспросов? – спросил Роберто, четвертый обитатель их высокогорной Утопии.

– Nada. В Эль-Пломо никого не было, – сказал мальчишка. – Что у нас на ужин?

– Не понимаю, почему он мне не отвечает. Что за чертовщина творится у наших? – возмутился Тревитт.

Однако его одолевали глубокие сомнения. Местного почтальона – он же по совместительству был в Эль-Пломо мэром, санитарным инспектором, владельцем универсального магазина и дорожным полицейским – подрядили, разумеется, за немалые деньги, съездить за пятнадцать миль, в ближайший более или менее крупный населенный пункт, и отправить на адрес школы Пресвятой Девы еще одну телеграмму личному небесному покровителю Тревитта, святому Полу.

«Дядь,

– значилось в телеграмме, –

я нашел „Биг-Тако“ но еще много кто хочет заполучить рецепт боюсь он испортится пришли

помощь Эль Пломо Сьерра дель Каррисаи Твой Джим».

А вдруг это должностное лицо присвоило себе деньги и послало к черту гринго с его телеграммой, а само двинуло в ближайший бордель?

Тревитт покачал головой. Гнев, в основном происходивший из жалости к себе, клокотал в нем все сильнее. Кто знает, что вообще творится у них в конторе? Может, Чарди вылетел с работы. Может, надо было с самого начала отправить телеграмму кому-нибудь вменяемому вроде Йоста Вер Стига. К черту ковбоя, надо было обращаться напрямую к верушке.

Тревитт принялся корить себя за упущенные возможности. Может быть, еще не поздно, ну да, даже сейчас, послать телеграмму Йосту, в Лэнгли, штат Виргиния: «Дорогой Йост, возможно, вы удивитесь, но...»

Но...

Но правда в том, что Билла Спейта убили. Правда в том, что какие-то люди пытались убить Рейнолдо Рамиреса. Правда в том, что вся эта каша заварилась почти сразу же после того, как курд, Улу Бег, устроил перестрелку при переходе через американскую границу, который организовал для него Рейнолдо Рамирес. И правда в том, что сюда в любую секунду может заявиться шайка бандитов. Однозначной связи между этими событиями не было, но она напрашивалась сама собой. Все сходилось одно к одному, хотя, как Тревитт ни старался, все равно не мог сообразить, каким образом и

почему.

Кто их преследует?

Вот тебе ключ к разгадке, Тревитт. Мексиканские бандиты, пытающиеся прикончить El Stupido ради его ночного клуба, или за прошлое предательство, или... Или это действуют какие-то другие силы?

Тревитт поежился.

За складчатой линией гор солнце опускалось в исполинский синяк рваных фиолетовых облаков. Внизу темнела тихая долина. Там, на этих пологих склонах, произрастало, наверное, на миллион долларов марихуаны. То был дикий край, бандитский край, край оружия. Здесь оружие носил каждый. Здесь кипели страсти.

Тревитт посоветовал себе взглянуть в лицо действительности и на время забыть про окружающий пейзаж. Забыть о своей отчаянной мольбе Пресвятой Деве. Ему придется выпутываться из этой переделки в одиночку.

Он снял с плеча винтовку, «ремингтон» семисотой модели, стреляющий семимиллиметровыми патронами «магнум», с оптическим прицелом шестикратного увеличения. У Рамиреса таких было две. Раз-другой в год преуспевающий владелец бара и борделя приезжал сюда пострелять пустынных толсторогов.

– Эй, тут еда, – позвал Роберто.

Тревитт вновь вскинул винтовку на плечо. Еда, значит, опять бобы с рисом, значит, опять их всех ночь напролет бу-

дуг донимать газы, а он знал, что ему предстоит дежурить с двух до шести утра, когда газовая атака будет совсем непереносимой.

Боже правый, ни о чем таком у Ле Карре никогда даже не упоминалось.

Глава 35

Сегодня был его третий день; он уже успел проявить свои таланты и был формально принят в команду, хотя никто так и не спросил его имени и не поинтересовался, откуда он. Они знали о нем нечто более важное: что он без промаха попадает в корзину с двадцати пяти футов, если получит передачу; яростно бросается на мяч; ставит такие заслоны, от которых игрок противника может запросто лишиться зубов; отчаянно борется за подбор мяча и, наконец, что он честен.

– Ты из профи, старик? – хмуро спросил его самый высокий, местная звезда, который, как говорили, в жизни был почтальоном.

– Я неделю пробыл в лагере старой команды «Чикаго пэкерз». Но не сумел там удержаться.

– Скажи, приятель, думаешь, я смог бы играть за профи? Чарди помолчал долю секунды. Он ведь был уязвимой фигурой – единственный белый на площадке.

– Нет, – ответил он наконец. – Вряд ли. Прости. Ты не потянешь.

Чарди показалось, что почтальон сейчас его ударит. Ему было где-то года двадцать два, в нем шесть футов пять дюймов росту, и он владел несколькими отличными приемами. Небось год или два играл в команде какого-нибудь колледжа, пока не вылетел или не ушел сам.

Но парень, похоже, обдумал все и пошел на попятный. Пожалуй, он был слишком утонченным, чтобы драться, или слишком умным, или же втайне признавал справедливость оценки Чарди, или чувствовал, что этот странный белый не боится ни бога, ни черта и будет драться с ним до последней капли крови.

– Тогда давай играть, старик, – сказал почтальон.

– Давай, – отозвался Чарди, и игра началась снова.

К этому времени Чарди уже успел прорваться на лучшую площадку, где пятеро на пятеро боролись самые талантливые игроки. Сначала черные позволяли себе выказывать свой горор: они толкали и оскорбляли его, и не раз он летел на асфальт. Но он давал им сдачи локтем или бедром, а его мячи ложились в корзину без промаха.

Он до сих пор бил в прыжке. Это не забывалось. Оно никогда не терялось, это умение. Мяч летел в корзину, а не в кольцо или щит, хотя здешние корзины были сделаны из цепей, которые по-средневековому позвякивали, когда сквозь них пролетал мяч. Чарди был словно заговоренный. Он играл, чтобы забыться, спрятаться, раствориться в игре, блестящей игре. Он понимал лишь, что должен играть, или умрет. Его тело истомилось по спорту.

Он улетел из Бостона и из вашингтонского аэропорта Нэшнл направился напрямиком в город, заехал только в спортивный магазин в торговом центре в пригороде, купил себе роскошные кроссовки – «Найк», из натуральной кожи, про-

фессиональную модель, – и добротный мяч «Симко» для игры на открытой площадке. Сразу же двинулся в центр, пока не увидел баскетбольную площадку, хорошую и большую, за мостом, в низине между шоссе и неторопливой рекой. Она и называлась в честь этой реки – «Анакостия». Он знал, что там собираются лучшие игроки.

Он мог бы играть вечно. В свои тридцать восемь он чувствовал себя на шестнадцать. Если на земле и был рай, Чарди наконец-то нашел его: площадка, два кольца и мяч, летящий точно в цель.

Да, сегодня он был в ударе.

– Бей.

– Бросай.

– Заколачивай, приятель.

– Накрывай.

– Черт, да ты мастер.

Он забросил мяч в кольцо четыре, потом пять, потом шесть раз подряд, прежде чем промахнулся. Мячи летели по высокой траектории, словно послания от Бога, прямо в центр, без пощады. Он толчком досылал мяч в корзину, бил по нему ладонью вытянутой руки, бил с отскоком назад с обеих рук. Он пробивался к задней линии, получал пас и рывками уходил от опеки двух защитников обратно, чтобы забросить мяч из-под самого кольца. Мяч был словно роза, такой невесомый и душистый. В своем зачарованном трансе Чарди послал мяч в корзину с сорока футов, и тот пролетел

сквозь кольцо, не звякнув цепями. После этого броска даже почтальон хлопнул его по заду.

Но в конце концов в зыбкий сумеречный час третьего дня, когда на конусы люминесцентных ламп, освещавших кольца до полуночи, уже начали слетаться мотыльки, в этот спортивный рай прокрался змей. Чарди старательно делал вид, что не замечает его, но разве можно было не заметить единственное, кроме его собственного, белое лицо среди множества черных, пусть даже оно маячило совсем вдалеке, за стеклом неприметного автомобиля?

Тому, кто выслеживал его, нельзя было отказать в терпении. Он ждал, точно неумолимая статуя, в своей машине еще несколько матчей и даже позволил Чарди выпить банку холодного пива, которую кто-то протянул ему.

Наконец, когда уже почти совсем стемнело, в тот самый миг, когда Чарди бил с задней линии – и, что случилось с ним не часто, промахнулся, – дверь хлопнула и появилась невысокая фигурка.

Ланахан. Они послали Ланахана.

Следующие два броска Чарди не удались, и игрок, которого он теоретически опекал, закатал два мяча.

Майлз в своем измятом костюме робко приблизился, потоптался на месте и отыскивал местечко на одной из трибун, примыкающей к полю.

Чарди снова промазал. Внезапно он утратил способность попадать в корзину. Его руки и ноги налились свинцовой

усталостью.

– Встряхнись, приятель, – бросил почтальон.

Он получил передачу на периметре. На площадке один игрок из его команды оторвался от опеки, и Чарди следовало бы отдать ему пас с отскоком. Он же жадно сделал финт, но мяча не отдал. Он продолжал вести мяч то вперед, то назад, и снаряд послушно отскакивал от земли навстречу его рукам. Он ждал удобного случая. Еще один товарищ по команде сделал заслон, и Чарди внезапно бросился в нападение, в процессе оторвавшись от защитника.

На долю секунды он прирос обеими ногами к земле и почувствовал, как мяч устремился вверх и почти по собственной воле полетел прочь от толчка обеих рук, когда он высунулся из-за заслона. Снаряд послушно лег в корзину.

После этого Чарди быстро забил еще два раза, а почтальон завершил успешную серию, со звоном заколотив мяч в кольцо сверху. Чарди поднял руку в знак того, что просит себе замену, и чернокожий старшекласник, уже заработавший себе славу, но немногословный, бесстрастно потрусил занять его место.

– Неплохой удар, чувак, – похвалил его парнишка.

Чарди подобрал с травы полотенце и пошел в обход поля к трибунам. Он плюхнулся на скамью позади Майлза, вытянул ноги и принялся утирать лицо полотенцем. Одно колено у него было в крови. Он даже не помнил, чтобы падал.

– А вы хорошо играете, – заметил Майлз, глядя на игро-

ков; в душном летнем воздухе разносились их крики, звонкие шлепки и отскоки. – Я и не подозревал, насколько хорошо.

– Похоже, я сегодня в ударе, – отозвался Чарди.

– Нам пришлось попотеть, чтобы отыскать вас.

– Мне просто нужно было поиграть в баскетбол.

– Ну да.

Чарди немного понаблюдал за игрой. Перед ним в свете фонарей почтальон и новый парнишка бегали друг за другом.

– Тот, высокий, неплохо играет, – высказался Ланахан. – Который постарше. Он мог бы выступать в профессиональной лиге.

– Нет, не мог бы, – возразил Чарди. – На кого свалили все шишки? Я читал газеты. Мы еще легко отделались. Я не видел ни одного упоминания об управлении или о курдах. Слава богу, хоть Данцига с перепугу удар не хватил.

– Пол, два человека погибли.

– Три. Еще Джоанна.

– Ну, я имел в виду, в перестрелке.

– Джоанна застрелилась, – упрямо заявил Чарди.

– Пол, мы решительно не можем считать ее жертвой.

– Да, наверное.

– В любом случае, никто не связал ее с делом Данцига. Мы сами до вчерашнего дня ни о чем не догадывались. Должно быть, кто-то перевез ее, если она находилась неподалеку от

места перестрелки.

– Она была на другой стороне улицы.

– Значит, это были вы.

– Да.

– Умный ход, Пол. По-настоящему умный. Возникла бы уйма сложностей, если бы пресса связала все воедино и раздула скандал. Можете себе представить, что написали бы в «Тайм»?

– Я не думал о прессе, Майлз.

– Неважно, о чем вы думали, Пол. Важно, как вы поступили.

– Ты так и не рассказал мне, кому достались все шишки. Но я догадываюсь. Не тебе, иначе тебя бы здесь сейчас не было. И не мне – это было бы не ко времени, когда Улу Бег до сих пор рыскает где-то поблизости со своим «скорпионом». Я еще нужен. Значит, остается...

– Он показал себя не с лучшей стороны. И получил по заслугам. Это он приказал урезать наблюдение за Джоанной. Он бросил все силы на Средний Запад. Сэм назвал это вопиющим провалом.

– Вер Стига уволили?

– Как бы не так. Его перевели на штабную работу в научно-технический директорат. Что-то связанное со спутниками. Он ведь один из старой гвардии, они начинали вместе с Сэмом, так что уволить его не уволили. Представляете, что сделали бы с любым из нас, Пол?

– Значит, теперь всем заправляет Сэм. Дело передали в оперативный директорат? Он командует операцией?

– Ну...

Майлз улыбнулся. Его воспаленная кожа в свете люминесцентных ламп казалась неоновой. Зубы у него как были скверными, так и остались.

– Значит, ты, Майлз?

– Мне повезло. Я не получил взбучку. А им нужен человек, который был бы в курсе всего. Так что я теперь координирую операцию.

– Но под руководством Сэма?

– Сэм – умный малый, Пол. Он некоторое время приглядывался ко мне. Мы хорошо работаем вместе. Но я здесь не ради Сэма. Я здесь ради вас.

– А что, если я откажусь? Скажу, что мне это все надоело, что все это ведет лишь к новым бессмысленным убийствам?

– А вы не можете отказаться. Вы подписали контракт. Пойти на попятный не получится. Мы можем устроить вам очень веселую жизнь. Пол, подумайте хорошенько. Вы очень нужны Данцигу. Он в вас верит.

– Придурок, – процедил Чарди.

– Пол, взгляните на это по-другому. Вы нужны Данцигу, Данциг обладает влиянием. Это значит, что вы нужны Мелмену. А у него большое будущее, Пол. В один прекрасный день он займет высокий пост. Он – один из «своих». А мы с вами, Пол, всегда были чужие и так ими и останемся, если

кто-то из своих не будет нас проталкивать. Кто-то из ветеранов ЦРУ, с Гарвардом за плечами, белая кость, из высшего руководства. У Сэма все это есть, Пол. Он действительно может помочь людям вроде нас с вами, двум ирландцам-католикам, выросшим на улицах Чикаго. Он хочет, чтобы вы начали все с начала. С чистого листа. Никаких расследований семьдесят пятого года, никаких рекомендаций об увольнении. Все забыто. Пол, вы можете вернуть себе свою карьеру. Можете вернуть себе все. Если Сэм будет перед вами в долгу, Пол, перед вами откроются блестящие перспективы, когда он займет руководящее кресло. Он может взять вас с собой.

Роль змея-искусителя на трибуне «Анакостии» совсем не шла Майлзу. Его лицо слишком напоминало мордочку хорька, слишком воспаленными были прыщи. Когда он говорил, его маленькие темные глазки горели убежденностью, он разрубал воздух своими крохотными ручками, размахивал ими. Он наседал, захлебывался словами, срывался на визг. Хороший вербовщик – а Чарди в свое время знал нескольких таких – мог уговорить тебя продать родную мать. У Майлза такого таланта не имелось. Тут самое главное было верно рассчитать время, подобрать точный ритм; он же слишком спешил взять быка за рога.

Мелмен, должно быть, совсем в отчаянном положении, если ему пришлось прибегнуть к услугам такого неумелого оперативника, как Ланахан. Любопытно. Разве Сэм не мог

поручить это задание кому-нибудь попрятнее? Нет, он перебрасывал с места на место тех людей, с которыми начинал, просто перетасовывал их по-иному. По какой-то причине он желал сохранить операцию в тайне, ограничить ее как можно меньшим количеством участников.

Чарди взглянул на реку. На дальнем берегу мерцал огнями равнодушный и роскошный город. Капитолий, подсвеченный дуговыми лампами, застывшим изваянием маячил на фоне ночного неба. Неподалеку, тоже подсвеченная для пущей парадности, высилась стрела стелы Вашингтона – еще один собор правительственного Ватикана, символ веры, которая теперь казалась Чарди мыльным пузырем, такой же обманкой, как и католицизм, в котором его вырастили.

Но разве у него есть выбор? Разумеется, никакого. Что, не исключено, и хотел сказать Мелмен, когда посылал к нему этого ужасного мальчишку.

Он подумал о Джоанне и о своем обещании ей. Можно ли считать, что ее предательство освобождает его от необходимости сдержать слово? Или предательство Улу Бега? Что Чарди должен курду, который назвал его своим братом?

В голову ему лезли самые разные мысли.

Зачем Мелмену так понадобилось вернуть его? Почему Сэм так настойчиво стремился уничтожить его семь лет назад? Кто стоит за Улу Бегом? И что с беднягой Тревиттом, угодившим в какую-то неизвестную беду в Мексике?

Он понимал, что каковы бы ни были ответы на эти вопро-

сы, искать их следует не на спортивной площадке.

– Ладно, Майлз, поехали, – сказал он.

Глава 36

Данциг сидел в купальном халате за домом, у сада. Его окружали по меньшей мере семь человек, трое из них с рациями. А дальше, в зарослях, скрывались еще люди. Правительственные машины патрулировали квартал: неприметные «шевроле» с двумя мужчинами в костюмах и израильскими «узи». А вертолеты? Возможно, были и вертолеты.

– Да, вы явно любите делать все с размахом, – сказал он своему соседу.

Сэм Мелмен рассмеялся.

– За те налоги, которые вы платите, вам полагается особое обращение, – сказал он. – Как поживает ваша грудь?

Данциг поморщился. Кевларовый жилет задержал все три пули и смягчил удар; тем не менее, он получил перелом двух ребер, который почти обездвижил его, а от подмышки через всю грудь к животу протянулись багровые синяки. Последние несколько дней его держали на болеутоляющих, такой острой была боль, и он помнил все крайне смутно. Его жена героически ухаживала за ним и выступала по телевидению с заявлениями; похоже, эта роль доставляла ей удовольствие и развлекала ее. Тем временем на него самого обрушилась лавина телеграмм с притворным выражением сочувствия от людей, которые терпеть его не могли, в массе своей отправленных в ожидании его близкой смерти (первые сообщения

были крайне сбивчивыми).

– Моя грудь поживает великолепно, – ответил Данциг. – Просто замечательно.

– Я видел медицинское заключение. Готов поспорить, что вам страшно больно.

– Ужасно больно, – сказал Данциг. – Пожалуйста, только без шуточек. Смех меня прикончит.

Он мрачно уставился на буйную зелень сада.

– Надо полагать, раз у вас ушло три дня на то, чтобы отыскать Чарди, вашего собственного подчиненного, который к тому же и не думал от вас прятаться, а преспокойно играл в баскетбол в общественном парке в трех милях отсюда, в поисках курда вы преуспели не слишком.

– Это так. Но теперь за дело взялась армия. Мы настроены оптимистично. Они роют землю носом, так что, возможно, все сложилось и к лучшему. Теперь мы его поймаем. Все кончено.

– Ну, для той бедной девочки ничего не сложилось к лучшему.

Данциг помнил, как женщина, чье имя он даже не успел узнать, умерла у него на глазах. Он мог бы назвать точный миг: ее тело безвольно обмякло, а голова судорожно запрокинулась. Прекрасные женщины держались дисциплинированно и с достоинством, это было непреложное правило. И когда он увидел это, то сразу понял, что она умерла. Она была вся в крови. Впоследствии ему сказали, что отлетев-

шая рикошетом пуля перебила аорту. Чего только не бывает в этом мире: человек с пятнадцати футов стрелял в него из сложного современного оружия, но благодаря достижениям техники не смог причинить ему серьезного вреда; а бедная девочка, которая провинилась лишь тем, что появилась на этой вечеринке, поплатилась жизнью, пала жертвой шальной пули. Столь разные судьбы являли собой нагромождение статистически невероятных событий, которое не могло не изумлять.

– Это трагедия, да, – согласился Мелмен. – Бессмысленная трагедия. Но мы не приводили курда. Он пришел сам.

– И все же вы не можете быть довольны работой управления.

– Разумеется. Но мы приняли меры, чтобы не допустить повторения.

Данциг кивнул; но он-то знал, что это система пошла в разнос. И здесь энтропия, движущая сила хаоса и случайности. Вокруг него расставили сети, сквозь которые не проскользнула бы и мышь, но постепенно они сами собой прохудились, и курд смог просочиться сквозь них. И никакие меры предосторожности не помешают этому повториться.

– Вот, доктор Данциг. – Мелмен передал ему что-то маленькое. Это оказалась сплюснутая медная горошина. – Эта пуля убила бы вас. Вот эта самая. Слава богу, на вас был жилет.

Данциг считал, что благодарить следует спецслужбы и ар-

мию, в чьей научно-исследовательской лаборатории в Нэйтике для его первых поездок по Ближнему Востоку разработали кевлар.

– Я не сентиментален и не храню сувениров, – отрезал он. – Она вам нужна?

– Нет. У нас еще десяток таких.

Данциг поднялся и неловко зашвырнул пулю на газон. По всему телу неожиданной волной прокатилась боль. Он согнулся пополам, морщась и шипя. Но картина того, как пуля исчезает в траве, доставила ему странное удовольствие. Жаль, что не в его власти заставить исчезнуть все пули в мире.

– Ладно, Сэм, – сказал он, оборачиваясь. – Выкладывайте. Кто пытается убить меня?

Мелмен с отстраненным видом изучал его. Беззастенчивый тип этот Мелмен. Не удивительно, что в последнее время он так стремительно идет в гору. На породистом лице Сэма промелькнула слабая улыбка.

– Один курд. Они горячий народ. Тонкостей вашего стратегического мышления им не понять.

– Прошу вас. Я ведь не дурак. И не надо говорить со мной, как с дураком.

– Доктор Данциг, у нас нет никакой информации, ни намёка, чтобы предполагать нечто большее, нежели...

– Кто нанял ту женщину, преподавательницу из Гарварда? Которая так кстати совершила самоубийство и теперь не в

состоянии ответить ни на один наш вопрос?

– Она больше семи месяцев жила в горах с Улу Бегом. Они вместе пережили крах курдской революции. Возможно, тогда они и заключили соглашение. Он просто приехал к ней и...

– Вы ведь наблюдали за ней.

– Периодически. Ее прощупали и сочли безопасной. Человек, отвечавший за эту операцию, допустил грубую ошибку. Несколько грубых ошибок. Его перевели на другую работу.

– И тем не менее, у вашего курда и этой девчонки хватило ума перехитрить ваших профессионалов.

– Им еще и невероятно везло. Не забывайте об этом. У них в кармане был Чарди. И вы оказались в Бостоне. И все равно у них ничего не вышло.

– Они продвинулись куда дальше, чем можно объяснить простым везением.

– Доктор Данциг. Повторюсь еще раз, у нас нет никакой информации, чтобы предполагать, что за этим кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Нечто большее, чем заговор двух человек.

– Кто-то дергает за веревочки. Что бы там ни говорилось в вашей информации. Кто-то... и я хочу знать, кто именно.

Но Мелмен ответил лишь несколько секунд спустя:

– Доктор Данциг, по-моему, вы читаете слишком много триллеров.

Вскоре после этого Чарди вернулся в жизнь Данцига – в новом костюме. Если Данциг и ожидал раскаяния, он его не дождался.

«Раскаяние – бред», – однажды заметил один из наиболее влиятельных работодателей Данцига, и Чарди проиллюстрировал этот принцип как нельзя лучше.

В новой одежде он казался немного худее. Все из-за баскетбола? Но в нем была все та же неуклюжая сдержанность, спокойная замкнутость спортсмена. А ведь он только что потерял любимую женщину, которая, в свою очередь, предала его и жестоко насмеялась над ним, разве не так? Он должен быть раздавлен, в самом лучшем случае – уволен. Грубейший просчет, заблуждение, вопреки всякому здравому смыслу.

Данциг видел отчеты и, в отличие от Чарди, был осведомлен о преобладающих настроениях в античардистской фракции среди высшего руководства управления. О, до чего же штабным нравилось быть свидетелями ниспровержения вчерашних героев! Это правило Данциг постиг на собственном опыте и ничуть не удивился, когда оно оказалось верным и в отношении Чарди.

Отчасти в этом был повинен Вер Стиг: перед тем, как его сместили, он предпринял отчаянную попытку свалить все на

Чарди. Он развил лихорадочную деятельность, задействовал все рычаги, обработал всех старых знакомых. Его негодование нашло благодарных слушателей; зыбь недовольства пробежала по управлению и правительственным кругам, к которым он якобы принадлежал. История о Чарди, которому наставили рога ради убийства Джо Данцига из мести, расходилась все шире и шире; возможно, дошла и до самого президента. Под конец совершенно потерявший голову Вер Стиг, на которого официально была возложена вина в неудаче, поскольку это он оттянул все ресурсы в окрестности Дейтона, заявил даже, что Чарди принимал участие в заговоре, что эти трое действовали заодно: Чарди, девица и курд.

А ведь это сам Данциг потребовал, чтобы Чарди не расплачивался за грехи Йоста Вер Стига.

Он и сам не понимал, почему заступился за Чарди. Не потому ли, что чувствовал с тем какую-то солидарность? Ведь ему самому довелось побывать в роли ниспровергнутого чемпиона, которую многие уже поспешили отвести Чарди. Или причина крылась в том, что в Чарди была простота, с которой Данциг не сталкивался в тех искушенных кругах, где вращался?

И одиночество.

Как-то раз в нехорошем на него приступе откровенности он признался в интервью одному настырному итальянскому журналисту, что любит действовать без посторонней помощи и отдает себе отчет, что американцы обожают

наблюдать, как герой-одиночка творит великие дела. Ковбои.

Так что в каком-то смысле, как отражение его собственных определенных черт, Чарди был Данцигу симпатичен. Сыграла свою роль и дерзость этого малого: за словом он в карман не лез. К тому же, этот отчаянный гордец всегда оставался настоящим бойцом. И это тоже подкупало Данцига.

Кроме того, Чарди не выказывал горя. Он шел к цели, глубоко пряча свои чувства, не позволяя себе продемонстрировать слабость. Данциг знал, что это опасный, ведущий к саморазрушению, но и единственно верный способ чего-то достичь. Чарди изгнал чувства из своей души, лицо его было непроницаемым и, как обычно, чуточку туповатым. Он вел себя, как ни в чем не бывало. Кровавых и жутких событий прошлой недели для Чарди словно бы и не произошло.

– Вы сказали, он не сможет и близко ко мне подобраться, мистер Чарди. Так вот, он подобрался ко мне на расстояние пятнадцати футов, пока вы гонялись за сомнительными удовольствиями.

Чарди кивнул.

– Никудышный из меня вышел предсказатель будущего. Бедный Акли поплатился за это жизнью.

– Акли был профессионалом. Он знал, что существует риск. Его семья получила кругленькую сумму. Когда в тебя стреляют, это действует крайне угнетающе. Скажите – говорят, у вас есть кое-какой опыт в этом вопросе – к этому во-

обще привыкаешь?

– Никогда, – сказал Чарди.

– Но мы, похоже, снова остались в живых, верно?

– Благодаря жилету.

– Представляете, я носил его так долго, что совсем о нем забыл. Начисто. Думал, мне конец. Прошло, наверное, секунд десять – целая вечность! – пока до меня дошло, что я не умру.

Чарди не знал, что ответить.

– Новости есть?

– Нет, сэр. Никаких.

– Я не высуну носа из этого дома, пока его не поймают.

– Это было бы разумно.

– Его поймают?

– Говорят, что да.

– Я знаю, что говорят. Они говорят это часто и громко. И тем не менее, я чувствую в их утверждении некоторую неуверенность. Их дела так редко поспевают за обещаниями. А что скажете вы?

Чарди на секунду задумался. Потом ответил:

– Нет. Еще какое-то время не поймают. Они все время забывают, что это я обучал его.

– Самомнение выиграло, мистер Чарди? Как мило. Значит, нас таких уже двое.

Глава 37

Возвышение Ланахана было внезапным и неслыханным: он отчитывался непосредственно перед Мелменом. Он звал заместителя директора «Сэм». Между ними не стоял Йост; целый пласт словно вычеркнули из иерархии. Йоста, епископа, больше не было; Ланахан отчитывался непосредственно перед Сэмом, кардиналом. На него возложили ответственность, руководство, власть. У него появились подчиненные. Он обзавелся приятными маленькими привилегиями – водителем, секретаршей, чашкой, в которой, словно по волшебству, никогда не иссякал кофе.

– И они, похоже, ладят друг с другом? – в своей слегка заинтересованной манере спросил Сэм, имея в виду Чарди и Данцига.

– Да, Сэм. – Майлз потер подбородок, на котором только сегодня утром лопнул прыщ. – Пол чем-то нравится Данцигу. Мои люди никак не могут понять чем.

Мелмен откинулся на спинку кресла.

– В Поле, без сомнения, есть что-то располагающее.

– Да.

– У него обаяние старого фронтовика. Кое у кого из ветеранов, еще со времен управления стратегических служб, оно тоже было. И у нескольких ребят из отдела спецопераций тоже. Но теперь остался один Пол. Такое может вскры-

жить голову.

– Ну...

Нет, Ланахан не собирался противоречить Сэму ни в чем существенном, и все же он намерен был время от времени вставлять какое-нибудь безобидное возражение, чтобы не прослыть безъязыким подхалимом.

– ...при определенной инфантильности характера, да, согласен. Бедняга Тревитт любил Чарди, и посмотрите, чем это закончилось. Меня удивляет, – самоуверенно бухнул он, – что такой реалист, как Данциг, мог клюнуть на такого дешевого артиста, на ковбоя вроде Чарди.

– Он напуган, Майлз. Вот в чем корень.

– Надо думать.

– Ты приглядываешь за ними? Я хочу сказать, не привлекая излишнего внимания?

– Да, Сэм. Разумеется.

– Что-то еще?

Ага. Похоже, настал удачный момент, чтобы выложить Сэму историю с Тревиттом в Мексике и его тайной связью с Чарди через школу Пресвятой Девы, которую Ланахан приберегал на более удобный случай. Он окинул быстрым взглядом нарядный кабинет Мелмена и склонился вперед, как будто собирался заговорить.

– Да, вот еще что, Майлз, – перебил Сэм. – Я давно хочу с тобой поговорить вот о чем. Я предвижу одну потенциальную проблему. С Данцигом я уже наткнулся на ее признаки.

Это что, проверка?

Ланахан ничего не сказал. У него до сих пор было такое чувство, будто он случайно угодил на аудиенцию к кардиналу.

– Майлз, они оба – Данциг и Чарди – имеют склонность к паранойе. Вполне подтвержденную документально, ты со мной согласен?

– Да.

– Меня беспокоит вот что: если эти двое спойутся, никому не известно, что им взбредет в голову. А в нашем деле определенные идеи могут быть крайне опасными. Помнишь панический страх перед двойными агентами, который охватил всех в середине семидесятых? Нет, разумеется, откуда тебе, ты же тогда только начинал. И уж тем более ты не можешь помнить пятидесятые, когда начинал я. В любом случае, подобное происшествие может пустить ко дну целый отдел, целый директорат. Всю контору. Улавливаешь?

Сэм буравил Майлза взглядом. У него были светлые, непроницаемые глаза. Сэм был представительный мужчина. Обходительный, блестящий Сэм. Каждому хотелось бы иметь хоть капельку знаменитого невозмутимого обаяния Сэма.

– Да, сэр, – кивнул Ланахан.

– Давай определим первый принцип твоих действий. Так сказать, краеугольный камень, основу. А заключается он в том, что прежде всего, это обеспечение безопасности. Во-

прос защиты. Возможно, даже защиты Данцига от него самого. Пока ты видишь это в таком свете и помнишь, что враг – Улу Бег и собственная паранойя Данцига, ты сможешь удержаться в рамках.

Против чего Сэм его предостерегает?

– Майлз, ты молодчина. Тебе удалось очень рано выдвигнуться на ответственную должность в важной операции. Ты понимаешь, что есть люди, которые годами пытались пробиться туда, где сейчас находишься ты, но так ничего и не достигли?

Мелмен улыбнулся, показав ровные белые зубы. Его обаяние, скрытое от глаз широкой общественности, было известно на все управление. В нем не было ни напористости, ни задора; это было скорее что-то теплое, обволакивающее. Он словно бы включал тебя в сговор против всего мира, словно бы говорил: ты и я вдвоем спиной к спине выстоим против всех чужих.

Ланахан, хотя и подпал под его власть, в то же время помнил, что это обаяние – лишь стратегия поведения, метод манипуляции. Но его одолевало невыносимое искушение как-то отплатить Мелмену за привилегию быть включенным в его круг. Он словно бы находился в присутствии вдохновенного священника, великого священника, и ему страстно хотелось покаяться в каком-нибудь грехе, чтобы этот человек мог даровать ему прощение.

Тревитт в Мексике.

– Сэм...

– Погоди, Майлз. Дай мне договорить.

Он впился в Ланахана своим спокойным взглядом, полностью подчиняя его себе.

– Пол ненавидит нас. Ты должен понимать, хотя не знаю, достаточно ли ты взрослый для этого, что он за человек. Какую злобу он способен затаить. Ум определенного склада может сфокусироваться, заикнуться на какой-то ситуации и вывернуть ее наизнанку. И начать верить – искренне верить – в собственное ее видение. Это еще одна демонстрация человеческой способности к самообману, власти человеческой воли над действительностью. Чарди наделен этой способностью; это характерное свойство фанатиков, и именно оно делает их такими могущественными, такими влиятельными, такими поразительными людьми. В каком-то смысле я восхищаюсь этой способностью и жалею, что сам не наделен ею ни в малейшей мере. Для таких людей признать что-то отличное от собственного видения значит обречь себя. Их сила в их воле, в их абсолютизме, слабость – в их негибкости.

– Майлз, – он в упор взглянул в маленькие темные глазки Ланахана, приморозив того к спинке стула, – ты видел его досе. Русские перепахали его, они сломали его пополам. Он сдал им курдов и свою любимую женщину и тем самым навеки оттолкнул ее, восстановил против себя самым беспощадным образом. Только не заблуждайся, любовь для такого человека, как Чарди, – очень могущественная, почти магиче-

ская сила. Ты не представляешь себе, как человек вроде него нуждается в ней. Так что одному богу известно, какими измышлениями он прикрыл собственное предательство, и одному богу известно, что сделала с ним гибель этой женщины.

Ланахан кивнул. Его переполняла необычайная вера; вера в свою собственную церковь, в ЦРУ, в Сэма. Часть мудрости Сэма как будто излилась в его душу.

– Майлз, придет время, и он станет испытывать тебя. Он потребует от тебя сделать выбор. Выбор между ним и нами. И предупреждаю тебя, он может быть очень притягательным. Он наделен той суровой привлекательностью, которой невозможно противостоять. В трудную минуту он излучает энергию и целеустремленность. Ты увидишь это по его глазам. Я убежден, причина гибели Спейта и исчезновения Тревитта в том, что они превысили пределы инструкций Вер Стига и отправились исполнять какое-нибудь безумное поручение Пола. И видишь, чем это для них закончилось.

«Скажи ему, – подумал Ланахан. – Откройся священнику. Признайся».

Он находился в темной кабинке исповедальни и ощущал сквозь ширму одну лишь силу любви этого человека, его теплоты, его безграничной мудрости. Его так и тянуло выложить все без утайки. Ну, скажи ему: «Тревитт жив. Он до сих пор на задании. Вы правы, Сэм, вероломный Чарди что-то затеял».

– Майлз, Чарди отнюдь не глуп. Он кажется глупым, он

умеет прикидываться дурачком, как ни один другой человек, какого я знаю. Если ты прочтешь протоколы допросов по «Саладину-два», то решишь, что имеешь дело с недоумком, с человеком, так глубоко надломленным, запутавшимся и уставшим, что он не в состоянии постоять за себя. Но я так и не смог ни в чем его уличить. Это было блестяще разыгранное представление. Я так и не раскрыл его. В голове у него скрывается что-то такое, что он никогда не позволит нам увидеть. А теперь он завладел Данцигом, заключил с Данцигом какое-то соглашение. Все это крайне меня беспокоит. И все же я не могу избавиться от него, как бы мне того ни хотелось. В Бостоне он поступил крайне безответственно, когда взял и ушел. Я был бы рад упечь его куда-нибудь на Северный полюс и упек бы, но не могу – из-за Данцига. Так что, Майлз, предупреждаю тебя только об одном: следи за Чарди, следи за ним внимательно. Понял? Он совсем не тот человек, каким кажется.

Ланахан благоговейно кивнул. И все же горячность Сэма озадачила его. Похоже, он что-то где-то упустил. Ему было немного страшно. Теперь он понимал, что Мелмен ненавидит Чарди. Ненавидит, боится – разве это не одно и то же?

«Скажи ему, – подумал Ланахан. – В твоей власти угодить кардиналу, обязать его перед тобой на веки вечные. Он отдаст тебе свою церковь, он бросит ее к твоим ногам. Ты будешь ходить по ее коридорам, по безмолвным малиновым залам, станешь вхож во все ее святая святых».

Майлзу очень хотелось преклонить колена.

Но он понимал, что между Мелменом и Чарди идет какая-то тайная и опасная игра – игра, ставки в которой настолько высоки, что ни один из противников не станет говорить о них прямо.

– Сэм, – услышал он собственные слова, – вы можете на меня рассчитывать.

Глава 38

Когда же вернется этот мальчишка?

– Ему следовало бы появиться уже несколько часов назад, – раздраженно буркнул Тревитт.

– Наверное, задержался где-нибудь, чтобы украсть курицу, – предположил Роберто. – Сопляк малолетний.

Бывший бармен теперь завладел «береттой» и страшно этим гордился. Он сидел под карликовым дубом и начищал ее так же иступленно, как некогда стаканы за стойкой бара в заведении Рейнолдо. Он уже расстрелял три из оставшихся семи патронов – для практики.

Тревитт рядом с ним беспокойно заерзал. И немедленно наткнулся на свое же собственное оружие, которое прислонил к бревну перед собой. Он тоже успел попрактиковаться; с оптическим прицелом это было все равно что стрелять в кинозвезду на экране автокинотеатра.

– Нет, – возразил он, – у Мигеля была уйма времени. Они ведь вчера уехали. На джипе почтальона они вполне успели бы вернуться к часу. А сейчас почти пять.

– Подумаешь. Что известно этому сопляку? Ничего.

– Ему известно достаточно, чтобы вернуться назад вовремя. Глупый мальчишка.

Мальчишка имел значение потому, что был мальчишкой и нравился Тревитту, но, главное, он должен был отправить

еще одну телеграмму Чарди через школу Пресвятой Девы. Если и эта попытка провалится, Тревитт решил, что выйдет из подполья, и к черту риск. Ему осточертело ждать.

– Да не дрейфь ты. Вернется он. Сопляк малолетний.

Тревитт поднял винтовку, вскинул ее на плечо. Они сидели в двухстах ярдах выше по склону от каменной хижины. Идея этого хода принадлежала Тревитту; он утверждал, что если на них в любую минуту могут напасть, нельзя допустить, чтобы их просто застигли в хижине; им нужен план.

Рамирес отнесся к этой стратегической уловке с неподдельным любопытством, после чего вернулся к своей юной нахалке, которой досталось поделом.

Но Тревитт настаивал и в конце концов добился своего. Итак, план. План заключался в том, чтобы вышибить мозги любому, кто будет крутиться поблизости.

А что, если появится Чарди? Так вот, Чарди не появится. Что-то пошло наперекосьяк.

Но Тревитт был исполнен решимости. Каким-нибудь образом он вернет этого Рамиреса, хочет тот этого или нет, вернет обратно к Чарди. Вот, Чарди, что вы об этом думаете? Вам решать, Чарди. Никакой другой схемы у Тревитта не было. В голове у него до сих пор творился страшный сумбур.

«Любой шпионаж заканчивается фарсом», – сказал Малкольм Маггеридж,⁴¹ и он таки знал, что говорил.

⁴¹ Малкольм Маггеридж (1903–1990) – британский журналист, писатель, сатирик и философ. Во время Второй мировой войны служил в британской разведке.

Тревитт не понимал точно, сам ли он принял решение выбрать такой образ действия или это решили за него. Все вышло как-то само собой, и теперь он жарился на солнце на этой пыльной горе со снайперской винтовкой в руках.

В небе кружил ястреб, парил в восходящем потоке воздуха, далекий, равнодушно-прекрасный. Тревитт с ленивой завистью любовался птицей: ее грация, сила, свобода и достоинство завладели его воображением. Пернатый красавец бездумно скользил туда-сюда в воздухе, то снижаясь в долину, то вновь взмывая ввысь.

Тревитт стер с кончика носа каплю пота и принялся изучать влагу на подушечке пальца. И не заметил машину.

Но когда он поднял глаза, перед хижиной стоял серо-голубой «мерседес».

Роберто рядом с ним заполз под прикрытие.

– Господи боже мой, сейчас начнется.

Из пассажирской двери выбрался Оскар Меса, широко развел руки, чтобы показать, что при нем нет оружия.

– Рейнолдо, – крикнул он в сторону вершины, – ты меня слышишь? Эти люди хотят поговорить с тобой. Только поговорить, и все. Они выслали меня вперед. Выходи, потолкуем, и тогда мы отпустим вашего мальчика. Не делай глупостей, Рейнолдо, это всего лишь разговор.

Ответом была тишина.

– Рейнолдо, подумай хорошенечко. Не торопись. У тебя есть пятнадцать...

Грянул выстрел, резкий и трескучий. Оскар Меса откинулся на крыло своей дорогой машины, держась за живот. Он тяжело дышал. Темные очки слетели с него. Колени подломились, и он повалился на них. Потом рухнул ничком.

– Черт побери, – рывкнул Тревитт, – надо было заставить его...

– Прямо в брюхо! Рейнолдо умеет стрелять из пушки!

Тревитт глупо таращился на покойника у машины. Долго-долго ничего не происходило. Потом машина плавно дала задний ход, не подбирая своего павшего пассажира. Она двигалась так, как будто выезжала из какого-нибудь гаража в пригороде на вполне нормальную, чистенькую улочку, потом повернула, подчиняясь водителю, и медленно покатила вниз по грунтовой дороге.

– Стреляй! Подстрели этого сукина сына. Я его не вижу, – скомандовал из укрытия Рамирес.

– Что? – переспросил Тревитт.

– Стреляй! Матерь божья, стреляй!

Не думая, Тревитт вскинул винтовку на плечо, передернул затвор. Он ощущал прикосновение приклада к плечу, тяжесть винтовки в своих руках. Глаз сам собой прикинул к прицелу, и, когда рассеялся мутный туман, в котором ничего нельзя было разглядеть, он различил серую машину, мчавшуюся к безопасности. Словно по волшебству, в перекрестье сквозь заднее стекло появилась голова. Голова мужчины – он пригнулся, в ужасе съежившись за рулем. Машина нес-

лась по прямой линии к повороту, набирая скорость.

Тревитт приготовился.

– Стреляй! Стреляй! – приказал Роберто.

Считанные секунды оставались до того мига, когда машина достигнет поворота и скроется. Тревитт набрал полную грудь воздуха, выдохнул половину. Голова покачивалась в приближенной реальности оптического прицела, прямо перед его дулом. Ему казалось, он может коснуться ее.

«Стреляй!» – велел себе Тревитт.

Семимиллиметровый патрон пробуравит череп и выйдет через лицо, сметая на своем пути мозг, глаза, кости, размажет все это вперемешку по лобовому стеклу. На долю секунды ему стало тошно от того, что он собирался сделать. Он убрал палец со спускового крючка...

– Стреляй! – завопил Роберто.

Машина завернула за поворот, подняв тучу пыли, и скрылась.

– Да что с тобой такое? Ты что, больной?

– Я... Я не мог как следует прицелиться, – замялся Тревитт. – Не хотел зазря тратить пулю.

– Надо было все равно выстрелить.

– Ну а мне не хотелось впустую выкидывать пулю.

Юнец взглянул на него с подозрением.

Тревитт отклонился назад.

– Не знаю, зачем он застрелил того мужика, – сказал он в никуда. – Я не вижу, чего мы этим добились.

Оскар Меса ничком лежал в сотне ярдов ниже по склону. Теперь Тревитт разглядел, что на нем дорогой костюм и шикарные сапоги. На усыпанном соломой дворе его фигура казалась странно аккуратной.

– Этот сукин сын вышвырнул меня с работы, – сказал Роберто.

Но теперь Тревитту надо было подумать о мальчишке. Как же Мигель?

– Теперь они убьют его, – сказал он.

– Кого? – не понял Роберто.

Тревитта охватила полная опустошенность. Она превратилась в гнев. Надо было застрелить того мужика в машине, разнести ему башку вдребезги!

– Мальчик. Мигель.

– Зря он не остался с мамочкой, – сказал Роберто.

Тревитт сидел, прислонившись спиной к дереву, его ружье лежало рядом. Вокруг в пыльном великолепии высились безжизненные горы. Он поискал глазами ястреба, но тот исчез. Он огляделся по сторонам: такое впечатление, что его каким-то образом занесло на луну.

– Эй, patron, – окликнул Роберто Рамиреса, который неторопливо приближался к ним, – porteamericano хочет отправиться на выручку маленькому сопляку.

– Вас только убьют, мистер. Эх, что же ты не выстрелил? Надо было застрелить его.

– Я не слишком хорошо его видел, – проямлил Тревитт.

– У этой винтовки отличный прицел. Ты должен был видеть стервеца, как на ладони. Может, ты просто неправильно им пользовался.

– Он всего лишь ребенок! – заорал Тревитт, вскакивая на ноги. – Идемте, нам нельзя здесь задерживаться. Давайте спускаться. Может быть, еще не поздно.

Он решительно зашагал вниз по склону. Они не пошли за ним, и он обернулся и пригвоздил их твердым взглядом.

– Давайте спускаться, – ледяным тоном приказал он.

– Ты, наверное, спятил, – сказал Рамирес. – Идти туда? Да они просто тебя убьют. Тебя так и так убьют, но к чему торопить события?

Он захохотал.

– Я проголодался. Давайте поедим. Они скоро вернуться.

– Мы должны спасти малыша! – рявкнул Тревитт снова.

– Он действительно спятил, patron, – повторил Роберто.

Взгляд его стал изумленным.

Два мексиканца, пересмеиваясь, двинулись мимо него в хижину.

Тревитт стоял один, прижимая винтовку к боку. Он проводил толстяка и парнишку взглядом. Они перешагнули через тело Оскара Месы и скрылись в хижине.

Тогда Тревитт тоже зашагал вниз по склону к хижине за тортильями.

Глава 39

С приближением ночи Чарди стало не по себе. Он по опыту знал, что поздно вечером, когда остаешься один, мысли, над которыми не властен, выползают и терзают тебя.

Когда он нашел Джоанну в ее машине, в сполохах красно-синих мигалок, через улицу от спешащих полицейских и медиков и стекающейся толпы зевак, он ощутил, что в голове у него образовалась странная западня. Он смотрел на женщину, безошибочно зная, что произошло, и почему, и как: теперь он это понимал. Нахлынула боль, от которой невозможно было дышать, которая едва не свалила его на тротуар.

Ему тогда показалось, будто кто-то велел ему не глупить.

Воспоминание не угасало, напротив, оно только обострилось за последние несколько дней, пока он играл в баскетбол с чернокожим почтальоном и его друзьями.

«Держи себя в руках», – твердил кто-то.

Голос был трезвый и спокойный, он звучал почти сочувственно.

«Пол. Не глупи».

Чарди вернулся от Данцига и был один в своей маленькой квартирке в Сильвер-Спринг. Баскетбольный матч по телевизору закончился, было поздно. Он успел выпить несколько банок пива. Вытащил из шкафа новый костюм, свежую сорочку и туфли на завтра. Ему хотелось еще пива, но Пол

не знал, стоит ли снова одеваться и колесить по округе в поисках круглосуточного магазина или бара, где продавали бы выпивку на вынос.

«Не глупи», – велел он себе.

Но голос был не его. Учтивый, приятный, плавный, американский, он принадлежал толстому коротышке лет пятидесяти, с живыми цепкими глазами и редующими, светлыми, почти льняными волосами. На нем была советская армейская форма с майорскими погонами и эмблемой ракетных войск на мундире, но на самом деле он был из КГБ. Форма не оставляла в этом никаких сомнений: ни один советский кадровый военный не посмел бы показаться в стране третьего мира в таком неприглядном виде: растрепанный, мундир весь в пятнах, неглаженный. Обычный человек не надел бы такую форму из страха получить немедленный выговор и дисциплинарное взыскание; значит, ее хозяин не был обычным человеком. Он обладал особыми привилегиями. Ему позволялись его чудачества.

– Пол, – сказал он. – Брось. Давай не будем глупить, ладно?

Арабские ночи Чарди, которых насчитывалось не тысяча и одна, а всего-то шесть, вновь начали воскресать в его памяти.

– Все это так сложно, – говорил Спешнев. – Я предпочел бы быть твоим другом. Честное слово. Ты поговоришь со мной? Пожалуйста, Пол.

Но Чарди не хотел говорить. Он помнил, как настраивал себя: ничего им не говори. Если начнешь, то уже не остановишься. Не говори им ничего. Сдашься первый раз – сдашься совсем, целиком и полностью. Время. Тяни время.

Он разглядывал свою камеру. Здесь, внизу, стены отсыревали. Воздух был влажным, почти плотным. Эту клетушку, должно быть, вырубili в скале тысячу лет назад рабы. Кто знает, чьи страдания она видела? Неужели она всегда служила пыточной камерой?

– Пол, позвольте мне объяснить, что вас ждет. Я намерен приказать выжечь на вашей спине дыру. Больно будет – в общем, боль будет неопиcуемая. Но я думаю, вы сможете ее вытерпеть. Вы очень храбрый человек. Думаю, вы сможете ее вытерпеть. Затем завтра, Пол, завтра, я прикажу выжечь на вашей спине вторую дыру. У вас будет весь вечер, чтобы подумать о дыре, которую они выжгут. Вы будете точно знать, каково это. Никаких неожиданностей. Через день, Пол, я выжгу третью дыру. У вас будет целая ночь, чтобы подумать об этом. И так далее, и так далее, Пол. Если кончится место на спине, мы перейдем к груди. Понимаете? Вот что вас ждет, Пол. Вот и все, что вас ждет.

«Ты сможешь, – твердил он себе. – Ты сможешь это выдержать», – внушал он себе.

«Ты сможешь, ты ведь Чарди, ты крутой. Ты ведь хотел этого всю жизнь. Чтобы убедиться, какой ты крутой».

На его спине выжгли первую дыру.

– Пол, это нелепо, – сказал ему Спешнев на второй день. – Чего вы добьетесь своим упрямством? В конце концов мы все равно выиграем, иначе и быть не может. Но задумайтесь: что именно мы выиграем? Сказать по чести, не особенно многое. Мы выиграем сиюминутное преимущество, ничтожный перевес в силе. Возможно, я получу повышение или стану на несколько дюймов к нему ближе. Ну и что? Неужели мир по-настоящему изменится? Неужели одна система настолько лучше другой? Конечно же нет. Давайте взглянем в лицо фактам: наши страны каждую секунду противостоят друг другу на тысяче разных фронтов, в тысяче различных поединков. Из одних выходим победителями мы, из других вы. Но ничто всерьез не изменяется. Процесс перемен медлителен, и усилия одного человека никак не могут повлиять на него. Ну и какой смысл противиться нам? Никакого. Эти ваши попытки строить из себя героя – просто курам на смех. Здесь, в этой камере, вы герой, настоящий американский герой, сражающийся с болью, с психологическим давлением, сражающийся в одиночку, без чьей-либо помощи, без надежды, сопротивляющийся всему, что мы можем сделать с вами. Это невероятно, это берет за душу. Вы заслужили мое уважение. Я и вполовину так хорошо не смог бы держаться. Раскололся бы на первом же сеансе. Вы боец. Пол,

неужели мне придется отдать приказ прожечь в вас вторую дырку? Неужели придется? Неужели вы вынудите меня?

Руки у Чарди были связаны в запястьях перед собой; он видел древние камни и чувствовал запах собственного закисшего пота. Всю ночь он думал о своей спине.

– Пол, прошу вас. Помогите мне. Мы можем сотрудничать.

На его спине выжгли вторую дыру.

* * *

– Как прошел вечер, Пол? Охранники говорят, вы всю ночь кричали. Они утверждают, что вы несколько раз просыпались от кошмаров. Наверное, психологическое давление, которое вы испытываете, просто чудовищно. Я знаю, что это дело и мне самому дается нелегко. Надеюсь, сегодня все закончится и мы сможем сотрудничать. Что скажете, Пол? Думаете, вы сможете мне помочь?

Чарди молчал; краем глаза он видел Спешнева – тот стоял чуть сбоку и позади него в своей мятой форме.

– Пол, давайте подумаем обо всем. В эту самую минуту один американец из корпорации «Ай-би-эм» продает одному русскому из Комитета по научным исследованиям сложнейшее программное обеспечение, в котором не под силу разобраться ни вам, ни мне. Предательство? Нет, это делается в открытую! Деловыми людьми! При поддержке и с одоб-

рения обоих правительств. Это просто торговля. Точно так же продаются лицензии на разлив «Пепси-колы» и производство «Форда Пинто». Взамен мы отваливаем вам тонны наших полезных ископаемых, руд и прочего. И чего вы хотите добиться на фоне этого обмена, этой буйной феерии коммерческой алчности, этой идеологической кооптации? Не глупите, Пол. Вы помещаете одному человеку – мне – стать полковником. Это действительно смешно, Пол. Я хочу, чтобы мы с вами сотрудничали в этом деле.

На его спине выжгли третью дыру.

* * *

– Пол, мне сказали, вы провели ужасный вечер. Охранник утверждает, что вы совсем не спали. У вас больной вид, Пол. Честно говоря, вид у вас – краше в гроб кладут. Жутко. Думаю, вчера я позволил им зайти слишком далеко. Рана осталась кошмарная. Если бы вы видели ее, Пол, вас бы передернуло. И мухи. Должно быть, мухи сводят вас с ума. Пол! Сколько еще вы намерены продолжать в том же духе? Вы же просто губите себя!

К этому времени Чарди уже оставил все мысли о героизме. В камере, в окружении людей со сварочными горелками, отвага не имела смысла. Ему стало наплевать на курдов; пусть они переловят всех курдов, пусть переловят Улу Бега с его шайкой безумцев. Да и управление – что в нем было

толку? Они позволили ему провисеть на веревках уже три дня, в собственных нечистотах, в камере, кишашей крысами, в средневековой темнице, полной прелой соломы, где по ночам разносились крики других людей, где его мучили кошмары, жуткие и бесконечные, и он не мог думать ни о чем, кроме сварочной горелки.

– Можно подумать, кому-то есть до этого дело, – продолжал Спешнев. – Вы действительно полагаете, будто кого-то из вашей верхушки заботит ваша судьба? Задумайтесь, Пол – вы действительно довольны тем, как они с вами обходились? Разве они не поглядывали на вас свысока, как на какого-то авантюриста из рабочего класса, немногим лучше простого наемника? Поправьте меня, если я не прав: они все носят костюмы в полосочку и черные туфли, так? Я прав, я знаю, что прав. Они не прикладывают ни к чему ни малейших усилий. Они носят эти свои очки в розовой оправе, пластмассовые штучки-дрючки. Все они прекрасно знакомы друг с другом и с отцами друг друга, все они ходили в одни и те же школы. Они играют в сквош. Они отправляют своих детей в те же самые школы, где учились сами. Они живут в самых шикарных пригородах Вашингтона. В Маклине или в Чевинг-Чейзе. Они пьют вина и знают толк во французской кухне. Они говорят на другом языке. А вы наводите на них ужас. Вы пугаете их до икоты, потому что относитесь к тем редким людям, у кого есть талант. О, как посредственности ненавидят талант! Они презирают его! Он внушает им страх. Вы – талантливый бо-

ец, у вас есть воля, отвага. А они отчаянно вам завидуют и ненавидят вас за это. Подумайте об этом, Пол. Не глупите. Неужели ради этих людей стоит терпеть такие пытки? Подумайте о том, что я говорю, Пол. Они бросят вас гнить тут до второго пришествия. У них не хватит воображения, чтобы представить себе все то, чему вы здесь подвергаетесь, Пол. Скажите мне, это ведь так легко.

Это действительно было легко. Спешнев хотел знать частоты, время выхода на связь, позывные, применявшиеся для связи с курдами. Это было так просто. Частота была 119,6 мегагерц, ничего необычного, но курдские приемники и передатчик ЦРУ в Резайе были так точно откалиброваны, что побочное излучение сводилось к минимуму. Радиосвязь была коньком управления. Чтобы перехватить передачу, нужно было настроиться точно на нужную частоту, и если Спешнев не знал ее, у него не было никаких шансов. Позывные тоже были несложными: «Фред – Тому» по нечетным числам, «Том – Фреду» по четным. Все было просто до примитива, прямо по справочнику управления стратегических служб времен Второй мировой. Чарди может назвать их Спешневу за десять секунд. Десять секунд – и его оставят в покое.

– Пожалуйста, не делайте мне больше больно. Пожалуйста, – попросил он.

– Вы будете сотрудничать?

Чарди крутился на веревках, пока ему не удалось взгля-

нуть русскому в глаза. Его взгляд молил о прощении, и русский отозвался.

– Вы что, не понимаете? – хрипло прошептал Чарди. – Я... я просто не могу.

Среди курдов была Джоанна. Ему пришлось бы отдать им Джоанну, а этого сделать он никак не мог. На его спине выжгли четвертую дырку.

* * *

К пятому дню Спешнев начал терять терпение. Чарди слышал, как он меряет шагами камеру, как хрустит под его ботинками солома.

А Чарди пытался думать о Джоанне.

– Ранние ожоги у вас серьезно нагноились, Пол. В них копошатся личинки и мухи. Воспаление выглядит устрашающе. Ужас, сколько гноя. Вам не помешал бы врач, Пол. Не знаю, как вы терпите такую боль. Вам, наверное, очень больно.

Он никогда не видел ее обнаженной. И никогда не увидит. Это всегда происходило в спальном мешке. Он пытался представить ее обнаженной. Пытался отгородиться ее наготой от этой клетушки.

– Здешние мухи могут откладывать яйца, Пол, которые проникают в вашу кровеносную систему. Кровь разносит их по всему телу. Они вылупляются в самых странных местах,

Пол. В легких, в пальцах ног, в гениталиях, в сердце, в мозгу. Пол, все эти букашки копошатся у вас внутри, поедают вашу плоть. Гниение и грязь распространяются по вашему телу, пожирают вас изнутри, поглощают вас.

Ее груди. Он пытался воссоздать в своем воображении их тяжесть и вес, размер сосков. Он сосредоточивался изо всех сил.

– Пол, антибиотик мгновенно решил бы эту проблему. Всего одна таблетка, один укол, и современная медицина торжествует победу, а захватчики уничтожены. Или они будут пировать и жиреть на вашей плоти, питаться вашими органами, Пол. А вот здесь, со спины, вас будет поедать сварочная горелка, Пол. Неизменная горелка, Пол. Она уже здесь. Скажите, Пол, вы уже готовы к горелке? Пол, это убийственно. Но вы вынуждаете меня исполнить мою обязанность. Помогите мне, Пол. Позвольте мне спасти вас от горелки и от насекомых. Помогите мне.

Но Чарди не думал ни о чем, кроме Джоанны, и не мог помочь ему. На его спине выжгли пятую дырку.

* * *

На шестой день русский потерял терпение.

– Черт бы вас побрал, Пол! Черт побери, Чарди, позывные! Позывные, черт тебя дери! Частоты.

Чарди висел на веревке. Перед ним была стена. Он слы-

шал, как проскрипели колеса тележки – в камеру ввезли тяжелую ацетиленовую горелку. Он никогда не видел ее, но слышал, как она лязгает о стены, слышал скрежет, с которым металлические колеса катились по каменному полу. Он понятия не имел, кто управляет горелкой, кто непосредственно орудует ею, но все, что происходило, безусловно, происходило по распоряжению Спешнева.

Теперь они регулировали сопло горелки; он слышал, как негромко звякнули вентили, и ацетилен начал смешиваться с кислородом. Как всегда, он ощутил запах газа, и его рефлекторно затошнило, он начал задыхаться и корчиться на своих веревках, извергая наружу несуществующее содержимое желудка.

– Она здесь, Пол. Горелка. Время пришло. Вы готовы, Пол? Горелка здесь, ее уже зажгли. Голубое пламя горит, Пол. Боль от него неопишима. Мой человек еще немного подождет, подрегулирует пламя.

Чарди безвольно уронил голову на грудь. По подбородку протянулась ниточка слюны. Для него не существовало ничего, кроме горелки, он чувствовал ее приближение всем своим нутром. Веревка впивалась в руки. Пальцы его превратились в синие сардельки. По рукам сочилась кровь. Он висел на том, что от него осталось.

– Пол, не вынуждайте меня снова унижать вас! Не надо!
Чарди пустил в ход свое последнее оружие. Свою игру. Он пытался думать о баскетболе. Пытался заслониться иг-

рой. Он пытался вспомнить все то, что больше всего любил в ней: шершавый бок мяча под ладонью, ликование от того, что удар достиг цели, в особенности под конец последнего периода, когда команды шли ноздря в ноздю; спортивная злость, физический азарт борьбы под щитами. Он перенесся в просторный темный спортзал. Он не знал, есть ли на трибунах зрители; их было не разглядеть. Не различить было и противников: они казались тенями, и эти тени били по нему, налетали на него. Зато он видел кольцо, единственное светлое пятно на этой бескрайней арене, оранжевый круг, четкий и безупречный, с натянутой на него белой сеткой. Он не мог промахнуться. Он забивал и забивал. Он бросал мяч в это кольцо, и тот послушно ложился в цель. В нос бил запах собственного пота, от усталости перед глазами стоял туман. Ноги его не слушались, от утомления движения получались смазанными. Но он был способен забить мяч. Ему казалось, что он способен на это.

– Пол, она уже работает. Горелка работает. Мы готовы. Мне сказали, что вы кричали всю ночь, Пол. Вас лихорадит, вам очень больно. Вы так отчаянно боролись. Но у вас ничего не выйдет. Ничего у вас не выйдет, Пол. Я победил. Вы же знаете, что это так, Пол, это всего лишь вопрос времени. Только времени. Горелка готова.

Чарди услышал, как два человека, крикнув, подкатили тележку, услышал скрип колес.

– Пол?

– Пожалуйста, – попросил Чарди. – Пожалуйста, не надо.

– Вы готовы, Пол?

– Пожалуйста. Помогите мне. Не делайте мне больно.

Прошу вас, пожалуйста, господи. Не делайте мне больно. Пожалуйста. Не делайте мне больно. Не делайте мне больно.

– Начинайте.

– Нет. Не-е-ет! Пожалуйста, о господи, пожалуйста, не делайте мне больно! Пожалуйста! Прошу вас! Черт, я не могу этого вынести! Пожалуйста!

– Ну что, будете говорить?

Чарди повис на своих веревках. Он пытался молиться. «Боже милосердный, спаси меня. Спаси меня, Господи, пожалуйста. Молю тебя, Господи, помоги мне. Пожалуйста, помоги мне».

– Пол. Отвечайте.

Чарди прошептал что-то.

– Что? Громче, Пол, громче.

Чарди попытался найти нужные слова. Язык прилип к горлу. Он почти ничего не видел. Ему было очень страшно. Сердце у него колотилось о ребра.

– Да, Пол? Да?

– Я сказал, пошел к черту, ублюдок.

На его спине выжгли шестую дырку.

Чарди висел на веревках. Сколько времени прошло? Времени боли или настоящего времени? Время боли течет по-другому. Медленнее. По времени боли прошли года, десятилетия. По настоящему времени – часа три. Была ночь. Он устался на крошащийся камень. В темных углах возились невидимые крысы. Он понимал, что завтра сломается. Это случится завтра. Он не был уверен даже, что дотянет до утра.

Он услышал, как дверь камеры открылась. Не по расписанию. Неужели они решили дать ему седьмую дозу прямо сейчас и лишить его удовольствия поразмышлять в ее предвкушении? Обернуться, чтобы посмотреть, он не мог. Шея почти не двигалась.

Грубые руки срезали его. Не чувствуя ни рук ни ног, он упал на солому. Его потащили на свет. Потом подняли.

– А-а-а-а-а!

– Спина, осторожнее с его спиной, идиот.

– Слушаюсь, ага.

Похоже, его усадили.

– Дай ему воды.

Появилась вода в глиняной чашке, которую поднесли ему к губам, потому что его посеревшие руки не действовали. Губами и языком он ощутил шероховатый край посуды, в рот полилась восхитительная вода.

– Довольно.

Чашку убрали.

– Пол? Вы меня слышите?

Чарди не мог сфокусироваться. Он прищурился и узнал голос. Он почти разглядел лицо, а потом оно вдруг обрело резкость. Русский внимательно смотрел на него.

Чарди глупо улыбнулся, и кожа у него на губах тут же натянулась и треснула. Из рта вывалился зуб. Голова мотнулась вперед, он снова вскинул ее. Потом потряс ею.

– Пол, послушайте меня. Мы захватили еще одного курда из группы Улу Бега. Дезертира. Несколько минут назад мы заставили его говорить при помощи горелки.

Чарди задумался. Сознание ускользало. В рот ему снова полилась вода, пока он почти не захлебнулся.

– Я-я-я... я единственный, кто знает час-час-час...

– Частоту, Пол. Частоту.

– Частоту.

– Пол, ему незачем было рассказывать нам о частоте и позывных. Он и так достаточно рассказал. Он рассказал нам о вашей женщине.

Чарди мутным взглядом уставился на своего палача. Спи-ну объял жгучий огонь, и его закрутило в водовороте боли.

– Джо-джо-джо... – начал он слабым голосом.

– Да. Слушайте меня внимательно. Второго такого предложения не будет. И времени на размышление тоже. У вас есть секунд тридцать. Пол, либо вы даете нам информацию,

либо, клянусь, я принесу вам ее голову. Если вы будете говорить, возможно, нам удастся ее вытащить. Во всяком случае, мы можем попытаться. Никто другой ей уже не поможет. Управление не в состоянии ей помочь. Иранцы тоже. Она вместе с курдами, мы сжимаем вокруг них кольцо, и в считанные дни, от силы через неделю, они будут у нас. Ей может помочь только один человек, Пол. Это вы. Решать вам, Пол. Жить вашей женщине или умереть. Говорите, Пол, а не то, клянусь, ровно через неделю, в этой самой камере я вручу вам ее голову. Я собственноручно сниму ее с плеч.

Чарди заплакал. Он нашел в себе силы закрыть глаза руками, чтобы не показывать свой позор. Крупные слезы падали на его тело и скатывались в солому. Он давился ими.

– Пол. Десять секунд.

Спешнев поднялся.

Чарди пытался собрать в кулак все свои силы, глядя, как русский уходит туда, где был свет. Но почувствовал, как сползает на солому. Остальные присоединились к Спешневу у двери и по одному двинулись прочь из камеры. Спешнев притворил за собой тяжелую дверь.

– Нет! – закричал Чарди. – Нет. Помоги мне бог. Помоги бог им всем. Прости меня, Господи. Нет. Нет. Нет!

– Ну-ну, Пол, – услышал он воркование русского, и тот ласково поднял голову Чарди с соломы. – Все образуется. Наконец-то вы взялись за ум.

После того, как он все рассказал им, его быстро вымыли

и накачали болеутоляющим. Все остальное он помнил слабо. Его перевели на несколько этажей выше, в какое-то подобие оперативного центра, и усадили за советскую артиллерийскую рацию, старую модель. Видимо, ее уже настроили на нужную частоту. Поблизости маячили несколько радиотехников; его состояние явно потрясло их. Дважды он едва не потерял сознание. Радио шипело.

– Что мне сказать?

Спешнев сообщил ему про вертолеты, и Чарди повторил это Улу Бегу, потом ему вкатили еще болеутоляющего, и он уснул.

* * *

Очнулся он в больничной палате, лежа на животе, в присутствии двух советских морпехов с автоматами Калашникова. Ему было намного лучше, несмотря на слабость. Яркий солнечный свет заливал комнату. За окном раскинулся город. Ему принесли стакан с какой-то белковой бурдой, состоящей по большей части из яиц и муки, и он высосал все дочиста.

Дверь открылась, и вошел русский.

– Ну что, Пол? Как вы себя чувствуете?

Чарди не знал, что ответить, и только глупо смотрел на него. Он мог думать лишь о том, что только что начался день, в котором не будет сварочной горелки.

– Мы подавили его, Пол. Да, у нас получилось. У меня получилось, Пол. Мы подавили его, подавили восстание. Мы разбили курдов, Пол. Всех американских военных советников отозвали обратно в Резайе. Дипмиссия будет закрыта. Шах арестовал курдских эмиссаров в Тегеране и закрыл границу. Все кончено.

Он внимательно посмотрел на Чарди.

Пол никак не мог сосредоточиться. Даже сейчас где-то внутри закопошились воспоминания, стали мешаться, путаться, вырастать из небытия. Спины он не чувствовал. Его по уши накачали наркотиками. Он и имя-то свое едва помнил.

Он отвел взгляд. Потом кое-как поднялся с кровати. Один из морпехов схватил его, но он вырвался и побрел к окну. С высоты пятого или шестого этажа Багдад казался грязной нашлепкой из каменных трущоб и убогих новостроек, раскинувшихся до самого горизонта. Жирная сонная муха билась о мутное стекло. Светило солнце, хотя вдалеке, над горами на севере, собиралась гряда туч.

– Восхитительный город, да, Пол? Прекрасный Багдад, знаменитый Багдад, город сказочных принцев и чудес. Великолепное зрелище, правда, Пол?

Чарди ничего не ответил. Он кожей чувствовал русского у себя за спиной.

– Ах, Багдад! Знаете, на прошлой работе у меня был великолепный вид из окна. Я видел реку, исполинское старое

чертово колесо, белые барочные здания. Европу. Цивилизацию. Быть может, теперь я вернусь туда.

– Девушка, – сказал Чарди. – Джоанна. Пожалуйста.

– Что ж, Пол, новости вселяют надежду. Мы полагаем, что она уцелела. Мы осмотрели тела, и ее среди них не оказалось. Если, конечно, она не погибла раньше; в таком случае я не несю никакой ответственности. Но...

– Тела? – переспросил Чарди.

– Да, Пол. Мы убили их. Мы убили их всех.

Чарди упал на колени и зарыдал. Он не мог остановиться. Он всхлипывал и давился слезами. Он пытался спрятать лицо от русского, нависающего над ним.

– Вы действительно сломлены, верно, Пол? Интересно, от вас когда-нибудь еще будет толк? Хоть в чем-нибудь? Надеюсь, когда вы вернетесь обратно, то сможете найти эту женщину и уговорите ее выйти за вас замуж. Кто-кто, а вы заплатили дорогой выкуп. Пожалуй, как никто другой. Можете жениться на ней, жить в пригороде и работать в рекламном агентстве. Скажите, Пол, неужели это того стоило?

В ту ночь, в самолете, который уносил его в Москву, Чарди исхитрился вскрыть себе вены на обоих запястьях осколком стекла. Он потерял довольно много крови, но его обнаружили и не дали ему умереть.

Чарди вынырнул из сна в своей квартирке, один в холодной ночи.

«Не глупи», – велел он себе.

Он выбрался из постели и подошел к холодильнику. Пива не было, он так его и не купил. Уже слишком поздно? Ему было отчаянно нужно что-нибудь выпить. Стрелки «Ролекса» показывали четыре. Он выглянул в окно над раковиной. За мутным стеклом мерцала россыпь уличных фонарей.

Чарди стоял босиком на кухоньке. Он плеснул в пластмассовый стакан тепловатой воды, но нервы у него сейчас были слишком натянуты, чтобы искать лед. Он думал о Джоанне, которая была на том свете, и об Улу Беге, который скоро будет там же. Думал он и о Спешневке, и ему даже показалось, будто он слышал голос русского, рассудительный, полный здравомыслия и убежденности. Спешнев сказал, и Чарди слышал эти слова, как будто тот находился тут, рядом с ним, в этой самой комнате: «На прошлой работе у меня был великолепный вид из окна. Я видел реку, исполинское старое чертово колесо, белые барочные здания».

Чарди не видел ничего. Он жил в пригороде, тут не на что было смотреть. Ему представился русский, глядящий на свои белые барочные здания, и поразился, как в душе этого человека живописные виды и архитектура эпохи барокко

уживались рядом с теорией и практикой применения газовой горелки.

Пол тряхнул головой, отпил еще глоток воды. Посмотрел на часы: прошла всего минута. Теперь уж он ни за что больше не заснет. Он снова уставился в темноту, и в этот миг, в тот самый миг его с сокрушительной силой накрыло озарение. Во всем мире мог существовать лишь один город, в котором сочетаются реки, чертовы колеса и белые барочные здания. Он и сам там бывал.

Этим городом была Вена, где Френчи Шорта выловили в Дунае после одиночной операции.

Глава 40

Причудливая вязь судьбы, которая проглядывала сквозь все события, тревожила Улу Бега, будила глубокие подозрения: происходящее всегда было загадочным, поразительным, словно подстроенным с арабским хитроумием. Взять хотя бы любопытное совпадение, по которому курд появился на сцене ровно тогда, когда Чарди ее покинул – словно бы свыше было предначертано, что их встреча откладывается на другой день. Или вмешательство неведомой силы, благодаря которой этот толстяк Данциг остался жив. Он стрелял с пятнадцати футов и видел, как заколыхалась одежда, когда пули достигли цели, как американец грохнулся на пол. Он видел это, видел своими собственными глазами. Так каким же чудом Данциг остался жив?

«ПОКУШЕНИЕ НА ДАНЦИГА НА ЧАСТНОЙ ВЕЧЕРИНКЕ В КЕМБРИДЖЕ: ДВОЕ ПОГИБЛИ В ПЕРЕСТРЕЛКЕ. БЫВШИЙ ГОССЕКРЕТАРЬ В СТАБИЛЬНОМ СОСТОЯНИИ».

Что это – какая-нибудь американская уловка, хитроумную цель которой не под силу разгадать человеческому разуму? Или ему и в самом деле не повезло?

Он читал газету, пока не наткнулся на объяснение.

Жилет, задерживающий пули! Жилет!

И тут, когда он уже было решил, что с неожиданностями покончено, он перевернул страницу и обнаружил еще одно знакомое лицо, глядящее на него еще из-под одного пугающего заголовка:

«В РОКСБЕРИ ОБНАРУЖЕНО ТЕЛО
ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЫ ГАРВАРДА».

Она мертва. Как и еще двое неизвестных. Два бывших брата, один преследующий, другой преследуемый, разминулись в ночи. И после всего этого Данциг все-таки остался в живых.

Улу Бег слабо откинулся назад и потер заросший щетиной подбородок. Он устал, глаза у него слезились. Он в бегах уже неделю после того, как это произошло, и деньги у него были на исходе. Нужно побриться, вымыться, отдохнуть.

Он огляделся по сторонам. На станции, несмотря на поздний час, было полно народу. На улице шел дождь. Америка якобы была страной чудес, но на этой станции воняло сортиром, было грязно и жарко. Кроме того, вокруг толпились странные люди: психи, старухи, мамы с неуправляемыми детьми, хмурые солдаты, богатые денди – словом, куда более своеобразный контингент пассажиров, чем на автовокзалах. Или, возможно, виной всему было его безысходное настроение или усталость, понимание, что с каждым днем его шансы тают на глазах; ему никогда не добраться до Данцига, его поймают.

Ему некуда было идти, негде укрыться. Никто не на-

правлял его. Несколько минут назад он допустил ужасную оплошность, перепутал четвертак с пятидесятицентовой монетой в маленьком кафе; разгорелся скандал, на шум пришел полицейский. Даже сейчас блюститель порядка подозрительно поглядывал на него из-за колонны.

Курд посмотрел на часы. Через несколько минут – если поезд не опоздает, а они вечно опаздывали, – он отправится в Вашингтон. В Вашингтоне он отыщет дом Данцига. У него до сих пор хранилась фотография особняка из газеты, которую он читал много недель назад, в Арканзасе. Как-нибудь Улу Бег найдет его. И уж на этот раз подберется достаточно близко, чтобы приставить пистолет к голове толстяка, прежде чем стрелять.

Он откинулся назад, глядя на ржавые железные брусья. Пахло туалетом. По крыше барабанили капли дождя. Голова раскалывалась. Улу Бег почувствовал, что его начинает познабливать. Очень хотелось поспать, но он знал, что нельзя. Похоже, его лихорадило.

Если бы он мог рассчитывать на чью-то помощь! Знать бы, куда он едет. Знать бы, что предначертано свыше. Знать бы, какие еще неожиданности его ждут.

Какой-то человек присел рядом с ним, обернулся и сказал: – Не хотите сигарету?

Это был полковник Спешнев.

Глава 41

Теперь и Роберто тоже не было в живых. Тревитт видел, как он умирал, получив пулю в легкое с большого расстояния.

– Да примет Иисус его душу, – перекрестился Рамирес, – и да вытрясет он душу из того недоноска со снайперской винтовкой и подотрет ею свой святой зад.

Тревитт забился за одного из чахлах уродцев, которые заменяли деревья на высокогорье Сьерра-дель-Каррисаи. Его бросило в дрожь при воспоминании о внезапной гибели, которая настигла Роберто – вчера? Позавчера? Дрожь объяснялась и холодом, который пронизывал до самых костей, и на миг у него промелькнула мысль обо всех пальто, которые были в его в жизни, о чудесных, основательных американских пальто, куртках, пиджаках и ветровках, о летописи всей его жизни, переложенной на язык пальто; а теперь, когда ему действительно понадобилось, этого предмета одежды у него не было, у него вообще ни черта не было.

– Матерь Божья, ну и заваруха, – покачал головой Рамирес. – Господи Иисусе, мистер гринго, зря вы не подстрелили этого козла тогда в машине.

Тревитт и сам жалел, что не подстрелил его тогда. Жалел он и о том, что Рамирес застрелил Месу и не поговорил с «ними» – кем бы они ни были. И о том, что оказался в горах.

Сверху посыпались мелкие камешки, Тревитт обернулся и увидел, как грузный мексиканец скользит по склону. Тревитт устало подумал, что надо бы последовать его примеру. Фокус был в том, чтобы не задерживаться на одном месте, переползать, перебираться и перепрыгивать от скалы к скале, от расселины к расселине, от бугра к бугру. Их преследовали – сколько уже человек? Бог весть. Но пули нередко пролетали в их направлении, оставляя яркие облачка в местах попадания. Страшно было до ужаса. Откуда знать, куда ударит следующая?

В то же самое время Тревитту было почти все равно, уйдет он живым или нет. Ужас лишил его большей части сил, усталость отобрала остатки. У него текла кровь из разнообразных порезов, царапин, ссадин. Он был грязен до омерзения, от собственного запаха его мутило. Его преследовало ужасное уныние, ощущение собственной никчемности, чувство, что он вновь оправдал самые худшие свои ожидания.

Ты вообще ни на что не годен, Тревитт. Полное ничтожество. Всегда был и всегда им останешься.

Мексиканец пробирался между скалами, словно юркая ящерка. Вот еще что беспокоило Тревитта во всем этом деле: дорога к отступлению была одна, и она вела вверх, но что будет, когда они поднимутся на самую вершину и гора кончится?

– Мы будем стоять намертво. Как настоящие герои, – заявил Рамирес.

– Может быть, стоит попытаться поговорить с этими ребятами?

– Пожалуйста. Говори. Вперед, на здоровье, говори сколько влезет.

– Кто они такие? Сколько их? Это что, Кафка?

Рамирес ничего не мог сказать о Кафке. Равно как и о численности их преследователей. Но, по его мнению, их было не менее пяти.

Этот Рамирес был тот еще тип: начисто лишенный любопытства, совершенно безразличный ко всему, кроме себя самого. Тревитт понимал, что и он существует для мексиканца лишь как бесполезное, но экзотическое приложение к реальности, что-то вроде второстепенного героя, удостоенного появления на странице-другой сервантесовой эпопеи собственной головокружительной жизни. Norteamericano. Рамирес презирал американцев, но Тревитт не принимал это на свой счет, поскольку толстяк относился с таким же презрением и к мексиканцам. Он презирал всех и вся: это был признак величия, символ громадной, алчной силы духа, которая в первобытные времена могла бы превратить Рамиреса в легенду, в Панчо Вилью, в ацтекского вождя, в диктатора. Или у Тревитта снова не в меру разыгралось воображение? Ведь с другой, более прозаической стороны, Рамирес был всего лишь грузный недалекий крестьянин с крестьянской хитрецей и сугубо практической сметкой.

И все же он был важен.

Каким-то образом он укладывался в общую схему, которую Тревитт никак не мог разгадать.

Он был настолько важен, что его попытались убрать, значит, настолько важен, что стоило спасти ему жизнь.

– Эй, мистер гангстер. Вы идете? – на своем приграничном английском позвал тот.

Тревитт перевернулся на другой бок и пополз вверх по склону. По крайней мере, оттуда, куда он направлялся, открывался какой-никакой вид.

Глава 42

Чарди проснулся, переполненный идеями, но не успел он даже задуматься, каким образом их осуществить, как зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Чарди, это Майлз. Послушайте, езжайте-ка сюда. У нас тут неприятности. С Данцигом.

– В чем дело?

– Он требует вас. И только вас. Мы ему не нужны. Совсем.

– Майлз, я...

– Чарди, вы должны приехать сюда. Этот малый совсем спятил. Приезжайте сюда, черт вас побери.

Чарди оделся и через час уже входил в дом Данцига. Майлз, бледный под своими прыщами, расхаживал по библиотеке в окружении других хмурых агентов.

– Отведите его наверх, – холодно распорядился Майлз.

Чарди двинулся к лестнице вслед за молодым мужчиной. Но Ланахан перехватил его.

– Пол. Просто успокойте его, ладно? Только полегче. Не заводите его. Договорились? Не подведите меня, ладно?

– Конечно, Майлз, – кивнул Чарди.

Он в сопровождении другого агента прошел по всем этажам дома, пока наконец не добрался до самого верха.

– Он там, – сказал агент. – Третья дверь. Это его кабинет.

– Он что, действительно рехнулся?

– Он назвал Майлза русским «кротом». Майлза. Этого маленького святошу. Твердил, что мы все из КГБ. Что мы держим его здесь против его воли. Попытался позвонить Сэму Мелмену. Ланахана чуть удар не хватил. Заявил, что знаком со всеми журналистами в городе, и собрался устраивать пресс-конференцию. Пообещал рассказать им, что управление пытается его убить, и вообще, все это – заговор ЦРУ. Майлзу приказал убираться из его дома. Сказал, пусть идет прятаться в собор. Заявил, что стоит ему только снять трубку, как через пятнадцать минут тут будет директор центральной разведки собственной персоной. Сказал Ланахану, что ему как раз нужен садовник, как-де Майлз смотрит на эту работу? И все это в банном халате, с членом навывпуск. От него разит, как от алкаша. В общем, утречко выдалось на славу. Это все было еще до девяти. Господи, Чарди, надо валить отсюда, пока не поздно. Одна неудачная операция – и потом до конца жизни не отмоешься. Хочу назад, в Южную Америку, там хоть безопасно.

Пол поблагодарил его и подошел к двери. Постучался.

– Чарди? – послышался зловещий шепот.

– Да.

– Вы один?

– Да.

Замок со щелчком отперли; дверь чуть приоткрылась.

– Быстро.

Он проскользнул в сумрачный кабинет. Занавеси были опущены, свет не горел. Чарди замер, на миг парализованный этой темнотой. Дверь за ним со щелчком захлопнулась.

Его глаза привыкли к мраку. Просторное помещение было заставлено книгами. Повсюду громоздились папки, листы бумаги, учетные карточки, подшивки статей, фотокопии. Два карточных столика были завалены бумагами. Два письменных стола у дальней стены тоже гнулись под тяжестью документов.

– Садитесь. Вон туда.

Чарди подошел, один раз поскользнувшись на карандаше. Повсюду стояли какие-то чашки, стаканы с опивками на дне. Он осторожно присел на складной стул.

– Сколько сейчас времени?

Чарди согнул руку и взглянул на свой «Ролекс». На него пахло кислятиной.

– Девять, – ответил он. – Утра.

Данциг, небритый, уселся напротив него в халате. Немытые волосы курчавились вокруг головы. Кислятиной пахло от него.

– Говорят, тут нет «жучков», – сказал Данциг.

– Не думаю, чтобы тут вообще где-нибудь были «жучки», – ответил Чарди.

– Куда вы запропастились?

– Мне пришлось съездить домой. Меня не было всего одну ночь.

– У вас усталый вид.

– Я плохо спал.

Но Данцига не интересовал сон Чарди. Теперь с почти комически преувеличенным заговорщицким видом он налетел на Чарди; черты его лица казались жуткими, глаза горели безумием. От кислого запаха перехватывало горло.

– Все это подстроено, верно? С начала до конца – заговор, так? Или вы тоже в нем участвуете? Знаете, они ведь пытались уничтожить вас. Когда вы вернулись из тюрьмы. И потом, всего несколько недель назад, после перестрелки на границе. Это я вас спас. Я вмешался. Чарди, они хотят погубить вас. Они вас ненавидят. И меня тоже. За что-то, что я сделал, что я знаю. И все это – часть...

Он вдруг умолк и заплакал.

Чарди стало неловко. Он молча смотрел.

– Чарди. Помогите мне, – попросил Данциг. – Не давайте им убить меня.

– Если вы останетесь здесь, с вами ничего не случится. Просто оставайтесь здесь – вам нечего бояться тех людей внизу.

На Данцига вдруг накатил неожиданный прилив энергии: он грузно всколыхнулся, шарахнулся, заметался между кипами книг, папок и бумаг, оскальзываясь, сметая все на своем пути.

– Мы с вами – естественные союзники в этом деле. Правда. Мы – единое целое, честно. Вы – физическая составляю-

щая, я – умственная. Помогите мне, Чарди. Вы должны дать мне слово, вы должны мне помочь. Они пытаются избавиться от нас обоих, неужели вы не видите? Вы и я, мы связаны. Каким-то образом.

Чарди смотрел, как он кружит по кабинету.

– Вы поклянетесь, Чарди? Вы поможете мне?

– Я...

– Курд – всего лишь исполнитель. Неужели вы не видите?

Возможно, он и сам не знает, кто за ним стоит. Ваша женщина была еще одной пешкой. Не исключено, что третья – вы. Это план, заговор, интрига, о которой знают только они. Зачем? Я должен знать. Зачем?

– Мне говорят, что все обстоит именно так, как кажется, – сказал Чарди. – Что Улу Бег здесь, чтобы отомстить, потому что он считает, что мы – вы – предали его народ и отдали его русским на расправу.

– Вы в это верите? Чарди, смотрите на меня. Вы в это верите? Положа руку на сердце, вы верите в это?

– Не знаю, – отозвался Чарди. – Просто не знаю.

– Это вранье. И я это докажу.

– Как?

– Ответ здесь. Вот в этой комнате.

Чарди оглядел разгром. Да, кто-то что-то искал.

– Вы знаете, что у меня тут? У меня тут копии отчетов обо всех операциях ЦРУ за те годы, когда я был государственным секретарем. У меня тут все документы, все их секреты,

все аналитические выкладки, все...

– Каким образом...

– Все это хранится у меня много лет. У меня есть свои люди и в управлении тоже. Некоторое время там была весома́я фракция моих сторонников. Многие из этих материалов я использовал при написании моей первой книги. Все это здесь, в этих документах. Я найду. Но мне нужно время. И им это известно.

– Я просто...

– Чарди! Послушайте!

Данциг приблизился, его глаза мерцали. Казалось, с ним случился припадок.

Он прикоснулся к Чарди.

– Чарди. Этот человек – иностранец. Это мужчина шести футов двух дюймов росту, который, вполне возможно, не в состоянии отличить десятицентовик от пятака. Он гамбургера в глаза не видел. Скажите мне вот что: почему его до сих пор не схватили? Говорили, что на это уйдут считанные дни. А прошло несколько недель. Его где-то поймали. И теперь манипулируют им в своих целях.

– Просто оставайтесь здесь. Не выходите никуда из этой комнаты. Не высовывайте из нее носу, пока я вам не скажу. С вами ничего не случится. Вам нечего бояться.

– Вы выгадаете мне время?

– Оно в вашем распоряжении. Доверьтесь мне.

Довериться Чарди? Поверить ему? Вот в чем была загвоздка: кому верить? Сэму? Этому кошмарному церковно-служке, Ланахану? Отступнику Чарди?

Данциг откинулся назад. У него уже вторую неделю болела голова. Грудь до сих пор давала о себе знать. Чарди ушел.

– Сегодня меня не будет, – предупредил он. – Вернусь вечером.

– Куда вы?

– Поройтесь в своих архивах, а я пороюсь в своих, – сказал Чарди.

Данциг откинулся на спинку кресла. А вдруг у него опять начнется гипервентиляция? Он попытался отрешиться от воспоминаний о курде, его оружии и о том ужасающем мгновении, когда все замерло, а убийца стоял в пятнадцати футах от него, готовый выстрелить, и Данциг понял, что ему конец. Он помнил эти глаза, горящие, полные решимости. В нем были какая-то яркость и величие, какая-то сила. Самое пугающее во всем было то, что это завораживало его.

Это все мои еврейские корни, подумал он. Я могу обсуждать это вслух, думать об этом, сравнивать это с тысячей книг и эссе, разобрать по косточкам основные идеи и мотивы, весь скрытый подтекст, отпускать на эту тему язвительные шуточки, и тем не менее я не в состоянии сделать ниче-

гошеньки, чтобы остаться в живых.

По контрасту он подумал о себе, и контраст вышел неутешительным. Пятьдесят шесть лет он не обращал никакого внимания на свое тело. Зарядка вызывала у него отвращение. Он взглянул на свой живот, студенистую массу, оттопыривающую халат. Слишком толстый, слишком слабый, слишком медленный. Он представил, как карабкается вверх по холму или бежит по переулку, а курд за ним. Он поскальзывается и ползет вперед. Курд настигает его огромными шагами атлета. А у Данцига нет ничего, ничего, чем можно было бы сразиться с ним. Весь его ум, его слава, его власть – ничто.

И что тогда будет? Он знал ответ. Он умрет.

Головная боль расплзалась по позвоночнику, отдавала в спину. Еврей, скрывающийся на чердаке. Одна и та же старая история, и нет ей конца. Столетия чердаков. Все наконец-то свелось к этому, разве не так. К игре, в которую они играют от скуки. Игра называется «Убей еврея». Убейте вонючего жида, мальчики, давайте, выбейте его вонючие зубы, дайте пинка под вонючий зад.

Убейте еврея, мальчики, убейте его.

Он покачал головой. К нему подкрадывалось безумие, он понимал это. История не давала ему покоя. Об одном грозном владыке как-то сказали, что его расцвет пришелся на период, когда все вокруг было спокойно, и Данциг презирал его за это. Перед глазами у него встали другие картины: евреи,

отправляющиеся в печи, рабы, услужливо помогающие работоторговцам, христианские мученики, улыбающиеся с костров или из ям с дикими зверями. Слабейшие погибают. Таков был другой закон, столь же суровый, как и закон энтропии, и в определенном смысле родственный ему.

«Ладно, – велел он себе, – за работу».

Он пролистал бумаги, лежащие перед ним – различные наброски, теории заговора, списки людей и организаций, которым может быть выгодна его смерть. Перечень был внушительный.

«Может, ты и впрямь дурак, – сказал он себе и безрадостно усмехнулся нелепости собственного утверждения. – Может, ты просто психованный еврей; давай поезжай на Майами-Бич, отдохни».

Но за дверью скрипнула ступенька – он знал, что это какой-нибудь сотрудник службы безопасности управления с израильским «узи» в руках и затычками в ушах, – и он вновь принялся за работу.

* * *

Повышение тяжким бременем лежало на плечах Ланахана, пригибало его к земле. Его маленькие глазки бегали еще больше обыкновенного, он судорожно и тяжело дышал. Оставлять Чарди без присмотра он не хотел и хвостом шел за ним вот уже через пятую комнату.

– Что он сказал, Пол? Про меня что-нибудь говорил? Вы его успокоили? Представляете, он заявил, что я работаю на русских, честное слово. Пол, он спятил. Он утихомирился, Пол? Он сказал, что намерен вызвать журналистов. Ох, боже мой, представляете себе, что поднимется, если...

Чарди уже доводилось видеть такое прежде, когда блестящий человек из низов, который знал на три процента больше всех тех, кто отдавал ему приказы, наконец-то дорывался до возможности раздавать приказания самому, и это его губило. Тот, кто во всеуслышание говорил за глаза о других, начинал болезненно терзаться воображаемыми разговорами за глаза о нем самом, никому не верил, желал все знать.

– Думаю, он уже немного успокоился. У него была тяжелая ночь.

– Я всегда считал, что у него маниакально-депрессивный психоз, это было видно, даже когда он был в зените славы. И что ему стукнуло в голову?

– Как обычно. Заговоры, тайные происки, все в таком роде. Ничего нового. Сообразил наконец, что может схлопотать пулю в затылок. И теперь сам не свой.

– Понятно. Я хочу, чтобы вы были поблизости. На тот случай, если он опять закатит нам концерт.

– Он уже в норме. Хочет покопаться в своих архивах.

– И все же оставайтесь здесь. Так хочет Сэм, так хочу я. Просто на всякий случай. Вы можете достучаться до него. Больше никто. Дело в том, что...

– У меня есть кое-какие дела, Майлз.

– Чарди...

– Прости.

– Чарди.

– Увольняй меня, Майлз. Вот увидишь, как на это отреагирует Данциг. Посмотришь, что он станет делать. И тогда уже никогда не быть тебе архиепископом, Майлз. – Чарди улыбнулся. – Будь пайнкой, Майлз. Не забудь отстоять позднюю обедню.

Он развернулся и вышел за порог, в яркое джорджтаунское утро.

* * *

На Коулсвиль-роуд, не доезжая до кольцевого шоссе Белтвэй, огибавшего Вашингтон, Чарди различил в потоке машин «шевроле». Зеленый, с высокой антенной. Все как всегда, не так ли? Казалось бы, они должны были обзавестись новыми машинами, но это неизменно были темные «шевроле». Чарди сбросил газ, и они сбросили газ. Он набрал скорость, и они набрали скорость. Он свернул на бензоколонку, они затормозили у обочины.

Он залил полный бак и заплатил парнишке у кассы.

– Есть здесь где-нибудь поблизости городок под названием Колумбия?

– Это дальше. Прямо по дороге. Еще миль десять.

– Спасибо.

Он вновь влился в поток машин, и «шевроле» последовал его примеру. Чарди немного снизил скорость, и машины позади него засигналили, потом принялись объезжать его. Несколько человек выругались, проносясь мимо. Он ехал со скоростью в двадцать миль в тридцатипятимильной зоне и время от времени приостанавливался в нерешительности. Внезапно позади него не осталось больше машин, кроме зеленого «шевроле», который не мог обогнать его. В зеркале заднего вида маячили две мрачные молодые физиономии, пристально уставившиеся перед собой. Чарди остановился перед светофором.

Когда загорелся зеленый, он переключился на заднюю скорость и выжал газ. Машины с грохотом врезались одна в другую; Чарди отбросило на спинку сиденья. Он тряхнул головой, чтобы разогнать туман, переключился на первую скорость и рванул вперед. Отъезжая, он различил позади смятую в лепешку решетку радиатора преследователей и расплывающуюся под двигателем лужу. Один из агентов выскочил из машины и заорал ему вслед:

– Чарди, сукин ты сын!

Чарди покатил по Коулсвилль-роуд.

Он помедлил. Ничего общего с Вашингтоном, да и с любым другим городом восточного побережья или среднего запада. Пожалуй, скорее что-то в духе Калифорнии или представления человека с восточного побережья о Калифорнии.

Шикарные деревянные дома, выкрашенные в модные оттенки от коричневого до серого, папоротники на окнах, практичные машины вроде «вольво» или «рэббитов», запутанные извилистые улочки, не ведущие никуда, кроме собственного начала. Он уже час плутал по этой холмистой утопии в поисках необычного адреса: Дворик Босоногого Мальчика, дом 10013. Неужели на этом дворике действительно десять тысяч домов с десятью тысячами «вольво» и десятью тысячами папоротников? И вообще, почему вдруг дворик? Но в конце концов он сообразил. Он отыскал этот самый дворик – это оказалась самая обыкновенная улочка – и подъехал к сбившимся в кучу домам в псевдонормандском стиле. Нужный дом оказался основательным строением, стоявшим на круговом ответвлении от дороги. Чарди свернул туда, отметив на обочине детский трехколесный велосипед, ярко-оранжевый и с низким сиденьем. Выходит, у них все-таки были дети. Или у мужчины, за которого она вышла замуж. Чарди выбрался из машины, перешагнул через велосипед и двинулся по короткой дорожке.

Он постучался. А вдруг ее нет дома и весь этот долгий путь – псу под хвост? Надо было предварительно позвонить. А вдруг она не захочет его видеть? Заранее никогда не скажешь; возможно, по зрелом размышлении она сочтет за лучшее не ворошить прошлое.

Из-за деревянной двери послышался приглушенный голос.

– Кто там?

Страх? Неужели и в этом раю людей тоже снедают тревоги?

– Мэрион, это Пол Чарди.

Дверь немедленно распахнулась.

– Господи, Пол!

– Привет, Мэрион. Надо мне было позвонить. Я случайно проезжал мимо и подумал: была не была!

– Как ты меня нашел? У нас в Колумбии с первого раза никто ничего не находит.

– Повезло, – ответил он, решив не пускаться в рассказы о потерянном часе.

– Проходи.

Она провела его в гостиную, комнату в кремовых тонах, полную комнатных растений и света и обставленную скромной чистенькой мебелью.

– У тебя уютно.

– Прости за беспорядок. В этом месяце у нас гостят дети моего мужа.

– Не переживай. Видела бы ты мою берлогу.

– Присаживайся, Пол. Кофе будешь?

– Спасибо. С удовольствием.

Она отправилась варить кофе, а он уселся на диван.

– Пол, – донеслось из кухни, – я очень рада тебя видеть.

Она появилась на пороге с двумя чашками.

– Насколько я помню, ты всегда пил черный.

– Я не изменил своим привычкам. Помнишь ту ночь в Гонконге? Мы с Френчи только что вернулись из Вьетнама. Ты встречала нас в аэропорту. В шестьдесят шестом или в шестьдесят седьмом?

– В шестьдесят шестом.

– Да, в шестьдесят шестом. А как мы отпраздновали возвращение? Отправились в то местечко в Хэппи-Вэлли. «Золотое окно», что ли. Прямо по соседству с мебельной фабрикой, и там пахло лаком и редела циркулярная пила. А помнишь, какие там были рыбы, целых шесть прудов? Они были с подсветкой? Господи, как мы тогда напились. Во всяком случае, мы с Френчи. А на следующий день в восемь тридцать у нас была назначена встреча с Саем Брашером. И ты еще заставила таксиста найти какое-нибудь местечко, которое работало бы в пять утра. А там заказала кофе и заставила нас его выпить. Черный кофе. И не пустила нас обратно в гостиницу. В ту ночь ты спасла наши шкуры, Мэрион. Помнишь?

– Да, Пол. Помню.

Чарди откинулся на спинку дивана, сделал глоток кофе.

– Да, ночка удалась на славу.

– А помнишь девицу, которая никак не хотела от тебя отрываться? В «Золотом окне». А потом ты исчез на три дня, когда уладил все вопросы с Саем Брашером.

– Ну да, – сказал Чарди.

– Ну мы-то, разумеется, знали, где ты был.

– Ну да, – повторил Чарди, ухмыляясь, как будто помнил свою мимолетную подружку.

И тут он и в самом деле ее вспомнил, девушку с азиатскими чертами лица. Она жила в городе, в обшарпанной маленькой квартирке вместе с тремя детьми. Он тогда подцепил от нее триппер. Френчи тоже с ней спал, но это было после другой командировки, уже без Мэрион.

– Мэрион, у меня просто из головы это не выходит. Эх, вот были времена.

– Я раньше тоже вспоминала об этом, Пол.

– А теперь нет? Господи, как это тебе удалось? Я так и увяз в шестидесятих.

– Вы тогда были совсем молодыми. Это была ваша молодость. Молодость всегда вспоминаешь с тоской. А я... наверное, это связано с тем, что я начала новую жизнь. У меня другая семья. Другие друзья. А у тебя просто другой виток того же цикла.

– Но ты не можешь не скучать по нему. По Французу. Мне ужасно его не хватает.

– Я скучаю, Пол. Разумеется. Таких, как Френчи, – один на миллион. Я все время по нему скучаю.

– Старина Френчи. Он так многому меня научил. О, он дал мне многое.

– Но, Пол, прошлое может быть опасным. Я никогда не рассказывала тебе – да и вообще кому бы то ни было – об этом. Но после того, как Френчи погиб, я пережила очень

тяжелые времена. Я долго приходила в себя. Меня заставили понять, как он губил меня. Мне пришлось выкинуть его из головы. Выкинуть из головы все, что связано с ним, и идти вперед.

– Жаль, что я так не могу.

– Ты можешь. Френчи всегда говорил, что ты самый сильный из всех.

– Ох, Френчи. Старый греховодник. Где его похоронили, Мэрион? Я хотел бы его проведать. Всего один раз, в память о добрых старых временах.

– В Кливленде, Пол. Там очень мило. Его кремировали, а прах похоронили в склепе на тихом кладбище под Кливлендом.

– Может быть, когда-нибудь я туда съезжу, – сказал Пол.

– Пол, ты пьешь?

– Не то чтобы очень.

Он громко засмеялся.

Мэрион неловко кивнула.

Она до сих пор была красивой женщиной, вернее, он все еще мог разглядеть в ней эту красоту сквозь возраст, сквозь ее полноту. Она вся стала какая-то пергаментная. Кожа у нее была такая загорелая, что, казалось, лучилась. И ноги остались стройными и красивыми, как были. Она ведь когда-то работала стюардессой, припомнилось ему смутно. Да, Френчи всегда крутил со стюардессами; их к нему как магнитом тянуло.

– У меня прямо зла не хватает, как подумаю, что он так давно погиб, а я все это время ни о чем не подозревал. Уж хотя бы о его смерти эти уроды могли бы мне сообщить.

– Мне никогда не нравилась секретность. Я терпеть не могла все эти штучки.

– А, они сами не соображают, что делают.

Чарди с преувеличенным презрением махнул рукой. Потом громко расхохотался и снова расплескал кофе.

– Господи, вот уроды, – сказал он.

Мэрион наблюдала за ним.

– Все-таки ты пьешь.

– Дурная привычка. Ничего серьезного. Я пью, мелю языком все, что мне вздумается. Наживаю себе врагов, убиваю время. Я сентиментальничаю, навещаю старых друзей. – Он снова рассмеялся. – Только посмотри на меня. Гоняюсь за призраками.

– Пол, тебе нужна помощь.

– Нет-нет, у Пола все прекрасно. Старина Пол, он силен. Он силен. Френчи действительно так сказал?

– Сказал.

– Я любил его. Мэрион, мне нужно знать. Что они с ним сделали?

Она глубоко вздохнула, остановилась у окна и устремила взгляд на другие такие же дома.

– У нас такой хороший район, Пол. Здесь так зелено и нарядно. Детям тут раздолье. Здесь повсюду бассейны и дет-

ские площадки для малышей. И все магазинчики рядом. Это чудесное место. Я так счастлива здесь.

– Мэрион. Прошу тебя, Расскажи мне. Я должен знать.

– Пол, я не хочу возвращаться к тем временам. Мне было так плохо. Ты не представляешь себе, как плохо мне было. Думаю, лучше тебе уйти. Ничего не выйдет. Я просто не могу туда вернуться. Ты знаешь, сколько сил я положила на то, чтобы попасть сюда, Пол? Чтобы жить такой жизнью? Это именно та жизнь, о которой я всегда мечтала, Пол, которой всегда хотела.

– Помоги мне, Мэрион. Пожалуйста, помоги. Мне нужна твоя помощь.

– Ты здесь не из памяти о добрых старых временах, Пол. Не из любви или верности. Ты все еще в деле. Я чувствую это, Пол.

Она стояла у окна.

– Это так важно, Мэрион.

– Это ведь было ужасно, разве не так, Пол? Все то, чем занимались вы с Френчи. Вы казались себе такими героями, такими важными людьми, мотались по всему миру. Ваш долг, так вы это называли. Вы боролись за свободу. Боролись за Америку. Но вы были просто-напросто наемными головорезами. Бандитами. Убийцами. Скажешь, нет? Может, это и есть тот башмак, который подходит вам по размеру.

– Не знаю, Мэрион. Я не знаю, кто мы были такие.

– Френчи рассказывал мне, много лет спустя, что во Вьетнаме несчастные случаи происходили постоянно. Ненужные

люди гибли всегда. А солдаты, с которыми вы работали в Южной Америке, были настоящие звери, они ненавидели всех и вся. Там иной раз творилась такая жестокость, что и представить невозможно. Она просто перехлестывала через край.

– Вокруг творилось черт-те что. Такое уж было время.

– «Туго». Так, кажется, вы говорили. Это было любимое словечко Френчи. «Очень туго пришлось, милая», – говорил он, возвращаясь обратно, перед тем как напиться до бесчувствия. А значило это, что уйму людей опять жестоко и бессмысленно лишили жизни ни за что ни про что. Разве не так?

– Иногда.

– Тебе известно, Пол, что последние пять лет своей жизни Френчи не занимался со мной любовью? О да, он пытался, еще как пытался. У него просто ничего не получалось. Война пожирала его. Она уничтожала великого Френчи Шорта. Он пытался выйти из игры, пока она не убила его, и понял, что у него ничего не получится. Он знал это. В последней командировке он знал.

– Знал?

– Вот они, Пол. Смотри.

За двором, за изгородью, сломя голову, неслись по улице два мальчика и девочка в купальных костюмах и кроссовках; младший мальчик далеко оторвался от других и мчался впереди, пыхтя как паровоз, старший был слишком невозмутим, чтобы это заметить, а девочка со смехом замыкала вереницу.

– Они славные ребяташки, Пол. Очень славные. Они живут у меня всего месяц и пять или шесть выходных в году, и я их не рожала, но Бог мне свидетель, я люблю их, Пол. Бог мне свидетель, я люблю их.

Она обернулась; в глазах у нее стояли слезы.

– Пол, тебе лучше уйти. У меня просто нет сил представлять вас друг другу. Ладно? Иди, Пол, уезжай отсюда.

– Мэрион. Пожалуйста, помоги мне. Как погиб Френчи? Вернись в прошлое, всего один раз. Это очень важно. Ты не представляешь себе, насколько важно.

Женщина начала всхлипывать. Он быстро подошел к ней, но она шарахнулась от его прикосновения.

– Все нормально, – яростно сказала она. – Все хорошо.

Лицо у нее опухло, глаза были красные и заплаканные.

– Он утонул?

– Так было написано в австрийском свидетельстве о смерти. Но...

– Что?

– Пол, когда его готовили к кремации, мне в отель позволили. Это было в Кливленде. Звонил хозяин похоронного бюро. Он попросил меня подъехать. Я поехала – под дождем, во взятой напрокат машине. Он был совсем старик. Кроме него, там никого не было. Он сказал, что просит прощения за беспокойство, что не хотел никого тревожить. Но в морге что-то напутали, и гроб по ошибке открыли. Он хотел знать, не намерена ли я провести какое-либо расследование. Выяс-

нилось одно обстоятельство, о котором мне следовало знать. Он сказал, что просто пытается обезопасить себя. Ну, я, разумеется, спросила, что это за обстоятельство. Пол, он отвел меня в покойницкую и показал все. Мне пришлось на это смотреть, Пол.

Она замолкла.

– Как погиб Френчи, Мэрион?

– Его убили сварочной горелкой, Пол. Моего красавца Френчи. Они жгли его, пока он не умер. Они сожгли ему все лицо.

Глава 43

Наконец-то настал покой.

Улу Бег отсыпался, поднимаясь лишь затем, чтобы совершить омовение и помолиться. Он спал и ел. Он лежал в постели, глядя в потолок. Текли часы, может, даже дни.

– Придется просто начать все сначала, – сказал ему Спешнев на своем рубленом английском, языке их общения.

– Ладно, – отозвался Улу Бег.

– Жилет, – сказал русский. – Жилет, который может остановить пулю от «скорпиона» с близкого расстояния. Какое замечательное американское изобретение.

– Голова. В следующий раз – в голову.

– Разумеется.

– Но когда?

– Скоро, друг мой. А пока отдыхайте. Наслаждайтесь покойем.

– Где мы?

– В штате Мэриленд, на полуострове. Это старинное поместье построил человек, который нажил миллионы долларов на производстве – автомобилей? Самолетов? Стиральных машин? Нет. Горчицы! Для сосисок. Десять тысяч акров, сады, бассейны, теннисные корты, особняк в девятнадцать комнат, два домика для гостей, коллекция великолепных живописных полотен, мебель в стиле чиппендейл, ред-

кие старинные книги. На горчице! А налоги нынче так высоки, что только Союз Советских Социалистических Республик может позволить себе всю эту роскошь!

Толстый русский довольно улыбнулся собственной шутке; он говорил так гладко, что Улу Бег был уверен – это была дорогая его сердцу речь, произносимая уже в тысячный раз. По выжидательному взгляду полковника курд понял, что ему полагается тоже счесть ее забавной, и улыбнулся из вежливости, хотя понятия не имел, что такое горчица.

Удовлетворенный, русский откинулся назад. Они находились в роскошной спальне домика для гостей. За окнами пруд, по глади которого скользили лебеди, переходил в болото. А с крыльца открывался вид на три различных пейзажа: луг, болото и сверкающее водное зеркало, гладкое и безмятежное. То было царство синего и зеленого – кеск-о-шин по-курдски – и тишины. То и дело налетал легкий ветерок; эта картина очень поддерживала Улу Бега.

– Я не перестаю поражаться тому, что вам удалось совершить, – сказал русский. – Вы пересекли чужую страну, чтобы нанести удар. Затем, исполнив свой замысел, ускользнули от преследования. А когда мы вышли с вами на контакт, вы обдумывали новый удар. Вы – необыкновенный человек.

Русский щедро пускал в ход лесть. Улу Бег уже привык к этому, но все равно не уставал удивляться, какой прочный стальной стержень кроется под этим жирком. У русского были серые глаза – добрые глаза, честное слово, – и светлые

волосы, которые при определенном освещении казались почти белыми. Костюмы его были вечно измяты, а двигался он, как клоун. И все же, за его излишним весом, похоже, скрывалась чудовищная сила. Палестинцы, которые помогали готовить Улу Бега в лагере Раз-Хиляль под Токрой, в Ливии, по каким-то причинам, которых Улу Бег так и не понял, называли его Аль-Лахаб, что в буквальном переводе означало «пламя». Курд решил, что этот эпитет относится к чистоте его страсти, к его силе.

– Вы чего-нибудь хотите? Женщину? Мальчика? Мы можем устроить все, что угодно.

– Я всем доволен, – отказался курд.

Это предложение слегка его задело: он ведь не какой-нибудь похотливый араб.

– Мне нужен отдых. Свобода от притворства. Потом второй шанс. На этот раз я не промахнусь.

– Ну разумеется. Секрет моего успеха – а он довольно значителен, смею добавить, – очень прост. В Москве меня спрашивают: «Спешнев, как это вам удается?». «Все просто, – отвечаю я им. – Надежные люди». Я использую их здесь. Я использую их в Мексике. Я...

Улу Бег прищурился.

– Лучшие люди, – уточнил Спешнев.

– О...

Комплимент. Этот человек ни перед чем не остановится.

– ...Вы очень добры.

– Это всего лишь правда, – пожал плечами русский.

Улу Бег скромно кивнул. Когда этот толстяк уйдет? Теплота и дружелюбие так и били из русского через край. Улу Бег задыхался от этой любви. Спешнев протянул руку и коснулся его плеча.

– Вы – человек, за которым пойдут. Ваша история, ваши подвиги, ваш героизм останутся жить в веках. Ваш народ будет слагать о вас легенды. Петь о вас песни.

Но едва стоило полковнику выразить эту витиеватую мысль, как его словно подменили. Он мрачно поднялся, подошел к окну и принялся мучительно в него вглядываться, не видя ни болота, ни неба, ни бухты. Русские, по слухам, были угрюмым народом. До чего же быстро они менялись!

– Это все контраст, – пояснил он. – Я не могу этого выносить. Мне больно от этого. Физически больно. От контраста между вами и тем, другим.

Он хмуро созерцал мирный пейзаж. На свету волосы его казались почти розовыми, под цвет поросячьих щек.

– Другим? – переспросил Улу Бег.

– Да, – сказал Спешнев. – С человеком, который преследует меня в моих снах.

– Меня в моих тоже преследует один человек, – сказал курд.

– Но это не один и тот же человек. Вы думаете о более масштабном предательстве, предательстве историческом, политическом. О предательстве вашего народа как о государ-

ственном акте, совершенном американцами в своих целях. Вы думаете о Данциге и о правосудии, в котором вам было отказано, о правосудии, которое задержалось. Вы думаете о хладнокровных подсчетах, которые в тысячах миль от вас производили люди в костюмах, сидя над картами. Я же думаю о чем-то более жгучем, более личном.

Улу Бег совершенно не следил за бреднями русского, за его угрюмыми блужданиями по этой мрачной почве. Его удивляла горячность – в обычной жизни полковник был человек жизнерадостный.

– Я думаю о человеке, наделенном талантом, о человеке огромной одаренности. Но этот талант служит злу. Он вдохновенный художник, поэт.

Улу Бег ответил ему непонимающим взглядом. Но русский, похоже, ничего не заметил и упорно гнул свою линию.

– Знаете, в нашем деле знакомство с противником не редкость. Чаще всего это парень вроде вас – достойный, усердный, человек, которого можно уважать. Человек, с которым ты мог бы подружиться, если бы не политические соображения. И все же за время карьеры хоть раз да столкнешься с тем, что можно назвать лишь злым гением. Он не холодный, он горячий. Это как страсть, потребность или наваждение. Лихорадка. Абсолютизм, который не имеет совершенно никакого отношения к общему делу. У него нет иного мотива, кроме эгоизма. Это высшая степень человеческого тщеславия. Я говорю о человеке, который способен предать брата

или пытаться беззащитного не из политических соображений и не ради острых ощущений, а исключительно из желания потешить свое эго.

Толстяк яростно жестикулировал. Улу Бег смотрел на него, совершенно сбитый с толку и ничего не понимающий. К чему он ведет? Какое значение это все имеет? Его мучило ужасное ощущение, что все становится более и более запутанным – то, что было таким простым, перешло теперь в иную плоскость.

– Я говорю, – возвестил русский, – о человеке, которого вы зовете Джарди.

– Но, полковник...

– Стоп. Если вы считали, будто знаете этого человека, то это не так. Вы знаете лишь часть его, часть, которую он позволил вам увидеть. Вы знаете солдата. Но позвольте мне рассказать вам другую историю.

Улу Бег кивнул.

– Когда мы захватили его, я настраивался на борьбу, прекрасно зная, как трудно будет его расколоть. Он ведь был оперативником, профессионалом, служил в американской разведке. Но мои ожидания не оправдались, напротив, все вышло с точностью до наоборот. Он мгновенно понял всю тяжесть положения, в котором очутился, и увидел свою выгоду. И поэтому он не просто пошел на содействие и сотрудничество с нами. Он сдал нам вашу группу не только ради спасения своей шкуры, но и ради собственного удоволь-

ствия, чтобы потешить свою гордыню. Я точно вам говорю. Признаюсь, меня это потрясло, даже, пожалуй, ужаснуло. Я понимал, что должен убить его, стереть с лица земли. И все же я колебался: у кого хватит совести убить беззащитного человека? Эта нерешительность дорого мне обошлась. Он очень быстро втерся в доверие к иракцам и заслужил их благоволение. Я не мог и пальцем его тронуть. На самом деле последней каплей стала западня с вертолетами – это была его идея. Я выступал против – в конце концов, к тому времени мы уже одержали победу. Но он настаивал на завершающем жесте. «Подумайте о будущем, – твердил он иракцам, – вам предоставляется возможность сделать такой презрительный жест в сторону курдов, что они тысячу лет не смогут смотреть людям в лицо». «В конце концов, – утверждал он, – Улу Бег – личность известная, пусть станет известно и о его конце». Я пытался переубедить их, отговаривал, урезонивал. Умолял не глупить. Но он склонил их на свою сторону.

Вам известно, что ни один русский пилот не согласился выполнять это задание? Нет, наши ребята не желали мараться. Иракцы сами вели те вертолеты. И Чарди летал с ними!

Естественно, я заявил официальный протест. Но потом меня арестовали. Он засадил меня за решетку! Он убедил иракцев, что мое противодействие этой операции доказывает мое предательство.

Меня бросили в камеру, Улу Бег, в ту самую тюрьму, где много лет спустя я наткнулся на вас. А Чарди допрашивал

меня. Представляете, какое оружие он пустил в ход против меня? Он использовал сварочную горелку. Он прожег в моем теле шесть дыр. Я сопротивлялся ему шесть дней, я собрал в кулак все свои силы и волю, Улу Бег. А под конец, когда я был уже почти мертв, он довел меня до грани признания. Я был согласен подписать что угодно. Но каким-то образом я нашел в себе волю выдержать последний час. Я продержался шесть с половиной дней, Улу Бег, под самыми жестокими пытками. В моих ранах копошились мухи. Он глумился над всем тем, что было для меня свято, он обратил против меня имя женщины, которую я любил. Это было нечеловеческое надругательство. Меня спасло лишь безрассудное вмешательство моих людей, которые наконец-то отыскали меня. Вскоре после этого Чарди исчез. Больше я никогда его не видел.

Русский посмотрел на курда. Воспоминание о тяжком испытании далось ему нелегко: с него ручьями тек пот.

– Видите, Улу Бег, наши пути сходятся. Вы убьете Джозефа Данцига. А я убью Пола Чарди.

Глава 44

В тот вечер почтальон был в злобном настроении. Он санданул кого-то локтем, и люди стали держаться от него подальше. Некоторое время спустя это стало выглядеть довольно нелепо, и Чарди сказал:

– Послушай, приятель, что-то ты совсем разошелся. Полегче на поворотах. Ты не...

И почтальон дал ему в зубы.

– За собой последи, белая шваль. И закрой свое поганое хайло.

Чарди поднялся с асфальта. Черные кругом обступили его.

– Ладно, – сказал он. – Никаких проблем. Я ничего такого не хотел.

С этими словами он уложил почтальона ударом в скулу.

Он так и не понял, кто вызвал «скорую». Она приехала ужасно быстро. Началась суматоха, потом он принялся объясняться с молоденьким полицейским.

– Не совались бы вы на эту площадку, – посоветовал тот. – Хотите играть в баскетбол – поезжайте в пригород. Или в университет Мэриленда. Или на какой-нибудь из стадионов Союза молодых христиан. А сюда не суйтесь. А коль уж суетесь, не машите кулаками, если вас толкнули. Мы постоянно находим здесь трупы, мистер. Не хватало мне только вашего.

– Давайте-ка мы вас осмотрим, – вмешался медик. – У вас слегка расширены зрачки. Не исключено, что вы получили сотрясение, а они бывают коварными. Возможно, придется наложить шов. Страховка есть?

– Конечно.

– Тогда давайте мы вас осмотрим, приятель. Просто на всякий случай.

– У меня тут автомобиль. И ни в какую больницу я не поеду.

– В машине. Я осмотрю ваш глаз в нашей машине.

– Ну ладно. Господи.

Он забрался в карету «скорой помощи». Медик открыл свой черный чемоданчик, вытащил оттуда «магнум-357» и произнес:

– А теперь не рыпайтесь, мистер Чарди.

* * *

Его отвезли в небольшой католический госпиталь на юго-востоке Вашингтона, «Санта-Терезу», высадили в наручниках на погрузочной платформе, подняли на старом грузовом лифте и провели по тихому коридору в помещение, которое, должно быть, некогда служило операционной, но теперь превратилось в самый обыкновенный кабинет с высокими потолками, столами и несколькими досками на стене. Там его уже ждал какой-то человек.

– Снимите с него наручники. Простите. Такие вещи лучше делать без лишнего шума. За вами, разумеется, приглядывают.

– Кто вы, черт возьми, такой? Что происходит? – сердито осведомился Чарди.

– Сядьте и успокойтесь. Говорят, у вас вспыльчивый характер, но попытайтесь держать себя в руках.

Незнакомец открыл бумажник и показал карточку, на которой красовалась фотография квадратного, точно вырубленного топором лица вкупе с именем Лео Бенниса, специального агента Федерального бюро расследований при исполнении служебных обязанностей. Чарди перевел взгляд с запаянной в пластик физиономии на настоящего Лео Бенниса, который в жизни оказался чуть приятнее и немного старше. Беннис снисходительно улыбался.

– Здорово, – сказал Беннис. – Нелегко вас выследить.

– Федералы. С чем пожаловали?

– Скажем, в последнее время нас восхищала определенная ситуация.

– Назначайте встречу с мистером Ланаханом. Он теперь всем заправляет. Он у нас человек занятой. Может, к следующей весне вас и примет.

– Пол, откуда такая враждебность? Вы так и брызжете злобой и возмущением. Успокойтесь вы. Не надо так.

– Ваша взяла. Вы все подготовили и успешно осуществили. Давайте к делу.

– Мы всегда прибегаем к этой уловке, когда имеем дело с управлением. Ваши люди вечно строят из себя звезд. Прямо небожители.

– Пожалуй, я пойду. Это официально? Вы меня задерживаете? Нет? Тогда я, пожалуй, пойду.

– Пол, вчера вечером я видел один фильм. Давайте я расскажу вам о нем. Это был вестерн.

– Беннис, какого дья...

– Он был о старом стрелке, о ковбое. Он устроился учителем в школу. И вдруг старые друзья просят его снова взять в руки пистолеты. Конечно, говорит он, почему нет. Чего не сделаешь ради старых друзей. Но тут, о ужас, вдруг начинают происходить странные вещи. Ну, например, он решает навестить вдову своего закадычного друга. Р-р-раз – и он вдруг среди бела дня срывается с места и едет. А когда двое его приятелей увязываются за ним, он изящно от них отрывается. Он знает, что делает, этот старый ковбой. Но от нас ему, разумеется, не оторваться. Потому что мы тоже знаем, что делаем.

– Где вы были?

– Наверху. На вертолете. В нашем распоряжении было шесть машин. Никто не вел вас больше мили, а с вертолета координировали действия. Я сам был в том вертолете, Пол. Мы бросили на это дело целую команду.

Он улыбнулся.

Чарди взглянул на него.

– Ладно, значит, для вас это важно. И что?

– Вернемся к нашему фильму, Пол. Зачем ковбою навешать вдову? Может, он нащупал какое-то выпавшее звено, которое поможет восстановить всю картину?

– Может, он просто сентиментален.

– Не сходитесь. Зачем тогда трудиться, уходить от хвоста? Почему он не хочет, чтобы в управлении знали, что он сентиментален? На самом деле он очень многое утаивает от управления. Он не сказал им о своем племяннике в Мексике. Он посылает этому племяннику деньги, свои собственные деньги, из своего собственного кармана. Все остальные считают, что племянника нет в живых. Ну не любопытно ли? Как думаете, что происходит в этом вестерне, Пол?

– Я не хожу в кино.

– И я тоже. Терпеть этого не могу. Но этот старый простофиля меня тревожит. Он играет в странную игру. И мы только начали понимать, насколько странная эта игра. Что пытаются выгадать управление? С чего это они послали неудачников, вроде Тревитта и Спейта, в Ногалес с легендой инспекторов управления по контролю за продажей алкоголя, табака и огнестрельного оружия? Насколько не у дел Вер Стиг? Насколько в деле этот малыш Ланахан? С чего это управление потребовало от нас убрать из наших архивов всю информацию по патронам для чешского пистолета-пулемета семьсот шестьдесят пятого калибра? И, наоборот, не обратилась к нам за помощью в поисках Улу Бега? У нас отличные спе-

циалисты. Пол. Они могли бы помочь. Вот только им пришлось бы задать множество вопросов, Пол. А кому-то похоже, очень не хочется, чтобы эти вопросы были заданы.

– Им надо нанять вас за одно только ваше воображение. Вам стоило бы писать книги. Вы все сказали? Можно идти?

– Мне хотелось бы, чтобы мы с вами были друзьями, Пол. Очень хотелось бы.

– Уже много времени.

– Не забывайте, что случается с теми, кто играет в одиночку, Пол. Обдумайте мои слова. Этот бизнес перемальывает тех, кто играет в одиночку. Френчи попытался и погорел, разве не так? И старина Билл тоже закончил в канаве. Коллективная работа, резервные группы, техническая поддержка, инфракрасное слежение, компьютеризированные архивы – вот ключ к успеху в наше время.

– Езжайте смотреть свои фильмы, Лео. Нигде не сказано, что я должен помогать федералам удовлетворять их любопытство.

Беннис улыбнулся. У него было добродушное лицо канцелярского работника, прошедшего двадцать лет в свете люминесцентных ламп. Он был приземистый, чуть за сорок, с рыжеватыми волосами.

– Пол, я понимаю, вы считаете, что я просто легавый. Так? Легавый, желающий вмешаться в операцию ЦРУ, которая и без того висит на волоске, охотник за красными, тупой головорез, рвущийся в драку. Вот как вы считаете.

– Я не знаю, какую игру вы затеяли. Я не хочу, чтобы пятьдесят человек дышали мне в затылок. Я должен разобраться со всем этим самостоятельно. Правда. Хотите нанять меня? Простите, нет. Я работаю исключительно сам на себя.

– Позвольте полюбопытствовать, Пол, вы считаете, что тому парнишке под силу справиться там самостоятельно? Это же бандитская страна. Ковбой вроде вас – еще куда ни шло. Но тот парнишка? Надо же было такое затеять. Стреляный воробей и парнишка, всего четыре года как выпустившийся из колледжа, держащий связь через монахиню в Иллинойсе и столкнувшийся с чем-то таким, о чем вы не имеете ни малейшего понятия, за исключением того, что люди все продолжают гибнуть и никто не может найти никаких следов Улу Бега. Это у вас разыгралось воображение, если вы считаете, что преуспеете в этом деле больше, чем удалось Спейту. Позвольте-ка, я кое-что вам покажу. Вот, взгляните.

Он передал Чарди распечатку, в которой несколько строчек были подчеркнуты красным.

Чарди прочитал ее.

– Откуда это взялось?

– На следующий день после гибели Джоанны в ее квартире раздался междугородний звонок. Нам удалось найти человека, который снял трубку. Это бостонский полицейский, находившийся там в рамках гражданского расследования. Ему ничего не известно о вас, Улу Беге и управлении. Он сказал, что записал сообщение на случай, если встретится с вами.

Но так ничего вам и не передал. Забыл, наверное. Ох уж эти полицейские. Им нельзя доверять.

Это была распечатка записи телефонного звонка сестры Шэрон – та пыталась передать Чарди послание от Тревитта.

– Похоже, он на что-то напал. И у него неприятности, – заметил Чарди.

– Мы получили это два дня назад от одного сотрудника вашего техотдела в Бостоне, когда он снимал ее телефон с прослушки. Мы немедленно установили перехват на всю корреспонденцию, которую через «Вестерн юнион» отправляли вам на адрес вашей бывшей школы. Вот это пришло только что, почему мы и решили связаться с вами сегодня.

Чарди прочел:

«Дядя ты где? Нашел цапки нужна помощь караулят бандитос рядом с Эль-Пломо Мексика Твой Джим».

– Эль-Пломо – городок в горах Каррисаи, к западу от Ногалеса, у самой границы. Телеграмма была послана во вторник мексиканской почтой. Похоже, ваш племянник попал в очень опасный переплет. Так что мы можем отправиться с этим в управление, напрямиком к Майлзу Ланахану, и...

– Нет, – сказал Чарди.

– Ну разумеется, нет. Так что, Пол, мы с вами сейчас возьмем и отправимся туда. Да, сколотим небольшую компашку и поедем. Видите ли, Пол, вы нам действительно нравитесь. Мы хотели бы, чтобы вы к нам присоединились.

– Тогда поехали, – сказал Чарди.

Глава 45

Близился рассвет.

Тревитт с усилием провел языком по пересохшим губам, оглядывая скалистый склон. Не было видно ничего, кроме чахлой травы, россыпи валунов, осыпающегося горного склона.

– Эй? Ты там как? – подал голос Рамирес.

– Вроде ничего, – отозвался Тревитт.

Но это была неправда. Рана перестала болеть, и скомканная рубаха, которой ее наспех заткнули, наконец остановила кровотечение. Но у него было такое чувство, будто он вот-вот сойдет с ума. Ко всему прочему, за ночь его дважды вырвало – не то до того, как его подстрелили, не то уже после, он не помнил. Но, по крайней мере, с рассветом станет тепло, и, может, он перестанет дрожать.

– Пресвятая Дева, они уже скоро появятся. Эй, у тебя еще остались патроны?

Тревитту казалось, что патроны у него еще есть. Где-то. В каком-то кармане. Он решил, что поищет их немного попозже. К чему спешить?

– Парень, эй, парень. Парень! Что с тобой?

– Ничего. Все в порядке.

– Потому что, черт побери, я уже было решил, что ты не выкарабкаешься, а Рамирес не хочет оставаться один на этой

горе.

Он рассмеялся. Похоже, мексиканец усматривал во всем происходящем что-то смешное, что-то безумно забавное.

Тревитт попытался сосредоточиться на том, что выплывало из темноты перед ним: склон, вереница корявых дубков и сосен чуть ниже.

А позади? Ничего, только безбрежная синь и мили бесполезной красоты. Гора все-таки кончилась. Они залегли на вершине, припертые к самому краю отвесного обрыва. Прямо за гребнем начинались сотни футов пустоты.

В паху вдруг стало тепло и влажно. Тревитт решил, что у него снова началось кровотечение. Но нет, оказалось, что это непроизвольно опорожнился его мочевого пузырь. Ему было удивительно, откуда там еще могла остаться какая-то жидкость, и противно и стыдно, что он так забылся, пока он не понял, что пуля могла повредить мочеполовую систему, всякие клапаны и протоки – она угодила прямо в спину, над самой поясницей, и застряла внутри.

– Ты умрешь, парень?

«Наверное», – подумал Тревитт.

Он провел рукой по лицу и наткнулся на свалывшуюся бороду. Чего ему сейчас хотелось бы, это попить водички. От него пахло – а он ведь всегда был такой чистоплотный. Ему хотелось согреться. Хотелось, чтобы в голове не плавал такой туман. Он горевал о мальчишке. Зачем им понадобилось обижать ребенка? Это было ужасно. Тревитт заплакал. Сле-

зинка поползла по переносице; она была так близко к глазу, что казалась громадной и лучистой – огромная переливчатая дымка, которая затянула мир. Но она сорвалась. Чахлая трава, каменистый склон, пыльные горы – все вернулось, розовеющее в лучах восходящего солнца, под бесконечным сереющим небом, которое уже начинало серебриться. На востоке пламенел ослепительный оранжевый шар солнца.

Грянувший выстрел поднял неподалеку фонтанчик пыли. – И близко не попали, – сказал Рамирес. – Давайте, шлюхи, – завопил он на своем богатейшем испанском, – постарайтесь получше.

Растрескавшимися губами Тревитт снова задал свой единственный вопрос:

– Кто они такие?

– Не все ли равно? – отозвался Рамирес. – Злые люди. Бандиты. Головорезы, гангстеры. Матерь Божья, пошли Рейнолдо подарок, чтобы он не умер с проклятием в твой адрес на губах.

Внезапно он вскинул винтовку на плечо и выстрелил.

– Промахнулся. Святая Дева, ты меня разочаровываешь. Он отступил. Сукин сын.

Мексиканец передернул затвор, стреляная гильза выскочила и подкатилась к Тревитту, который скрывался позади за кучей камней.

– Думаю, они могут попытаться взять нас штурмом. Почему нет? Это несложно, так они друг друга не перестре-

ляют. Через несколько секунд я представлю вас им, мистер porteamericano. Я представлю вас сеньору пулемету и его другу, сеньору второму пулемету. А еще есть сеньорита винтовка с оптическим прицелом. Я очень хочу познакомить их с моим добрым другом, сеньором безумным гринго, который искал приключений на свою задницу... Эй, как тебя зовут? У тебя ведь должно быть имя.

– Тревитт. Меня зовут Тревитт, – сказал Тревитт, которому почему-то вдруг показалось очень важным сообщить об этом Рамиресу.

– Мистер безумный гринго Тревитт, который искал приключений на свою задницу. Да уж, он нашел приключение себе на задницу, не так ли? В доброй старой Мексике. Послушайте, мистер безумный гринго Тревитт, по-моему, они могут появиться с минуты на минуту, о да, клянусь Пресвятой Девой, в любой миг, и тогда мы увидим, кто здесь шлюхи. Эй вы, шлюхи, давайте кончайте с этим. Ха, они не собираются высовывать свои поганые головы, черта с два.

Он еще некоторое время продолжал свой безумный монолог, заклиная врагов напасть на него, упрашивая их, понося на чем свет стоит их матерей, отцов, детей и домашних зверюшек. В конце концов, он все-таки выдохся.

– О господи, – простонал Тревитт.

– Он не поможет вам, мистер безумный гринго, нет, не поможет, я не вижу поблизости Господа. Я не вижу Пресвятой Девы, не вижу ни священников, ни святых сестер, ниче-

го такого. Тут нет ни церкви, ни Богородицы. Эх, как бы я задал этому ублюдку со снайперской винтовкой. О Мать Божья, отдай его твоему грешному сыну, Рейнолдо, только отдай его мне, чтобы я мог отстрелить ему яйца, и я буду ходить к мессе каждый день до скончания... Эй!

– А? А-а, я, наверное, задремал.

– Самое время покемарить, малыш. Эй, мистер, думаю, вы не уйдете живым с этой горы. Да и Рейнолдо Рамирес, пожалуй, тоже.

Еще одна пуля чиркнула о камни.

– Ближе, совсем близко. Господи Иисусе, никогда не думал, что закончу свои дни на горе, загнанный в угол. Я считал, что меня прирежет какая-нибудь чокнутая баба. Все бабы – шлюхи, ненормальные обезьяны. Они в два счета откромсают тебе почки и сожрут, только позволь им. Я думал, меня прикончит кто-нибудь из них. Но чтобы на горе, в компании с гринго – черта с два. Мадонна, продли мои дни, черт бы тебя побрал. Она такая дрянь, эта баба, она хочет, чтобы ты ставил ей свечи, а как тебе нужно чудо, так она в кусты. Продли мои дни, Пресвятая Дева. О да, si, вот он, вот наш друг, да, по-моему, я его вижу.

Он вскинул винтовку.

– Да, да, замечательно.

Выстрелил. Промаяхнулся.

– Ах ты дрянь, поганый сукин сын, спрятался. Я промаяхнулся всего на волосок!

– Господи, похоже, я умираю, – сказал Тревитт.

– Я тоже так думаю. Похоже, я и сам умираю.

Тревитт попытался сесть. Он устал лежать на твердых камнях. Но у него ничего не вышло. Винтовка вывалилась из его пальцев. Он кашлянул и с трепетом заметил струйку розовой слюны, тянущуюся от его губ к винтовке, алую паутинку, тонкую и дрожащую. В конце концов она оборвалась и исчезла.

– Ой. Мама. Мама. Мамочка. Господи, мне так страшно. Он попытался ухватиться за что-нибудь.

– Подбери нюни, а? Твоей мамы тут нет, – сказал Рамирес.

– Помогите мне. Помогите, пожалуйста.

– Прости, малыш. У меня своих забот полно.

Шок, золотистый и прекрасный, снизошел на Тревитта, принес с собой покой. По его телу разлилась неодолимая приятная истома.

Где-то сбоку неожиданно затрещала автоматная очередь. Она хлестнула по камням, за которыми они укрылись, Тревитта обдало каменным крошевом, и у него еще хватило соображения отпрянуть. Мексиканец вскрикнул. Потом выстрелил из своей винтовки, яростно передернул затвор, снова выстрелил, крича:

– Грязные шлюхи, прыщи гнойные, человеческое отребье!

Он вдруг умолк.

– По-моему, я в него попал. – Он тяжело дышал. – Но он тоже меня задел. Ох, Пресвятая Дева, прости меня. Мне ну-

жен священник. Святая Дева, прости своего грешного сына.

Тревитт услышал, как винтовка упала наземь и поползла по камням.

Хозяин автомата снова полоснул очередью; полетела пыль и осколки. Тревитт отпрянул.

– Эй, – завопил Рамирес, – подойдите и убейте нас, ублюдки.

– Мама! Мама! – закричал Тревитт и попытался приподняться.

Еще одна очередь прошила его грудь.

– Я умираю, вот черт, похоже, я умираю.

– А вот и они, – сказал Рамирес. – Вот наши замечательные друзья.

Одна его рука была окровавлена, он неловко держал ее на весу. Голова тоже была в крови.

– О, только поглядите на этих шлюх. Шлюхи. Плевал я на вас, шлюхи. Солдаты. Взгляни, Святая Дева, солдаты.

К тому времени нападавшие уже вели себя довольно нагло. Их оказалось шестеро. Шесть человек, вооруженных в большинстве своем автоматами Калашникова, а один – снайперской винтовкой Драгунова, двинулись вверх по склону. На них были мешковатые камуфляжные комбинезоны и красные береты. Профессионалы. Настоящие коммандос. Тревитт лежал и смотрел, как они приближаются.

– Эй, мы с тобой задали этим ублюдкам жару, мистер ненормальный гринго. Что ж, вот тебе приключение, всем

приключениям приключение. Мы им кровушки-то попортили, ох попортили. Шлюхи. Мы забрали кое-кого из этих шлюх с собой. Им пришлось целую армию подтянуть, чтобы выкурить нас отсюда.

Пришельцы преодолели уже половину подъема; автоматы они держали на изготовку. В их лицах вовсе не было заметно никакого торжества или ликования, напротив, они двигались, явно рассчитывая каждое свое движение, каждый жест, бесстрастные и неумолимые, истые военные, спеша скорее покончить со всем этим.

– Шлюхи, – повторил Рамирес.

Он тоже плакал; он упал на четвереньки, но раз за разом пытался подняться. Вокруг него все было в крови. Он пытался упереться ногой, но у него ничего не получалось, и он валился вперед.

– Им пришлось подтянуть армию, чтобы захватить нас. Вы, шлюхи! Мешки с дерьмом и гноем. Святая Дева, я прошу тебя о прощении, ибо я грешил. Я хочу покаяться. Прими своего сына Рамиреса. Ах вы шлюхи! Давайте подходите, шлюхи, и покончим с этим. Рамирес не боится. Мне так страшно. Господи Иисусе, мне страшно. Ах вы мешки с дерьмом!

Но этот поток брани не подхлестнул нападавших – они приближались все той же неумолимой поступью, пробираясь между камнями.

Тревитт вдруг уселся, как подброшенный. У него было та-

кое ощущение, будто он находится в нескольких мирах разом. Рана у него открылась, и он истекал кровью. Он сидел в луже и сам себе казался отвратительным, грязным. Ему хотелось к маме. Было безумно жалко Мигеля. В вышине парила большая птица, ее темная тень напоззла на него. Она с шумом разрывала воздух, эта большая неуклюжая тварь, настоящая громадина.

– Мама, ой, мамочка, пожалуйста! – закричал он.

Птица зависла над ним; это оказался вертолет, и он застал штурмовой отряд на открытом месте. Он появился из ниоткуда – из-за горной вершины, с рокотом взмыл над отвесной стеной за спиной у Тревитта с Рамиресом. Черный «Хьюи» без опознавательных знаков, назойливо жужжащий, точно навозная муха, неторопливый, настойчивый. Перед глазами у Тревитта все плыло, и он не мог различить деталей в неожиданно поднявшемся шквале пыли и огня, но увидел, как длинная очередь хлестнула вдоль склона в сторону брызнувших врассыпную командос. Трассирующие пули настигали бегущих людей и косили их. Вертолет развернулся и полетел вдогонку за парочкой, которая выбежала за пределы зоны огня; он зависал над фигуркой каждого, и того сметало взрывом. Последний – тот самый, что был с винтовкой Драгунова, – отбросил оружие далеко в сторону и поднял руки. Стальная птица покружила над ним, потом повисла в воздухе. Боевик стоял в овале взметающейся пыли в тридцати футах под неподвижной машиной. Внезапно вертолет взмыл

ввысь. Он взлетел, как будто вырвался из-под влияния силы тяжести, словно бежал от солдата на земле. Вспышка, хлопок – и человека окутал огненный шар.

– Боже правый, у него была бомба, – сказал Рамирес.

Вертолет пролетел прямо над ними и опустился в сотне футов поодаль. Тревитт ничего не слышал, но извернулся и стал смотреть, как из него один за другим выпрыгнули три человека в синей форме и бейсболках с винтовками «М-16» наперевес.

Тревитт поднял руку, чтобы поприветствовать своих спасителей, и узнал в первом из них Пола Чарди – тот приостановился лишь затем, чтобы вставить в свой автомат еще один магазин, и бросился к нему.

* * *

Тревитт умер в воздухе, во время перелета через границу. Точный миг Чарди не уловил; возможно, его и не было. После спасения парнишка так полностью и не пришел в сознание. Он лежал, грязный и окровавленный, на полу – на палубе, как его называли пилоты – «Хьюи». Чарди уже доводилось летать, и не раз – во Вьетнаме в шестидесятых, в Перу, – и всегда все было одинаково: оглушительный рокот, яркий свет и воздух, бьющий в открытую дверь вертолета, вибрация, резкий запах горючего, вонь пороховой гари – и мертвец на борту.

Они накрыли его лицо простыней и попытались аккуратно устроить его руки и ноги, но во время болтанки одна рука свалилась, и из-под простыни с изящной каймой выглянули тонкие пальцы. Да, Тревитт теперь совершенно не походил на того юного мечтателя, которого Чарди видел в Рослине – в костюме, в кабинете, в самый разгар цивилизованного дня. Он выглядел как самый настоящий боец, солдат, грязный, усталый и мертвый. Чарди вдруг подумал, что почти ничего не знает о нем.

И спросить тоже было не у кого: среди них у Тревитта не было друзей – кроме Чарди, в вертолете сидели два спецagenta ФБР, напротив него, в мрачном отдалении, с бесстрастными лицами, настоящие полицейские служаки. Да еще один драгоценный трофей, мексиканец, толстый, раненый и угрюмый, с безумными глазами, который все повторял и повторял: «Господи Иисусе, господи Иисусе». Кто бы это такой мог быть?

Чарди взглянул на него. Рука у мексиканца была замотана бинтом, он устало привалился к передней переборке.

Кто ты такой? Что делается в твоей глупой башке?

Какие секреты там хранятся, свинья?

Неожиданно рев двигателя стал тише, и Чарди почувствовал, что они снижаются. Взметая тучи пыли, стальная птица опустилась в отражение солнца от пустынной почвы, и на них обрушились каскады белого света, а миг спустя они, подпрыгнув, приземлились, и двигатель заглох.

Они неуверенно выбрались из машины. Откуда-то высыпали многочисленные спецагенты ФБР и пограничники. Чарди стоял на отшибе на солнцепеке; вокруг него кипела деятельность, сновали люди, которые знали, что делать.

Пол пошарил в карманах, нашел темные очки и надел их, чтобы глаза не слепил солнечный свет, убийственный на этой широте. Они находились на пограничном пункте по обеим сторонам от Камино дель Дьябло, дороги дьявола, на юго-востоке Аризоны, давно облюбованной нелегальными эмигрантами и наркокурьерами, затруднить переправку которых и было призвано строительство нового пограничного пункта. На фоне ярко-голубого неба безжизненной тряпкой висел американский флаг. Чуть поодаль за сборными щитовыми и панельными домиками начинались бурые холмы из песчаника, скудная колючая растительность и скалы. Чарди доводилось бывать и здесь тоже, и не раз, на этой разбитой на скорую руку заставе, где время от времени гибли люди.

Он снова взглянул на Тревитта, накрытую простыней неподвижную фигуру на носилках у затихшего вертолета.

– Кофе, Пол? – спросил Лео Беннис. – Или холодного чая? У нас тут есть холодный чай.

– Не нужно.

– Боже, не представляю, как он умудрился так долго протянуть с пульей в животе.

– Наверное, он был мужественный парнишка, – сказал Чарди.

– Он держался молодцом. Лучше не придумаешь.

– Эй, мистер?

Это был мексиканец.

– Эй, вы не можете так поступить. Вы увезли меня из моей страны. Вы должны вернуть меня обратно.

Чарди ничего не ответил. Разве кто-то не должен был за ним приглядывать?

– О вас позаботятся, – заверил мексиканца Лео. – Не беспокойтесь.

– Это недешево вам обойдется, вот что я вам скажу. Недешево, да.

Он улыбнулся. Потом сказал:

– Эй, тот мальчишка, ненормальный мальчишка, он ничего не умел. Ему приходилось подтирать нос. Я думал, все гринго – крутые ребята. У вас что, не нашлось никого получше?

Он улыбнулся, сверкнув ослепительными зубами.

Чарди улыбнулся в ответ и с размаху врезал ему по носу, чувствуя, что разбил его. Мексиканец мешком осел в пыль. Он убил бы мерзавца, если бы Беннис, а потом и еще несколько человек не оттащили его.

Глава 46

Ужасающий миг стремительно надвигался. Ланахан провел шершавым языком по пересохшим губам, посмотрел на часы, на стакан с водой перед ним, потом на стакан Сэма Мелмена на другом конце стола. Губы и горло молили о воде, но он не мог выпить больше, чем его руководитель. Ланахан поклялся себе ничем не выказать свою слабость перед оперативным директоратом, избранным на еженедельном совещании начальников отделов в Лэнгли. Люди, собравшиеся в этой комнате, были старше его лет на десять, а то и на все пятнадцать и не отличались особым дружелюбием.

Но Мелмен славился своей неприхотливостью и мог обходиться без воды часами. Он даже не прикоснулся к своему стакану, совсем. А вот его сосед, должно быть, не далее как сегодня утром сдал русским парочку агентурных сетей, потому что выдул уже полтора стакана.

Из Советского блока, похоже, тоже ожидались дурные вести, поскольку тамошний малый прямо-таки присосался к стакану и озирался по сторонам с рассеянным ужасом, который можно увидеть только на совещаниях – нездоровая бледность и дико бегающие глаза, неприкрытый и всепоглощающий страх.

Но Сэм на том конце стола восседал в своем спокойном величии. Он протянул руку над полированной деревянной

поверхностью, продемонстрировав четверть дюйма манжеты кремовой французской сорочки, и лениво погладил стакан. Ланахан заворуженно следил, как его изящные пальцы ласкают прохладное стекло, потом перевел взгляд на собственный стакан – до него было всего несколько дюймов. Он стоял под прямоугольной люминесцентной лампой, в свете которой стекло казалось немислимо ярким.

«Вода, вода, кругом вода, а выпить нечего».

Эта строчка, зазубренная когда-то в приходской школе, тупо долбила его череп и не желала уходить. Он попытался отделаться от нее.

На другом конце стола прилежный сотрудник отдела Европы методично и пространно излагал подробности недавно завершенной операции с советским военно-морским аташе в Ницце. Это было бессмысленное и корыстное повествование, изобиловавшее упоминаниями людей и событий, о которых Ланахан не имел ни малейшего представления. Выслушивание подобных секретных сведений давным-давно утратило для Ланахана свое пьянящее очарование, и многословие докладчика было для него пыткой: после Европы наступал черед Дальнего Востока, а за ним шли особые проекты. А Мелмен, помимо множества прочих вещей, отвечал и за особые проекты. Он снова заглянул в повестку дня на слепой, смазанной ротапечной копии перед ним, как будто хотел убедиться точно, и увидел – да-да, под заголовком «Особые проекты» все ту же строчку, которая никуда не де-

лась: «Отчет по делу Данцига (ответств. М. Ланахан)».

Майлз протянул руку и потрогал стакан. Он коснулся стекла одним коротким пальцем, ощутил его гладкость. Его не покидала непостижимая уверенность в том, что, если он нарушит эту тайную договоренность с самим собой, если поддастся искушению и выпьет воды, неминуемо разразится катастрофа. Это было predetermined, это не вызывало сомнений. И тем не менее, эта мысль делала воду нестерпимо притягательной. Его горло жаждало ее. Майлз взглянул на часы. Прошло тридцать секунд.

Ланахан вляпался по-крупному. Он не мог отыскать Чарди. Тот как сквозь землю провалился. Стряхнул с хвоста двух няnek, и со вчерашнего утра его больше не видели. В квартире у себя он не появлялся. А ведь Майлзу было особо поручено не спускать с Чарди глаз. И он знал, что Мелмен обязательно спросит про Чарди. Если он попытается солгать, то сам испортит свое будущее. Если скажет Сэму, что Чарди с Тревиттом обдeldывают какие-то делишки в Мексике, то он влип. А если Чарди перебежал к русским, то он влип хуже некуда.

Маленькие ручки Тревитта сложились в кулаки. И почему эти лопухи упустили Чарди? Ну как можно требовать от него каких-то достижений с такими недотепами, как те двое! Это нечестно. Не должны были навешивать на него ответственность сразу за Чарди и за Данцига. Это было уже чересчур, тем более что Данциг тоже начал выкидывать фортеля.

Слово получил отдел Дальнего Востока. Контр-адмирал – хотя он проработал в ЦРУ уже бог знает сколько лет, но до сих пор носил флотскую форму – тешил свое тщеславие. Говорил простыми, обтекаемыми фразами, читал сквозь очки по бумажке что-то на столь невразумительную тему, что Ланахан даже не пытался вникнуть. Однако закончил он почти сразу же, как только начал, и безучастно уселся обратно на место.

– Обсуждение?

– Уолт, вопрос по гонконгской верхушке. Это те же самые люди, которых Джерри Кении использовал еще в пятьдесят девятом?

– Не все. Старый Ли, разумеется, – он там с самой войны. Но реальная сила – более молодые люди, те, которые появились уже после Чана Кайши.

«Что еще за Джерри Кении?» – задался вопросом Ланахан.

– Ладно. Я просто хотел уточнить. Думаю, Джерри не особенно любил Ли.

– Ну, Ли тоже кое на что годится.

– Надо думать.

– Еще что-нибудь?

«О господи», – внутренне содрогнулся Ланахан.

А потом подумал: «Ну, Чарди, ты и мудака!»

И сам поразился, как это он мог произнести, пусть даже всего лишь в мыслях, такое грязное слово.

– Сэм. Ты следующий?

* * *

Мелмен заговорил. Он очаровал их, Ланахан видел это. Он очаровывал их, убаюкивал, уводил их то туда, то сюда: краткий обзор операции, ключевые моменты, неудачи, судьбы давно умерших участников, общественное положение живых, бесконечные лестные отзывы о своей правой руке и координаторе операции, Майлзе Ланахане, при которых Майлз мог лишь кивать и натянуто улыбаться.

«Он подставляет меня, – думал Ланахан. – Он знает, что я напортачил, – должны же у него быть свои источники, он просто меня подставляет».

Майлз снова прошелся языком по губам. Боже мой, до чего же жарко! Он очень надеялся, что на лбу у него не выступила испарина; ему нужно было в уборную и до смерти хотелось пить.

Где Чарди?

«Ну почему я не сдал его Мелмену раньше? У меня была настоящая бомба, хороший шанс. Нет, мне непременно хотелось разыграть эту карту поудачней, подать ее получше, добиться чего-нибудь побольше...»

Он еще вполне мог разоблачить Чарди. Еще не было поздно. Он ничего Чарди не должен. Таких, как Чарди, он хорошо помнил по старшим классам школы и по колледжу: спортс-

мены, герои, они искренне верили, что весь мир принадлежит им; они считали, что заслужили лучшие места под солнцем. Священники любили таких Чарди, а смышленому, но хилому пареньку, вроде Майлза, едва кивали. Чарди нес знамя веры, Ланахан же просто выполнял свою работу.

Где же Чарди?

Его группа работала всю ночь. Безрезультатно. Он разослал своих людей по полицейским участкам, по больницам. Они все еще могли связаться с ним, это было дело считанных секунд, хотя у него и оставались считанные секунды до того, как он поднимется, считанные секунды...

«К черту», – подумал Ланахан.

Он сделал глоток воды, затем другой; на этом она и закончилась. Весь стакан он опустошил одним залпом. Он почувствовал на себе полные ужаса взгляды; он что, хлюпал на всю комнату, когда пил? Все, традиция нарушена, его карьере конец? Выходит, она, в конечном итоге, зависит от таких мелочей, не от того, кто твой отец и где ты ходил в школу, а сколько воды ты пьешь, те ли носки носишь и знаешь ли, когда смеяться и над чем?

Он потерял нос, на котором назревал прыщ.

– Майлз?

– А! Прослушал.

– Состояние дел?

– Ну... – его голос прозвучал чуточку визгливо, он понизил тон, – ну, Сэм, джентльмены...

Нет, неверная нота, он ведь не хочет показаться подобострастным, тут главное – держаться с достоинством.

– ...в настоящий момент ситуация стабильная. Доктор Данциг до некоторой степени сотрудничает с нами, оставаясь на одном месте, а мы держим его дом под наблюдением.

– Майлз, какого рода контакты вы поддерживаете с ФБР?

– Крайне поверхностные. Один из их руководителей предложил мне любое содействие, но я поблагодарил его и отказался. Не вижу смысла привлекать их сверх необходимого. Они хотели помочь нам людьми, но никто не знает, кто из них кому докладывает.

– А что разведка?

– Я консультировался с ними относительно границ сферы моей деятельности; они очень мне помогли. Но людей не предложили, а я их не просил. В самом доме и на участке дежурят наши люди, вдобавок окрестности патрулируют машины, а в одном доме в том же квартале разбит чрезвычайный штаб. Там все очень серьезно. Они чуть было не арестовали меня.

– А меня вот арестовали, – под общий смех сообщил хороший знакомый Джозефа Данцига.

Майлз уже начал надеяться, что...

– А в каком состоянии сам Данциг?

– Э-э... Он находится в состоянии сильнейшего стресса. Ему сейчас приходится нелегко, и нам тоже. Он держится, хотя и не без срывов.

– Как ваши люди?

– Мне не на что жаловаться. По-моему, все идет неплохо.

Они профессионалы и знают, чего ожидать.

– Еще что-нибудь, Майлз? – спросил Сэм.

– Это все. Больше добавить мне нечего.

– Ну, если ни у кого нет вопросов...

– Вроде в этой операции участвует Чарди?

– Да, – сказал Майлз.

– Вот Пол был оперативник. Куда там вашим профессионалам! Один из настоящих ковбоев.

В голосе слышалась теплота, простодушная тоска по поре, которую кое-кто из собравшихся в этой комнате до сих пор считал добрыми старыми временами.

Да и пошел он. Пошел он к черту. Из ниоткуда, из сентиментальной тоски по отвратительному прошлому всплыло мерзкое имя Чарди. Майлз быстро глянул в дальний конец комнаты, но говорившего определить не смог. Все они были на одно лицо: седые, приятные, учтивые люди в костюмах, чуть высокомерные, с дежурными улыбками и спокойными глазами.

– Я слышал, Данциг к нему благоволит, – с любопытством заметил еще кто-то.

– Похоже, он воспылал любовью к Чарди. Думаю, это все стресс, – сказал Майлз. – Едва ли...

– Но ведь Чарди некоторое время сидел в советской тюрьме. Майлз, думаете, это разумно, учитывая...

Но тут поспешно вмешался Мелмен:

– Дэвид, мы все в курсе бурного – и разностороннего – прошлого Чарди. Это я решил привлечь его к операции, потому что он был связан с Улу Бегом. Откровенно говоря, в самом начале мы не исключали, что мишенью курда будет он, и на всякий случай хотели, чтобы он был у нас на виду. Но наши подозрения не подтвердились. Теперь он важен, поскольку...

– Я знаю, что он важен. Насколько он надежен?

Голос звучал брюзгливо.

– Это риск, на который, по моему мнению, мы должны быть готовы пойти. Мы тщательно следим за ним.

– Любой человек, который вздул Сая Брашера, заслуживает медали, вот что я вам скажу, – раздался еще один голос, тоже утонувший в громком смехе.

– Мне ничуть не жаль Сая Брашера, Сэм, но это пример именно той дикой разнузданности, которую управление не может больше оставлять безнаказанной. Вот почему я спрашиваю, насколько он надежен. И вот почему...

– Пока что Пол делал свою работу вполне исправно, – заметил Сэм.

– За исключением Бостона, – возразил неведомый Дэвид. – Если я правильно понял отчеты, если бы он оставался на своем посту, всего этого безобразия...

– Или наоборот, все это безобразие было бы еще больше. А если бы он запаниковал и не додумался перевезти тело

той женщины, которая покончила с собой, подальше от места происшествия, небольшая катастрофа могла бы перерасти в громкий скандал. У Пола есть свои достоинства и недостатки. Он может оказаться полезным, как никто другой, и точно так же может подложить чудовищную свинью. Так что нужно держать его на коротком поводке. Майлз не занял бы эту должность, если бы я не был уверен в том, что он отлично управляется с коротким поводком. Майлз, чем он у тебя сейчас занят? До сих пор торчит в доме Данцига?

Да уж, Сэм умел усыпить бдительность. Это был тот самый вопрос, который должен был уничтожить Майлза прямо сейчас, перед всеми начальниками отделов, и задан он был наимягчайшим, наиспокойнейшим тоном, какой только Майлзу доводилось слышать в своей жизни. Сэм снова говорил, как кардинал.

– Ну, в общем, он... – начал Майлз, еще не зная, чем закончит, и в то же время замороженный, загипнотизированный разражающейся над его головой катастрофой.

Но в тот самый миг, когда из головы у него начисто вылетели все слова, какой-то помощник – Ланахан даже не видел, как он вошел, – наклонился и положил перед ним записку.

Известие о том, что накануне вечером Чарди играл в баскетбол с каким-то городским молодняком на площадке в Анакостии и в результате перепалки беднягу Пола жестоко избили, стало для Майлза ничуть не меньшей неожиданностью, чем для всех остальных. Но он сообщил об этом таким

уверенным тоном, как будто знал все с самого начала.

– Он в больнице Святой Терезы, на юго-востоке.

Ланахан улыбнулся Сэму.

– Можно мне еще воды?

Глава 47

Теперь его держали в секретном месте в далеком городе. Ему оказали медицинскую помощь, вымыли, заботились о нем. Он ожидал скорого суда и знал, что виноват. Неважно, в каком преступлении – он совершил их немало. Тюрьма не страшила его – он уже побывал за решеткой и знал, что прекрасно там устроится, если позволит здоровье, – но он скучал по сухой жаре своей родины, по своему пиву, своим девочкам и своей еде. Он скучал даже по Мадонне, старой безобразной корове. Хорошо хоть он оставил с носом семейку Хуэрра. Неплохо было бы отправиться в Мехико, когда все закончится, и перерезать их патриарху глотку. Небось будет трепыхаться как рыба, когда Рамирес пустит ему кровь. Но Рейнолдо понимал, что ничему подобному никогда не бывать. И все-таки в этой прохладной и скучной американской комнате приятно было убивать время в ожидании суда такой фантазией. Интересно, ему предоставят адвоката? Они ведь прислали к нему врача, который позаботился о трех его огнестрельных ранах и сломанном носе. Он и подумать не мог, что все так будет. Наверное, они сами нарушили закон, но он прекрасно понимал, что в этом мире, если ты силен, нагл и хорошо снаряжен, никаких законов для тебя не существует.

Но никакого суда не последовало. И его преступления американцев совершенно не интересовали. Им было плевать

на контрабанду наркотиков, переправку нелегалов, сутенерство. Их волновало только одно: фотографии.

– Фотографии? Вы притащили меня сюда только затем, чтобы я взглянул на фотографии? Хорошенькое дельце.

– Да, только затем.

Человек, который его допрашивал, говорил по-испански. Мерно шуршали ленты магнитофонов, ярко горели лампы, на грудь и на руку ему наклеили какие-то датчики, вокруг постели столпились напряженные люди. Похоже, ему было известно что-то весьма важное.

– Ну, тогда показывайте ваши фотографии. Черт с ними. Все для вас.

– Взгляните повнимательнее на этого человека, сеньор Рамирес.

Мексиканец сощурил отекшие глаза.

– Боже правый. Не было у него бороды, – сказал Рамирес на своем приграничном английском. – И одет он был обычно, как какой-нибудь *porteamericano*. Я думал, он и есть американец. Но лицо его.

– Вы переправляли его через границу?

– Si.

– И произошла перестрелка.

– Я ни в кого не стрелял. Это он устроил пальбу. Клянусь вам. Я ни в кого не стрелял. У меня даже пушки не было. Он еще раньше забрал мою пушку. Он очень умный *hombre*, скажу я вам. Приходит он в мое заведение и говорит мне:

«Эй, мистер, вы переправляете меня в Лос-Эстадос, а я хорошо вам заплачу». А я ему отвечаю...

– Понятно, мистер Рамирес. У нас очень мало времени. Вот, взгляните. Тут у меня фотографии более двухсот мужчин. Я хочу, чтобы вы посмотрели на них очень внимательно. А потом скажете, кого из них вы видели в последнее время.

Замелькали лица. Унылая группа – не в фокусе, смазанная. Мужчины в формах странных государств, мужчины, снятые с большого расстояния, мужчины в машинах или под дождем. У большинства из них были суровые, резкие, потрепанные лица европейцев; латиноамериканцев попадалось совсем немного.

Внезапно перед ним возникли знакомые черты. Он напряженно вгляделся в фотокарточку.

– Лео, – сказал кто-то, – показатели только что подскочили до небес.

– Этот человек вам знаком, мистер Рамирес?

Так вот зачем он здесь.

– Никогда не видел.

– Лео, показатели продолжают ползти вверх. Едва на орбиту не выходят.

– Мистер Рамирес, наша машина подсказывает нам, что вы говорите неправду. Вы уже видели этого человека.

Мексиканец устремил взгляд вдаль. Окна были затянуты проволочной сеткой – значит, он все-таки в тюрьме? Да, вляпался он.

– Мистер Рамирес, мы здесь не затем, чтобы уличить вас в чем-то. Вы не участвуете ни в каком судебном разбирательстве. Ничто из того, что вы скажете, не будет использовано против вас. Нам нужна ваша помощь.

Мексиканец сидел и невозмутимо смотрел передо собой.

– Мистер Рамирес. Считайте это долгом чести. Соединенные Штаты, дружественный вам северный сосед, послали вам на выручку молодого оперативника. Потом вертолет. Вам дважды спасли жизнь. Мне кажется, вы перед нами в долгу. Это долг чести. Я знаю, как важна для вас честь.

– Ни в каком я не в долгу, – заявил мексиканец. – Долг был погашен, когда тот чернобородый сломал мне нос. Я хочу денег. Честь тут ни при чем. У ваших людей нет чести.

– О, такой подход нам понятен, – подал голос кто-то.

– Все, Сэл, завязывай с шуточками, – оборвал его тот, которого называли Лео. – Ладно, мистер Рамирес, сколько?

– Я хочу, – заявил Рейнолдо, – двести долларов.

– Двести долларов?

– Двести долларов, американских. Наличными.

– Думаю, мы можем себе это позволить, – ответил Лео.

– Прямо сейчас.

Лео открыл бумажник, пересчитал купюры.

– У меня при себе всего двадцать три доллара. И еще мелочь.

– Сколько мелочи?

Лео обыскал отделения.

– Шестьдесят три цента.

– Я беру все. Остальное отдадите потом.

– Двадцать три доллара шестьдесят три цента, – сказал Лео. – Пожалуйста. – Хаггерти, составь расписку, ладно?

– Конечно, Лео. Не бойся, мы не заждем твои деньги.

Послышался смех.

Рамирес заговорил.

– Он был в кремовом костюме. Он пытался убить меня. Вот сюда попал, – мексиканец распахнул халат и показал свежую рану. – Он и еще один козел, жирный козел, который почти ничего не говорил и которому не помешало бы побриться.

– Наверное, Сиксто. Они работали вместе в Никарагуа.

– И что произошло, мистер Рамирес? Это очень опасный тип.

– Я всадил ему пулю в брюхо, а его дружку – две пули в голову. Из маленького «кольта», который всегда держал под кассой.

Долго никто ничего не говорил.

– Господи боже мой, – произнес наконец кто-то. – Вы это слышали?

– Он говорит неправду?

– Лео, дыхание не участилось.

– Он застрелил их обоих? Господи, Лео, ты можешь в это поверить?

– Я знаю, – сказал Лео. – Они не потрудились даже на-

нять кого-нибудь. Решили сами его устранить. Послали своих лучших людей, с самого начала.

– Выходит, ребята, которых Чарди отправил в расход в горах, – члены той суперпупербригады «Кинко де Хулио», которые устроили такой переполох в Анголе.

– Да, они и впрямь бросили на него самый цвет, Лео. Надо же, как им приспичило его убрать.

– Господи, – сказал Лео, – погодите, что еще будет, когда Чарди услышит, что его приятель мистер Рамирес пристрелил полковника и майора кубинской военной разведки.

Глава 48

Монахиня улыбнулась и сообщила, что к мистеру Чарди пускают посетителей, во всяком случае, до четырех, когда все посторонние должны будут покинуть госпиталь. Следующие часы посещений начнутся в шесть и продолжатся до восьми.

– Благодарю вас, сестра, – своим самым обаятельным голосом сказал Ланахан. – Как поживаете?

– Спасибо, хорошо, молодой человек, – ответила она.

– Рад видеть, что вы в монашеском одеянии, сестра. Теперь такое нечасто увидишь. Не нравится мне эта новая форма. А некоторые так вообще не носят никакой формы, что, на мой взгляд, уже слишком. Монашеское одеяние придает такую серьезность, такое достоинство.

– Мы именно так и считаем, молодой человек.

– Всего доброго.

Майлз, размягченный этой беседой, поднялся на лифте на четвертый этаж, свернул в один коридор, затем в другой, глядя на номера палат. Его подошвы звонко цокали по линолеуму. Он проходил сквозь какие-то двери и шел по каким-то коридорам, пораженный размерами этого госпиталя. С каждой стены смотрели распятия, лики Иисуса и Марии. Он улыбался монахиням. Прошло... сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз бывал в исклю-

чительно католическом учреждении? Так много. Слишком много. Ему пришла в голову мысль узнать, где здесь часовня, и заглянуть туда на минутку. Его охватила теплота и любовь, разлитая вокруг. Он порадовался, что Чарди находится в таком месте. Это пойдет старому ковбою только на пользу.

В конце концов, он отыскал нужное крыло.

«Неврология», – гласил указатель.

Ну да, логично. Чарди, псих, в отделении для больных на голову. Ланахан толкнул двустворчатую дверь. Здесь не было ни монахинь, ни священников, ни даже доктора в этих унылых зеленых стенах. Он приостановился, ища нужную палату.

«Чарди, Пол», – печатными буквами значилось на карточке, вставленной в рамку рядом с дверью.

Он снова остановился. Дверь была закрыта. По спине пробежал холодок. Ощущение какой-то неправильности, полной неправильности, охватило его. Впрочем, его профессия способствовала излишней подозрительности, и преуспеть в ней было возможно, лишь научившись справляться с этими назойливыми ощущениями. И все же он чувствовал какой-то подвох. Серый свет сочился сквозь окно в конце коридора.

Приступ подозрительности у Ланахана наконец прошел, и он снова почувствовал себя в своей тарелке, готовым заглянуть к Чарди, увидеть его, убедиться, что все в порядке. А уж тогда Майлз разберется с ним раз и навсегда – и кто здесь

главный, и по поводу его геройства, и по поводу его отвратительных художеств вообще, которые портили все дело с самого начала, и, наконец, по поводу этой эпопеи с Тревиттом, собственной осведомленностью о которой он намеревался с ходу огорошить Чарди, чтобы не отпирался. А потом можно будет позвонить Сэму, чтобы начать все с чистого листа.

Он постучался.

– Да?

Это был голос Чарди.

– Пол, это Майлз, – произнес Ланахан и решительно переступил порог палаты. – Пол, я...

* * *

Когда Майлз, в конце концов, сориентировался заново, он с изумлением обнаружил, что по какому-то, словно списанному со страниц «Алисы в Стране чудес» повороту сюжета или парадоксу пациентом стал он. Его охватило жуткое, всеобъемлющее ощущение коренной перемены в материи его реальности, как будто, переступив через порог, он очутился в другой вселенной, свалился в кроличью нору.

Его окружали несколько человек весьма недружелюбного вида, и среди них Пол Чарди, полностью одетый, без каких-либо следов побоев. Если уж говорить о побоях, это Чарди не так давно отколотил кого-то: костяшки его правой руки были замотаны ослепительно белым бинтом.

– Пол, какого дья...

– Спокойно, Майлз.

– Пол, это...

– Майлз, не дергайся.

Учительский голос, учительский вид, деспотичный, безапелляционный. Что это за Чарди? Чарди у руля? Да кто дал ему право?

Но Майлз все же закрыл рот. Он был надежно помещен в кресло с прямой спинкой, связанный не материальными путами, но физически ощутимой силой, волей других. Кто они такие? И вообще, что это за госпиталь?

– Майлз, – сказал Чарди, – для начала ответь мне на один вопрос. На важный вопрос.

– Мы еще не подключили его, – подал голос кто-то.

– Не важно, – отозвался Чарди.

– Эй, Пол, это...

– Тс-с, Майлз! Тс-с! Доверься мне.

Чарди заботливый? Какой этот новый Чарди?

Потому что это воистину был новый Чарди. Неужели он обрел свою религию или утратил ее? Никогда еще Ланахан не видел Чарди более спокойным, менее враждебным. Куда подевалась его вечная манера лезть в бутылку? Где горор бывшего спортсмена, готовность дать в морду любому, не заботясь о последствиях? Впечатление было такое, будто он сделал не то подтяжку лица, не то подтяжку мозгов, не то еще что-то.

– Послушай, – начал Чарди почти весело, – всего один маленький вопрос. Помоги нам, ладно? Мы знаем, что ты следил за мной, знаем, что ты пустил за мной хвост, знаем, что тот парень из Бостона, который занимался прослушиванием телефонных звонков в квартире Джоанны, отчитывался перед тобой. Значит, ты видел расшифровки записей. Так?

Ланахан ответил Чарди угрюмым взглядом.

– Ну конечно видел, Майлз. Ты не упустил бы такой возможности. А вот теперь последует большой вопрос. Мне позвонили. Из Иллинойса, из школы Пресвятой Девы. Одна монахиня. Если помнишь, ты сам помог ей найти меня. В общем, она зачитала мне телеграмму. Так?

– Так, Пол.

– Ты ее видел?

Вот он, миг торжества. Ланахан не смог удержаться от самодовольной ухмылки.

– Да, – наконец ответил он.

– Я так и знал. Разве я не говорил, Лео? Майлз очень, очень умен. А теперь разговор пойдет серьезный. Давай перейдем к следующему шагу, только смотри, нам нужна правда, Майлз. Если придется, я прикажу накачать тебя пентоталом натрия.

Кто-то обмотал грудь Ланахана ремнем и туго перетянул ее. Еще один человек склонился над ним, поднял рукав и перевязал руку резиновым жгутом.

– Э, вы должны получить мое разрешение, чтобы прове-

рять меня на детекторе лжи, – возмутился он.

– Ну-ну, мистер Ланахан, давайте проявим немножечко терпения. Ну вот, все готово. Ну-ка, снимем контрольные показания. Вас зовут Майлз Ланахан?

– Майлз?

Ланахан словно воды в рот набрал.

– Брось, Майлз, не валяй дурака. Ответь ему.

Ланахан взглянул на потолок, потом на людей в палате – их было так много.

– Кто все эти ребята, Пол? И что за чертовщина...

– Меня зовут Лео Беннис, мистер Ланахан, я из Федерального бюро расследований. Эти люди – мои подчиненные. Все они профессионалы и все имеют высокий уровень допуска. Понятно?

Но Ланахан бросил на Чарди полный ужаса взгляд.

– Федералы! Господи Иисусе, вы переметнулись к федералам. Ох, Пол, вы так меня разочаровали. Господи, Пол, Сэм в порошок вас сотрет, он... Ох, Пол, ничего хуже и не придумать.

– Они уже некоторое время были в курсе, Майлз. И они прислушивались. А вы – нет. И никто другой – нет. Поэтому мне пришлось перейти на их сторону. Это их подача. Давай, Майлз, не тяни резину. Назови ему свое имя, и начнем.

– Пол, вы...

– Майлз, ничего этого не произошло бы, если бы мы не считали, что так надо, и точка. Надо. Давай, Майлз. Давай.

Ланахан снова огляделся вокруг. Говорили, что Чарди обработали сварочными горелками, прежде чем он раскололся. Но там было совсем другое дело, почти как на войне. У него было время подготовиться, его обучали.

Майлз обвел взглядом палату, потом снова посмотрел на Чарди, который не сводил с него глаз. Он отвел взгляд, стал смотреть в другую сторону. Но в этой палате пощады ему не было нигде.

– Меня зовут Майлз Ланахан.

– Где вы живете?

Майлз назвал адрес.

– Имя вашей матери?

Майлз ответил.

– Ладно, – сказал техник. – Было бы получше, если бы он не волновался так, но, думаю, с этим ничего не поделаешь. Начинайте, Чарди.

– Итак, Майлз. Какой вывод ты сделал из телеграммы?

Ланахан глубоко вдохнул. Он пройдет это испытание.

– Вы руководите действиями Тревитта. В Мексике. Тревитт жив.

– Видите, Лео, я же говорил вам, что у него чутье на такие вещи. Он отлично соображает, из капли информации может выжать уйму всего. Ладно, Майлз. Последний важный вопрос. Кому ты сказал об этом?

– Пол, эти ребята вас просто используют. Им плевать на вас, они просто манипулируют вами. Им нравится ставить

управлению палки в колеса. Пол, вас ждут большие неприятности. Это не...

– Уколи его, Лео. Майлз, мне нужно знать. Это очень важно.

– Да не тычьте вы в меня этой штуковиной. Уберите ее.

Он оглядел палату, и она показалась ему удивительно большой. Похоже, когда-то давно она служила операционной: высокий потолок, ярко-желтые стены, покрытые какими-то трубками. А теперь ее превратили – во что? В штаб какой-то темной операции федералов, а иуда Чарди отирался среди фэбээровцев.

В памяти у него прозвучали слова Сэма, произнесенные всего несколько дней назад, четкие и звенящие: «Он заставит тебя сделать выбор. Он будет испытывать тебя, искушать тебя. Он умный и хитрый. Ты его не знаешь».

– Майлз, давай. Пора исповедоваться. Кому ты сказал об этом?

– Никому.

– Что показывает детектор?

– Дыхание ровное. Никакого скачка. Если, конечно, он не наглотался транквилизаторов и не учился специально подавлять свои реакции, что вполне возможно.

– Я никогда в жизни ничем таким не занимался, – возмутился Ланахан, оскорбленный до глубины души.

– Почему, Майлз? Почему ты не сказал Сэму? Это ведь была бомба. Твой пропуск наверх.

– Потому что я не знал, как это истолковать. Я прикидывал и так и этак, но все равно не понял, как это истолковать. Я хотел раскрутить эту информацию или придержать ее в записной книжке и выложить, когда она действительно будет иметь значение или когда она что-то мне даст.

– Ты все верно рассчитал, Майлз. Нам очень повезло, что в твоей группе ты один такой умный.

– Добрый старый Майлз, – сказал Лео.

Ланахан увидел, что напряжение в комнате значительно снизилось. Что за чертовщина?

– Тревитт – да-да, Тревитт, мечтатель Тревитт, – вышел в Мексике на одного малого, которого очень многие предпочитали бы увидеть мертвым. Но Тревитту каким-то образом это удалось. Вот только это стоило ему жизни. Он нашел мексиканского контрабандиста и сутенера, который в марте переправил через границу Улу Бега. Он сейчас в соседней палате, под моим именем.

– Я не...

– У этого толстяка был всего один секрет. Не о том, что Улу Бег в Америке – это мы и без него знали. Дело в том, что его прикрывали кубинцы – они вернулись, чтобы замести следы.

– Господи, Пол, зачем кубинцам...

– Да ну же, Майлз. Кубинцы работают на русских. Значит, Улу Бег здесь не по собственному почину, а в качестве заключительного этапа операции советской разведки.

– В управлении должны об этом знать. Мы обязаны сообщить об этом в управление.

– Нет. Потому что если об этом узнают в управлении, русские без лишнего шума пустят Улу Бегу пулю в затылок и быстренько свернут операцию. Мы должны позволить им дойти до последнего шага, и вот тогда уже можно будет их накрыть.

Ланахан ничего не сказал.

– Ладно, Майлз, – продолжал Чарди. – Теперь я расскажу тебе, как ты их остановишь. Остановишь Улу Бега и русского по фамилии Спешнев, который руководит их операцией, который придумал ее. Майлз, ты еще будешь ковбоем. Компьютерным ковбоем.

Глава 49

Данциг сидел у себя в кабинете, посреди разбросанных вещей, пустых чашек, разгрома. Казалось, вокруг полно летучих мышей, разбитого стекла, прочих театральных атрибутов помешательства; с другой стороны, кабинет казался просто грязной комнатой, комнатой, в которой когда-то появилась на свет книга, а теперь царил беспорядок.

Он сидел с безучастным видом. Он слышал, слышал медленный ток времени, безвозвратно уходящего прочь. Это было странно. Мир, как всем прекрасно известно, состоит из атомов, даже из еще более мелких частиц; что же тогда представляет собой то, что мы зовем временем, если не прохождение одной частицы за другой в процессе трансформации в иное измерение?

Бред, разумеется. И все же в последнее время он находил прибежище в бредовых, сумасшедших, запутанных, извращенных, безнадежно банальных, дурацких идеях этого мира. К примеру, его крайне занимал Бермудский треугольник, равно как и теория палеоконтакта. Возможно ли, что это инопланетяне, посещавшие Землю в добиблейские времена, дали толчок к развитию того зловещего явления, которое мы именуем цивилизацией? Возможно ли, чтобы в его, Данцига, теперешнем бедственном положении угадывалась рука инопланетян, тень Марса? Неужели за всем этим стоят

обитатели Луны?

Или вот снежный человек. Загадочное существо, недостающее звено эволюции; его даже запечатлели на пленке. Оно до странности походило на человека в костюме обезьяны – но все равно! Это была четкая система убеждений, способ логической организации данных. Чего у самого Данцига сейчас не имелось, и он не намерен был судить методы других людей в этой области.

Были и другие темы: летающие тарелки, френология, розенкрейцерство, мормонство, сайентология, нудизм. Во все эти безукоризненно стройные системы убеждений не вписывалась всего одна крошечная деталь, которая, как ошибка всего в один градус в показаниях компаса, вводила их последователей в сторону, завлекала во владения безумия. Но утешительные! Полные вечной любви! Предлагающие спасение!

«Для меня нет спасения», – подумалось Данцигу.

«Я хочу сказать, что... А что я хочу сказать?»

Он огляделся вокруг себя. Повсюду громоздились друг на друге папки.

Ему нужен способ организовать этот хаос. Пусть безумная, пусть розенкрейцерская, пусть причудливая, но ему нужна единая теория, в свете которой идею можно рассмотреть, проверить и, если она окажется неверной, отбросить.

Ему нужна наука.

А то, что у него есть, – безумие.

Это помещение наводило на него ужас. Оно было воплощением все того же принципа энтропии: торжества случайности, беспорядка, высвобождения энергии, не имеющего никаких осмысленных целей, кроме разрушения.

Вон там, в жутком отдельном углу, хранился архив по Бангладеш, ворох машинописных страниц, пропахших голодом и предательством (ему вспомнились фотографии пакистанских интеллигентов, которых подростки до смерти забили штыками в угоду западным репортерам).

Или вон те залежи, состоящие по большей части из расплывчатых документов, небогатые материалы Госдепа, в беспорядке перемешанные с документами ЦРУ, добавленными для объема, под заголовком «Китай». Он помнил Чжоу⁴² в огромном зале; вот любопытно: переломный миг в истории западной и восточной цивилизаций, первая за два миллиона лет существования человечества встреча двух культур на равных – и все, что осталось от этого в его памяти после того, как он почти десяток лет где только не говорил и не писал об этой поездке, – жуткие китайские туалеты, нужники, выгребные ямы, сточные канавы, кишасшие первобытными инфекциями.

А вот тут, в более аккуратной и куда менее объемистой стопке – наглядное свидетельство того, что история поща-

⁴² Чжоу Эньлай (1898–1976) – китайский политический деятель, председатель Государственного совета КНР с 1949-го по 1976 г. Очевидно, речь идет о визите в КНР в 1972 году президента США Ричарда Никсона.

дила хорошенькие нарядные здания и живописные горные пейзажи – «Западная Европа».

Потом «Африка», неразвитая, несколько жалких бумажек.

Затем пухлая и растрепанная кипа под заголовком «Юго-Восточная Азия», где на несколько долгих и горьких лет история остановилась.

И наконец, – у него не хватало духу взяться за нее – «Ближний Восток». Все эти маленькие государства, горячие, буйные, богатые, бесшабашные маленькие страны, ужас изгнания и предательства, стальная воля, экзотические обычаи.

Кому под силу разобраться во всем этом? Ни одному человеку. Даже наделенному таким выдающимся интеллектом и честолюбием, как Данциг.

Он развернулся (в своем махровом халате и босиком, вытянув перед собой изборожденные венами плоскостопные ноги с желтоватыми пальцами) и взглянул на бумаги.

«Ближний Восток». Этот раздел занимал полкабинета. Как-то раз, во время одного из приступов апатии, он начал было делить свой огромный архив на более мелкие кучки: «Иран», «Ирак», «Саудовская Аравия», кошмарная, кошмарная маленькая «Палестина» и раздутый «Израиль». Одна кипа бумаг за другой: рабочие доклады, отчеты, каталоги, торговые реестры, экономические сводки, отчеты разведки, снимки, сделанные со спутника, компьютерные распечатки,

обзоры, черновые заметки, бюллетени разнообразных научно-исследовательских институтов – хлам, макулатура, фактическая протоплазма истории. И все это были документы наивысшего уровня секретности, святая святых.

В подвале у него хранилось еще тонны полторы нерассортированных документов, и на складе в Кенсингтоне тоже – газетные вырезки, приглашения в посольства, сопроводительные записки. Ни одному человеку было не под силу освоить все эти залежи со всеми их сложностями, всеми странностями тонкостями.

И где-то среди этих бумаг, в одной папке или в сотне из них, лежал ответ на вопрос: кто пытается убить его? И почему. Неудивительно, что он сходит с ума. А кто бы на его месте не сошел? «Просто чудо, что я не спятил раньше. Неудивительно, что я ищу утешения в безумных идеях, восхищаясь причудливыми коридорами, по которым человеческий разум способен тащить громоздкие трупы».

Данциг разглядывал кипы папок, наконец-то ощутив свой собственный кислый запах. Он чувствовал себя как какой-нибудь герой Борхеса, заблудившийся в бумажном лабиринте, где кто-то приказал времени остановиться. Нет, правда – он угодил в ситуацию, которую могло породить лишь воображение слепого гения библиотекаря из Аргентины. И все же ему негде больше было находиться. Он не мог покинуть лабиринт. Если он выберется оттуда, его убьют.

Данциг пощипал переносицу. Она вдруг ни с того ни с се-

го начала нить. Очки держались на ней всю его взрослую жизнь, и все же сейчас, в минуту величайшего напряжения, она тоже взбунтовалась. Все тело у него болело, его пучило, голова раскалывалась – всегда, всегда, всегда. Все системы его организма отказывали, он не мог ни на чем сосредоточиться дольше, чем на несколько минут, без конца ерзал и крутился. Всякий раз, едва он решал чем-нибудь заняться, в тот же миг в голову ему приходила мысль о другом, столь же неотложном деле, и Данциг немедленно за него хватался. Поэтому ни одно дело даже не приблизилось к завершению. Он превращался в Говарда Хьюза, гения-затворника, выдающего психа, живущего вне всякой реальности, за исключением той, что творилась у него в голове.

«Я утратил власть над своей жизнью. Я – изгнанник в своем собственном доме, в своем собственном мозгу».

Внезапно он поднялся, но за усилием над собой позабыл, зачем вставал. К тому времени, когда он полностью стоял на ногах, он уже не мог бы сказать, что побудило его к этому шагу. Он снова уселся, так же внезапно, и заплакал.

Сколько времени он плакал? Наверное, несколько часов. Его жалость к самому себе достигла гомерической силы и остроты. Он плакал и плакал. Близилась ночь. Он устал. Дважды кто-то подкрадывался по коридору к двери, чтобы послушать. Он пытался взять себя в руки.

Ох, помогите мне, пожалуйста. Хоть кто-нибудь. Пожалуйста.

Кто ему поможет? Жена? От нее никакого толку. Они не спали вместе уже несколько лет. Когда он говорил, ее взгляд блуждал по потолку; она была способна удерживать внимание не дольше кузнечика. Сэм Мелмен? Помоги мне, Сэм, пожалуйста, помоги мне. Но Сэм слишком рьяный, слишком обходительный, слишком честолюбивый.

«Помогите мне, о, пожалуйста, помогите мне».

Ланахан? Этот маленький святоша с лицом, до сих пор усеянным юношескими прыщами, такой упрямый, преисполненный такой решимости добиться успеха. Но Ланахан даже еще больший псих, чем он сам.

«Помогите мне, помогите, о, помогите мне.

Помоги мне, Чарди. Помоги».

* * *

Он жалел, что рядом с ним нет Чарди. Но при этом он ненавидел Чарди. Не нужно Чарди; Чарди стал еще одним разочарованием, Чарди тоже не оправдал его ожиданий. Чарди смотрел на него с дурацким видом. Он сидел, с тусклыми глазами, источая бессильную ярость. Чарди тоже болван.

Данциг смотрел в полумрак, заставляя себя разъяриться на глупость Чарди. Чарди ничего не знает. Чарди – порождение фантазии Данцига, выдумка, фикция, коллаж. Он – простой вояка, рубака, ограниченный и лишенный вообра-

жения. Данциг по глупости наделил его чертами, которых в нем не было. Вот откуда началась его болезнь, с этого дела с Чарди. Оно стало первым признаком его слабости. Разве не из-за беспечного поведения Чарди с той женщиной из Гарварда он тогда чуть не погиб в перестрелке? Разве не Чарди позволил курду подобраться к нему достаточно близко? Чарди – ничтожество. Он – посредственность в самом худшем смысле этого слова.

Он ненавидит Чарди. Ему вдруг пришло в голову без промедления позвонить Сэму Мелмену и потребовать, чтобы Чарди уволили, вышвырнули. Нет, этого мало: пусть его накажут, опозорят, посадят в тюрьму. Чарди – ничтожество. Нельзя зависеть от Чарди. Как только в деле появился Чарди, все начало разваливаться.

Его гнев разгорался. Он представлял, как Чарди арестовывают, допрашивают, унижают. Он представлял Чарди в тюрьме, вместе с психами, с черным и с белым быдлом. Чарди обесчещенного, Чарди, отданного на поругание. Чарди растоптанного. Данциг упивался этими фантазиями. Они грели ему душу и тешили его, и в какой-то миг он и в самом деле взял телефон (просто чудо, что его вообще удалось отыскать в таком-то беспорядке) и набрал первые две цифры.

И помертвел.

Может, они и хотят, чтобы он возненавидел Чарди. Может, они вбили клин между ним и Чарди, понимая, что эти двое – естественные союзники, страшась возможности сго-

вора между ними. Следовательно, может, лучше...

Он снова откинулся назад.

«Я ни к чему не приду. Я волнуюсь ни о чем. Они лишают меня разума – этот курд и те, на кого он работает».

У него свело живот. Его охватила острая необходимость опорожнить кишечник. Он испугался, что обделается, осквернит свое собственное убежище – ниже и падать некуда.

«Системы моего собственного организма тоже предают меня. Они взбунтовались».

Он с оглушительным треском испортил воздух. От запаха его затошнило. Данциг бросился в примыкающий туалет и плюхнулся на унитаз. Он сидел там долгое время, даже после того, как закончил испражняться, чтобы убедиться, что приступ закончился.

«По крайней мере одно дело я делать еще могу. Я еще могу гадить».

Он протянул руку к рулону туалетной бумаги и отмотал длинный кусок, собирая его в ладони. Но в тот самый миг, когда он потянул за конец, чтобы аккуратно оторвать по линии перфорации, что-то упало на пол. В темноте невозможно было разглядеть что. Данциг наклонился, провел пальцами по кафельному полу. Он нащупал клочок бумаги и быстро поднес его к глазам.

«Меттерних», – было написано на нем.

Данциг подтерся, встал и бросился обратно в кабинет к

стеллажам.

Он снял с полки собственную книгу под названием «Меттерних, творец порядка», выпущенную издательством Гарвардского университета в 1964 году, и принялся пролистывать ее.

Из нее вывалилась записка.

«Вы должны бежать», – было написано в ней.

«Вас хотят убить», – было написано в ней.

Кроме того, там было написано, куда ему бежать и когда.

Подпись гласила: «Чарди».

Глава 50

– Ладно, Майлз. А теперь поговорим о компьютерах.

– Валяйте, говорите, – отозвался Ланахан.

Он будет просто сидеть и вежливо слушать. Он не станет никого злить. Все закончится, а потом он двинет к Сэму так быстро, как только...

– Нет, Майлз. Говорить придется тебе.

– Я не могу рассказать вам ничего о компьютерах, – сказал Ланахан. – Вся эта информация строго засекречена.

– Я еще могу вколоть ему сыворотку, – предложил Лео.

– Нет, – сказал Чарди. – Он нужен нам с ясной головой.

Он снова обратился к Ланахану.

– Майлз, мы совсем близко от чего-то очень важного. И случилось так, что у тебя есть к этому ключ.

Майлз ответил ему непонимающим взглядом.

– Архивы. Все они занесены в компьютер, верно? – спросил Чарди.

Ланахан ответил молчанием. Впрочем, его глаза, похоже, ответили утвердительно, потому что беседа продолжилась. Однако он не понимал, откуда вдруг всплыла его склонность к компьютерам. Такое впечатление, что эта тема появилась из ниоткуда. Хотя, возможно, им все было известно с самого начала, только он об этом не знал.

– Подряд на поставку заполучил «Хэррис», так? – спро-

сил новый голос. – У вас в «яме» терминалы серии пятнадцать-ноль-ноль. Их еще не заменили на семнадцать-пятьдесят?

Эксперт. У них есть эксперт.

Он ничего не ответил.

– Мистер Ланахан, если хотите, я могу показать вам фотокопии контракта. Мы опираемся на твердые факты.

– Пол, зачем вы так со мной поступаете?

Впервые за все время Чарди вспылал.

– Послушай, тебе никто ничего не сделал. Из-за этого дела погибли люди, погибли ужасно, бессмысленно. Их погубили, уничтожили...

– Пол... – попытался Лео утихомирить его.

– Вот по каким правилам играют в эту игру, вот как жестко ее могут вести. А ты так ничего и не понял. Да на тебя никто даже недохнул. Так что не рассказывай мне, как трудно тебе приходится, Майлз, потому что у меня нет времени это слушать.

Он заставит тебя сделать выбор, сказал тогда Сэм. Сэм знал. Должно быть, Сэм с самого начала подозревал об этом, догадался обо всем, пытался предостеречь его, укрепить. Сэм знал, что все произойдет именно так: Сэм и Пол, сцепившиеся в схватке за неокрепшую душу Майлза.

– На самом деле это не так уж и важно, – вмешался эксперт. – Если ты умеешь управляться с пятнадцать-ноль-ноль, справишься и с семнадцать-пятьдесят. Клавиатура почти та

же самая, библиотека команд тоже. Они просто побольше, погибче, и время реакции у них намного короче, что важно, когда спешишь.

– Я не уверен, что семнадцать-пятьдесят подключили к системе, – наконец сказал Майлз. – Их собирались ставить еще раньше, но с этими делами вечные задержки. Я никогда не работал на семнадцать-пятьдесят. Когда я работал в «яме», мы все сидели на пятнадцать-ноль-ноль. Если вы так много знаете, почему тогда...

– Да, Майлз, это справедливый вопрос. Вот тебе ответ. Мы считаем, что в памяти компьютера в Лэнгли хранится какая-то информация. И мы...

Но Ланахан, компьютерный гений, немедленно увидел в этом предположении слабое место и не смог сдержаться.

– Это безумие! – возмутился он. – Это самая крупная, самая тщательно охраняемая, самая лучшая компьютерная система в мире. Там везде ограниченный доступ, и питание от внутренних генераторов. Нет ни входящих, ни исходящих каналов. К ней невозможно ни подсоединиться, ни что-то ввести в нее.

– Человек, который спрятал там эту информацию, сделал это очень давно, еще в самые первые дни, когда систему только устанавливали. Он работал там некоторое время. И спрятал он эту информацию очень тщательно.

– Скажите им, – воззвал он к эксперту, – скажите им, что память компьютера в Лэнгли – два миллиарда бит. Такое

огромное число и в голове-то не укладывается. Это все библиотеки мира, триллион слов. И все это множество разбито на отдельные элементы или записи, именуемые строками, а строки находятся в директориях. А внутри директорий есть свои директории. Каждая директория вызывается своим кодом. Она состоит из десяти тысяч закодированных записей. Одна, всего одна из этого множества дает доступ к другой директории. Здесь все то же самое. Получаются коды внутри кодов, комбинации. Это самый большой сейф с кодовым замком во всей вселенной. Во-первых...

Он с отчаянием в глазах огляделся по сторонам.

– ...во-первых, вы должны иметь доступ к терминалу в «яме». Я имею в виду, вы должны физически попасть в это треклятое здание, миновать все контрольно-пропускные пункты, спуститься на лифте вниз и найти свободный терминал, а терминалы всегда заняты, каждое утро, каждый день, каждую ночь, каждую секунду.

Он перевел дух и понял, что не убедил их.

– Затем, – продолжил он, – затем вам понадобится правильный код или последовательность кодов. Я хочу сказать, что там нет никакой справочной службы, которая помогла бы вам. Нужно знать код, и знать назубок. А он может быть каким угодно – у каждого директората свой стиль. Он может состоять из букв, из цифр, может представлять собой последовательность того и другого, комбинацию, он может...

Он снова замялся. Черт бы их побрал, когда же они про-

никнутся?

– Вся система устроена таким образом, что только человек, который точно знает, куда ему нужно попасть, имеет шанс. Она устроена так, чтобы никто не мог ни на что наикнуться по случайности. Нужно знать точно. Нужно переходить из директории в директорию, от строки к строке. Это не та система, которую можно просмотреть. Это лабиринт. Пол, и думать об этом забудьте. Я два года проработал в этом зале. Я был там одним из лучших. Это невозможно сделать. Мы в шутку пытались придумать разные способы, как взломать систему, но это невозможно. Пол, мне ли этого не знать. Это была моя война. Я ни разу не проиграл.

Он с мольбой взглянул на эксперта.

– Скажите им, – попросил он.

– Нам нужна эта информация, – только и сказал тот.

На миг палата погрузилась в молчание. Кто-то фыркнул, кто-то закашлялся. Майлза охватило чувство поражения, безысходности. Ему было очень одиноко. Он чувствовал себя как мученик, в грудь которого вот-вот вопьются стрелы язычников.

Теперь он понимал, чего от него ожидали.

– Забудьте и думать об этом, – повторил он. – Выкиньте это из головы, Пол. Вы что, за психа меня считаете?

Он умолк, тяжело дыша.

Но Чарди продолжал все так же спокойно смотреть на него.

– Хорошо, предположим, Пол. Даже если допустить, что я попаду внутрь, что они подключат нужный диск, что я найду терминал – даже при условии, что все обстоятельства сложатся удачно, я все равно ничегошеньки не смогу сделать без этого кода. Даже не...

– Майлз...

– Даже не пытайтесь думать об этом без кода. Это все равно что бродить по самой большой библиотеке в мире и случайным образом вытаскивать книги с полок протяженностью в мили...

– Майлз...

– ...в поисках карточки из каталога, которую кто-то когда-то приклеил к какой-то странице. Это...

Его красноречие иссякло.

– Майлз, – сказал Чарди. – У нас есть код.

* * *

Ланахану вдруг стало очень холодно. Его затрясло. Когда он умудрился так замерзнуть? Он потерял пересохшие губы. Как все могло произойти так быстро? «Отец небесный, помоги мне. Господи, научи, как мне быть. Господи...»

– Мне нужно собраться с мыслями, – сказал он.

– Я не могу дать тебе на это время, Майлз. Ты единственная наша надежда.

Ланахан ничего не сказал.

– То, что мы ищем, спрятал человек по имени Френчи Шорт, бывший ковбой из отдела спецопераций, который полгода проработал в информационно-аналитическом центре, как раз в то время, когда «Хэррис» получил подряд на поставку, и была установлена новая система. Френчи оставил мне сообщение прямо перед тем, как отправиться на одиночную операцию в Вену, где его убили. Убили с чудовищной жестокостью. Опытный агент поступил бы именно таким образом, а Френчи в свое время был одним из лучших. Он передал мне сообщение через свою жену; она должна была связаться со мной, если его убьют. Но произошло много всякого разного, и мы с ней шесть лет не виделись. В конце концов, месяц или два назад я все-таки получил это сообщение. «Найди башмак, который подойдет по размеру», – вот что Френчи просил Мэрион передать мне, Майлз. Компьютерные спецы из ФБР говорят, что ключ ко всему – слово «найди». Это компьютерная команда, «найти», при помощи которой ты приказываешь компьютеру выудить то, что тебе нужно, из своих внутренностей. Код – «башмак», который подойдет по размеру. У нас с ним был знакомый китаец с таким прозвищем. Так что код – «башмак», или, может быть, какая-то комбинация букв из этого слова, или еще что-нибудь в этом роде. Говорят, толковый оператор, зная это, может отыскать спрятанную информацию.

Майлз смотрел на него. До чего же холодно!

– Что это за информация? Что вы ищете? Что это еще за

башмак, который подойдет по размеру?

– Мы ищем причину, по которой бедняга Френчи сдал меня – и «Саладина-два», и курдов – русским. Офицеру КГБ по фамилии Спешнев. Причину, по которой он продал нас. И имя человека, по чьему приказу он это сделал.

– Пол, я...

– Майлз, ты что, до сих пор не уловил? Вокруг чего весь сыр-бор? Ты ведь толковый парень. Я удивлен, что ты так туго соображаешь.

– Пол...

– Тише, Майлз. Позволь старине Полу объяснить тебе, что к чему. Майлз, русские из кожи вон лезут, чтобы уничтожить Джо Данцига, потому что когда он дойдет до определенного раздела второго тома своих мемуаров, то впервые в истории вплотную займется рассмотрением операции, которую мы называли «Саладин-два», операции, в ходе которой мы переправляли курдским повстанцам на севере Ирака оружие и боеприпасы с семьдесят третьего по семьдесят пятый годы. Видишь ли, кто-то из управления, какой-то почитатель Данцига, слил ему в числе прочего архивные материалы по этой операции. И когда он взглянет на них внимательно, с аналитической точки зрения – а он это непременно сделает, потому что его репутация в большой мере зависит от того, как он объяснит провал операции, – то увидит, что советские вертолеты разбомбили курдов в разгар шестого дня после моего пленения. Но русские раскололи меня только ве-

чером шестого дня.

– Они все устроили заранее, – сказал Майлз.

– Вот именно. Они все знали с самого начала. У них все это было – позывные, частоты, все. Они получили их от Френчи Шорта, в Вене. Но им нужно было скрыть факт, что все это они узнали от Френчи, а для этого требовалось свалить вину на кого-то другого. Вот почему для Спешнева было так важно расколоть меня. У него был заранее заготовлен сценарий. По его приказу эксперт по голосам вместо меня передал подставное сообщение Улу Бегу – вот как тщательно все было организовано. Потом вечером я прочитал те же слова в мертвый микрофон.

– Пол... – Ланахан попытался остановить этот поток информации.

Но Чарди не дал ему перебить себя.

– Френчи выдал нас по чьему-то заказу, Майлз. Кому-то очень не нравилось положение дел в Курдистане и то, как оно должно было отразиться на карьерах причастных к нему людей, в особенности Билла Спейта. Вот он и отправил Френчи расстроить операцию и быстренько слинять. Но Спешнев оказался слишком умен; он поймал Френчи, посадил его в подвал и пытал сварочной горелкой. И выяснил, кто его послал и зачем. И потом он заполучил этого человека, Майлз. Он заполучил его с потрохами.

– Пол...

– Майлз, неужели ты не понимаешь? Неужели не догады-

ваешься, в чем дело?

– Понимаю, – сказал Ланахан. – У русских есть свой человек в нашем руководстве.

Глава 51

Улу Бег сидел на берегу пруда и смотрел на лебедей. Забавные создания – утонченные, дикие, явно безмозглые. Он любовался их шеями, такими гибкими и грациозными, и стремительными выпадами, клекочущими, резкими ударами клювом, когда самец покрупнее отгонял того, что помельче, от подруги.

У курдов бытовало древнее присловье: «мужчина рожден для боя». Безобразная сцена, разыгравшаяся на этом безмятежном пруду, подтверждала мрачный смысл этих слов.

Подавленный, он улегся на спину. За болотом на воде покачивалась лодочка; позади высился роскошный особняк. А рядом, словно неприметные тени, сидели два охранника. Их терпение, готовность выдерживать бесконечное праздное времяпрепровождение, казались ему типично русской чертой. Русские способны наблюдать за тем, как тает лед, как растут цветы, как плывут облака.

Впрочем, русские не слишком его занимали. Дни без сновидений перетекали в ночи, а те, в свою очередь, снова в дни. Погода стояла ясная; бухта, небесная синь, бурая рябь болота, птицы – вот что сейчас составляло незыблемую основу его жизни. Он не думал о Чарди, вообще ни о чем, уже неделю, десять дней. В воздухе парила чайка: то с криком пикировала вниз, то взмывала вверх. Небо, на фоне которого

она кувыркалась, поражало своим простором, безбрежным и океаническим, с немногочисленными облачками на горизонте, придававшими ему размах. Курд подумал, что сейчас заснет. Он не молился уже много дней. Не видел смысла. Время от времени он думал о Ли.

Но в этот неспешный, тягучий миг из-за деревьев показался человек. Он смотрел мимо Улу Бега, на лужайку, и курд обернулся, чтобы проследить за его взглядом. По лужайке шагал Спешнев в белом костюме в сопровождении свиты помощников.

* * *

– Как дела? – осведомился русский.

– Все в порядке.

– Ну как, отдохнули? Говорят, вы проводите свои дни в покое, набираетесь сил.

– Да. Мне здесь хорошо.

– А силы? Вы чувствуете в себе силы?

– Да, чувствую.

– Смотрели на лебедей?

– Здесь приятное местечко.

– Ну ладно, у меня есть новости. Превосходные новости. Давайте пройдемся.

Они двинулись по берегу пруда.

– Во-первых, из Мексики. Я ожидаю определенных по-

движек. Одну неприятную мелочь наконец-то улаживают. Помните вашего старого знакомца, такого толстого мексиканца?

– Да.

– Его загнали в угол в горах. Теперь он нам не повредит. Когда он умрет, вместе с ним умрут все доказательства вашей связи с нами.

– Хорошо.

– Необходимо. Неприятно и рискованно, но необходимо. Однако это еще не все. Настоящая новость. Мы так долго отдыхали, потому что наша добыча тоже отдыхала. Господин Данциг в состоянии крайнего стресса засел в своем доме в Бостоне. Он находился вне зоны нашей – вашей – досягаемости.

– Теперь положение дел изменилось?

– Да. Мы получили сведения о том, что он покинул дом. Неофициально. Он сбежал от своих собственных телохранителей, опасаясь их в силу своей психической неуравновешенности. Он где-то на улице, предоставленный сам себе.

– А Чарди?

– Чарди в больнице. Сильно избит во время детской игры. Он чрезвычайно агрессивный человек, этот Чарди. Вечно вляпается не в одно, так в другое. Даже его собственные коллеги не доверяют ему и недолюбливают его.

– Но разве нам это на руку? Американцы могут устроить большую охоту на этого Данцига, как только поймут, что он

исчез. Они в два счета его поймают, этого толстого старика, который пытается ускользнуть от своей собственной полиции. Он ничего не умеет. Мы не можем тягаться с ними в поисках.

– Улу Бег, – сказал полковник Спешнев, – в этом деле мы обладаем исключительным преимуществом перед американцами. Мы точно знаем, куда Данциг направляется. Мы сами послали ему указания.

Глава 52

Слава богу, что существует бейсбол.

Пробираясь по черной лестнице, Данциг услышал, как прибавили громкость телевизора. Агенты оживленно переговаривались между собой. Система выходила из строя: ее жизнеспособность закончилась, энергия утекла.

А вдруг здесь появился бы Улу Бег? Что тогда стали бы делать эти люди? Где их начальник, этот маленький святоша, которого никто не любит, этот жуткий коротышка Ланахан? Уж точно не здесь; при всех недостатках, несмотря на отдельные прегрешения против вкуса, он держит своих сотрудников в ежовых рукавицах; а сейчас агенты набились в кабинет, устроились смотреть трансляцию игры. «Ориолес» против «Янкиз». Балтимор с ненавистным Нью-Йорком. Провинция против спесивого мегаполиса; ну конечно. Самое то, что нужно, море драматизма.

Данциг задержался в разгромленной кухне. Женщина, помогавшая ему по хозяйству, отправилась ночевать домой. Агенты вывели ее из состояния душевного равновесия, превратив кухню в настоящий хлев. Повсюду валялись пустые жестянки из-под кока-колы, пакетики из-под сырных палочек, крендельков, крекеров. Обстановка очень напоминала студенческое общежитие.

Из кабинета донеслись возгласы. Должно быть, произо-

шло что-то важное, но Данциг прокрался на задний двор. Разве там не должен кто-то дежурить? Его пугало, что побег из его якобы неприступного дома пока проходил без сучка без задоринки. Впрочем, ему пришло в голову, что обязанностью этих людей было помешать не ему выйти из дома, а другим войти в дом, а значит, защита должна быть сосредоточена по периметру участка, а не внутри дома. Он нырнул в тень зарослей винограда и исчез в лабиринте своего сада. Ему-то дорога была хорошо известна. Он добрался до калитки и помедлил, ожидая, что его остановят. Дальше по дорожке, в темной аллее, рдел в темноте горящий кончик сигареты.

Значит, там стоят.

Потом он услышал голос.

– Танго Бум, это Фокскрофт. Танго Бум, слышите меня?

Пауза.

– Эй, Чарли, «Янкиз» забили? Я слышал, как вы орал. Дважды? После удаления Палмера? Довыпендривался. Ладно, спасибо.

Сигарета описала дугу и приземлилась на усыпанную гравием дорожку. Данциг различил смутный силуэт агента, видимый на фоне уличного освещения, – тот подошел к окурку и с отвращением втоптал его в землю.

Данциг выбрался из своего укрытия и двинулся в противоположном направлении, стараясь держаться поближе к стенке. Он быстро перебрался во двор к соседу, где разросшиеся кусты нависали над невысокой изгородью, и там по-

чувствовал себя в безопасности. Он быстро зашагал прочь. Ему удалось сбежать.

* * *

Он плутал по переулкам, плавно переходившим из одного в другой, пока не очутился на Тридцать второй улице, по которой добрался до Висконсин-авеню, а там смешался с толпой в теплой весенней ночи. Данциг заскочил в аптеку, купил две пары темных очков по пять долларов – итого десять баксов, – при помощи которых надеялся до некоторой степени затруднить процесс собственного опознания, если вообще не застопорить его. Очки эти были вульгарны донельзя – золотые, в пол лица, как у пилота «фантома», в форме не то крыльев ангела, не то слезинок. Вдобавок линзы были зеркальные, в полном соответствии с общим стилем.

Если продавец и заметил его, то ничем этого не выдал. Возможно, ему до смерти надоели важные шишки, в любое время дня и ночи заглядывающие в аптеку, чтобы купить какую-нибудь унизительную мелочевку: член Верховного суда, не способный обойтись без слабительного; знаменитая хозяйка борделя, скупающая клубничный гель для подмывания; сенатор, приобретающий мазь от геморроя. Впрочем, возможно, он просто-напросто не узнал бывшего госсекретаря.

Это озадачило Данцига – он привык к тому, что его все

узнают, и ожидал этого. Но когда он вышел из аптеки и влился в толпу, нацепив нелепые очки, его охватило странное чувство, будто он превратился в невидимку. Обдумывая план бегства, он гадал, как справится с проблемой, которая казалась ему самой серьезной, – с зеваками, с туристами, с охотниками за автографами, любителями пожать знаменитости руку, которые, как ему казалось, гурьбой ринутся к нему, привлеченные его знаменитым лицом, в темных очках или без. И вот пожалуйста – он идет сквозь толпу по людной улице, мимо модных магазинов, буквально никем не замеченный.

Ему пришло в голову, что знаменитостей большей частью делает антураж: то есть в лимузине, на банкете, на заседании, на пресс-конференции, на семинаре люди были подготовлены к встрече с ним, они ждали его, были готовы пасть ниц под лучами его славы. Здесь же, в неподготовленном мире, каждый человек был сам за себя в битве за кусок тротуара, за пространство рядом с витринами, полными сказочно роскошных товаров. Его знаменитое лицо на обложке журнала знали все. Но Данциг в спортивном синтетическом костюме, лихорадочно передвигавшийся по улицам, не был известен никому.

Раз или два мимо прокатили полицейские патрульные машины, оставив после себя тревожный осадок. Впрочем, уговаривал он себя, едва ли его уже хватились; вероятно, это случится в перерыве бейсбольного матча. С другой сторо-

ны, какое преступление он совершил? Никакого. Какой закон нарушил? Никакого. Значит, какое у них право требовать его возвращения? Ответ тот же самый: никакого. И все же он знал, что тонкости закона их не остановят; в его же (или их же) собственных интересах держать его подальше от всех общественных мест.

Он шел по улицам, настороженный, опустив глаза, нерешительно переступая короткими ножками и время от времени останавливаясь, чтобы украдкой оглядеться вокруг. Его переполняло ощущение дежавю. Он уже проживал эти минуты. Но где, когда? Во сне?

Все вокруг действительно походило на сон: все эти мелочи, оживленные улицы, молодая плоть повсюду вокруг, карнавальные ритмы, сверкающие товары, выставленные напоказ. Все это ассоциировалась у него с музыкой, он почти различал мелодию. Она звучала внутри. Что-то южноамериканское? Азиатское?

Нет, нет, в ней проскальзывали отголоски чего-то тевтонского: это был «Хорст Вессель», и ее распевали колонны доблестных молодых атлетов, расхаживающих по ярко освещенным газовыми фонарями улицам города Данцига чудесным весенним вечером 1934 года. Он, восьмилетний, был там со своим отцом. Они были поляки, но одновременно и евреи, в польском городе, который одновременно был немецким городом. Тогдашние ощущения очень походили на теперешние. Столько животной силы вокруг. Столько цвета и муску-

лов. Возможно, все дело в этих странных фонарях, натюканных по всему Вашингтону, свет которых напоминал землистый оттенок газового освещения. Он не видел стягов и памятных с тех дней свастика, украшающих все вокруг. Тогда его детские глаза не усматривали в них никакого зла; они просто казались ему любопытными. Он спросил о них своего темноволосого отца, который уныло наблюдал за процессией.

– Это немецкая эмблема, – сказал ему отец. – Не обращай на нее внимания.

Тогда его отец впервые провел черту между собой и другими. Это встревожило мальчика. Он помнил тот миг до мельчайших подробностей, помнил, как тревога вытеснила простодушие. Знаковый момент его юности, первый, пожалуй, момент, когда он понял, что его будущее не связано с Европой. Помнил он и отца, который увез их за океан в тридцать седьмом, пожертвовав карьерой в университете.

Данциг стоял на улице и вновь ощущал на себе тень тоталитарного прошлого. Он взглянул на часы – «Патек Филипп», красота и строгость, золото – и увидел, что до встречи с Чарди оставалось еще три часа.

Он принялся нервозно озираться по сторонам в поисках убежища и немедленно нашел таковое – кинотеатр на М-стрит. Он торопливо подошел и с радостью обнаружил, что народу совсем немного. Купив билет – ну наконец-то хоть кто-то, похоже, его узнал: девица на кассе посмотрела на

него ну очень странно, – он вошел внутрь. И лишь тогда понял, куда попал.

Ни один человек в зале не сидел рядом с другим, ни один человек в темноте не смотрел на другого. На экране, ослепительно яркие, снятые таким крупным планом, что Данциг едва разобрал, что к чему, гигантские губы сосали гигантский член, ездили по стволу то вверх, то вниз. Он не смог решить, принадлежат эти губы мужчине или женщине; впрочем, не все ли равно? С экрана неслись стоны и хриплая музыка. Данциг уселся, смущенный донельзя.

И все же он немедленно почувствовал себя в безопасности; здесь уж точно никто не станет обращать внимание на него.

Глава 53

«Майлз, – сказал Чарди, – это придется сделать тебе. Тебе придется пойти туда и выудить эту информацию».

Он уже миновал первый кордон, где у него проверили пропуск, преодолел коридор «Д» и добрался до лифта. По пути ему несколько раз встречались наряды охранников, обходящие помещения даже сейчас, после закрытия; они вежливо улыбались и первым делом смотрели на пропуск, который висел на цепочке у него на шее. Ланахан дождался лифта, вошел в него, спустился в тишине, чувствуя на себе слабое действие силы тяжести. Сквозь щель между дверями пробивался моргающий зеленоватый свет. Наконец лифт остановился, и двери разъехались, выпуская его в еще один залитый зеленоватым светом зал, где ожидали охранники.

– Привет, – бросил он преувеличенно беззаботно, и они взглянули на него с плохо скрываемым безразличием. – Ланахан, оперативный директорат. Направляюсь в «яму».

Их взгляды впились в его фотокарточку, впаянную в пластик пропуска, потом в буквы по краю, означавшие его право находиться здесь, потом мазнули по его лицу и вернулись к фотографии.

– Вам придется отметиться, мистер Ланахан.

– Отметиться? Раньше было не нужно...

– Это нововведение прошлого месяца, – спокойно сооб-

шил тот охранник, что был помоложе.

– Вечно они что-нибудь придумают, правда? – Майлз быстро нацарапал на карточке свою фамилию.

– Секундочку, – остановил его охранник.

Он взял карточку, вставил ее в какой-то аппарат, который заглотил ее и через секунду выплюнул обратно.

– Машина говорит, что это действительно вы. Вот.

Охранник церемонно пошарил в ящике и вытащил новое ожерелье с подвешенной к нему пустой пластиковой карточкой. Он передал ее Ланахану.

– Она покрыта специальным сплавом. Если вы забредете не туда, куда надо, сенсоры почувствуют вас и дадут сигнал тревоги.

Перспектива тревоги Майлза отнюдь не воодушевила. Он слабо улыбнулся, опустив голову, чтобы позволить нацепить на себя новое украшение, и направился к двойным дверям. Они с ленивым пневматическим шипением разъехались, и он двинулся по еще одному длинному коридору. Стены были голые, он понял, что идет по туннелю, примыкающему к «яме». В конце концов он подошел к входу, где со времен его работы ничто не изменилось: столы, за которыми восседали начальник отдела компьютерной безопасности и его сотрудники, располагались по бокам от самой двери, вращающегося агрегата, который перемещал человека из одного мира в другой.

В столь позднее время никого из руководства не долж-

но было быть на рабочем месте. И действительно, там сидел только парень, чуть младше Майлза, которому выпала очередь дежурить в ночную смену. Он показался Ланахану смутно знакомым. Заметив приближающегося Майлза, парнишка поднялся ему навстречу с улыбкой.

– Мистер Ланахан!

Майлзу вдруг пришло в голову, что он, должно быть, сделался для обитателей «ямы» чем-то вроде героя. Во-первых, потому что достиг здесь таких высот благодаря цепкому, как у гунна, уму, специально приспособленному к работе с зелеными буквами в этом громадном прохладном помещении без единого ветерка. И во-вторых, потому что совершил невозможное – выбрался отсюда, влился в основную массу. Да к тому же еще и стал оперативником, принимал участие в крупной операции!

– Привет, – сказал он.

– Блюштейн. Майкл Блюштейн. В последние пару месяцев вашей работы здесь я еще только начинал.

– Ах да. То-то мне показалось, что я вас знаю.

Рядом с Ланаханом Блюштейн казался великаном, белобрысым веснушчатый великаном. Майлз никогда еще не видел еврея со столь типично протестантской внешностью – вплоть до голубых глаз и крупных костлявых рук и запястий. Блюштейн завладел ладонью Ланахана, сжал ее, переваривая услышанное.

– Я был здесь в ту ночь, когда вы засекали тот израильский

туннель. Помните?

Ланахан помнил.

– Вы вычислили, что израильтяне построили туннель для подслушивания неподалеку от шифровальной комнаты в советском посольстве в Берне. Если я правильно помню, вы отследили это по подлинным разрешениям на строительство, которое они вели для прикрытия.

– Я предсказал, основываясь на этих данных, где можно искать такие разрешения, – поправил Ланахан: он любил во всем точность.

Но Блюштейн был прав. Открытие Ланахана позволило американским оперативникам в последующие несколько недель подключиться к наземным израильским линиям связи и получить все сведения, которыми располагали израильтяне. Этот источник исправно поставлял им информацию целых шесть месяцев, к тому же на халяву. А когда израильтяне, у которых якобы была так хорошо поставлена разведка, предложили продать им эти же сведения, они так и не поняли, почему американцы ответили отказом.

И все благодаря тому, что Ланахан, сидевший за терминалом в десятке тысяч миль от них, случайно наткнулся на никем не замеченное донесение от какого-то английского внештатника. Он сообщал, что видел в одном кафе в Берне гражданина Израиля, вместе с которым давным-давно учился в Оксфорде, постигая азы горного дела.

Ланахан кивнул, вспоминая вечер своего торжества два

года тому назад. С тех пор торжествовать ему приходилось нечасто.

– В ту ночь мне выпала очень большая удача.

– Несколько месяцев назад у меня тоже случилась ночь удачи – вообще-то это было воскресенье удачи. Я...

– Конечно, на самом деле мы сами куем свою удачу. Чем ты лучше, тем больше тебе везет. Верно?

Блюштейн улыбнулся.

– Да, – сказал он. – Да, это действительно так. Ну, теперь все пойдет как по маслу.

Ланахан едва не лопался от самоуверенности.

– Мне тут ребята сверху дали одно дурацкое поручение. Я хотел бы запустить диск за семьдесят четвертый год, посмотреть, нельзя ли чего-нибудь оттуда выжать.

– Сегодня у нас затишье. Я могу попросить кого-нибудь сделать это для вас.

– Нет, не беспокойтесь. Это не займет много времени. И потом, я, похоже, сам немного соскучился по клавиатуре.

– Пожалуйста. Я позвоню в дискохранилище и все устрою.

– Прекрасно, – отозвался Майлз.

– Только позвольте мне сначала взглянуть на вашу форму двенадцать, – сказал Блюштейн, лучезарно улыбаясь Майлзу.

«Какую еще форму двенадцать?» – пронеслось в голове у Ланахана, и он запаниковал.

– Сколько уже? – спросил Чарди.

– Всего минут двадцать, – отозвался Лео Беннис.

– А впечатление, будто несколько часов.

– А я-то думал, что у вас железные нервы.

– Так было много лет назад. Но даже тогда я не умел ждать. Мне всегда хотелось действия.

Он опустил бинокль, в который изучал западный фасад комплекса зданий ЦРУ в Лэнгли. Строения походили на перфокарты, шестиэтажные, испещренные прорезями неравномерно освещенных окон-щелочек. Они словно сошли с обложки какого-нибудь научно-фантастического романа пятидесятых годов – город мечты, светлое будущее, призывно мерцающее в ночи. Правительственный театр: территорию освещали прожектора, подчеркивая драматизм контрастом света и густой тени. С такого расстояния, несмотря на яркое освещение, трудно было различить архитектуру зданий, связь между постройками. Но Чарди видел все, что ему было нужно: по другую сторону дороги от стоянки, где он поджидал, бежала широкая тропинка, ведущая к сердцу здания, к двум ничем не примечательным стеклянным дверям и освещенному коридору. Это был вход в информационно-аналитический центр в крыле «С», и именно за этими дверями совсем недавно скрылся Майлз Ланахан. Все остальное –

массивные здания, заботливо ухоженная территория, снабженный навесом главный вход с южной стороны, центральный двор – сейчас не представляло никакого интереса. Чарди всматривался в стеклянные двери за деревьями.

– Ну, это дело надолго, – сказал Беннис. – Ему придется перелопатить горы информации.

– Если он попадет внутрь.

– Он туда попадет. Майлз еще преподнесет тебе немало сюрпризов.

– Это тебе не приходский клуб.

– Он знает, что это такое, Пол.

Они сидели на переднем сиденье фургончика на стоянке управления. Была теплая летняя ночь, по лобовому стеклу барабанил дождь.

– Интересно, в Балтиморе тоже сейчас льет? – сказал Беннис. – Надеюсь, «Ориолес» не пришлось отменять игру.

– Уже двадцать пять минут, – отметил Чарди.

– Пол, если он появится сейчас, значит, он заporол дело. Значит, его выставили и вся наша затея провалилась.

– Ну да, ну да, – пошел Чарди на попятный.

Ему было здесь не по себе, так близко, за оградой.

Хотя бы потому, что он никогда не любил штабных, а сейчас они припарковались чуть ли не на крыше. Но другого выбора не было. Они довели Майлза до самого входа – его прикрывали всю дорогу, группой из трех подразделений, поддерживающих радиосвязь друг с другом и с госпиталем,

и каждый из них имел при себе любимую новую игрушку ФБР, пистолет-пулемет «ингрэм мак-11» тридцать восьмого калибра, снабженный глушителем.

Теперь все было в руках маленького святоши; все, что ему нужно было сделать, – это проникнуть в «яму» и выудить заветное имя. Тогда они схватят этого человека, и все будет кончено.

Чарди снова взглянул на часы.

Тридцать минут.

Давай, Майлз. Давай, мальчик. Сейчас на тебя устремлены все взгляды.

Звонок. Чарди вздрогнул, сбитый с толку. Беннис снял с приборной доски трубку радиотелефона.

– Канделябр-контроль, это Шланг-один, – сказал он, потом стал слушать.

– Да, – произнес он наконец, – хорошо, понял. Можете подтянуть подразделения к этой улице? И оповестите метро. Конечно, я согласен.

– Что случилось? – спросил Чарди, слыша в голосе Лео серьезные нотки.

– Данциг отколол фортель. Они только что перехватили на канале Майлза условный сигнал чрезвычайной ситуации. Он улизнул. Данциг дал деру. Он болтается по городу совершенно один.

– Форму двенадцать? – переспросил Ланахан. – О господи.

Он попытался изобразить обиду.

– Майлз, таковы правила. Не так давно систему безопасности ужесточили. У нас тут разнообразные нововведения.

– Значит, мне придется тащиться обратно в корпус «А»? «И как мне себя вести? – подумал он. – Что это еще за форма двенадцать?»

– Простите, Майлз. Ничего не поделаешь. Таковы правила.

– Боже, у вас тут что, завелся русский крот?

Блюштейн рассмеялся.

– Вы же знаете, как начальство любит время от времени устроить нам встряску.

– Да уж. Три года назад они попытались ввести идентификацию по отпечаткам пальцев. Впрочем, аппаратура только и делала, что ломалась. Ладно, пойду обратно в корпус «А».

– Мне действительно очень жаль. Вы ведь меня понимаете?

Неужели поддается?

– Это не ваша вина, – сказал Майлз, не двинувшись с места. – Надо было мне сначала узнать новые правила. Ничего страшного. Прогуляюсь, не барин.

– Господи, – сердито сказал Блюштейн, – можно подумать, эти формы двенадцать зачем-то им нужны. Они просто пылятся в кабинете у Данна, пока он их не выбросит.

– Ничего, Блюштейн. Ничего.

– Это совершенно идиотское, идиотское правило, – продолжал кипятиться Блюштейн. – Вечно они там у себя наверху выдумывают всякие глупости, чтобы нам тут жизнь малиной не казалась.

– Это хорошее правило. Предосторожностей много не бывает. В нашем деле безопасность – девяносто процентов успеха.

– Как думаете, много времени вам понадобится?

– Как пойдет. Может, управлюсь совсем быстро – а может, и час уйдет. Не знаю.

– Только побыстрее, ладно? Если кто-нибудь стукнет, шею намылят мне.

– Не беспокойтесь, – заверил его Майлз. – Никто не стукнет. – И отстранился, дожидаясь, пока Блюштейн введет код допуска.

* * *

– Майлз... Ты вернулся.

– Вернулся. Не бойся, Джерри, не навсегда.

– А-а.

– Да, я буду действовать тебе на нервы всего минуту-дру-

гую.

– В чем дело?

Ланахан находился в помещении, расположенном в стороне от затемненной «ямы», которое называлось дискохранилищем, а человек, к кому он обращался, был зрителем дискохранилища. За спиной зрителя высились стеллажи с дисками, их пластмассовая белизна в ярком свете этой чистой и лишенной какого бы то ни было запаха комнаты казалась ослепительной.

– Я слышал, ты пошел в гору. Майлз.

– Да, все неплохо, Джерри.

– Не думал, что у тебя получится. Я так и не понял, как тебе это удалось. Ты просто вкалывал и вкалывал.

– Когда-нибудь я открою тебе свой секрет. Мне нужен диск за семьдесят четвертый год.

– Что, ведешь чью-нибудь давнишнюю войну?

– Что-то вроде того.

– Мы тогда только раскопегаривали систему. Думаю, ее подключили где-то в конце семьдесят третьего. Это было так давно, что я еще даже здесь не работал.

– Можешь помочь мне раскопать эту информацию?

Джерри был краснолиц и желчен, рыжеватый мужчина, наделенный отчаянным честолюбием, который так и не сумел никуда выбиться. Он излучал разочарование. Он застрял здесь, в подвале, его карьера застопорилась в вычислительном центре. На Майлза он смотрел совершенно без всякого

воодушевления.

– Маленький святоша. Ты все-таки добился своего. Повезло тебе.

– В детстве я не пропустил ни одной обедни. Вот почему судьба мне улыбнулась. Слушай, Джерри, помоги мне, ладно?

– Господи, Майлз.

Он порылся на каких-то полках у себя за спиной и подошел к металлическому блокноту, каталогу дисков. Открыл его, пролистал.

– Там много всего.

Майлз кивнул.

– Можно поконкретнее? Майлз, у нас тут сотня дисков за семьдесят четвертый год. Из оперативного директората – по моему, тогда он назывался директоратом планирования, из отдела экономических исследований, из картографического отдела, из спутникового отдела, из отдела безопасности. Думаю, тебе нужны материалы оперативного директората.

– Что записали на первом архивном диске? На самом первом?

– Материалы оперативного директората. Тогдашнего отдела планирования. Все начиналось с него. Потом уже подключились другие директораты и отделы.

– Тогда давай материалы оперативного.

– Гм...

Черт побери. Он ведь говорил им, что ничего из этого не

выйдет. Десяток дисков – это почти вся библиотечная система Нью-Йорка.

– Ну?

– Я нарушу какой-нибудь закон, если спрошу тебя, по какому принципу они проиндексированы?

Джерри уставился на него.

– По-моему, ты просто пытаешься что-то накопать.

– Брось, Джерри. Дай мне шанс.

Джерри снова состроил гримасу.

– Когда какие-то данные вводятся в компьютер, они автоматом записываются в основную директорию. Когда основная директория достигает определенного уровня, вся информация автоматически переписывается на ленту. Но когда это происходит, принтер создает эту – он тряхнул металлическим блокнотом – распечатку. Потом мы делаем индексацию по месяцам каждого года.

– Значит, они организованы по хронологическому принципу?

– Да, но машина позволяет сделать разбивку и по другому принципу. Смысл в том, чтобы быстро найти нужное.

– Да, это понятно.

– Тут есть разбивка по объектам, по географическим зонам, по...

– А по алфавиту?

– То есть по группе кодов?

– Ну да.

– Да, есть. Погоди-ка...

Он принялся листать толстый блокнот.

– Ага, вот она. Это...

– Джерри, посмотри на слово «башмак».

Хранитель уставился на него.

– Что-то тут у тебя нечисто, Майлз. Я никогда не слышал, чтобы...

– Джерри, когда замдиректора приказывает тебе что-то проверить, как-то не с руки говорить ему, что он несет полную чушь.

– Ну, я работаю здесь уже довольно...

– Может быть, не «башмак», а «макбаш», если переставить слоги местами. Или, возможно, ну, я думаю...

Джерри стал пролистывать распечатки. И замер. Майлз перегнулся через стол. Он ощущал запах дешевого одеколона Джерри и запах пластмассы, целого океана пластмассы в неподвижном воздухе. Палец его уперся в середину страницы и скользнул к описанию девятого диска. Там значилось: «Коды серии К-А-Б – М-А-К-Б-А-Ш».

* * *

– Не нравится мне все это. Нет, не нравится. Совсем не нравится, – сказал Лео Беннис, напряженно ведя машину сквозь ночной поток транспорта, когда они свернули с моста Кей-бридж на М-стрит в Джорджтауне.

Чарди выразил свое согласие тем, что вставил магазин в гнездо в рукоятке «ингрэма». Массивный глушитель был крепко прикручен к стволу, в этом он уже убедился. Пол разложил и снова сложил металлический приклад, исключительно ради того, чтобы примериться к оружию. Оно весило меньше шести фунтов, но могло практически беззвучно выпустить весь свой магазин девятимиллиметровых патронов за четыре секунды. Ребята из бюро его обожали, а Чарди ненавидел и отдал бы что угодно за «АК-47» или «М-16», которым мог доверять.

– На самом деле возможностей всего две, – ровным голосом сказал Лео. – Либо у Данцига просто поехала крыша и он дал деру по собственному почину. В таком случае, он бродит по улицам, как сумасшедший, и к утру его поймают. Либо, что более вероятно, крот каким-то образом добрался до него и выманил из дома. В таком случае мы тоже в ближайшее время найдем его – вернее, его труп.

– Как тут работает предохранитель?

– Их здесь два. Рычаг в основании спусковой скобы, прямо перед спусковым крючком. И в рукоятке затвора: поворачиваешь ее на четверть оборота, и он ставится на предохранитель.

Чарди взвел затвор.

– Поосторожнее с этой штукой, – предостерег Лео.

– У него сильная отдача? – спросил Пол.

– Не очень. Патроны маломощные. Пол, думаю, тебе при-

дется вновь присоединиться к операции. Скажешь им, что тебя выписали, что у тебя все в порядке. Вернешься обратно в дом Данцига и посмотришь, что за чертовщина там происходит. Можешь задать кое-какие вопросы ребятам из отдела безопасности. Возможно, Сэм тоже там будет. Черт, мне только что пришло в голову, что они весь Вашингтон перетряхнут, чтобы найти Ланахана. Можно...

– А что спусковой крючок? Тугой?

– Не слишком. Они все разные: некоторым хватает одного взгляда. Вот почему я предупредил, чтобы ты был с ним поосторожней. Но усилие должно быть не меньше десяти фунтов, если только какой-нибудь умелец не поколдовал над спусковой пружиной. Интересно, давно он сбежал? Возможно, его нет уже несколько часов, а они хватились только сорок пять минут назад. Пол, я поеду назад...

Чей-то «пontiак» вылетел на их полосу прямо перед ними и резко затормозил на светофоре, так что Лео пришлось ударить по тормозам своей машины.

– Придурок. Твою мать! На дорогах творится черт знает что. В этом городе уже никуда не проехать.

– Все в порядке, Лео, – сказал Чарди.

Потом открыл дверцу.

– Пол!

– До встречи, Лео.

Он повис на дверце, пережидая, пока мимо проедет машина.

– Пол, мы нужны им там, они...

– Им нужен ты, Лео, – сказал Чарди. – Это ты на них работаешь. А я не работаю.

Он улыбнулся и сошел в темноту, унося под пиджаком «ингрэм» и рацию.

Глава 54

Улу Бега высадили из машины у станции метро в каком-то пригороде Вашингтона. Поездка была долгой и проходила в молчании – мимо темных полей, потом по великому чуду американской инженерной мысли, огромному мосту, потом по городу.

Спешнев обернулся к нему с переднего сиденья.

– Вы все запомнили?

– Да.

– Это будет несложно. Убийство – самая простая часть. Он будет один. Вы будете стрелять в голову?

– В лицо. С очень близкого расстояния. Я увижу его мозги.

– Хотите шутку?

Ох уж этот русский со своими шутками! Странный малый, самый странный из всех. Даже молоденький мальчик, который вел машину, обернулся и стал слушать.

– Он рассчитывает встретиться с Чарди, – сказал Спешнев. – Ну не забавно ли? Этот военный преступник убегает от своей собственной охраны, чтобы встретиться с единственным человеком на свете, которому он доверяет, а вместо этого встретится с единственным человеком на свете, который задумал его убить.

Все эти шутки судьбы мало занимали Улу Бега; он лишь

коротко кивнул.

Водитель покинул машину, обошел ее и открыл перед курдом дверцу.

– Ну ладно, – сказал Спешнев.

Улу Бег вышел под легкий дождь. Улица кишела американцами. Вокруг возвышались фонари с круглыми лампами, их коричневый свет выхватывал из темноты косые струи воды.

Они стояли на площади, недалеко от автобусного кольца. Люди стекались к станции; на мосту над входом виднелись поезда. Все было очень современное.

– На этот раз осечки быть не должно, – сказал полковник.

– На все воля Всевышнего, – ответил курд.

Дверца захлопнулась, и машина рванула с места. Улу Бег немного постоял у обочины, глядя, как она растворяется в потоке машин, потом сквозь толпу зашагал под дождем к станции. Он купил в автомате билет без сдачи и через турникеты прошел на перрон. В левой руке он нес рюкзак; там ждал своего часа «скорпион».

* * *

Из кинотеатра Данциг вышел в половине двенадцатого. В голове у него крутились обрывки картинок: органы, гигантские и абсурдные, абстрактные отверстия. Он думал о влажных вагинах, о мочеиспускании, об операциях на открытом

сердце. От всего этого у него начала раскалываться голова. Ему пришлось просмотреть фильм трижды. Сюжет был настолько невразумительный, что практически не поддавался пересказу: какой-то набор спонтанных, случайных событий, задуманных с таким расчетом, чтобы актрисы могли опуститься на колени и отсасывать у актеров не реже чем раз в четыре-пять минут. Играли и те и другие совершенно бездарно – очевидно, единственным критерием при наборе участников в эту постановку были размеры их органов, – а об операторском искусстве и говорить не приходилось. Музыка была избитая, только фотосъемка не подкачала.

Наконец-то он вышел на воздух, прохладный, чистый после дождя. Данциг быстро перешел М-стрит и двинулся по улице, которая должна была привести его к реке. После этого ему оставалось пройти около мили по берегу – подальше от полиции, которая, без сомнения, уже разыскивала его, подальше от любопытных глаз. Гулять по плохо освещенным улицам у реки было рискованно. С другой стороны, что еще ему оставалось? Это ощущение опасности нравилось ему только одним: он сам шел ей навстречу, вместо того, чтобы позволить ей подобраться к нему, как будто он бессловесная скотина, предназначенная на убой. Он зашагал вперед, приземистый человечек, направляющийся в ночь.

Наконец Ланахан остался наедине с компьютером. В темном экране отражался его собственный силуэт, смутный, размытый, склоненный вперед с монашеским пылом. Вокруг раздавалось гудение вентиляторов и пощелкивание клавиш.

Видеодисплейный терминал «Хэррис-1750» оказался вдвое крупнее более ранних моделей, на которых Майлз работал в «яме». Человеку, не знакомому с вычислительной техникой, он показался бы помесью телевизора с электрической печатной машинкой, неуклюжей и тяжеловесной. Но это был доступ к мозгу, к памяти Лэнгли.

Для тех, кто знал коды.

Он включил машину – как ни забавно, в их внутреннем жаргоне так и не прижилось ни стандартное обозначение терминала – ВДТ, ни другое подходящее словечко. Для всех них терминалы по старой памяти так и остались машинами.

Машина секунд двадцать разогревалась, затем на экране со световой скоростью промелькнула зеленая полоса, за ней крохотное пятнышко, яркий квадратик, именуемый курсором, замигал в левом нижнем углу: то была рука оператора, выразитель его воли.

Майлз взглянул на светящийся прямоугольник, подмигивающий ему в полумраке. Его пальцы приняли привычное положение, и он ощутил под ними клавиши.

«Fe МАКБАШ», – напечатал он, отдавая машине команду найти директорию под названием «МАКБАШ».

На экране мгновенно высветился ответ.

«Директория неактивна».

Ну ладно, скотина.

Ланахан на миг задумался. Он попытался действовать в лоб и потерпел неудачу. Но давайте не будем паниковать. Давайте все обдумаем. Мы ищем что-то такое, что спрятали много лет назад. Спрятали, но с таким расчетом, чтобы это могли найти те, кто знает, что ищет. И с таким расчетом, чтобы это мог найти Пол Чарди. Говорят, этот Френчи Шорт был неглупый парень. И он должен был разбираться в машинах, знать систему, если смог что-то в ней спрятать.

Башмак. Башмак, который подходит по размеру. Он попробовал ввести название, но у него ничего не вышло. Но давайте не будем совсем отказываться от башмаков, может, все-таки найдется тот, который подходит по размеру. Попробуем его подсократить.

«Fe МАК», – попробовал Майлз.

Машина задумалась.

Господи, а вдруг это секретная директория и при попытке вызвать ее она оповестила систему безопасности? Ходили слухи, что подобные директории существуют, хотя ни один аналитик ни разу с ними не сталкивался.

Экран был пуст. Потом на нем высветилось:

«Неверный префикс кода».

Черт, не тот номер.

У него разболелась голова, прыщ на лбу начал нарывать. Майлз потерял его мизинцем. Спина тоже ныла: давненько он не работал в кабинке за компьютером. Он слишком долго пробыл на воле, утратил чутье.

Думай, черт тебя дери, думай!

«Fe MAK», – попытался он еще раз, проследив за тем, чтобы между командой и именем стоял только один пробел; ему подумалось, что в спешке или в замешательстве он мог в прошлый раз оставить два или вообще ни одного, а машины – за это он так их и любил – были чудовищно мелочными, дотошными и совершенно непреклонными и не прощали ни малейшего нарушения этикета.

На экране замелькало содержимое директории.

* * *

Данциг уже видел условленное место – впереди, дальше по берегу, за необарочным массивом комплекса «Уотергейт». На прибрежной эспланаде, кроме него, никого не было. Напротив, отделенный спокойной гладью воды, лежал остров Теодора Рузвельта, над кронами его деревьев виднелись небоскребы Росслина.

Он посмотрел вперед: на холме, где был похоронен Кен-

неди, и в самом деле что-то мерцало, эдакое вечернее напоминание о бренности всего сущего? Или ему просто помешалось? Он поспешил дальше, по тропке у реки, между деревьями.

Дождь прошел, и позади, где река была шире, у арочного моста Кей-бридж, помаргивал фонарями кораблик. Данциг мог только гадать, кто там. В прошлом ему время от времени приходилось кататься по Потوماку в обществе какого-нибудь невротичного государственного чиновника – море выпивки и бесконечные, бесцельные, пафосные монологи, длившиеся чуть не до рассвета.

Впрочем, мысли Данцига быстро вернулись от истории к сексу, впервые за много недель. Перед глазами возник образ красивой блондинки, элегантной обительницы Джорджтауна с точеной фигуркой и неумным сексуальным аппетитом – он и она, вдвоем, на яхте из красного дерева, на Потомаке, и суденышко ходит ходуном от их страсти.

Данциг замедлил шаг; из-за клочковатых облаков выглянула луна, ее атласный свет заиграл на волнах. У него перехватило дыхание: черный берег, черное небо, лунное серебро на воде – прямо-таки сцена из Голливудского фильма. Он остановился.

Данциг давным-давно утратил веру в сверхъестественное. Люди были слишком продажны, слишком злы. Действительность требовала верности лишь тому, что происходило здесь и сейчас. И все же эта внезапная картина поразительного,

щемящего очарования настигла его в переломный миг жизни: это непременно должно было что-то значить.

Но едва он остановился полюбоваться этой красотой, как она начала рассыпаться. Облака вновь затянули луну, мерцающее море превратилось обратно в неспешную реку, яхта вблизи оказалась плавучим домом.

Данциг взглянул на часы. У него еще оставалась уйма времени. Возможно, Чарди уже пришел.

Он прибавил ходу. На той стороне Рок-Крик-парквей белело какое-то строение, что-то в египетском стиле, подсвеченное дуговыми лампами. Балкон здания доходил почти до самой реки и нависал над дорогой. Данциг поспешил дальше, пораженный темнотой и тишиной, царящими здесь.

Он прошел под балконом. Дверь располагалась посередине здания, в белом кирпичном основании, в углублении стены. Данциг перешел обсаженную деревьями улицу и поднялся по трем ступенькам на крыльцо. Перед дверью он помедлил.

А вдруг она заперта?

Нет, Чарди сказал, что она будет открыта.

Ладонь Данцига легла на ручку.

Он потянул дверь на себя и вошел внутрь.

* * *

Четкость их действий не удивляла Улу Бега. Они так мно-

го могли, так много знали. Теперь он относился к этому, как к данности, просто принял к сведению. Можно было подумать, что они ведут дела у себя на родине, а не в Америке.

Он сошел на станции Фогги-Боттом, но не стал спешить вместе с остальными пассажирами к лестнице, ведущей к выходу с платформы, а присел на каменную скамью. Он находился в исполинском ячеистом склепе, который закруглялся у него над головой. Чередование света и теней производило драматическое впечатление. Очень скоро к платформе подкатил другой поезд. Несколько человек вышли на платформу, несколько сели в поезд. Он был рослинский, отходивший без четверти двенадцать. Последний. Улу Бег поспешно оглядел сводчатый зал. Люди тянулись к выходу. На него никто не обращал внимания.

Он быстро подошел к концу зала, к отвесной стене, в которую уходили туннели. Потом оглянулся назад, но ничего не увидел. На балконе сверху болталось несколько человек, но они были далеко, в сотне футов от него, и двигались к дверям.

В туннель вели мостки, отгороженные от платформы и украшенные знаком «Вход воспрещен». Улу Бег быстро перебрался через ограждение и зашагал по шаткому сооружению в глубь туннеля. Его окутала темнота. Впереди помаргивали одинокие огоньки. Он добрался до металлической двери в стене. Табличка гласила «Лифт 102».

Дверца была заперта на висячий замок. Улу Бег вытащил

из кармана ключ и открыл замок. Очутившись в коридоре, он отыскал лесенку и начал спускаться вниз, в туннель.

* * *

Надежно завернув «ингрэм» в пиджак, Чарди прошел один-два квартала, пока не убедился, что оторвался от Лео Бенниса. Тогда он снова вышел на проезжую часть, чтобы поймать такси. Он стоял в коричневом свете, пока одно, наконец, не остановилось.

Он сел в машину.

– Куда едем?

У Чарди имелось огромное преимущество перед Лео Беннисом и остальными фэбээровцами в отношении местонахождения Данцига. Теперь он знал секрет. Поскольку целью операции советской разведки было сохранить в тайне личность высокопоставленного лица из ЦРУ, работавшего на них, значит, русские действовали в Вашингтоне с ведома этого человека. Короче говоря, они должны были знать о ресурсах ЦРУ и могли ими воспользоваться.

Поэтому у Чарди не возникало необходимости разгадывать замыслы русских, в чем он был не великий специалист, вполне достаточно было просто напрячь память. К примеру, ему было известно о пяти аварийных явках, где агент мог отсидеться в безопасности, если какая-нибудь проводимая в городе операция закончилась крахом. Он решил, что, если

русские решили заманить Данцига в такое место, где можно было бы с минимумом помех и максимумом гарантий избавиться от него, они определенно должны были выбрать одну из этих пяти явок.

Но которую?

Два старинных особняка на северо-западе города были расположены в достаточно укромных местах, но при этом под завязку нашпигованы записывающими устройствами. Там искать точно не стоило.

Из трех оставшихся мест еще одно явно можно было отбросить сразу. Подвал стрип-бара на 14-й улице, пользующийся дурной репутацией. Он предназначался для убежища от полиции в случае какого-нибудь сексуального скандала. Но в такое время ночи там не протолкнуться от проституток и их клиентов.

Таким образом, оставалось всего два варианта.

Первый – квартира на Капитолийском холме, но вряд ли, вряд ли: там всегда ходят толпы народу, а сегодня вообще суббота, везде вечеринки, повсюду будут сексуально озабоченные секретари, красивые женщины и пьяные конгрессмены.

Полностью исключить эту возможность было нельзя. Квартирка располагалась на отшибе и имела отдельный вход, но...

– Куда едем, мистер? – снова спросил таксист.

Последняя явка находилась на четвертом, самом нижнем

этаже парковки под Кеннеди-центром. Это было пустынное место, неприслушиваемое, с тремя или четырьмя непримечательными подходами. Оно предназначалось для важных посетителей, чтобы им не приходилось сталкиваться с простыми смертными. Пол знал, что шесть лет назад, когда строили метро, был даже план провести туда туннель от станции Фогги-Боттом.

Чарди взглянул на часы. Была почти полночь.

– В Кеннеди-центр, – сказал он.

– Вы, наверное, ошиблись, мистер, – сказал таксист. – Уже темно. Все представления закончились. Там уже все закрыто.

– Думаю, я все равно туда поеду, если вы не против, – сказал Чарди.

Рукоять пистолета сквозь пиджак холодила кожу. Его собственное представление еще только начиналось.

* * *

Директория оказалась недлинной. Коды зеленой пеленой мелькали у Майлза перед глазами. Внезапно мелькание прекратилось.

«No Mo», – сообщила машина, «ничего больше».

Все.

Ланахан с беспокойством прокрутил вверх список, который уже просмотрел. Полная бессмыслица, случайные группы знаков.

АБР.....2395873

ТЫВ.....3478230

Коды, всюду коды, буквы и цифры, что-то около пятидесяти в общей сложности. Можно было бы вызвать каждый и посмотреть, что там внутри, но на это уйдут часы.

Один из них что-то значил.

Дважды мимо проходили ответственные за безопасность и посматривали на него.

Майлз вглядывался в буквы. Они казались полной бессмыслицей. Он лихорадочно соображал.

Он попытался разбить слово «башмак» на трехбуквенные комбинации – пробовал и «баш», и «мак», и «бшм», и даже «бшк».

Ничего не подходило.

Он беспомощно смотрел на буквы.

«Давай думай, – подгонял он себя. – Френчи Шорт хотел, чтобы это нашли, чтобы это нашел Пол».

Майлз попытался сообразить, каким образом Френчи мог зашифровать название.

Тот отправлялся на задание, в котором ему предстояло предать своего самого старого друга, своего брата по сотне горячих точек. По каким-то причинам он считал, что должен это сделать; предложение было слишком заманчивым, чтобы от него отказаться. Френчи старел, боялся потерять работу, боялся остаться на обочине в пятьдесят лет, не имея на руках ни востребованной профессии, ни послужного списка, ниче-

го. И поэтому он решился продать Чарди. Но отвращение и вина, должно быть, все же грызли его. Поэтому он решает подстраховаться. По крайней мере, Пол этого заслуживает. Он передает Чарди ключевую фразу, которая должна привести его сюда, в это кресло, в поисках этой директории.

Странный поступок, да? Или нет?

Чарди сказал лишь: «Так поступил бы каждый опытный агент».

Что он под этим подразумевал?

И тут Ланахан понял что: знание, что он оставил дома сообщение для Пола, в случае провала очень помогло бы. Полу? Да нет. Френчи. Оно помогло бы ему умереть спокойно.

Теперь Ланахан понимал ход мыслей Френчи. Это был способ встретить пулю в некотором подобии душевного спокойствия.

Он хочет, чтобы ты нашел ее! Он хочет, чтобы ты нашел ее!

Его глаза вглядывались в буквы.

БДЫ.....578309

БББ.....580093

РЕК.....230958

«Давай, – подгонял себя Майлз, – давай!»

Внутри у него все звенело от напряжения. Хотелось куда-то идти, бежать. Эх, водички бы сейчас.

Башмак... Интересно, Френчи и тут продолжит эксплуатировать уловку с башмаком? Она ведь уже довольно далеко

его завела, так? Или решит переключиться на что-то другое?
Думай, думай!

Френчи хотел, чтобы ее нашли. Много лет назад Френчи Шорт, больной от горя из-за того, что ему вот-вот предстояло совершить, возможно, сам не понимая всего до конца, оставил для Чарди последний подарок, свое искупление.

Интересно, Френчи был католиком? Понятие вины у него было определено католическое, слепое и жестокое, – и острая потребность исповедоваться.

Ланахан был исповедником Френчи. Он сидел в темной кабинке и слушал признание через экран.

Прости меня, Майлз, ибо я грешил.

Покайся, сын мой. Признайся в своих грехах.

Да, святой отец, я сто раз прочитаю молитву.

Нет. Открой нам свои секреты. Самые потаенные, самые мрачные свои секреты.

Ланахан отбросил эти мысли. Он не священник. Он бывший компьютерный аналитик, который обманом пробрался в «яму» и пытается вычислить предателя.

«Может быть, это мне нужно сто раз прочитать молитву?» – подумал он, потому что ничего иного в голову просто не приходило.

Он смотрел на коды.

Френчи хочет, чтобы Пол что-то увидел. Френчи задумал все с таким расчетом, чтобы Пол взглянул на список букв и что-то там увидел. Но что? Слов среди них не было, потому

что, если бы там были слова, их мог бы прочесть кто угодно, а послание предназначалось только Полу.

Что в Поле такого неповторимого? Что может дать Чарди преимущество при просмотре этого списка кодов? Что такого может увидеть Чарди, чего не увидит никто другой?

Он чувствовал, что подобрался совсем близко. Ланахан откинулся на спинку стула и попытался сосредоточиться на личности Чарди.

Чарди, герой, ковбой из отдела спецопераций, доставляющий оружие и снаряжение во все самые горячие точки мира. Чарди, атлет, без промаха забивающий мяч в баскетбольное кольцо из любого положения. Чарди, глупец, обманутый и безжалостно использованный женщиной. Чарди, неудавшийся самоубийца с тягой к саморазрушению. Чарди, чикагский мальчишка, росший на тех же самых улицах, что и Майлз, ходивший в те же самые приходские школы, посещавший те же самые церкви. Чарди, ирландец, мрачный, угрюмый и неприветливый. Чарди...

И тут до Майлза дошло.

* * *

Данциг стоял у подножия лестницы. Он открыл дверь, заглянул внутрь крытой стоянки и внезапно задохнулся от подступившей неуверенности. Словно чудовищная тяжесть обрушилась на него: он не мог дышать, и на миг ему показа-

лось, что у него вот-вот начнется сердечный приступ.

Но этот миг миновал. И все равно ему было почти физически дурно от страха, как будто он попал в проклятое место. Назад вернуться он не мог, вперед идти боялся. Рубаха взмокла от липкого пота, воздух проникал в легкие с огромным трудом. В конце концов, он вошел в последнюю дверь.

* * *

Это оказалось так просто.

Френчи, ты голова! Неважно, что ты сделал, Френчи, неважно, в кого превратила тебя твоя слабость, никто не сможет отрицать, что ты голова.

Что такого может увидеть Чарди, чего не увидит никто другой?

Чарди увидит венгерский язык. Он ведь наполовину венгр, его вырастил сумасшедший папаша, обанкротившийся венгерский врач, яростный антикоммунист, владелец крохотной двухкомнатной квартирки на севере Чикаго.

Ланахан быстро закрыл директорию. Потом оглянулся назад, на длинные ряды отсеков в темноте. Наконец он заметил свободную машину другой системы. Он поднялся и пошел по темному залу к ней. Он слышал, как выстукивают по клавишам другие операторы, приросшие каждый к своей машине, ведущие каждый свою маленькую войну.

Майлз уселся за пустой терминал, подсоединенный к дру-

гому компьютеру, и быстро напечатал:

«Fe Lan».

Перед ним появилась языковая директория. Он прокручивал список вниз, пока не добрался до обозначения «HUNG» – венгерский.

«Fe Hung», – отдал он команду.

На экране появился краткий глоссарий венгерских слов и выражений, хранящийся в памяти машины на случай, если какой-нибудь аналитик, не знающий языка, наткнется на венгерское слово, требующее срочного перевода. Ланахан быстро проглядел его и отключил машину.

Он вернулся за свой терминал. Почему у него такое чувство, будто за ним наблюдают?

Он уже совсем близко, только бы его обман не раскрыли еще минуты две-три...

Он вызвал директорию «МАК» и снова просмотрел коды.

«Fe Egy», – приказал Майлз.

Высветилась еще одна директория.

Ланахан пробежал ее глазами, пока не наткнулся на нужный код.

«Fe Ketto», – напечатал он.

Вызвать вторую.

Еще одна директория.

«Fe Harom».

Еще одна.

«Fe Negy».

И еще.

«Fe OT».

Один, два, три, четыре, пять. Он сейчас находился в пятой. Когда это кончится? Он находился внутри директории, которая находилась внутри директории, которая находилась внутри директории, которая находилась внутри директории, которая находилась внутри директории. Что это, кодовая лента Мебиуса, кодовый рисунок Эшера, который будет продолжаться и продолжаться, хитрый и запутанный?

Экран опустел.

Машина безмолвно смотрела на него невыразительным зеленым глазом.

Тянулись секунды. Неужели ничего не получилось? Он понимал, что у него нет времени начинать все заново.

Пустой экран словно насмеялся над Майлзом.

Потом по нему поползло длинное сообщение:

«Этот материал появится на вашем экране только в том случае, если проводится его целенаправленный поиск. Ему будут присвоены метки отслеживания уровня прохождения, код приоритета „а“ (высший), категория „с“ (постоянная единица). Он не может быть уничтожен или изменен. Вывод начнется после введения шестибуквенного кода.

Введите шестибуквенный код».

За все то время, что Майлз провел перед экраном, он ни разу не видел ничего похожего на это сообщение. Метки от-

слеживания уровня прохождения? Это еще что за абракадабра? Код приоритета? Код категории?

Но он понимал, что нащупал основную жилу.

«Введите шестибуквенный код».

Он уставился на надпись. Еще одна преграда, последняя.

Да уж, Френчи, ты надежно спрятал свой секрет. Да, Френчи, ты, похоже, был светлая голова. Столько лет спустя Майлз пытался прорваться навстречу Френчи Шорту, умнице Френчи. Он спрятал свой секрет так глубоко, так надежно; и вот теперь оставалось всего одно, самое последнее препятствие.

«Введите шестибуквенный код».

Ох, Френчи.

Майлз гипнотизировал их взглядом. Шесть букв, отделявшие его от Френчи.

Он попытался собраться с мыслями.

Ну что, все-таки «башмак»?

Он напечатал:

«Fe Башмак».

Его палец коснулся клавиши ввода команды, но так и не нажали ее.

«Жми», – приказал себе Ланахан.

Но он не мог нажать.

Если он ошибся, вся цепочка будет потеряна и ему придется начинать с самого начала, с «МАКа». Придется снова

проходить через все уровни. Кроме того, предположим – это было хорошее предположение, – предположим, что в системе встроен какой-то механизм тревожного оповещения. То есть если кто-то попытается проникнуть на этот последний уровень и продемонстрирует нерешительность, неловкость, неуверенность, машина по этим признакам опознает взломщика. Прямолинейность машин была всем известна: они не обладали ни воображением, ни способностью сочувствовать; их этика была бесчувственно двоичной. Машина заложила бы этого кого-то.

Майлз понимал, что она выдаст его, если он ошибется.

Эта уверенность почти парализовала Майлза. Внезапно его охватила ненависть к компьютеру. Он смотрел на экран, и ему было страшно.

«Введите шестибуквенный код».

– Мистер Ланахан?

Он испуганно вскинул глаза.

Над ним стоял Блюштейн.

– Как у вас дела?

– Э-э... гм... все в порядке. Хотя... удивительно, как быстро забываются все навыки.

– Боюсь, нам скоро придется снять этот диск. Другие компьютеры перегружены, а сверху все подкидывают и подкидывают работы. Нам нужна память. Вы же сами понимаете.

– Ясно, – сказал Майлз.

– Нет, я не пытаюсь строить из себя начальника, просто...

– Конечно.

«Давай, маленький святоша, – сказал себе Ланахан. – Давай, ты, вонючий прыщавый подлиза. Сделай что-нибудь! Скажи что-нибудь!»

– Еще минуточку, ладно, Майк? Я уже закругляюсь.

– Майлз, люди ждут, и...

– Я буду перед тобой в долгу. Я всегда отдаю свои долги. Я могу тебе помочь. Неплохо помочь. Понимаешь, о чем я? Я могу помочь тебе пробиться наверх. Прикрой меня.

– Майлз, я просто не могу. Я и так пошел вам навстречу и...

– Майк, позволь кое-что тебе сказать. Я очень благодарен тебе за то, что ты для меня сделал. Честное слово. Ты славный парень. Я не доставлю тебе никаких хлопот.

– Спасибо, Майлз. Я очень благодарен вам за понима...

– А в понедельник я первым делом отправлюсь к твоему шефу и скажу ему, что ты нарушил правила доступа, Майк. Ланахан безмятежно улыбнулся Блюштейну.

– Форма двенадцать, Майк. Я здесь без формы двенадцать. Ты можешь схлопотать большие...

– Черт бы тебя побрал. Ах ты маленький...

– Не стой у меня над душой, жидовская морда. Не стой у меня над душой, твою мать, и будет тебе твоя карьера. Или можешь начинать собираться в Сибирь.

Ланахан бросил на Блюштейна полный самодовольного торжества взгляд. Майлз мог вести себя по-настоящему низ-

ко – он был на это способен, – и у него на глазах высокий юнец дрогнул под напором.

– Еще пять минут, Майлз. Черт бы тебя побрал. Говорили ведь, что ты сволочь!

Он рванул в темноту.

Майлз снова уткнулся в экран. Сообщение никуда не делось.

«Введите шестибуквенный код».

Френчи, сукин ты сын. Старый козел.

Старина Френчи. Умный старина Френчи.

А потом пришло озарение, словно из ниоткуда.

«Fe Ковбой».

* * *

Его взгляду открылся лес колонн и безмерное неуютное пространство под низким потолком. Все это походило на творение художника-абстракциониста, бескрайний лабиринт без конца и начала. Туннели, отсеки, путаница переходов в сумеречном подземном просторе. На каждой четвертой или пятой колонне светилась стрелка с оранжевой надписью «Выход». Чей воспаленный разум породил это место? Борхеса? Кафки? Беккета? Нет, конечно нет.

Этот подземный гараж ничем не отличался от любого другого такого же гаража в любом другом месте Америки.

Его глаза обежали все ряды и проходы между ними и не заметили следов человеческого присутствия. Но в любом из тысячи темных закоулков, во мраке, в вентиляционных отверстиях, в трубах, в лестничных колодцах мог скрываться человек.

Страх Данцига вновь расцвел пышным цветом – экзотическая, льдисто-голубая орхидея в груди. Похоже, таково было свойство его желудочно-кишечного тракта, подкашивающее и ослабляющее все системы организма изнутри. Его замутило, к горлу подступила желчь. Сердце стучало о ребра. Он хватал ртом воздух, отравленный застоялыми выхлопными газами. Данциг попытался взять себя в руки. Лучше бы у него не было нужды проявлять храбрость.

Первая теория современного государственного управления – самая элементарная, которая никогда и нигде не была опубликована, – утверждала, что ты платишь другим, чтобы они проявляли храбрость вместо тебя. Специально для подобных надобностей существовала определенная категория людей. И вот пожалуйста, заместители кончились, и Данциг сам должен выйти на арену.

«Я не храбрец, храбрецов считанные единицы». Солдаты интуитивно ощущают это, как будто нюхом чувуют. Гражданские презрительно усмеваются: мол, трус. А в его случае подтекст еще и таков: еврей. Жид. Они избранные: их удел – мужество. Они держатся особняком, надменные, бессердечные. Он видел это выражение в их глазах, и в глазах Чарди

тоже; он угадывал его в глазах неевреев уже полвека.

Данциг переступил порог и услышал, как пневматическая система с шипением закрыла за ним дверь и за спиной что-то щелкнуло. Замок?

Он сделал шаг вперед. Звук его шагов заметался под низким потолком.

– Чарди? Я здесь, мистер Чарди, – позвал он.

* * *

Улу Бег видел его. Их разделяло ярдов примерно сто, плюс еще десяток колонн – слишком большое расстояние для пистолетного патрона, которыми стрелял «скорпион».

«Ты должен подобраться вплотную», – велели они.

Он начал подбираться ближе. Это было несложно. Толстяк был очень напуган и все звал Чарди, так что можно было держаться в тени и слушать, как голос становится все громче и громче. Курд начал отсчет. Он собирался досчитать до сотни.

Глава 55

По экрану поползли ряды значков.

Номера.

Служебная директория

3839857495.....2094875903

2884110485.....0594847324

И так далее, и так далее, и так далее.

Ланахан нажал кнопку прокрутки, и цифры поползли вверх. Вздыхающаяся волна чисел, исчезающая за верхним краем экрана.

Он жал на кнопку, пока цифры не перестали двигаться.

«МО», – выдала машина, «дальше».

Ланахан дал команду продолжить вывод.

«Fe Mo».

Давайте, дальше, дальше. «Mo». Давайте мне «Mo».

Он погрузился в море зеленых цифр.

Его так и тянуло задержать дыхание. Он словно с головой нырнул в математику.

«Я что, схожу с ума?»

Морские образы продолжали занимать его воображение, пока на экране мелькала зеленая рябь, и ему пришлось отдавать команду «Fe Mo» еще три раза.

А потом машина начала «подвисать».

Числа лениво ползли по экрану. Система явно собиралась «упасть». Вот-вот загорится сигнальная лампочка, высоко на стене: просим прощения, электронный мозг временно вышел из строя. И тогда для Ланахана все будет кончено: теперь дорога сюда заказана ему навсегда.

Пошевеливайтесь, сволочи, пошевеливайтесь, давайте, черт бы вас побрал.

Палец на кнопке прокрутки побелел и затек от напряжения. Цифры поползли еще медленнее. Они тащились так вяло, что ему хотелось умереть. Никогда ему не справиться с этим.

«No Mo».

Конечная остановка. Морское дно. Он проник очень, очень глубоко, но так ничего и не нашел.

Постойте-ка... Он забрался слишком далеко. И пропустил одну строчку, последнюю снизу.

784092731.....Бшмк.

Башмак подошел.

Майлз опустошенно уставился на экран. Его заколотило.

«Fe», – набрал он инструкцию и нажал кнопку ввода.

Экран опустел.

Ожидание, казалось, тянется целую вечность. Неужели не получилось? Неужели он напортачил, запарол все? Может, уже оповещена служба безопасности? Но все было тихо. Впрочем, нет. Ему так показалось, потому что он тяжело дышал. Вымотался. Но теперь, сосредоточившись, он слышал,

как барабанят по клавишам своих терминалов другие операторы, слышал гудение их вентиляторов. Никто даже не шелхнулся.

Внизу экрана возникли слова, сначала заголовок, потом само сообщение.

«ПОЛ, СТАРИК,

– писал Френчи Шорт, уже семь лет как мертвец. –

Я СОБИРАЮСЬ СДАТЬ ТЕБЯ РУССКИМ. ВПРОЧЕМ, ЕСЛИ ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТИ СЛОВА, ЗНАЧИТ, ТЫ УЖЕ ВСЕ ЗНАЕШЬ, ПОТОМУ ЧТО Я МЕРТВ, А ТЫ ВЕРНУЛСЯ И ПЫТАЕШЬСЯ СЛОЖИТЬ ГОЛОВОЛОМКУ».

«ПОЛ,

– продолжал Френчи (Майлз так и видел, как он склоняется над терминалом и печатает, торопливо, лихорадочно, глядя, как его слова ползут по экрану; ему страшно, он почти трясется от страха, ведь его в любую минут могут застучать), –

ОН ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ СДЕЛКУ. ОБЕЩАЕТ ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ. ПОЛОЖЕНИЕ. БЕЗОПАСНОСТЬ. ХОРОШУЮ ЖИЗНЬ. ПОЛ, Я ТАК УСТАЛ, А ОНИ СОБИРАЮТСЯ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МЕНЯ. Я ИСПОЛНЯЮ ЭТО ЗАДАНИЕ И МОГУ БЫТЬ СВОБОДЕН.

ПОЛ, ОН ДАЖЕ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ТАК БУДЕТ

ЛУЧШЕ. ЛУЧШЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ, ЛУЧШЕ ДЛЯ НЕГО, ЛУЧШЕ ДЛЯ МЕНЯ. О ТЕБЕ ОН НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ. ОН ГОВОРИТ, ЧТО ВРЕМЯ КОВБОВЕВ ПРОШЛО».

Майлз дочитал сообщение до конца и узнал, кто и зачем приказал Френчи Шорту развалить операцию «Саладин II».

Он поднялся и очистил экран, отослав сообщение Френчи обратно в безмятежные глубины компьютерной памяти, где им предстояло покоиться до скончания века. Теперь следовало связаться с Чарди – и быстро.

* * *

Данцигу показалось, как будто что-то шевельнулось.

У него екнуло сердце.

– Чарди! Чарди, я тут!

Он бросился бежать мимо колонн, сквозь мрак – в никуда.

– Чарди! Чарди! Где вы, Чарди?

Громогласное эхо раскатилось по стоянке и вернулось к нему. Данциг часто и тяжело дышал. Колонны раскалывали вид на сотню причудливых ракурсов, и каждый включал в себя стену, далекий кабельный короб, пандус, тень. Но ничего похожего на человеческую фигуру видно не было. В воздухе стоял едкий тошнотворный запах бензиновой гари, от которого, казалось, саднило кожу. Данцигу не хватало кислорода.

– Чарди! Чарди!

И тут он заметил, как какая-то фигура чуть показалась – замерла – юркнула обратно в тень.

В это мгновение он осознал масштаб ловушки, в которую его заманили. Его охватила безумная ненависть – желание убивать. Убивать голыми руками. Но кого? Он не знал. Потом нахлынул ужас. Кромешный, почти смертельный. А следом за ним такая жалость к себе, что от нее перехватило горло. Он столько всего не успел сделать, отдать, вложить. Если бы только он мог рассказать этому человеку, заставить его понять, убедить его.

Но Улу Бег уже полностью вышел из тени. Он был в джинсах, светловолосый, высокий и такой... сильный. Данциг не мог подобрать иного слова.

Курд смотрел на него. В руке он держал пистолет.

Данциг бросился бежать. Он бешено заметался между колоннами, выскочил на открытое пространство, в раскаленный воздух.

– Помогите! – закричал он.

Он оглянулся и никого не увидел, но знал, что его преследователь позади. Мир впереди опасно накренился, стал расплываться: глаза что-то застилало: не то пот, не то слезы. Данциг всхлипнул, хватая ртом воздух, но воздуха не было. Он бежал к двери и понимал, что ему не добежать до нее. Но все-таки добежал.

Дверь оказалась заперта. Всхлипывая, Данциг сполз на

пол, цепляясь за теплую ручку, бессильно дергая ее, а курд вышел из темноты и остановился совсем близко. Он распрямылся и передернул затвор.

– Не надо, пожалуйста, не надо, – закричал Данциг.

И тут погас свет. Данциг сжался в комочек. В темноте рдели тысячи оранжевых «выходов».

– Улу Бег! – крикнул Пол Чарди.

Курд ответил трескучей очередью.

* * *

Блюштейн сердито взглянул на Ланахана.

– Ну ладно, – сказал он. – А теперь выметайся отсюда.

Майлз даже не заметил его.

Он бросился по коридору, сунул шнурок с пропуском охранникам обратно. Лифта не было целую вечность. В конце концов он приехал, и Ланахан вошел внутрь. Подъем был быстрым и безмолвным.

Он зашагал по последнему коридору, торопливо, глядя себе под ноги, когда навстречу ему попадались охранники. Но перед самым поворотом из-за угла слышались шаги. Ланахан в панике шарахнулся, попятился назад, принялся дергать все подряд ручки дверей. Одна поддалась – везде найдется какой-нибудь небрежный придурок, уж на это можно твердо рассчитывать, – и Майлз юркнул внутрь. Он очутился в какой-то темной комнатухе, вроде приемной перед каби-

нетом.

Шаги за дверью приближались. Он узнал голоса – это были его подчиненные. Что они вообще здесь делают? Что происходит? Он понимал, что не может показаться им, и подождал, пока они пройдут, прислушиваясь к их возбужденной болтовне. Когда они удалились, он выскочил в коридор, поспешно отметился в пункте проверки пропусков и рванул на стоянку. Уже немного похолодало. Майлз поежился, оглядываясь в поисках знакомого фургона. Они должны были ждать его на этом самом месте. Какого дья...

Фургона не было.

«Боже правый», – подумал он.

К нему подлетела незнакомая машина, дверца распахнулась, и он узнал нескольких сотрудников ФБР.

– Где Чарди?

– Садись в машину, живо, – приказал кто-то.

– Где Чарди?

– Садись, тебе говорят. Данциг удрал. Все на ушах стоят.

Эта новость прозвучала для Ланахана, как гром среди ясного неба. Похоже, Данциг все-таки сорвался; Майлз понимал, что ему следовало бы находиться там. Данциг, совершенно один, в смятении, бродит по улицам. В оперативном директорате небось страшный переполох.

Он уселся в машину.

– Мне нужно связаться с Чарди. С ним есть связь по рации или еще как-нибудь?

– Сегодня вечером связь по радиии есть со всеми, – сказал кто-то на переднем сиденье и протянул ему микрофон. – Ваши позывные – Шланг-три. Чарди – Шланг-один. Наш штаб – Канделябр.

Майлз фыркнул. Ох уж эти фэбээровцы с их идиотскими играми! Он нажал кнопку микрофона и, чувствуя себя дураком дураком, произнес:

– Шланг-один, это Шланг-три. Прием? Слышите меня? Пол, вы меня слышите?

Последовавший ответ был молниеносным и яростным.

– Шланг-три, это Канделябр, а ну вон из эфира, нам нужен этот канал!

– Идите к черту, Канделябр. Шланг-один, это Шланг-три. Чарди! Чарди, это Майлз, вашу мать!

Ответа не было.

* * *

Улу Бег дождался, когда глаза привыкнут к темноте, которая была не совсем полной. На колоннах горели знаки; дальняя дверь была чуть приоткрыта, и по полу протянулась длинная полоса света. Тени расступались от этой светящейся полосы на цементе, и курд понимал, что ступить на нее равносильно смерти.

Но ему было все равно. Один Данциг имел значение.

– Улу Бег, выслушай меня, – прозвенел под низким по-

толком голос.

Но курд не стал слушать. Вместо этого, лежа плашмя, с умолкшим «скорпионом» на сгибе руки, он ящерицей пополз вперед.

Перебрался Данциг на другое место или нет? Наверное, нет. Он не производил впечатления подвижного человека, каковы бы ни были обстоятельства. Курд попытался разглядеть толстяка, но в темноте ничего не было видно.

– Улу Бег! – крикнул Чарди. – Это русская игра. Этот толстяк ничего не значит.

Курд полз вперед.

– Улу Бег! Этот русский, Спешнев, убил твоих сыновей.

Курд продвигался вперед. Не станет он слушать. Но в этот последний, решающий миг воспоминание о сыновьях снова накатило на него. Сыновья: их запах, который он так любил, – его больше нет. Их нежные ресницы, их совершенные пальчики, их теплое дыхание, их живость и неиссякаемая энергия – ничего этого больше нет. Воспоминание пронзило его.

В ушах у него прозвучал голос Спешнева (тот инструктировал его в Ливии): «Это Данциг убил твоих сыновей, предал их, обрек на смерть».

У русского была фотография их тел.

«Смотри. Из своего кабинета в Америке, за десять тысяч миль, он отдал приказ предать смерти неумемных курдов, предать смерти твоих мальчиков».

«Дай мне сил продержаться еще всего одну минуту, – подумал он. – А потом убивай меня, Чарди. Убивай».

– Улу Бег! Не вынуждай меня убить тебя! – подал голос Чарди.

– Ради бога, – всхлипнул где-то неподалеку Данциг, – спасите меня, Чарди, ради бога, спасите меня, пожалуйста.

С криком, наполненный рыданием, Улу Бег вскочил и разрядил обойму на голос. Раскаленные гильзы полетели из патронника, едко запахло пороховой гарью, там, где выстрелом задевало что-то, замелькали искры. В воздухе свистели летящие рикошетом пули. Потом затвор отскочил: закончились патроны.

Курд вставил новый магазин.

Он принялся озираться в темноте, но ничего не увидел. Он оглянулся назад и услышал перед собой всхлипы. Улу Бег сложил металлический приклад, защелкнул его. Потом поднялся и пошел к Данцигу. Толстяк жался к двери и тихонько всхлипывал.

– Наман, – произнес он. Смерть.

– Не стреляй!

Это был Чарди, он стоял у курда за спиной, так близко, что тот почти ощущал затылком его дыхание.

– Не стреляй! Пожалуйста, не стреляй.

Фургон остановился.

– Товарищ полковник, вы точно уверены?

– Ну да, – ответил Спешнев. – Это совершенно необходимо.

– У нас есть техники, – сказал молодой мужчина. – Толковые и опытные.

– Степаныч, вы всегда печетесь о моем благе, да? Я тронут. Но у меня и самого есть кое-какой опыт. К тому же, я уже давно ждал этого момента.

– Зря вы не позволили мне послать группу подстраховать вас.

– Ну нет. Слишком хлопотно. Не берите в голову.

– Вы точно уверены, товарищ полковник?

– Да. В себе, – улыбнулся Спешнев.

На теплом весеннем ветерке его волосы растрепались. Он развернулся, открыл дверцу и вышел на улицу.

– Прибор при вас?

– Разумеется, – ответил полковник. – Вот он, здесь.

Русский похлопал себя по боку под мышкой, и его собеседник понял, что там стандартное для КГБ бесшумное орудие убийства, крошечный пневматический пистолет, стреляющий маленькими капсулами с токсином, который не оставлял в организме следов.

– А на непредвиденный случай?

– Ну разумеется, Степаныч. «Люгер».

Он улыбнулся, и молодой русский поразила его спокойствию. Вся операция висела на волоске, и старый полковник намеревался собственноручно завершить ее. У молодого человека защипало в носу – он всегда был склонен к сантиментам. Однако он взял себя в руки и лишь взглядом проводил Спешнева, который уже двинулся к зданию.

* * *

– Не стреляй! Пожалуйста, не стреляй, – услышал Чарди свой собственный, до безумия вежливый голос.

Он держал курда на мушке своего «ингрэма» с расстояния ярдов пятнадцати. В угаре момента пистолет казался невысказанно тяжелым. Он был горячим на ощупь. Чарди ощущал его под пальцами, ощущал его тяжесть, его теплоту, его шероховатые детали.

– Не стреляй! – повторил он снова.

Голос у него дрогнул, зазвучал хрипло. Было так темно, секунды стремительно утекали прочь.

Курд стоял у колонны совершенно неподвижно, как изваяние, держа перед собой пистолет.

– Это все подстроено, – начал убеждать его Чарди. – Подстроено русскими. Эта история началась очень давно, она...

Ему не хватало воздуха. Тело покрылось испариной. Здесь

было так жарко, в этом подземелье, и пахло машинами и бензином.

– Спешнев, – додумался он произнести.

Если он сможет высказать это, заставит курда понять...

– Это Спешнев...

– Чарди, убейте его! – завизжал Данциг. – Остановите его,

Чарди!

Эхо его голоса раскатилось по залу.

Голова Улу Бега переместилась в темноте на дюйм.

– Это Спешнев убил...

– Чарди, убейте его, убейте, ради бога!

– Это русский, это Спешнев, это...

– Чарди, черт возьми...

Улу Бег вскинул «скорпион», и Чарди услышал длинную очередь. Курд повалился на пол; пистолет лягнул о цемент. Кровь текла у него изо рта, из носа; глаза были открыты.

Чарди опустил глаза на свой «ингрэм» и притворно удивился, как это он выстрелил. Это случилось само собой, почти непроизвольно: нерв, ведущий от его мозга через позвоночник и руку к пальцу, дрогнул, совсем чуть-чуть, дернулся, и оружие, слаженная система пружин, защелок и шпилек, пришла в действие, выпустила одиннадцать пуль менее чем за две секунды.

Нет.

«Это сделал ты», – подумал Чарди.

Это сделал ты.

Он подошел к Улу Бегу. Поискал пульс, не нашел. Тогда Чарди протянул руку и закрыл ему глаза и рот. Он отложил «ингрэм» и попытался перевернуть курда на правый бок. Ничего не получилось: тело продолжало упрямо заваливаться на живот. Пол пытался уложить его как надо.

– Боже мой, – выдохнул Данциг, неожиданно оказавшийся прямо у Чарди за спиной. – Он же мог меня убить. Вы стояли столбом целый час. Чарди, скотина! Это вам что, игрушки? Боже, Чарди, какая же вы скотина!

Пол наконец поднялся, взял «ингрэм», поставил его на предохранитель. Горе и ярость обрушились на него. Он развернулся и с размаху врезал Данцигу прямо в лицо, в глаз, и толстяк беззвучно рухнул на пол. Вокруг все было усеяно стреляными гильзами. Чарди подумал, что мог и убить толстяка, и понял, что ему все равно.

Он оглянулся назад, на курда – тот лежал неаккуратно, наполовину на боку, наполовину на животе, разметав ноги, с удивленным лицом.

Чарди попытался объяснить покойнику:

– Понимаешь, они ухитряются так все устроить, что тебе приходится совершать ту единственную в мире вещь, делать которую ты не хочешь. Но тебе приходится. Всегда так получается. И с Френчи так вышло, и с Джоанной, и со...

Наконец он отошел. В воздухе стоял запах пороховой гари. Этот запах бил в ноздри, проникал в самые сосуды, отдавался в голове.

Чарди попытался сообразить, что делать дальше, и с усилием вспомнил, что у него есть рация. Он порывлся в пиджаке, вытащил ее и включил.

– Канделябр, – произнес он тусклым голосом. – Это Шланг-один.

Прибор зашипел. Под землей приема не было. Чарди с отвращением взглянул на рацию и едва не запустил ею о стену.

«Делайте свою работу, козлы. Я свою сделал».

Но радио вдруг ожило со всплеском шуршания.

– ...ди! Чарди! Чарди!

– Шланг-три, это Канделябр. Я же сказал, выметайтесь из эфира!

Чарди быстро заговорил:

– Шланг-три, это первый. Это Чарди. Слышите меня?

– Пол? Это Майлз.

– Шланг-один, это Канделябр. Запрашиваю ваше местонахождение. Доложите ваше местонахождение. Чарди, мать вашу, вы где?

– Пол, послушайте. Послушайте, черт побери...

* * *

– Он на связи? – спросил фэбээровец с переднего сиденья. Майлз предпринял еще одну попытку.

– Шланг-один! Шланг-один! Пол, черт возьми!

Он обернулся к ним.

– Я не могу установить с ним связь. Он вышел из эфира.

– Шланг-три, это Канделябр. Вы определили местонахождение Чарди?

Кто-то выхватил у Ланахана микрофон.

– Канделябр, мы его потеряли.

– Вы получили подтверждение приема?

– Он был там, – сказал Майлз. – Он меня слышал.

– Канделябр, это третий, – сказал тот, что сидел на переднем сиденье рядом с водителем. – Мы тоже его не запеленговали. Прием был совсем слабый. Он, похоже, где-то под землей.

Дальше ехали в молчании.

– Что он затеял? – спросил Майлз, не обращаясь ни к кому в отдельности, когда они выехали на обсаженную деревьями улицу, ведущую к мосту Кей-бридж и Вашингтону.

Ему никто не ответил.

* * *

Первым появился Йост Вер Стиг. Он вышел из лифта и пошел по цементному полу, ярко освещенный, стуча каблучками.

Чарди, обессиленный от головной боли и горя, прислонился к колонне и смотрел, как он идет.

– Привет, Пол. Мои люди уже едут.

– Привет, Йост. Я ждал Сэма.

– Сэм не может, Пол. Что ж, вы попытались. Но у вас ничего не получилось.

– Да. Да, черт побери.

– Да, жаль. Советская операция уже развалилась.

– Я знаю.

– Я так и думал, что вы знаете, Пол. Я подозревал, что у вас что-то на уме. Зря вы сразу не пришли ко мне, зря вы мне не доверяли. Это избавило бы нас от лишних хлопот.

– Это ведь Сэм, да?

– Да, Пол. Сэм работал на русских с семьдесят четвертого года. Одно из последствий той заварухи в Курдистане. У Сэма нечеловеческое честолюбие. Ему невыносимо было думать, что «Саладин-два» закончится громким успехом и Билл Спейт станет следующим заместителем директора по оперативной работе. Вот он и послал старину Френчи в Вену расстроить операцию. Но Спешнев оказался слишком умным и слишком быстрым. Знаете, Пол, Спешнев настоящий профессионал. Чуть ли не лучший у них. Он схватил Френчи и расколол его, причем очень быстро. И Сэм оказался в его власти. Он так крепко взял Сэма в оборот, что тому некуда было деваться. Думаю, они довольно скоро поняли, что их интересы совпадают. Все эти годы они помогали друг другу.

– Боже, – пробормотал Чарди.

– Думаю, у меня для вас хорошая новость, Пол. Вы не предавали курдов. Это не вы.

– Это уже частности, Йост, – сказал Чарди. – Небольшой

фокус со временем. Если я не виноват, то не потому, что они узнали все за день до того, как я сказал им, или за неделю, или за год. Это потому, что моей вины в этом не было. Я пытался, но у меня не получилось. Я сделал все, что мог. Я не могу требовать от себя ничего большего, и никто другой тоже не имеет на это права.

– Вот это здоровое отношение, Пол. Весьма здоровое. Я рад, что вы так на это смотрите. Нам все это стало известно некоторое время назад, и, поверьте, искушение рассказать вам об этом было огромным. Но я рад, что вы догадались обо всем самостоятельно, Пол. Мы подобрались уже совсем близко и не могли рисковать. А когда выяснилось, что у Данцига есть копии материалов по «Саладину-два», мы поняли, что Сэм со Спешневым будут вынуждены что-то придумать. Это было нам на руку: мы решили, что сможем взять с поличным не только Сэма, но и русского тоже. Неплохой был бы улов, верно? Советский крот и его русский куратор. Черт, да это была бы сенсация!

Чарди снова привалился к колонне. Голова никак не желала проходить.

– Бедный курд, – продолжал Йост. – Он самая трагическая фигура во всей этой истории. Самая безвинная из всех. Его только и делали что использовали. Бедняга.

Чарди с трудом покачал головой.

– И Данциг. Эх, догадаться бы нам обо всем пораньше. Это такая грязная работа, Пол. Люди то и дело оказывают-

ся невольно втянутыми во что-то. Иногда приходится только диву даваться.

– Вы их взяли? Хотя бы Сэма и русского?

– Сэма арестовали час назад. Когда сбежал Данциг. Наконец-то настало время. Жаль, вас там не было. Он даже не подозревал, что мы его раскрыли. Однако нет никаких свидетельств, что Спешнев когда-либо появлялся в нашей стране. Впрочем, Сэм все нам расскажет. Со временем.

– Я ухожу, Йост. Завязываю со всем этим. Я провалил все, за что брался.

Джозеф Данциг простонал. Он перевернулся и поднес руку к лицу.

– Господи, – ахнул Йост. – Он еще жив... Надо вызвать медиков, Пол...

– О, ему ничего не грозит. Он не ранен. Это я его приложил. У меня ужасный, ужасный характер. Я не рассказывал вам о тех временах, когда я съездил по морде Саю Брашеру? Вот так я себя и вел: что хотел, то и творил. Боже, я влип. Господи, теперь он меня засадит. Надо же было так сглупить. И почему я вечно делаю глупости?

Чарди огляделся.

Йост подобрал «скорпион».

– Осторожно, Йост. Он заряжен и на взводе. Это очень опасно.

– Я разбираюсь в оружии, Пол. Во время операции

«Тет»⁴³ я служил в «Дельте».

Он чуть сдвинул затвор назад и заглянул внутрь.

– Я вижу, как блестит медный патрон.

– Положите пистолет. Вы можете кого-нибудь поранить. Господи, надеюсь, Данциг не станет подавать в суд. Вы замолвите за меня словечко, если он все-таки решит судиться? Я был бы вам очень признателен.

Дуло «скорпиона» смотрело прямо на Чарди.

– Прости, Пол, – сказал Йост.

* * *

– Шланг-три, это Шланг-девять, как слышите?

Фэбээровец, который сидел на переднем сиденье, взял микрофон.

– Шланг-девять, вас слышу.

– Что еще за «шланг-девять»? – спросил Ланахан.

– Одна из наших машин, они разыскивают Данцига, – пояснил кто-то.

– Третий, я на Рок-Крик-парквей, у моста Рузвельта. Сообщение слышал чисто и громко. От Шланга-один, я имею в виду.

– Спасибо, Шланг-девять. Вас понял.

⁴³ «Тет» – серия наступательных операций (30 января 1968 года – 8 июня 1969 года) сил Северного Вьетнама и Вьетконга против армии Южного Вьетнама и американских вооруженных сил во время Вьетнамской войны.

– Что там рядом? – спросил Ланахан.

– Государственный департамент. Памятник Линкольну. Уотергейт. Кеннеди-центр. Это прямо в самом центре...

– Кеннеди-центр! – завопил Майлз. – Там у управления явка – на нижнем этаже подземной автостоянки. На этой колымаге есть сирена? Включайте скорее.

Сирена завывала, на крышу водрузили мигалку, и машина, набирая скорость, понеслась по М-стрит.

– Давайте гоните, – снова подхлестнул их Ланахан и провёл языком по пересохшим от страха губам.

Теперь он знал, что задумал Чарди.

– Он снова разыгрывает из себя ковбоя, – сообщил Майлз.

* * *

Чарди смотрел на Йоста. Тот был в своем неизменном костюме в полосочку и в очках. Лет примерно пятидесяти. Жидкие рыжеватые волосы. По обыкновению сдержанный, невозмутимый, спокойный. Никаких признаков неуравновешенности.

– Все было в точности так, как вы сказали, Йост, – заметил Чарди. – Честолюбие Сэма, предательство Френчи, расторопность Спешнева. Только вот за всем этим стоял еще один персонаж. Вы. Это вы были мозгом Сэма.

– У него туго с соображением, Пол. Звезд с неба не хватает. Он душка и обаяшка, но с соображением у него туго.

– Вы уговорили его развалить «Саладин-два». А потом пошли к Френчи. И уговорили и его тоже, соблазнили хорошей должностью. А когда Спешнев расколол Френчи, он назвал ваше имя. И это вы оказались на крючке у Спешнева.

– А что я мог сделать, Пол? Он заполучил меня с потрохами.

– Когда я был в камере, Спешнев никак не мог сломать меня. Он совсем уже отчаялся, пока не сказал мне, что все знает о Джоанне, и пообещал принести мне ее голову. Это от вас он узнал о ней. И когда во время расследования Сэм смешал нас с Биллом Спейтом с грязью, это произошло потому, что всю его работу за него делали вы. И чем выше поднимался он, тем выше поднимались вы. И все это время вы работали на него, и все, что он знал, знали вы, и все это отправлялось напрямик к Спешневу. А когда вы подставили Данцига в Бостоне и все считали, что вы прокололись, он пристроил вас на должность в отдел спутникового слежения. Но отдел спутникового слежения в десять раз важнее, чем все то, что происходит в оперативном директорате. Теперь вы в центре всех дел. Если Сэм станет директором центральной разведки, он потянет вас за собой. А если что-нибудь пойдет не так, если кто-то решит, что у нас завелся крот, и начнется расследование, все следы приведут напрямик к Сэму. Сэм примет удар на себя. Все следят за Сэмом, а не за вами. И все это время я ненавидел Сэма, я пытался уничтожить Сэма, он приводил меня в бешенство. Сэм, а не вы. Я вас вообще не

знал. Я никогда о вас даже не слышал.

– Пол, время вышло. Спешнев сам хотел сделать это. Пришла пора положить этому конец. Простите.

Он зажал пистолет-пулемет обеими руками и нажал на спусковой крючок.

Затвор заклинило посередине.

– Я перевернул первый патрон в обойме другим концом, – пояснил Чарди. – Надо было смотреть внимательнее.

С этими словами он вытащил из-под пиджака «ингрэм».

– Вот на чем вы прокололись. Вы всех недооценили. На каждом шагу вы чуть-чуть всех недооценивали. Вы считали всех нас полными ничтожествами. Старина Спейт в Мексике сработал на совесть. А этот маленький мечтатель, Тревитт, и того лучше. И Майлз, даже коротышка Майлз выложился по полной, когда нам это понадобилось. Все сработали на совесть, когда в этом возникла надобность, Йост. И Френчи, Френчи тоже сработал на совесть. Больше всех вы недооценили Френчи. Он оставил мне письмо, спрятанное на старом компьютерном диске, потому что не доверял вам. Сегодня вечером Майлз обманом пробрался в «яму» и раскопал его. И за минуту до вашего появления он связался со мной по радио, – Чарди вытащил рацию, – и назвал ваше имя.

Он помолчал.

– Йост, за все то, что вы со мной сделали, мне следовало бы выбить все мозги из вашей поганой башки.

В дальнем конце гаража с пандуса с визгом вылетела ма-

шина и понеслась к ним. Не успела она затормозить, как похожий на гнома Майлз выскочил наружу.

– Молодчина, Пол, – крикнул он. – Теперь мы его возьмем.

Через секунду подъехала следующая машина, потом еще несколько.

* * *

Команда медиков увезла Данцига, окровавленного, с опухшим лицом. На Чарди он так и не взглянул. Тело Улу Бега тоже увезли – после ритуальных плясок со съемкой на месте преступления, на которые Чарди не мог смотреть.

Майлз тем временем терся среди групп многочисленных чиновников, которые прибыли на место событий, и взял на себя задачу представлять интересы управления, пока не появится более высокопоставленное лицо. В самом скором времени должен был прибыть заместитель директора – Чарди полагал, что это будет не Сэм Мелмен. И даже сам директор центральной разведки, которого разбудили и оповестили, в настоящее время направлялся в Лэнгли на экстренное заседание. Говорили, что разбудили и президента, и членов Совета государственной безопасности и комитетов по надзору за деятельностью разведки в Сенате и Палате представителей, каждый из которых отправил на четвертый этаж подземного гаража по одному или по несколько человек.

Чарди держался от всех поодаль. Он курил, глубоко затягиваясь, – к сигаретам он не прикасался уже много лет и поначалу давился кашлем. Но теперь привычка вернулась. Он докурил, отбросил окурочок.

– Еще не найдется, Лео?

Лео Беннис дал ему новую сигарету.

Внезапно появился Майлз и, когда Чарди закуривал, прошептал ему:

– Пол, мы можем неплохо на этом выехать. Мы с вами, если сумеем правильно разыграть эту карту. Понимаете?

– Конечно, Майлз. Мы станем героями. Я скажу им, что ты знал обо всем с самого начала, что это ты всем руководил. Я скажу, что это ты вычислил крота.

– Пол, я был бы вам очень благодарен...

– Да брось ты.

– Ну ладно.

Майлз ускользнул прочь и растворился в кругу людей в костюмах, которые задавали вопросы.

Йоста уже собирались увести. Он плакал. Лицо у него было все в красных пятнах, волосы всклокочены, глаза опухли. Он никак не мог успокоиться, но никто даже не подумал дать ему носовой платок. И все же сейчас, чувствуя на себе взгляд Чарди, он поднял глаза.

Пол ничего не почувствовал. Он-то надеялся увидеть, как вот так вот будут уводить Сэма; это Сэма он ненавидел все эти годы. Йост. Кто такой Йост? У него было такое ощущение,

ние, будто его лишили чего-то честно заслуженного. Улу Бег был мертв. Джоанна была мертва. И стоял за этим человек, о котором он никогда не слышал и вообще ничего не знал.

Йоста в окружении фэбээровцев повели к фургону. Майлз попытался добиться, чтобы его отпустили на «разбор полетов» в управление, но ФБР пустило в ход свой авторитет. Однако Ланахан все же настоял, чтобы ему сообщили, куда Йоста везут и кто за это отвечает, и принялся подготавливать почву на будущее.

– Может быть, теперь вы станете в управлении большой шишкой, – сказал Лео.

– Нет, – отозвался Чарди. – Вот уж чего я никогда не хотел. Я просто...

Он вдруг запнулся.

– Я знаю, где Спешнев, – произнес он.

– Что?

– Йост сказал, что Спешнев собирался сам убить меня. Он и собирался. Лео, найдите машину, быстро. Уберите отсюда этих людей. Где «ингрэм»? Быстрее, Лео.

– Пол!

Чарди отыскал свое оружие – его изъяли фэбээровцы, и он конфисковал его обратно под угрозой насилия – и бросился к машине, на бегу вставляя новый магазин.

Он прыгнул в автомобиль и повернулся к Лео, который гнал машину к выезду из гаража.

– Остался последний шаг. Его надо сделать. Чтобы похо-

ронить «Саладин-два» навсегда, чтобы стереть его из памяти живущих.

– Пол...

– В больнице. Спешнев. Он поехал туда за мной.

Машина с визгом взлетела по пандусу, преодолела четыре этажа и выехала на дорогу под оглушительный вой собственной сирены.

– И он ведь доберется. Найдет и крыло, и палату.

– Никого из наших там сейчас нет, – сказал Лео. – Они все рыщут по улицам в поисках Данцига.

– Спаси его бог, – сказал Чарди: теперь он понял, что должно произойти. – Спаси бог Рамиреса.

Глава 56

Ночь выдалась странно тихая, самая странная и самая тихая с тех пор, как он попал на север. Такая ночь как нельзя лучше подходила для побега, но Рамирес чувствовал себя совершенно обессиленным. Наверное, они что-то подмешивали ему в сок. Его руки и ноги весили целую тонну, перед глазами стоял туман, голова соображала с трудом.

Впрочем, может быть, это давал о себе знать возраст. У всех так. С чего бы этому темному ангелу пощадить тебя, Рейнолдо? Ты даже не молишься, разве что когда кто-то пытается тебя пристрелить, а в этой больнице на далеком севере, в окружении бледных, бескровных, спокойных *porteamericano*, на тебя никто не покушается.

Он лежал в темноте и без конца смотрел телевизор сквозь опухшие щелочки век. Неудобная нашлепка на сломанном носу закрывала обзор, но ему было все равно. Он был как во сне – и все же не спал. Нет, ему точно что-то подсыпали. Скоты! Но у него не осталось даже сил ненавидеть их.

В полудреме он думал о побеге, еде и женщинах. Главным образом о женщинах, молоденьких индианках, девственницах, если говорить точнее. Его орган не находил себе применения вот уже несколько месяцев. Хуже чем в тюрьме – там за деньги шлюха тебя обслужит.

В палату вошел светловолосый врач.

Что? Это какой-то новенький.

Его силуэт вырисовывался в дверном проеме. Рамирес ждал. Значит, о нем все-таки не забыли. Вот, даже новый доктор. Может, сказать что-нибудь человеку, который молча стоит на пороге? Он явно не мог понять, спит Рамирес или нет: перебинтованное лицо мексиканца тонуло в тени. Загадка из области этикета продолжала мучить Рамиреса. Говорить или не говорить?

Впрочем, его нередко так проверяли, он знал это; они заглядывали к нему в палату в самое неурочное время, чтобы посмотреть, чем занят их гость. Так что Рамирес не удивился и не встревожился, а решил лежать спокойно, пока врач не уйдет.

Но доктор не уходил. Он быстро покрутил головой, оглядывая пустынный коридор, потом вошел в палату и тихо прикрыл за собой дверь.

Очень интересно.

Рамирес лежал неподвижно и наблюдал, как врач крадется вдоль стены. Он подобрался к телевизору, который был укреплен на стене, и протянул руку к кнопке.

Он что, хочет переключить на другую программу?

Но доктора вовсе не интересовали программы. Он прибавил громкость, сначала немного, потом еще.

Все это Рамиресу очень не понравилось. Никто из докторов раньше так себя не вел. Они что, собрались от него избавиться? Ну да, он ведь им как кость в горле, разве не так?

И разве не по его вине погиб в горах тот глупый молокосос?

«Матерь Божья, помоги мне.

Пресвятая Дева, дай мне сил.

Молю тебя, пресвятая Богородица, прости меня. Я много грешил, и я дурной человек, очень, очень дурной, я убивал и прелюбодействовал. Прости меня, пресвятая Богородица. Если бы только у меня были силы! Если бы только я мог двигаться, если бы не этот туман в голове, не эта проклятая неповоротливость».

Врач подошел к постели, сунул руку за пазуху пиджака и вытащил небольшой пистолет.

Он подошел совсем близко, как будто плохо видел, и протянул вперед одну руку, словно хотел нащупать беззащитное горло, которое было скрыто в тени.

Рамирес ощутил на своей коже его пальцы.

«Матерь Божья, помоги своему грешному сыну Рейнолдо».

Врач поднял руку с пистолетом, чтобы выстрелить в самое горло. Но в тот миг, когда дуло приблизилось к коже, святая Дева в своей доброте и бескрайней всепрощающей любви к грешному Рейнолдо Рамиресу даровала ему небывалый прилив сил, который тот вложил в один короткий молниеносный удар снизу в нависающий докторский подбородок, отчего ошеломленный врач полетел на спину, а Рейнолдо перекатился на правый бок, слетел с кровати, чудесным образом вновь обретя свое обычное проворство и хитрость. И в ту же

секунду, когда он сорвался с края кровати, уходя с линии огня, просвистевшая мимо него пуля раскололась о линолеум.

Рейнолдо грохнулся на пол, но тут же вскочил и налег плечом на кровать, с нарастающей скоростью увлекая ее вперед, пока она не врезалась в доктора и не прижала его к стене. Рамирес на ходу подхватил массивное днище кровати и с размаху опустил его на доктора. Послышался еще один странный выстрел. Он обернулся, чтобы взглянуть на оружие, но увидел лишь телевизор, на экране которого ковбой палил из пистолета. Мексиканец обеими руками стащил его с полки и поволок через всю комнату к стене, где врач пытался выпутаться из кучи постельных принадлежностей. Тяжелый ящик угодил в стену и рухнул доктору на голову. Тот снова завопил от боли.

Рамирес не стал задерживаться, чтобы разобраться, в чем дело, а развернулся и дал деру. Он очутился в безлюдном зеленом коридоре, где не горел свет, увидел в одном конце знак «Выход» и припустил туда. Его больничный халат бешено развевался, ягодицы и детородный орган подпрыгивали на бегу. Он добежал до двери, но обнаружил, что она аккуратно заперта, и бросился через коридор к двери напротив. Она подалась, и он оказался в темной и тихой комнатке.

Интересно, врач видел, как он сюда вошел?

Это уже не имело значения. Рамирес принялся лихорадочно озираться по сторонам в поисках какого-нибудь оружия.

Спешнев различил на полу следы ног – отпечатки потных ступней, – ведущие по коридору. Он двинулся по следу. Из головы, пострадавшей от упавшего телевизора, текла кровь.

Да уж, Чарди поистине мастер импровизации: телевизор в качестве оружия. Как по-американски!

Кровь заливала глаза. Спешнев задержался утереть ее. Надо было остановить кровотечение и избавиться от докторского халата, прежде чем снова соваться в вестибюль. Черт бы побрал этого Чарди. С годами он потолстел, но отнюдь не поглупел.

Надо было стрелять сразу же. Но иногда жертвы вскрикивали, когда микротоксин блокировал дыхательную систему, поэтому рекомендовалось принять меры предосторожности.

Спешнев убрал пневматический пистолет и вытащил из-под мышки «люгер».

Ему не пришлось долго ждать. Чарди, обезумевший от напряжения, как и все люди действия, не был наделен даром терпения. Спешнев знал, что он придет, и он пришел.

Дверь распахнулась настежь, и тот, кого он ждал, пригибаясь, яростно набросился на него.

Полковник встретил нацеленную ему в живот голову выкинутым вперед и вверх крепким коленом и по силе столкновения понял, что удар получился редкостным шедевром, на-

несенным точно в нужное время и в нужное место. Спешнев проворно отступил в сторону – он и сам еще не утратил легкости – и огрел Чарди по затылку стволом пистолета, сильно рассадив кожу. Кровь брызнула во все стороны. Противник повалился на колени, еще секунду пытался сопротивляться удару, потом ничком рухнул на пол.

Ну наконец-то.

Хмельное возбуждение ударило Спешневу в голову. Он склонился над упавшим, поднес пистолет к затылку, и Чарди зашевелился, дернулся, потом медленно-медленно повернулся на бок, и полковник впервые за все время понял, что это вовсе не Чарди, а какой-то незнакомец.

А где Чарди?

Спешнев поднялся. Он был оскорблен этим вероломством.

Где Чарди?

Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать: дверь в противоположном конце коридора с треском распахнулась, и в зеленую кишку ворвался Чарди в окружении еще каких-то людей, и если кто-то и кричал «стой», ни он, ни Чарди не услышали этого или не захотели услышать. Русский вскинул пистолет, думая, что у него, возможно, есть еще шанс, даже сейчас, в самый последний момент, но, целясь, он уже понимал, что ничего не выйдет, потому что у Чарди в руках оказался какой-то пистолет-пулемет и пули уже летели прошить его грудь и скосить его.

Глава 57

После отставки Сэма Мелмена и последовавшей за ней в связи с двурушничеством Йоста Вер Стига кадровой перестановки в оперативном директорате наступил серьезный кризис власти.

Данциг, разумеется, не имел никаких рычагов официального воздействия, но он все еще знал нужных людей и все еще имел в разведывательном кругу должников. Он сделал несколько телефонных звонков, набросал несколько служебных записок и даже обработал пару-тройку влиятельных лиц лично – это было нелегко, потому что опухоль еще не сошла, а под глазом у него всеми цветами радуги переливался роскошный синяк. Его усилия были отчасти вознаграждены.

Было получено согласие вернуть на службу одного из старых ребят, опытного и толкового отставного офицера, чтобы он на время занял пост заместителя директора по оперативной работе, пока на это место не подыщут подходящего постоянного кандидата. Кроме того, Майлза Ланахана назначили помощником заместителя директора в знак признания его недавних блестящих заслуг. Майлзу исполнилось двадцать девять лет; он был на девять лет моложе самого молодого кандидата, когда-либо занимавшего эту должность.

Некоторое время спустя Данциг предложил Майлзу пообедать с ним в превосходном французском ресторане в пре-

стижной части Вашингтона. Ланахан немедленно согласился. В назначенный день он подъехал к ресторану в принадлежащем управлению лимузине и вошел в фойе в новехоньком сером костюме классического покроя в тонкую белую полоску. Его черные туфли были начищены до блеска, волосы аккуратно подстрижены. Однако ему все равно было немного не по себе: он никогда еще не бывал во французском ресторане и не знал, что заказать.

Он уставился в меню на непонятном языке.

– Молодое вино, бордосское. Что скажете, Майлз?

– Прекрасно, – ответил Ланахан пожилому политику. – Я скажу, что оно прекрасно мне подойдет.

– «Марго», пожалуйста, – сказал Данциг сомелье. – Здесь подают превосходный *boeuf bourguignon*,⁴⁴ – сообщил он Майлзу.

– Значит, его я и закажу, – решил Ланахан.

– Мне как обычно, Филипп, – бросил Данциг официанту, который исчез столь же быстро, как и появился.

– Да, Майлз, вид у вас преуспевающий.

Ланахан залился краской под своими прыщами, потом застенчиво улыбнулся. Зубы у него блестели – сегодня утром он их почистил.

– Ну как, они там в управлении хорошо с вами обращаются?

⁴⁴ *Boeuf bourguignon* (фр.) – говядина по-бургундски (в красном вине с луком). (Прим. ред.)

– Я – герой, – ответил Майлз.

Он не преувеличивал. Так оно и было. В коридорах, на конференциях, по сотням неприметных признаков он ощущал это: он стал человеком, с которым считались. Он стал человеком, который раскрыл Йоста Вер Стига.

– О, вас просто наконец-то оценили по заслугам, – любезно заметил Данциг.

Он поправил свои темные очки, которые не могли до конца прикрыть лиловый фонарь, до сих пор украшавший его лицо.

«Чарди, должно быть, врезал ему от души», – подумал Майлз.

Да, Чарди, характер у тебя явно не сахар. Подбить глаз Джо Данцигу! Бог ты мой!

Обезображенное лицо Данцига, вполне естественно, породило настоящий вал толков, лишь усугубившийся после того, как один фотограф застал бывшего госсекретаря врасплох и снял его крупным планом, а фотографию продал в «Тайм», где ее напечатали в рубрике «Люди» под заголовком: «Данциг и его карманный „фонарь“».

Вскоре после этого политик выступил с заявлением, что попал в небольшую автомобильную аварию, в которой, к счастью, не получил никаких серьезных травм. Этому, разумеется, никто не поверил. Непомерное эго и сластолюбие Данцига вкупе с его страстью к молодым замужним женщинам было слишком хорошо известно, так что не требовалось раз-

витого воображения, чтобы придумать ситуацию, в которой он мог обзавестись таким фингалом.

– Вы прекрасно справитесь, Майлз, я в этом уверен, – продолжал Данциг.

– Спасибо. Я буду стараться, это точно.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Мне очень повезло, что я не пошел ко дну вместе с Сэмом.

– Вы из тех, кто всегда выходит победителем, Майлз. Я сразу это понял.

Ланахан кивнул. Да. Это действительно было так. Он был наделен истинным талантом всегда выходить сухим из воды.

– Послушайте, я хотел бы поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали, – сказал Майлз.

– Пустяки. Прошу вас. Мне даже неловко. А вот и «Марго»!

Вино разлили. Майлз наблюдал за тем, как Данциг принял протянутый ему бокал, сделал крошечный глоток и одобрительно кивнул.

– Неплохо, – сказал он, не глядя на официанта.

Бокал Майлза уже наполнили; он сделал глоток напитка. Вино действительно было отменное. Должно быть, эта мысль отразилась у него на лице.

– Это «Шато-марго» урожая семьдесят седьмого года. Очень хорошее вино.

– Боже, оно великолепно, – сказал Ланахан.

– Майлз, я тут подумал... Последние несколько недель стали для меня настоящим испытанием. Они заставили меня ответить на множество важных вопросов. Например, хочу ли я провести остаток своих дней, бездарно прожигая жизнь ради собственного удовольствия?

– Я уверен, что не хотите, – сказал Майлз, ломая голову, куда клонит его собеседник.

– Я ведь все-таки сравнительно нестарый человек. Я считаю, что еще многое могу отдать обществу.

– Да, сэр. – Майлз сделал еще один небольшой глоточек вина.

– Возможно, мне захочется активно участвовать в делах на некотором уровне – официально или неофициально. Вы меня понимаете?

Ланахан не понимал. Но потом все же понял. Ну разумеется, он понял. Внезапно он сообразил, что ему предлагают заключить альянс. Так вот как делаются такие дела: ты помогаешь мне, а я тебе. Но что он может...

Он может очень многое. Теперь он это понял. Очень многое.

– Да, – сказал он. – Я согласен с вами, доктор Данциг. И я хочу, чтобы вы знали, что можете во всем на меня рассчитывать.

Данциг поднял свой бокал, помолчал секунду. Казалось, он что-то обдумывает.

– Майлз, – провозгласил он, – за будущее. Знаете, оно дей-

ствительно принадлежит нам.

* * *

В тот же день примерно в двух тысячах миль южнее состоялся еще один конфиденциальный разговор, хотя и менее роскошно обставленный, в котором участвовали два других действующих лица истории с курдом.

Рейнолдо Рамирес, явно оправившийся от ран и облаченный в новый блестящий кримпленовый костюм, наклонился к мутному лобовому стеклу и, щурясь от слепящего солнца, объявил:

– Вот! Вот он!

Его спутник, Пол Чарди, лишь кивнул.

Поездка из Гуссона по пустыне пролетела незаметно. У Чарди разболелась голова, когда они внезапно очутились в городе. Пол видел его: холмы по ту сторону проволочной изгороди, усеянные лачугами бедноты – голубыми, розовыми и всех прочих цветов надежды. Над пунктом проверки автотранспорта и пешеходным турникетом нависала зеленая перемычка офисов. В обоих направлениях скопилась пробка, а по обе стороны проволочной изгороди толклось около сотни человек.

Чарди окинул пейзаж равнодушным взглядом. Все эта история началась здесь месяц назад. Ну и что? Ощущение замкнутого круга, завершения, окончания в его глазах было

лишено волшебства. И все же он сам вызвался отвезти мексиканца обратно и освободить его, еще одного победителя.

Чарди остановил автомобиль у обочины ярдах в восьмидесяти от границы.

– Ладно, приятель. Приехали. Вылезай.

Рамирес неуклюже выбрался из машины. На его теле, должно быть, насчитывалась тысяча шрамов. Он напоминал себе старый помятый мексиканский «де сото» пятьдесят второго года выпуска, ржавый и облупившийся, разбитый в хлам, с серым крылом, синей дверцей и подвязанным проволочкой бампером, который, тем не менее, исправно бегал, несмотря на триста тысяч пройденных миль. Рейнолдо двинулся к шлагбауму, потом замедлил шаг, как будто у него закружилась голова или его одолел приступ тошноты. Он остановился, чтобы взять себя в руки.

Чарди выскочил из машины.

– Ты здоров? – спросил он, коснувшись дрожащей руки.

– Да, si. Рейнолдо в полном порядке.

– Деньги свои получил?

– А то.

Карман Рамиреса оттягивал солидный задел на будущее, полученный благодаря любезности американского правительства.

– Иди. Чего ждешь? – спросил Чарди.

– Nada. Ничего, – ответил Рамирес, распрямляясь.

Ему было лет пятьдесят, а выглядел он на все сто. Он

быстро зашагал вперед, дошел до шлагбаума. Немного постоял, касаясь пальцами холодного металла турникета, потом решительно миновал его.

Чарди сидел на ограде и смотрел ему вслед, пока мексиканец не растворился в толпе сутенеров, индейцев, торговцев сувенирами, таксистов и молодых девиц.

Он старался не думать о другом человеке, которого когда-то надеялся вот так отвезти к границе и сказать ему: «Иди. Ты свободен. Ступай на все четыре стороны». Вспоминалась ему и женщина, и мечтательный юноша. Все они погибли, пытаясь перейти границу.

Светило солнце, ветер носил по воздуху шальные газетные листы, вздувал пыль, взметал подолы девичьих платьев, открывая белые ляжки. Чарди больше не мог разглядеть мексиканца. Он ушел. Он совсем ушел.

Чарди развернулся и уселся в свою машину. У него мелькнула мысль найти какой-нибудь бар и пропустить несколько бутылок пива, убить час-другой. Спешить ему было некуда.